

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Slověne

International Journal of Slavic Studies

Vol. 3

№ 1

Москва 2014

ISSN 2304-0785 (print)
ISSN 2305-6754 (online)

PKP Supported by:
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>

Included in / Журнал включён в:

<i>Russian Science Citation Index / Российский индекс научного цитирования</i>	http://elibrary.ru/
<i>Linguistic Bibliography Online</i>	http://bibliographies.brillonline.com/
<i>Slavic Humanities Index</i>	http://slavus.ca/
<i>Ulrich's Periodicals Directory</i>	http://ulrichsweb.serialssolutions.com
<i>Directory of Open Access Journals</i>	https://doaj.org/

E-mail: editorial@slovene.ru

The Editorial Board

Editor-in-Chief: Fjodor B. Uspenskij

Iskra Hristova-Shomova, Angel Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*); Milan Mihaljević, Mate Kapović (*Croatia*); Václav Čermák (*Czech Republic*); Roland Marti, Björn Wiemer (*Germany*); András Zoltán (*Hungary*); Marcello Garzaniti (*Italy*); Jos Schaeken (*Netherlands*); Peter M. Arkadiev, Alexander I. Grishchenko, Ekaterina I. Kislova, Roman N. Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim M. Makartsev, Philip R. Minlos, Alexander M. Moldovan, Tatjana V. Rozhdestvenskaja, Anatolij A. Turilov, Boris A. Uspenskij, Rev. Mikhail Zheltov (*Russia*); Jasmina Grković-Major, Tatjana Subotin-Golubović (*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan Timberlake, William Veder, Alexander Zholkovskiy (*USA*)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Ф.Б. Успенский

Мария Йовчева, Ангел Николов, Искра Христова-Шомова (*Болгария*); Андраш Золтан (*Венгрия*); Бьёрн Вимер, Роланд Марти (*Германия*); Марчелло Гардзанити (*Италия*); Йос Схакен (*Нидерланды*); П.М. Аркадьев, А.И. Грищенко, свящ. Михаил Желтов, Е.И. Кислова, Р.Н. Кривко, М.М. Макартцев, Ф.Р. Минлос, А.М. Молдован, С.Л. Николаев, Т.В. Рождественская, А.А. Турилов, Б.А. Успенский (*Россия*); Ясмина Грекович-Мейджор, Татьяна Суботин-Голубович (*Сербия*); Александр Жолковский, Роберт Романчук, Алан Тимберлейк, Уильям Федер (*США*); Милан Михалевич, Мате Капович (*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Редакторы выпуска: А.И. Грищенко, Е.И. Кислова, Р.Н. Кривко

Технический редактор: Т.О. Майская

Литературный редактор, корректор (русский язык): Е.И. Державина

English language copy editor: Claudia R. Jensen

Верстка: М.Н. Толстая

Дизайн (2012): И.Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 1. — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 224 с.

Все материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution-NoDerivatives" 4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License <http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014
© Authors, 2014
© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents/Содержание

Articles/Статьи

- 5 Скендер Мучай, Суеля Джуери, Иркид Ристани (Тирана), Алексей М. Пентковский (Москва). *Средневековые церкви в долине Шушицы (Южная Албания) и славянская епископия свт. Климента Охридского*
Skënder Muçaj, Suela Xhyheri, Irklid Ristani (Tirana), Aleksey M. Pentkovskiy (Moscow). *Medieval Churches in Shushica Valley (South Albania) and the Slavonic Bishopric of St. Clement of Ohrid*
- 43 Андрей Ю. Виноградов, Михаил С. Желтов (Москва). “Завещание” митрополита Константина I Киевского и канон “на исход души”
Andrey Yu. Vinogradov, Mikhail S. Zheltov (Moscow). *The Last Will of Metropolitan Constantine I of Kiev and the Canon “At the Parting of the Soul from the Body”*
- 72 Светлана М. Кусмауль (Москва). *Книжная справа 40-х годов XVII века*
Svetlana M. Kusmaul (Moscow). *Book Correction in the 40s of the 17th Century*
- 102 Alexander I. Grishchenko (Moscow). *Rus’—Rossiia, and russkie—rossiiane, and russkii—rossiiskii in the Catalogue of the Kievan Metropolitans by St. Demetrius of Rostov*
Александр И. Грищенко (Москва). *Русь — Россия, русские — россияне, русский — российский в “Каталоге митрополитов Киевских” свт. Димитрия Ростовского*
- 120 Alexander E. Mankov (Moscow). *A Scandinavian Island in a Slavonic Linguistic Environment. The Dialect of Gammalsvenskby: Nouns (Paper 2)*
Александр Е. Маньков (Москва). *Скандинавский остров в славянской языковой среде. Дialect села Старошведское: имя существительное (статья 2)*
- 171 Роберта Сальваторе (Неаполь). *Эволюция поэтического языка Б. Пастернака (на материале стихотворений “Мельницы” и “Бальзак”)*
Roberta Salvatore (Naples). *The Evolution of Boris Pasternak’s Poetic Language (Based on the Poems Mel’nitsy and Bal’zak)*

Notes/Заметки

- 193 Александр М. Филипчук (Черновцы). *Харальд Сигурдссон и русско-византийская война 1043 г.*
Oleksandr M. Fylypchuk (Chernivtsi). *Harald Sigurdsson and the Russo-Byzantine War of 1043*
- 206 Антон М. Введенский (С.-Петербург). *Стольный город в древнерусских и фольклорных источниках*
Anton M. Vvedenskiy (St. Petersburg). *Stol’nyi Gorod ‘Capital City’ in Old Russian and Folklore Sources*

Conference Notes / Хроника

- 221 Мария А. Антипова, Яна А. Матвеева (Москва). *Международная лингвистическая конференция "Русское языкознание: история и современность"*
Mariya A. Antipova, Yana A. Matveeva (Moscow). *The International Conference Russian Linguistics: A History and the Present*

Средневековые церкви
в долине Шушицы
(Южная Албания)
и славянская
епископия свт.
Климента Охридского

Medieval Churches
in Shushica Valley
(South Albania)
and the Slavonic
Bishopric of
St. Clement of Ohrid

**Скендер Мучай,
Суеля Джуери,
Ирклид Ристани**
Институт археологии (Тирана)

**Skënder Muçaj,
Suela Xhyheri,
Irklid Ristani**
Institute for archeology (Tirana)

**Алексей Мстиславович
Пентковский**
Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН (Москва)

Aleksey M. Pentkovskiy
Vinogradov Russian Language
Institute (Moscow)

Резюме

Долина Шушицы представляет собой один из регионов на территории Южной Албании, в котором в кон. I тыс. находилось большое число славянских поселений. Во втор. пол. IX в. значительная часть территории Южной Албании была присоединена к I Болгарскому царству, и после 870 г. там были созданы епархии (диоцезы), входившие в состав церковной организации I Болгарского царства. После 886 г. в рамках "славянского проекта" болгарского князя Бориса, в реализации которого непосредственное участие принимал св. Климент Охридский, на этих территориях были организованы славянские церковные школы. После епископской хиротонии св. Климента в 893 г. на территории Южной Албании была организована первая в Юго-Восточной Европе славянская церковная организация (славянская епископия), которая

была устроена по этническому, а не по территориальному принципу, а во главе ее был поставлен еп. Климент.

Центром славянской епископии свт. Климента было селение Велица, которое соотносится с современным селением Вельча (Velçë) в долине Шушицы. В окрестностях этого селения в местности Асомат (Asomat) находятся руины одноапсидной крестовокупольной церкви с притвором (нартексом), которая была построена в кон. IX – нач. X вв. и посвящена арх. Михаилу. Планировка и строительная техника этой церкви совпадают с соответствующими характеристиками “пронаоса”, пристроенного к первоначальной триконхальной церкви в охридском монастыре свт. Климента еще при его жизни.

В славянской епископии свт. Климента регулярно использовался церковнославянский язык в качестве литургического, для чего при непосредственном участии св. Климента был выполнен славянский перевод комплекса византийских богослужебных книг. Литургические характеристики первоначальных славянских богослужебных книг, частично известные по греческим рукописям южноитальянского происхождения, свидетельствуют, что в качестве оригиналов для славянского перевода использовались византийские богослужебные книги, принадлежавшие к региональной литургической традиции Эпира, во многом сходной с литургической традицией Южной Италии, что свою очередь подтверждает локализацию центра славянской епископии свт. Климента в долине Шушицы.

Ключевые слова

Климент Охридский, славянская епископия, крестовокупольная церковь, Охрид, Велица, Главиница, Южная Албания, Эпир, Южная Италия, славянское богослужение, Охридская архиепископия, Первое Болгарское царство

Abstract

There were numerous Slavic settlements in South Albania (including the valley of Shushica River) at the end of the 1st millennium. In the second half of the 9th c. a significant part of this region was conquered by the 1st Bulgarian Kingdom, and after 870 there were established ecclesiastical dioceses which became part of the church organization of the Kingdom. Slavonic ecclesiastical schools were established in that region as well, after 886 in the context of the so-called “Slavonic project” of the Bulgarian prince, Boris. St. Clement took an active part in this project. It was South Albania where the first Slavonic bishopric in Southeast Europe was founded, in 893, when St. Clement was appointed bishop. His bishopric was organized according ethnic principle, so that St. Clement was called “the bishop of Slavonic people.”

The center of Clement’s bishopric was in Velica, which is related to the modern settlement Velçë in the Shushica valley. There are ruins of a cross-in-square church with a narthex in the Asomat region, which is located near Velica. The church was built at the end of the 9th–beginning of the 10th cc. and dedicated to the Archangel Michael. The plan of this church is identical with that of the so-called “pronaos” of the church built by St. Clement in his Ohrid monastery.

In St. Clement’s bishopric Church Slavonic was used as a liturgical language. For that purpose, a set of Byzantine liturgical books was translated from Greek into Church Slavonic, and Clement took an active part in this process. Liturgical

peculiarities of these books partially observed in Greek manuscripts of South Italian provenance testify to the hypothesis that Greek sources of the earliest Church Slavonic translations belonged to liturgical tradition of Epirus, similar to those of South Italy. This also proves the location of St. Clement's bishopric in the valley of the Shushica River.

Keywords

St. Clement of Ohrid, Slavic bishopric, cross-in-square church, medieval Ohrid, Velica, Glavinica, South Albania, Shushica, Epirus, South Italy, Slavic liturgy, Archbishopric of Ohrid, First Bulgarian Kingdom

1. В 1845 г. русский славист В. И. Григорович совершил научное путешествие в страны Европейской Турции для поиска сведений о начальном периоде славянской письменности, о церковном почитании славянских первоучителей и, соответственно, о территории, где проходила деятельность создателей славянской письменности [Григорович 1847: 1–2]. С удивлением исследователь отметил отсутствие следов какого-либо культа славянских просветителей в Солуни (Фессалоники) и на Афоне, и, напротив, живое их почитание, предания, изображения, тексты и священные реликвии на территории Охридской митрополии и непосредственно в Охриде [там же: 2–7]. К сожалению, русский ученый не имел возможности посетить территорию Южной Албании, однако он подчеркнул, что именно там “путешественник соберет самые любопытные сведения”, обратив внимание, в частности, на сведения о каменных столбах в Главинице с надписями о крещении болгарского князя Бориса, содержащиеся в обнаруженном и опубликованном им Кратком житии свт. Климента (далее КЖКл), и на местное предание “об апостольстве св. Горазда, коего мощи находятся в Берате” [там же: 11, 6, 25–26].

Идеи В. И. Григоровича поддержал в кон. XIX в. сербский ученый Ст. Новакович, высказавший предположение о нахождении епископии свт. Климента между Бератом и Валоной (Влёрой) [Новаковић 1893: 84, 87], а вскоре болгарский ученый В. Златарский соотнес сведения о столбах с надписями, имеющиеся в Кратком житии свт. Климента, с сообщениями австрийских археологов о находке колонны с надписью о крещении князя Бориса при раскопках базилики в Балше (Ballsh) [Златарски 1923]. Тем не менее, существующие представления о территории, где проходила деятельность свт. Климента и его сподвижников после кончины свт. Мефодия и высылки из Моравии, основываются на свидетельствах двух письменных источников – Пространного жития свт. Климента (далее ПЖКл) и легендарного списка архиепископов Болгарии, известного под названием “список Дюканжа” (подробнее см. п. 8), –

интерпретация которых вне исторического контекста и без учета других источников, связанных с деятельностью свт. Климента, позволяет соотносить территорию его епископского служения с тем или иным регионом на территории Македонии, Албании и Греции¹.

Определение местоположения епископии свт. Климента и региона его епископского служения имеет принципиальное значение как для истории славянской письменности, так и для истории славянского богослужения, потому что связь первоначального комплекса славянских богослужебных книг византийского обряда с деятельностью свт. Климента сомнений не вызывает [Пентковский 2007: 21–24]. В свою очередь, литургические особенности первоначального комплекса славянских богослужебных книг византийского обряда указывают на сходство литургической традиции, которой принадлежали использовавшиеся для перевода греческие богослужебные книги, с литургической традицией Южной Италии [Пентковский 2011: 657; 2014: 50–51, 58–59], что позволяет еще раз обратить внимание на регионы Южной Албании, находящиеся вблизи адриатического побережья, в которых в кон. I тыс. находились многочисленные славянские поселения, и прежде всего на долину р. Шушица (Shushicë), расположенную между Влёрой (Vlogë) и Балшем (Ballsh) (см. *Илл. 1*).

2. В древности эту плодородную долину протяженностью более 50 км контролировали иллирийские крепости Канина [КОМАТА 1991: 25–31, 49–61, 99–100, 113–115, 124–126; САВАНЕС ET AL. 2008: 219–221] и Олимпия [САВАНЕС ET AL. 2008: 213–215], находившиеся на вершинах холмов (современные селения Канина / Kaninë и Маврова / Mavrovë) и защищавшие подходы к иллирийскому городу Амантии, находящемуся около селения Плёч (Ploç) [МУРТО 1998: 5–9; САВАНЕС ET AL. 2008: 204–209], а на вершине горы между селениями Пешкепи (Peshkëpi) и Кропишта (Kropishtë) находился языческий храм.

В IV–VI вв. долина Шушицы в церковном и административном отношениях зависела от епископского центра, находившегося в Амантии². При императоре Юстиниане I крепостные сооружения Амантии были реконструированы [СЕКА, МУЏАЈ 2009: 71], одновременно с восстановлением крепостей городов Биллиса (Βύλλισ) [Ibid.: 16] и Канины

¹ В т. ч. западнее Вардара с центром в с. Дебреште (совр. Македония) [ЗЛАТАРСКИ 1927: 268–275], ср.: [НИКОЛОВА 1997: 78–83], в бассейне р. Вардар с центром в Велесе [СНЕГАРОВ 1966: 302; ДЕЛИКАРИ 1997: 73], в окрестностях Корчи в Албании [ТОМОСКИ 1986: 208–209], в Фессалоникийском регионе [ГАУТИЕР 1964: 202–205, 214; ПЕРИ 1992: 177] и даже на северном берегу Артского залива [ТАБОВ 2011: 23–24].

² Епископ Амантии Евлалий принимал участие в Сердикийском соборе 344 г. [THALLÓCZY ET AL. 1913: 1 (N. 1)].

Илл. 1. Южная Албания.

[Комата 1991: 31–33, 61–67, 116, 126], а рядом с руинами языческого храма Афродиты была построена трехнефная базилика [Mурто 1998: 9; САВАНЕС ET AL. 2008: 207; СЕКА, МУСАЈ 2009: 72]. К этому же времени относится и строительство базилики в селении Месаплик (Mesarplik) [Комата 1984; Мекси 2004: 24], которое находится в верхней части долины Шушицы, выше места впадения р. Смоктиня (Smokthinë) в Шушицу.

Славянское происхождение гидронима Шушица³ и значительное число сохранившихся до настоящего времени славянских топонимов в долине Шушицы (Бабица, Драшовица, Водица, Гуменица, Лепеница, Селеница, Кропишта, Враништа, Братай [Улли 2000: 85–86, 107, 188, 119,

³ Название реки было дано славянскими переселенцами. Согласно А. М. Селищеву, Шушица (← *Сушица) – река, пересыхающая в жаркое лето [Селищев 1931: 214, 241].

134–135, 165, 132–133, 189, 95]) свидетельствуют, что после нападения аваров и последующего переселения славян в VII в. ситуация в долине, в том числе демографическая и лингвистическая, существенно изменилась⁴. Восстановление византийских административных и церковных структур в Южной Албании началось не ранее сер. VIII в., так как находки византийских монет посл. четв. VII – пер. пол. VIII вв. на территории Албании не зафиксированы [SPANIU 1980: 356]. Поэтому включение Амантии и Биллиса в список епархиальных центров Диррахийской митрополии VIII в. [DARROUZÈS 1981: 236, n. 304–305] едва ли соответствовало действительности, так как при археологических исследованиях не обнаружены свидетельства использования раннехристианских базилик Биллиса в VIII–IX вв. [МУСАЈ 2002: 266, 280], а каменные блоки с надписями о реконструкции крепостных стен Биллиса [АНАМАЛІ 1987: 63–67], а также колонны и элементы внутреннего декора из базилик Биллиса были использованы в последней трети IX в. в Главинице (Балше) при строительстве базилики на основаниях разрушенной базилики V–VI вв. [МУСАЈ 2002: 268, 276–277, 281].

3. В сер. 50-х гг. IX в. значительная часть территории Южной Албании, в том числе и регионы Влёры и Малакастры (Krahina e Vlorës, Krahina e Mallakastrës), была захвачена ханом Борисом присоединена к Болгарскому ханству [Коледаров 1979: 42, карта № 6], что должно было осложнить деятельность византийских церковных структур на этой территории, однако после заключения мирного договора с Византией в 864 г. и принятия христианства болгарским правителем препятствия для деятельности церковных структур на этой территории были устранены. Вскоре князь Борис-Михаил приступил к организации независимой церковной организации и по его указанию на территории I Болгарского царства началось строительство кафедральных соборов, в том числе и строительство собора в Деволе на территории Южной Албании⁵. Находка около базилики в Главинице (Балше) колонны с памятной надписью о крещении болгарского правителя [ЗЛАТАРСКИ 1923: 61–85] позволяет предполагать, что датируемая последней третью IX в. реконструкция этой базилики [МУСАЈ 2002: 277] была связана со строительством

⁴ Славянское население на территории Южной Албании сосредоточивалось, главным образом, в районах речных долин Вьосы и ее притока Шушицы, Семени, Деволы и верхнего Шкумбина, где находились лучшие места для пашни [СЕЛИШЕВ 1931: 55, 57–58].

⁵ О строительстве семи соборных церквей по повелению князя Бориса-Михаила упоминается в ПЖКл XXIII (67) [ПЛЕВ 1995: 101 (884–886); здесь и далее цифры в скобках — номера строк в издании; Туницкий 1918: 126–127], а также в одном из посланий Охридского архиепископа Феофилакта, где уточняется, что одна из этих семи церквей была построена в Деволе [ГАУТИЕР 1986: 205 (35–36)].

кафедрального храма для новой епархии, входившей в состав церковной организации I Болгарского царства.

Вероятно, уже в 885–886 гг. князь Борис-Михаил направил на новоприсоединенные западные территории группу славянских учителей во главе с пресвитером Климентом, которые были изгнаны из Великой Моравии после кончины архиеп. Мефодия (6 апр. 885 г.), и вскоре в Деволе и, вероятно, в Охриде и Главинице ими были открыты славянские церковные школы (ПЖКл XVII.53–XIX.59: [LIEV 1995: 98–99; Туницкий 1918: 116–121]), предназначенные для подготовки славянских священнослужителей и церковнослужителей. Топонимы, упоминающиеся в ПЖКл в связи с организацией школ, свидетельствуют, что учительское служение свт. Климента проходило на территории Южной Албании (по линии Девол – Главиница), юго-западной Македонии (охридско-преспанский регион) и, возможно, северо-западной Греции (костурский регион). Следует отметить, что в этой части Южной Албании славянское присутствие было наиболее существенным, так как здесь имеется наибольшее число славянских топонимов [Селищев 1931: 57–58; Улл 2000: 198, 199], а в говорах севернотоскского диалектного региона широко представлено наследие старых славяно-албанских языковых отношений, причем количество старых славянских элементов (которые можно рассматривать как “остатки осевших лексических пласт ассимилированного языка”) в отдельных говорах пропорционально количеству славянских топонимов в соответствующих районах [Десницкая 1968б: 136, 137].

Как известно, в 893 г. состоялась епископская хиротония свт. Климента, однако вопрос о территории его епископского служения и каноническом статусе епископии остается до настоящего времени открытым: устойчивое именование “Охридский” появилось после обретения мощей свт. Климента и положения их в реконструированной церкви охридского монастыря, в котором он был погребен, то есть не ранее XIII в., и не имеет отношения к епископской титулатуре свт. Климента [Пентковский 2013: 91; Филипоски 2014: 319–321]. Исходя из общих соображений, территория епископского служения свт. Климента должна обладать следующими характеристиками:

– территория находилась в границах I Болгарского царства кон. IX в., так как болгарские правители Борис и Симеон не имели оснований и возможностей для устройства каких-либо церковных организаций, в том числе и славянских, на территории Византийской империи или же на территориях, Империей контролируемых;

– территория находилась в крайней юго-западной части I Болгарского царства, так как именно в этой части располагались монастыри

свт. Климента и прп. Наума, основных участников “славянского проекта” князя Бориса, и проходило их учительское служение;

– территория существенно не отличалась от территории учительского служения (то есть она находилась на линии Девол – Главиница), так как епископское служение свт. Климента было неразрывно связано с предшествующим учительским служением и славянскими школами, воспитанники которых после рукоположения обеспечивали совершение богослужения на славянском языке в епископии свт. Климента;

– территория находилась в славяно-греческой контактной зоне, на что указывают грецизмы устного заимствования, в том числе и бытовые, встречающиеся в ранних славянских богослужебных текстах [ФАСМЕР 1906–1907: 388–390, 200–201];

– на этой территории существовала устойчивая традиция совершения богослужения по византийскому обряду на греческом языке, в котором принимали участие и славяне, на что указывают характерные особенности первоначального славянского перевода византийских гимнографических текстов, позволявшие сохранять мелодии греческих оригиналов, хорошо известные славянам [Пентковский 2007: 21–22];

– территория находилась в географической близости к Южной Италии, так как первоначальное славянское богослужение византийского обряда имело характерные неконстантинопольские литургические особенности, известные по рукописям южноитальянского и палестинского происхождения, в том числе особые молитвы в чинопоследовании литургии [Желтов 2007: 291–335, 340–341, 346–347; 2014: 249–252], особые лекционные системы в Евангелии и в Апостоле [Пентковский, Пентковская 2003: 145–152, 160–161], праздничные блаженны на литургии [Пентковский, Йовчева 2001: 49, 57–58], праздничные светильны на утрени [Йовчева 2001: 60], добавленные вторые песни и богородичны в праздничных канонах [Попов 2007: 305–306; Кривко 2008: 64–66, 77, 78–81], а также особенности текста славянского Паримейника древнейшего типа, совпадающие с чтениями южноитальянских Профитологиев X в. [Пичхадзе 1991: 159] и особенности текста славянского служебного Евангелия, совпадающие с чтениями южноитальянской семьи 13 [METZGER 1963: 90–96], что указывает на использование греческих богослужебных книг, сходных с использовавшимися в Южной Италии [Пентковский 2011: 657; 2014: 50–51, 58–59].

– на территории имелись славянские поселения, и она находилась в зоне македонских говоров, о чем свидетельствуют лингвистические особенности древнейших славянских переводов [Цонев 1915: 4–5; Кульбакин 1917: 15], представляющих собой богослужебные тексты, созданные или отредактированные при участии свт. Климента.

Территория, обладавшая в 893 г. указанными характеристиками и расположенная на линии Девол – Главиница, находилась между Каниной и Бератом, где раскинулись плодородные долины рек Шушицы и Главиницы (Гьяницы), так как именно эта территория находилась в самой крайней части I Болгарского царства и входила в область учительского служения свт. Климента, здесь находилось значительное число славянских поселений (славянские говоры которых принадлежали к македонским [Селищев 1931: 316–318]), и она непосредственно примыкала к адриатическому побережью, на котором находились греческие поселения и со стороны которого распространялось византийское влияние, что обеспечивало существование контактной зоны, а византийское богослужение на побережье было сходным с византийским богослужением в Южной Италии.

Однако Главиница была центром большой епархии, в которой князь Борис-Михаил построил кафедральный собор, где богослужение совершалось на греческом языке и где был резидентный епископ с соответствующей титулатурой, и, таким образом, свт. Климент не мог быть епископом Главиницы. Не мог он быть и викарным епископом в Главиницкой епархии, так как в этом случае он не имел самостоятельной власти, необходимой для организации богослужения на славянском языке. Создание отдельной славянской епархии (диоцеза) в окрестностях Главиницы также не представлялось возможным, потому что эта территория, на которой проживали и албанцы, и славяне, и греки, не была этнически и лингвистически однородной. Кроме этого, создание славянской епархии через отделение части от существующей епархии неизбежно приводило к ограничению деятельности “славянского епископа” территорией новоучрежденной епархии.

В таком случае, канонический статус свт. Климента отличался от статуса резидентного епископа, и это подтверждает отсутствие каких-либо упоминаний о его кафедральном соборе и местонахождении этого собора в Пространном и Кратком житиях свт. Климента, а также погребение последнего в основанном им монастыре в Охриде, а не в кафедральном соборе, как подобало бы правящему архиерею. Особый канонический статус свт. Климента подтверждает и отсутствие устойчивой епископской титулатуры, содержащей наименование епископского престола, в надписаниях его гомилетических сочинений, где в большинстве случаев епископская титулатура не указывается, однако в русских рукописях XII–XVII вв. в заглавиях общего поучения на праздники и восходящего к нему Слова на память ап. Фомы, а также в заглавии Похвального слова на праздник архх. Михаила и Гавриила встречается титулатура “епископ словенский” [Ангелов и др. 1970:

56, 74, 246, 249, 251, 253, 256, 258, 261, 264], а в рукописях сербского происхождения XIV в. в заглавиях поучений на Собор Иоанна Предтечи (7 янв.) и в Неделю Ваий имеется титулатура “епископ Величский” [там же: 379, 587]. При этом составитель Пространного жития называет свт. Климента “епископом болгарского языка” (ПЖКл XXII (62) [ПЛЕВ 1995: 100; Туницкий 1918: 122]), а в Кратком житии указано, что свт. Климент был поставлен епископом “болгарского народа, проживающего в Иллирике и в окрестных землях” (КЖКл 5 [Иванов 1931: 318]), что сопоставимо с титулатурой “епископ словенский”⁶.

Соответственно, славянская церковная организация еп. Климента представляла собой не епархию (территориальную единицу), как предполагалось ранее (см., напр.: [Пентковский 2012: 424–425]), а этническую епископию, центр которой мог не совпадать с церковными и административными центрами. Эта этническая епископия существовала в крайнем западном регионе I Болгарского царства (на территории Южной Албании) независимо от территориальных епархий с центрами в Главнице и Деволе, а собственная и непосредственная власть свт. Климента распространялась на тех клириков, которые совершали богослужение на церковнославянском языке, и на мирян, принимавших в нем участие. По своему устройению славянская епископия свт. Климента не должна была отличаться от этнической епископии влахов, которая во втор. пол. XI–XIV вв. существовала в составе Охридской архиепископии [GELZER 1892: 257 (237)⁷; DARROUZÈS 1981: 372 (356); СНЕГАРОВ 1924: 192–193, 339, 343], и этнической епископии турок-вардариотов в составе Фессалоникийской митрополии [DARROUZÈS 1981: 317(228), 371(832)]⁸. Судя по всему, в X в. славянская епископия была открыта в Деволе, крупном административном и церковном центре I Болгарского царства, где еще при князе Борисе-Михаиле был построен кафедральный собор, а позднее была открыта славянская церковная школа, так как в славянском житии прп. Наума упоминается епископ Девольской епископии Марк, ученик свт. Климента и “четвертий епископъ въ словенский езикъ” [Иванов 1931: 307].

⁶ Именованье славян “болгарами” в составленных охридскими архиепископами греческих Житиях свт. Климента определялось не самоидентификацией славянского населения на территории западной Македонии и Южной Албании в IX–X вв., а византийской терминологией, использовавшейся в XI–XII вв. в византийской архиепископии Болгарии и на территории византийской фемы Болгарии.

⁷ Здесь и далее цифры в скобках — номер строки в издании.

⁸ Этнические церковные структуры влахов и турок-вардариотов существовали в составе Охридской архиепископии со времени ее основания, о чем свидетельствует указание об уплате ими церковных сборов охридскому архиепископу, имеющееся в грамоте императора Василия II 1020 г. [Иванов 1931: 560–561].

4. После разгрома царства Самуила в нач. XI в. византийское господство на территории Южной Албании, северо-западной Греции и Македонии было восстановлено, а находившиеся на этой территории епархии были включены в состав “архиепископии Болгарии” с центром в Охриде, созданной императором Василием II в 1018 г. и известной под названием Охридской архиепископии [СНЕГАРОВ 1924: 52–63]. Как свидетельствует грамота императора Василия II 1019 г., регламентировавшая структуры епархий новоучрежденной архиепископии, одной из наиболее крупных была епархия с центром в Главинице, на территории которой находилась крепость Канина [ИВАНОВ 1931: 551; ср. СНЕГАРОВ 1924: 168–171], где, судя по археологическим данным, в это время активизировалась деятельность и началось новое строительство [КОМАТА 1991: 33–34, 117, 127]. При реорганизации структуры Охридской архиепископии в сер. – втор. пол. XI в. часть территории Главиницкой епархии, ограниченная адриатическим побережьем и р. Вьоса (Vjosë), в которую входила долина Шушицы и крепость Канина, была отделена и там была образована Канинская епархия, входившая в состав Охридской архиепископии [GELZER 1892: 257 (225, 235); DARROUZÈS 1981: 371–372] и упоминавшаяся в посланиях архиеп. Феофилакта [GAUTIER 1986: 245]. Одновременно с созданием Канинской епархии была восстановлена и Девольская епархия, также упоминающаяся в посланиях архиеп. Феофилакта [ИВАНОВ 1931: 202–205], территория которой при создании Охридской архиепископии входила в состав Костурской епархии [ИВАНОВ 1931: 551].

После падения Константинополя в 1204 г. и раздела Византийской империи территории между Влёрой и Бератом перешли во владение венецианцев (в 1205 г.), которые вернулись к административному делению императора Василия II, так как долина Шушицы вместе с крепостью Канина вошла в состав административного региона (*chartolarat*) с центром в Главинице [THALLÓCZY ET AL. 1913: 41–22 (n. 129)], а в Валону был назначен латинский епископ [СНЕГАРОВ 1924: 98]. Однако присутствие венецианцев было недолгим, и после 1215 г. епархия Канины находилась на территории Эпирского деспотата и продолжала свою деятельность в структуре Охридской архиепископии. В третьей четв. XIII в. Канина и территория епархии переходила от эпирцев к никейцам, а вследствие брака Манфреда Сицилийского с дочерью эпирского деспота Михаила II Еленой в 1257–1258 гг. регион перешел в законное владение Манфреда и, позднее, — Карла I Анжуйского. В 1272 г. рассматриваемая территория вошла в состав созданного Карлом Анжуйским Королевства Албании, церковная организация которого подчинялась Риму, и во Влёру опять был назначен латинский епископ⁹.

⁹ В 1286–1287 гг. в Риме находился латинский епископ Авлоны и Главиницы Валдебрун [THALLÓCZY ET AL. 1913: 149 (n. 500), 150 (n. 503), 151 (n. 505)].

В кон. XIII в., при императоре Андронике II Палеологе, Канина вместе с другими регионами Южной Албании была возвращена в состав Византийской империи и, соответственно, была возобновлена деятельность византийских церковных структур. В 1307 г. император Андроник II Палеолог издал по прошению епископа Канины хрисовул, в котором подтвердил имущественные права епархии Канины [ALEXANDER 1941]. В хрисовуле упоминаются топонимы *Σάριστα*, *Χρυσηλίον* и *Κόπριστα* [ibid.: 179 (42, 50, 52)], соотносимые с современными топонимами *Sherrisht*, *Risili* и *Kropishtë* в долине Шушицы, а также местность *Σμοκβίνα* [ibid.: 180 (54)], находившаяся на правом берегу р. Смоктины, притока Шушицы, где находилось одноименное селение *Ismokina*, упоминаемое неоднократно в описании вилайета Канина, входившем в состав турецкого дефтера санджака Албании 1431–1432 гг. [INALCIK 1954: 36 (n. 79), 42 (n. 95), 45 (n. 105), 49 (n. 116), 50 (nn. 119, 120)]. В хрисовуле также упоминается топоним *Ἀσωμάτος*, находившийся недалеко от местности *Σμοκβίνα* [ALEXANDER 1941: 180 (53–54)], который может быть сопоставлен с селением *Asomat*, упоминаемым в турецком дефтере санджака Влёры 1519–1520 гг. [BAYIR 2005: 185 (n. 421)], и с современным микротопонимом *Asomat*, находящимся на правом берегу Шушицы недалеко от селения Вельча (*Velçë*). Центр же Канинской епархии находился в нач. XIV в. в местности, именуемой *Ἐσωχώριον*, которая располагалась на противоположном берегу Шушицы по отношению к топониму *Σάριστα* (совр. *Sherrisht* [ALEXANDER 1941: 179 (38, 41–42)]), то есть в районе современного селения Пешкепи (*Peshkëpi*) на правом берегу Шушицы. Таким образом, в нач. XIV в. и, соответственно, в предшествующий период вся долина Шушицы принадлежала Канинской епархии Охридской архиепископии.

После захвата территории Южной Албании Стефаном Душаном в 1345 г. правителем Канины и Валоны стал Иоанн Комнин Асень (1345–1363 гг.), родной брат супруги сербского царя, позднее контроль над этой территорией перешел к представителями семьи Балшичей из Зеты, а в 1417–1418 гг. во Влёре, Канине и во всем регионе было установлено османское господство [Хнуфи 2009: 246–262, 334–341]. Нахождение под османской властью должно было существенно ускорить процесс языковой ассимиляции славянского населения, в ходе которого славянский язык вытеснялся албанским [Селищев 1931: 78–79; Десницкая 1968а: 256], чему не в малой степени способствовало и использование греческого языка в богослужении, однако в сер. XIV – нач. XV вв. в канцеляриях Канины и Влёры активно использовался славянский язык [Миначиќиќ 1969: 222–224], а 41 из 119 топонимов, зафиксированных в турецком дефтере санджака Албании 1431–1432 гг. в составе вилайета Канины, имел славянское происхождение [Υλλи 2000: 66–67]. Учитывая

предшествующие контакты Балшичей с римскими папами, Османское господство [Xnufi 2009: 251–254, 296], несомненно способствовало стабилизации положения епископии Канины, земельные владения которой были отмечены в дефтере 1431–1432 гг. [INALCIK 1954: 43, n. 100], и в целом усилению влияния Охридской архиепископии в регионе.

5. О средневековом периоде христианского прошлого долины Шушицы свидетельствует в настоящее время церковь ств. Николая в селении Армен (Armen), построенная в XI–XII вв. [MEKSI 2004: 147–149], руины церкви вмч. Георгия в окрестностях селения Братай (Brataj)¹⁰ [IBVD.: 220–221] и находящиеся в разных местах, в том числе и во дворах частных домов, многочисленные фрагменты колонн, капителей, карнизов и других частей церковных интерьеров.

В долине Шушицы имеется много албанских топонимов и микро-топонимов, происхождение которых обусловлено средневековыми церковными постройками и которые во многих случаях связаны с остатками развалин этих строений, в том числе:

— микро-топонимы, обусловленные посвящением церкви и содержащие определение *shën* ‘святой’ (*Shën Gjergji* / *Св. Георгий* в окрестностях селения Братай, где хорошо сохранились руины церкви; *Shën Kollli* / *Св. Николай* в старом селении Лепеница, где хорошо видны руины церкви; *Shën Kollli* / *Св. Николай* на правом берегу р. Амбулури в окрестностях селения Враништа — не обследовано);

— многочисленные микро-топонимы *Kishë* / *Kisha* ‘церковь’;

— часто встречающиеся микро-топонимы, содержащие слово *ki-sha* и имя лица, которому принадлежал земельный участок, где ранее находилась церковь (например, микро-топонимы *Kisha e Salo Brakës*, *Kisha e Myslym Jaupit*, *Kisha e Arapit* между селениями Кропишта и Маврова);

— микро-топонимы, отражающие местоположение церкви (напр., *Bregu i Kishës* ‘возвышенность церкви’ в селении Месаплик, где в 1979 г. были обнаружены руины базилики; *Maja e Qishës* ‘вершина церкви’ между селениями Пешкепи и Кропишта, где на фундаментных блоках языческого святилища на вершине холма была, судя по всему, построена церковь);

— микро-топонимы, обусловленные внешним видом церковного строения (*Qishbardhë* ‘белая церковь’ около селения Шеришт, где на поверхности находятся многочисленные фрагменты кровельной черепицы и видны основания стен).

В большинстве случаев эти микро-топонимы представляют собой албанский перевод соответствующих греческих названий, упоминающихся в описании вилайета Канина в турецком дефтере 1431–1432 гг.

¹⁰ В XV в. селение, в котором находилась эта церковь, имело название Ауо-Yorgi [INALCIK 1954: 34, n. 76; 51, n. 123, 124, 125].

(*Ayo-Yorgi*, *Ayo-Nikola*, *Aspro-kilisa* [INALCIK 1954: 34, n. 76; 39, n. 88; 51, nn. 123, 124, 125]). В долине Шушицы сохранились два греческих топонима церковного происхождения: *Peshkëpi* (ἔπισκοπεῖον), указывающий на местоположение епархиального центра, упоминаемого в хрисовуле императора Андроника II, а также *Asomat*, восходящий к греч. ἄσωματος и обусловленный посвящением находившейся там церкви арх. Михаилу¹¹. Присутствие греческих церковных топонимов в турецком дефтере 1431–1432 гг. на территории от Влёры до Корчи, в котором зафиксированы многочисленные славянские названия населенных пунктов, и отсутствие на этой территории славянских топонимов, связанных с посвящением церквей¹², было обусловлено эллинизацией региона после 1018 г., в период его нахождения в составе Византийской империи и Охридской архиепископии, когда греческий язык стал основным в богослужении и управлении. Поэтому названия церквей на территории епархии Канины, упоминавшиеся в описании вилайтета Канины в дефтере санджака Албании 1431–1432 гг., были греческими¹³, и частичной грецизации подверглись некоторые славянские названия населенных пунктов в регионе Канины, зафиксированные в этом источнике, в том числе *Mega-Vodice*, *Mikri-Vodice* [INALCIK 1954: 39, n. 88].

б. Среди археологических объектов, связанных с албанскими микротопонимами в долине Шушицы, которые содержат слово *kishë*, особый интерес представляют руины сакрального объекта в местности Асомат, называемого *Qisha Mëne* ‘церковь Мена’¹⁴, на сакральный статус которого указывают находки мелких монет XX в. на его поверхности. В ходе предварительных раскопок и зондажей этого объекта, проведенных в ноябре 2013 и апреле 2014 гг.¹⁵, были обнаружены стеновые кладки

¹¹ Сходный греческий топоним имеется и на восточном берегу Преспанского оз., где находится селение Асомати, в котором зафиксирован микротопоним “Св. Архангел” [КАРТА 1996: 332], обусловленный посвящением находившейся там церкви арх. Михаилу.

¹² Однако в турецком дефтере 1519–1520 гг. имеется славянский микротопоним, связанный с посвящением церкви, — *Isveti Petka* (церковь св. Петки), в селении *Ishtarova* (слав. Старово) в регионе Берата [BAHİR 2005: 177 (n. 183)].

¹³ См., например, упоминавшиеся выше топонимы *Ayo-Panaya* [INALCIK 1954: 46 (n. 107)], *Ayo-Yorgi* [Ibid.: 34 (n. 76), 51 (nn. 123, 124, 125)], *Ayo-Nikola* [Ibid.: 39 (n. 88)].

¹⁴ В состав этого микротопонима входит краткая форма имени прежнего собственника этой земли — Османа.

¹⁵ Раскопки проводились албано-российской группой в составе: проф. д-р Скендер Мучай (Skënder Muçaj), проф. д-р Алексей Пентковский, магистр Суеля Джуери (Suela Xhyheri), архитектор Ирклид Ристани (Irkliid Ristani) при участии Ертена Халилая (Erten Halilaj) и Лоренцо Шереметая (Lorenco Sheremetaj), под руководством проф. д-ра С. Мучая при поддержке Московской Духовной Академии и Национального комитета славистов России.

средневековой церкви, посвященной, судя по названию местности, арх. Михаилу, и произведены ее архитектурные обмеры, на основании которых выполнен архитектурный план церкви. Предварительные раскопки и зондажи производились вдоль стен церкви, сохранившиеся части которых имеют высоту не менее 1,80 м в северо-западной части церкви (Илл. 2) и не менее 0,3 м в юго-восточной части, а также в слоях засыпи выше уровня пола церкви. В верхних слоях были обнаружены фрагменты стеновых конструкций, арок и сводов, а также использованные при кладке стен известняковые камни, кирпичи, фрагменты красноглиняной кровельной черепицы эллинистического, римского и позднеантичного периодов, фрагменты пифосов позднеантичного периода, фрагменты кровельной черепицы из плотного известняка, фрагменты архитектурного декора. Также был найден фрагмент средневековой кухонной керамики. В центре нартекса в слоях засыпи обнаружен позднее погребение (плитовая могила).

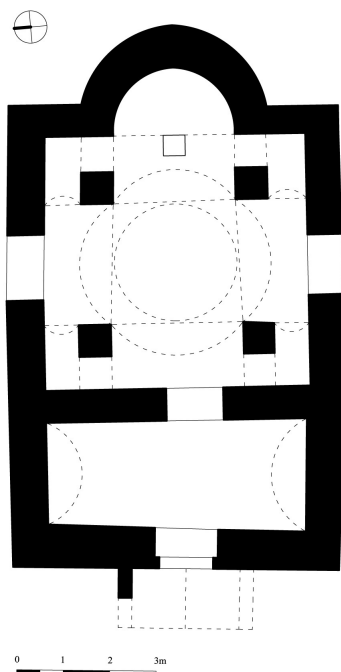
Илл. 2. Стена, северо-западный угол (внутренняя сторона).

Результаты предварительных раскопок показали, что церковь в Асомате представляла собой одноапсидный четырехстолпный крестовокупольный храм с притвором (нартексом) (Илл. 3). Общая длина церкви, включая апсиду, составляет 11,5–12,0 м, а ширина — 7,0 м. Основной объем (наос) представляет собой квадрат с внутренними размерами 5,30–5,40 м в длину и 5,35–5,40 м в ширину, тогда как внутренние размеры нартекса составляют 2,85–3,05 м в длину и 5,45 м в ширину. Толщина стен составляет 0,75–0,80 м (Илл. 4).

В наосе находятся четыре почти квадратных в сечении столпа из кирпича и камня (в т. ч. северо-восточный столп — 0,71 × 0,76 м, юго-восточный — 0,61 × 0,66 м), которые поддерживали полуцилиндрические своды и подпружные арки, служившие основаниями для центрального барабана, несшего купол. В восточной части находится апсида

Илл. 3. Церковь в Асомате, общий вид.

Илл. 4. План церкви в Асомате.

полукруглой формы как с внутренней, так и с внешней стороны. В алтарной части находится *in situ* основание престола, представляющее собой обработанный каменный блок почти квадратного сечения ($0,41 \times 0,46$ м), поставленный вертикально (Илл. 5). Существенной особенностью наоса является наличие двух дополнительных входов с северной и южной сторон, ширина которых превосходила ширину входа в наос из нартекса и входа в нартекс. С внешней стороны к нартексу, вероятно, примыкало крыльцо.

При кладке стен использовались большие каменные блоки (Илл. 6), а также камни меньших размеров, фрагменты кирпичей, кровельной черепицы из красной глины и из известняка, фрагменты пифосов. Повторное использование большого числа каменных блоков и отдельных элементов архитектурного декора фасада

Илл. 5. Алтарная часть.

(акротерий, фрагмент карниза), происходящих из языческого святилища эллинистического периода, а также наличие в кладке фрагментов кровельной черепицы из известняка, происходящей из этого же святилища, позволяет высказать предположение о возведении наружных стен церкви (за исключением апсиды) на месте древнего языческого святилища.

В наружных стенах имеются отверстия прямоугольной формы, предназначенные для крепления строительных лесов. Среди руин были обнаружены фрагменты двух каменных архитектурных элементов — часть верхней перемычки двуарочного оконного проема, вероятно, из

Илл. 6. Каменные блоки (южная стена).

Илл. 7. Фрагмент фрески (западная стена наоса).

продольной стены, а также часть карниза. На внутренней стороне стены в апсиде, а также в наосе на западной стене (за северо-западным столпом) и в юго-восточном углу, сохранились отдельные фрагменты штукатурки, расписанной красками красно-коричневого, голубого, желтого и зеленого цветов (Илл. 7).

По объемно-пространственной композиции и планировке (одно-апсидный крестовокупольный храм с нартексом), а также по особенностям строительной техники церковь в Асомате была сходна с церковью вмч. Георгия около селения Братай¹⁶. Использование хорошо обработанных каменных блоков из стеновых кладок, а также других строительных материалов из языческого святилища эллинистического периода сближает церковь в Асомате с церковью, которая была построена на находящихся *in situ* каменных блоках основания языческого святилища эллинистического периода на вершине холма между селениями Пешкепи (Peshkëpi) и Кропишта (Kropishtë), называемого местными жителями *Maja e Qishës* или *Maja e Lutroit*.

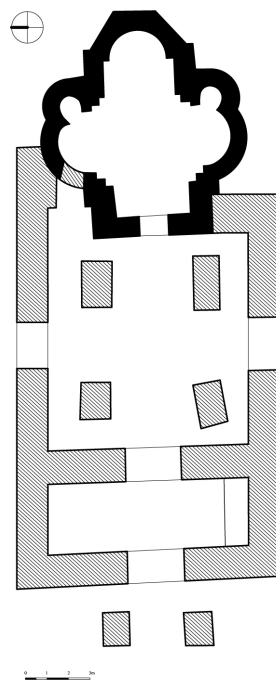
Строительная техника церкви в Асомате, для которой характерно, в частности, повторное использование строительных материалов,

¹⁶ Подробнее об этой церкви см. [Мекси 2004: 220–221]. Исследователь относит церковь к XIII–XIV вв., однако датировка основана на основании визуальных наблюдений, так как археологические исследования объекта не проводились.

совпадает с использованной при строительстве базилики в Балше (Главинице)¹⁷ в посл. трети IX в. [МУÇАЈ 2002: 277]. Кроме того, особенности строительной техники церкви в Асомате, в том числе наличие сквозных прямоугольных отверстий в стенах для балок, на которых крепились строительные леса, а также набор и комбинации цветов в сохранившихся фрагментах фресок в алтарной части сближают церковь в Асомате с датируемой IX–X вв. первоначальной однефной церковью св. Иоанна Предтечи около Саранды (Blerimas)¹⁸ [МУÇАЈ ET AL. 2004: 96–98, 115–116]. Следовательно, церковь в Асомате была построена не позднее X в. Однако в кон. XII в. она уже не функционировала, так как в алтарной части в нижнем слое засыпи была найдена норманнская монета из Сицилии — полуфолларо Вильгельма II (1166–1189 гг.) с латинской и куфической надписями, — появление которой должно относиться ко времени норманно-византийской войны 1185 г.

7. Существенной особенностью церкви в Асомате является совпадение ее объемно-пространственной композиции и планировки (за исключением апсидной части) с соответствующими характеристиками “пронаоса”, пристроенного свт. Климентом в нач. X в. к триконху в монастыре на Плаошнике (Илл. 8), в том числе и наличие двух широких боковых входов.

Известное совпадение объемно-пространственных композиций и планировки первоначальной церкви в монастыре свт. Климента [МАЛЕНКО 2004: 295 (Pl. 2)], первоначальной церкви в монастыре прп. Наума [КОЦО 1958: 68 (сл. 12); 1966: 93] и триконхальной церкви, руины которой были обнаружены около селения Злести (Дебарца)¹⁹ [КАРТА 1996: 247],

Илл. 8. План церкви в монастыре святого Климента в Охриде после строительства “пронаоса”, нач. X в. (реконструкция по [МАЛЕНКО 2004: 295]).

¹⁷ Подробнее о раскопках базилики в Балше см. [МУÇАЈ, НОВДАРИ 2004: 190–194, 198–207].

¹⁸ Церковь находится на расстоянии около 60 км от Вельчи (Асомата).

¹⁹ Осмотр триконхальной церкви в Злести, проведенный в апреле 2014 г., и сопоставление с церковью в Асомате показали, что строительная техника, в том числе повторное использование строительных материалов, и кровельная черепица церкви в Злести совпадают с использованными при строительстве церкви в Асомате. Совпадает и местоположение этих церквей — на склоне холма, над долиной.

показывает, что практика воспроизведения архитектурного облика церковного здания была характерна для свт. Климента и его окружения [Коцо 1966: 93]²⁰.

Однако церковь в монастыре прп. Наума была посвящена арх. Михаилу и всем небесным бесплотным силам [Иванов 1931: 313], тогда как церковь в монастыре свт. Климента, как традиционно принято считать, была посвящена вмч. Пантелеймону. Тем не менее, в окрестностях Охридского и Преспанского озер не сохранилось ни одного монастыря и ни одной церкви, посвященных вмч. Пантелеймону, а также не зафиксировано ни одного топонима, свидетельствующего о существовании подобных монастырей и церквей, то есть в средневековый период в охридско-преспанском регионе отсутствовала традиция посвящения церквей и монастырей вмч. Пантелеймону. В свою очередь, анализ литургических источников свидетельствует, что церковь в монастыре свт. Климента не была посвящена вмч. Пантелеймону [Пентковский 2013: 97–99].

При этом в средневековый период арх. Михаилу было посвящено значительное число церквей в охридско-преспанском регионе. Например, посвященная арх. Михаилу церковь была построена в XIII в. в пещерном (скальном) монастыре на северном берегу Охридского оз. (в селении Радожда) [Суботиќ 1980: 21–24; КАРТА 1996: 397], а около селения Долна Белица недалеко от Струги находятся руины средневековой церкви и микротопоним *Арангел* (т. е. 'архангел') [КАРТА 1996: 392], указывающий на посвящение этой церкви арх. Михаилу. Значительно большее число церквей и топонимов, связанных с посвящением церквей арх. Михаилу находится на Преспанском оз. На его восточном берегу (на территории Македонии), кроме упоминавшегося выше микротопонима "Св. Архангел" в селении Асомати, имеется церковь "Св. Архангел" (арх. Михаила?) в селении Претор [там же: 341; Милюков 1899: 106], церковь арх. Михаила в селении Арвати [Милюков 1899: 104], а также церковь "Св. Архангел" (арх. Михаила?) около селения Брайчино. На южном берегу Преспанского озера в месте, называемом Трестеник (на территории Албании около границы с Грецией), находится пещерная церковь, называемая "Св. Архангел" (арх. Михаила?) [там же: 62; РОРА 2006], которая принадлежала небольшому пещерному монастырю, а в селении Пустец (Мала Преспа) находится построенная в сер. XVIII в. церковь арх. Михаила, посвящение которой было обусловлено если не посвящением более ранней церкви в этом селении, то локальной традицией.

Таким образом, в средневековый период в охридско-преспанском регионе существовала устойчивая традиция посвящения церквей и

²⁰ Зависимость планировки церкви в монастыре прп. Наума от первоначальной церкви в монастыре свт. Климента на Плаошнике отмечена еще в 1958 г. [Коцо 1958: 78–79].

монастырей арх. Михаилу и небесным бесплотным силам. В таком случае вторичность объемно-пространственной композиции и планировки церкви в монастыре прп. Наума по отношению к первоначальной церкви (триконху) в охридском монастыре свт. Климента, а также отсутствие традиции посвящения церквей и монастырей вмч. Пантелеймону указывает, что традиция посвящения церквей и монастырей арх. Михаилу и небесным бесплотным силам в Охридско-Преспанском регионе восходит к свт. Клименту, основавшему в кон. 80-х гг. IX в. первый в этом регионе славянский монастырь, церковь в котором была посвящена арх. Михаилу. В этом случае, составленное свт. Климентом похвальное слово на память небесных сил бесплотных (собор арх. Михаила) [Ангелов и др. 1970: 237–286] и связанный с ним канон арх. Михаилу предназначались не для монастыря прп. Наума (как предполагалось ранее [Пентковский 2012: 426]), а для посвященной арх. Михаилу церкви в охридском монастыре свт. Климента.

8. Выявленное совпадение объемно-пространственной композиции, планировки (за исключением апсидных частей) и посвящения арх. Михаилу церкви свт. Климента в Охриде и церкви в Асомате, построенных в один и тот же период, не только указывает на возможную связь церкви в Асомате с епископским служением свт. Климента, территория которого, как было показано выше, находилась между Главиницей и Каниной, но и заставляет обратить внимание на селение Вельча (Velçë), в окрестностях которого находится Асомат, и на название этого селения. Топоним *Вельча* имеет несомненное славянское происхождение [Ylli 2000: 183]. Его фиксация в виде последовательности арабских букв “вавун-ламун-саун” в турецком дефтере санджака Албании 1431–1432 гг. при описании вилайета Канина, в котором финальная графема “саун” регулярно использовалась при записи славянских топонимов, оканчивающихся на *-ица* (типа *Водица*) (см., напр. [Inalciк 1954: 35, п. 79]), а также в форме *Velçe* в дефтере 1519–1520 гг. [Baуir 2005: 185, п. 411], — указывает на первоначальную форму **Велица*. В свою очередь, в греческом Пространном житии свт. Климента трижды упоминается селение Βελίτζα, в котором находился центр его епископии (ПЖКл XX (62), XXIII (67), XXIV (70) [Iliev 1995: 100 (817), 101 (884), 102 (916); Туницкий 1918: 122, 126, 128]). Топоним *Велица* также присутствует в епископской титулатуре свт. Климента (“епископ Величский”), которая имеется в заглавиях поучений на Собор Иоанна Предтечи (7 янв.) и в Неделю Ваий в рукописях XIV в. сербского происхождения [Ангелов и др. 1970: 379, 587], а также в месяцеслове глаголического Ассеманиева евангелия XI в. [Kurz 1955: 306:3–4].

В таком случае, местонахождение территории епископского служения свт. Климента между Главиницей и Каниной, выявленное сходство церквей арх. Михаила на Плаошнике и в Асомате, связывающее церковь

в Асомате с деятельностью свт. Климента, нахождение Асомата в окрестностях селения Вельча, название которого восходит к первоначальному топониму *Велица, позволяют соотнести топоним Βελίτζα из ПЖКл, а также топоним Вельца из его епископской титулатуры с селением Велица в вилайете Канины, упоминаемым в турецких дефтерах XV–XVI вв., и с современным топонимом Вельча (Velçë) в долине Шушицы, местоположение которого указывает на средневековое славянское селение Велица²¹.

Локализацию Велицы свт. Климента в долине Шушицы поддерживает топоним Δραγβίστα (< *Δραγοβίστα) / Δρεβενίτζα, поставленный в ПЖКл в соответствие топониму Βελίτζα²². Этот уточняющий топоним, несомненно, является вторичным, как и использование двух топонимов при обозначении одной епархии, потому что удвоение топонимов отсутствует как в грамотах императора Василия II 1019–1020 гг., определявших состав и центры епархий новоучрежденной архиепископии Болгарии [Иванов 1931: 550–562], так и в ранней редакции официального списка епархий Охридской архиепископии [GELZER 1892: 256(214)–257(237); DARROUZÈS 1981: 371–372 (col. 2)], однако в более поздней редакции этого списка многие первичные топонимы оказались на втором месте, и им в соответствие были в большинстве случаев поставлены топонимы греческие, что было обусловлено усилением “грецизации” Охридской архиепископии в сер. – втор. пол. XII в.²³ При этом в двух случаях, связанных с перенесением кафедры внутри епархии, первичному славянскому топониму был поставлен в соответствие славянский, а не греческий топоним²⁴. В таком случае вторичный топоним Δραγβίστα (< *Δραγοβίστα) / Δρεβενίτζα из ПЖКл сопоставим с современным топонимом Драшовица (Drashovicë), упоминаемым в турецком дефтере

²¹ Например, старое селение Лепеница, в котором находятся руины церкви свт. Николая, находится в получасе ходьбы от современного и значительно выше.

²² Ἐπίσκοπον Δραγβίστας / [Δρεβενίτζας] ἤτοι Βελίτζας προβάλλεται (ПЖКл XX (62) [Илев 1995: 100 (817); Туницкий 1918: 122]). Этот топоним служит основанием для отождествления центра епископии свт. Климента с епископской кафедрой Другувия (Δρουγουβιτσία) [GAUTIER 1964: 202–205, 214; PERI 1992: 177], которая находилась на заселенной славянами-другувитами территории, входившей в состав византийской фемы Фессалоники [НАСЛЕДОВА 1956: 84, 93], и зависела от фессалоникийской митрополии [DARROUZÈS 1981: 278 (п. 299), 299 (п. 185), 316 (п. 218), 358 (п. 228)]. Однако земли, населенные славянами-другувитами, были присоединены к I Болгарскому царству только в 904 г. [ЗЛАТАРСКИ 1927: 340–341], то есть через десять лет после епископской хиротонии свт. Климента, и поэтому локализация его епископского центра в окрестностях Фессалоники не соответствует действительности.

²³ Напр.: ὁ Κεφαλῆνας ἤτοι Γλαβινίτζης, ὁ Τιβερίουπόλεως ἤτοι Στρουμίτζης [DARROUZÈS 1981: 372 (nn. 842, 844)].

²⁴ См.: ὁ Μαλεσόβης ἤτοι Μοροβισδίου, ὁ Μοράβου ἤτοι Βρανιτζόβης [DARROUZÈS 1981: 371 (п. 838), 372 (п. 845)].

1431–1432 гг. (Dracovice, *Δραγοβίτζα (?)) [INALCIK 1954: 33, n. 75; 38, nn. 84, 85], так как селение с этим названием в долине Шушицы расположено в относительной близости от крепости Канина и почти напротив селения Пешкепи, где в нач. XIV в. находился центр Канинской епархии. Во второй же половине XI в. епархиальный центр мог находиться с большой степенью вероятности в Драшовице, что и объясняет соотнесение Велицы и Драшовицы составителем или же редактором греческого Пространного жития, которому было известно, что свт. Климент совершал епископское служение на территории, принадлежавшей на рубеже XI–XII вв. Канинской епархии.

Через некоторое время составитель списка архиепископов Болгарии (“список Дюканжа”), в состав которого был включен и свт. Климент, соотнес центр его епископии, называемый Велика (Βελίκα), с Тивериуполем²⁵, где находился один из епархиальных центров Охридской архиепископии, а для обозначения территории “третьей части болгарского царства”, переданной болгарским князем Борисом в ведение еп. Климента, в “списке Дюканжа” были указаны города Фессалоника и Канина [Иванов 1931: 565; Божилев 2011: 102]. Однако греческий Тивериуполь соответствует славянской Струмице, что было хорошо известно в XI–XII вв. [Стефоска 2008: 80–84], а территория от Тивериуполя (Струмицы) до Канины, в котором находились южные епархии Охридской архиепископии, которые могли быть предметами территориальных споров с митрополиями Фессалоники, Лариссы, Навпакта и Диррахия²⁶, соответствовала в сер. XII в. третьей части архиепископии Болгарии (Охридской архиепископии), а не третьей части I Болгарского царства в 893 г. Более того, на всей этой территории еще до епископской хиротонии свт. Климента существовали регулярные епархии (в том числе епархии в Брегалнице, Охриде, Деволе, Главинице) [Николова 1997: 72–75, 83–84, 87–90], возглавлявшиеся резидентными епископами, тогда как свт. Климент, возглавлявший славянскую этническую епископию, правами архиепископа не обладал и, соответственно, не имел канонических оснований и полномочий для “надзора” за епархиями этого региона, однако в его ведении могли находиться такие храмы и приходы этого региона, в которых богослужение совершалось на славянском языке. Поэтому географические и исторические сведения о деятельности свт. Климента, содержащиеся в списке архиепископов Болгарии, не могут быть использованы для локализации его епископии и

²⁵ Κλήμης γενόμενος ἐπίσκοπος Τιβεριουπόλεως ἤτοι Βελίκα [Иванов 1931: 565; Божилев 2011: 102 (12–13)].

²⁶ Например, в X нотиции в состав Диррахийской митрополии были включены епархии Главиницы, Авлоны (Канины) и Лихнида (Охрида) [DARROUZÈS 1981: 330 (nn. 616–619)].

для характеристики церковного управления в рассматриваемом регионе на рубеже IX–X вв., так как сведения эти определялись актуальными для составителя данного текста церковно-политическими задачами и современными ему церковными и административными границами [Пентковский 2013: 86]. Тем не менее, упоминания Тивериуполя и Канины в связи с деятельностью свт. Климента, имеющиеся в “списке Дюканжа” [Иванов 1931: 565; Божилов 2011: 102], вполне объяснимы, если принять во внимание его участие в организации славянского богослужения в одном из храмов Брегалницкой епархии, куда были перенесены мощи Тивериупольских мучеников²⁷, с одной стороны, и нахождение его епископии на территории, которая позднее вошла в состав Канинской епархии, с другой стороны.

Следующим официальным источником, содержащим сведения о местоположении епископии свт. Климента, является его греческое Краткое житие, составленное в Охридской архиепископии в нач. XIII в. (подробнее об этом тексте см. [Пентковский 2013: 88–90]), в котором указано, что территорией епископского служения свт. Климента был Иллирик²⁸, под которым составитель понимал византийский Новый Эпир [там же: 88–89], однако в списке епархий Охридской архиепископии, современном Краткому житию, Иллирик является вторым названием Канины²⁹. Кроме того, в Кратком житии повествуется о “пребывании” свт. Климента в Охриде и в Главинице, а также упоминается о находящихся в Главинице “каменных столбах” с надписями о крещении болгарского правителя, отнесенном к заслугам свт. Климента (КЖКл 6, 9, 11 [Иванов 1931: 318–319]), что отражало представления составителя этого текста о нахождении епископии свт. Климента на территории Южной Албании, а также о учительской деятельности и епископском служении свт. Климента в регионах Малакастры и Влёры.

9. Косвенным подтверждением нахождения епископии свт. Климента в долине Шушицы является включение свт. Климента в список епископов Велеграда (Берата) и Канины (!), составленный в посл. трети XIX в. на основании материалов из архива бератской митрополии [Кръстанов 2007: 437]. Эта митрополия была создана при реорганизации Охридской архиепископии в нач. XVII в., и именно тогда в нее вошли

²⁷ Свт. Климентом был составлен славянский канон тивериупольским мученикам [Велев 2002: 111–113], а в Житии тивериупольских мучеников, составленном охридским архиепископом Феофилактом, отмечено, что богослужение в этом храме в Брегалнице совершалось на славянском языке [Илиев 1994: 69, 72].

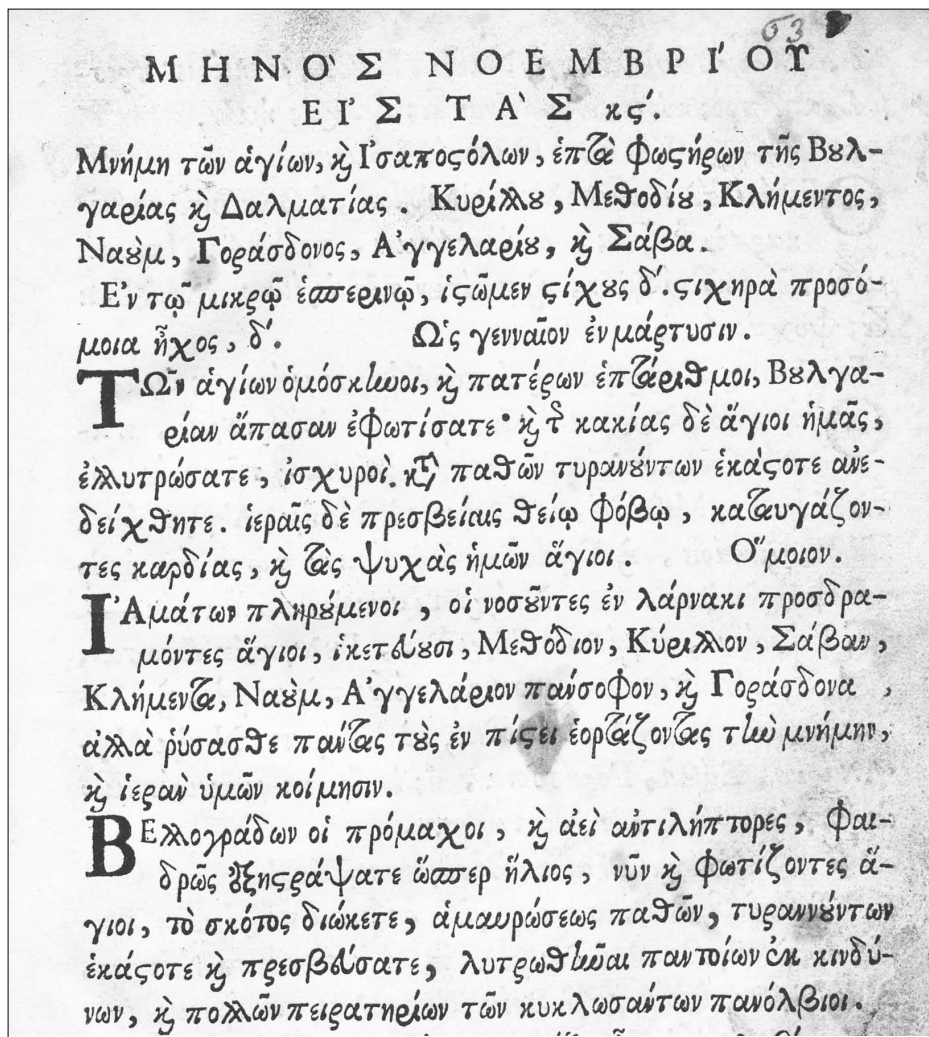
²⁸ Τηρικαῦτα καὶ Κλήμης εἰς τὸν ἐπισκοπικὸν θρόνον ἀνάγεται, πάντος τοῦ Ἰλλυρικοῦ καὶ τοῦ κρατοῦντος τῆς χώρας Βουλγαρικοῦ ἔθνους ὑπὸ Μεθοδίου ἐπίσκοπος καταστάς (КЖКл 5–6: [Иванов 1931: 318]).

²⁹ Ὁ Ἰλλυρικοῦ ἦτοι Κανίνων [DARROUZÈS 1981: 372 (nn. 853, 854)].

территории прежних епархий Главиницы и Канины [СНЕГАРОВ 1932: 176], где проходила деятельность свт. Климента. Бератская митрополия должна была наследовать и другие традиции этих епархий, так как согласно местному преданию многие древние богослужебные книги, иконы, реликвии и церковные принадлежности, в том числе и известная плащаница 1373 г., были перенесены в Берат из монастыря вмч. Георгия в селении Мбрештана (Mbreshtanë) на старой дороге Влёра — Балш — Берат, куда они были ранее перенесены из Главиницы [РОРА 1958: 246; 1964: 238]. Однако надпись на плащанице 1373 г. содержит имя ее заказчика, которым был епископ Велеграда и Главиницы Каллист [РОРА 1998: 84–85, п. 90]. Следовательно, после разгрома Южной Албании Стефаном Душаном в сер. 40-х гг. XIV в., при котором пострадала и епископская базилика в Главинице [МУÇАЈ, НОВДАКІ 2004: 206 (п. 29)], резиденция епископа и епархиальный центр находились в окрестностях Берата, ставшего в предшествующие десятилетия административным центром т. н. “Бератского деспотата” [Хнуфӣ 2006: 173–207], вследствие чего из Главиницы были перенесены реликвии, богослужебные книги и, вероятно, традиция почитания свт. Климента и его сподвижников.

В Берате почитание свт. Климента и славянских первоучителей, торжественно прославляемых в Охриде, должно было получить поддержку местных правителей из албанского рода Музаки, потому что албанские правители в этот период обращали особое внимание на почитание славянских святых. Так, Карл Топия в 1381 г. возобновил монастырь около Елбасана, в котором находились мощи св. Иоанна-Владимира [НОВАКОВИЋ 1893: 225–228], почитаемого в Южной и Центральной Албании, и был ктиторм этого монастыря. Тогда же Карл Топия стал ктиторм охридского монастыря свт. Климента, а в 1383–1384 гг. изображение свт. Климента Охридского появилось в алтарной части церкви свт. Афанасия в Кастории, построенной Феодором Музаки. В свою очередь, родственные и политические связи соединяли с родом Музаки охридского правителя Андрея Гропу, при котором была построена церковь, посвященная свт. Клименту Охридскому (подробнее см.: [ПЕНТКОВСКИЙ 2013: 102–103]).

Одной из особенностей литургической традиции Велеградской (Бератской) митрополии в XVII–XIX вв. было торжественное празднование памяти Седмочисленников, то есть собора славянских просветителей Кирилла, Мефодия, Климента, Наума, Горазда, Ангелария и Саввы, которое совершалось 26 нояб. [АЛЕЕОУДНЕ 1868: 112], на следующий день после празднования памяти свт. Климента Охридского (25 нояб.), и с литургической точки зрения представляло собой продолжение этого празднования [ПЕНТКОВСКИЙ 2013: 104–105]. При совершении праздничного

Илл. 9. Начало братской службы Седмочисленникам по венецианскому (?) изданию нач. XVIII в.

всенощного бдения в этот день использовалось особое богослужбное последование (Илл. 9), составленное в Берате не позднее XVII в. [АКОЛОΓΘΕΙΑ; TRAPP 1982: 475–479]. В его состав входили два канона славянским святым, первый из которых, как свидетельствует акростих, был посвящен Горазду и Ангеларию, а второй был посвящен семи просветителям и представлял собой переработку известного канона свт. Клименту Охридскому, составленного охридским архиепископом Дмитрием Хоматианом [TRAPP 1982: 478].

Илл. 10. Икона Седмочисленников из иконостаса бывш. кафедрального собора в Берате.

Состав братского последования Седмочисленникам отражает композиция большой иконы с их изображением, находящейся около правой (южной) диаконской двери в местном ряду иконостаса кафедрального

Илл. 11. Ковчег с мощами в алтаре бывш. кафедрального собора в Берате.

собора Успения Богородицы в Берате (в настоящее время — Национальный музей икон “Онуфрий”), построенного в кон. XVIII в. на месте старого кафедрального собора. В верхней части этой иконы находятся изображения свв. Кирилла, Наума, Мефодия, Саввы и Климента, а в центральной — свв. Горазда и Ангелария на фоне кафедрального собора внутри стен бератской крепости (Илл. 10)³⁰. Изображение свв. Горазда и Ангелария перед кафедральным собором Берата не противоречило действительности, так как именно в этом соборе находились мощи славянских просветителей Горазда и Ангелария [АЛЕЕОУДНЗ 1868: 112], происхождение которых местная традиция связывает с Главиницей [РОРА 1958: 246; 1964: 238].

Известно, что эти мощи находились в соборе до его закрытия в 1967 г., после чего сведения о ковчеге и мощах отсутствуют (ср. [ЧЕШМЕДЖИЕВ 2010: 142–143]). Однако 6 нояб. 2013 г. А. М. Пентковский, С. Мучай и С. Джуери при обследовании бывшего кафедрального собора, в котором в 1986 г. был открыт музей икон, обнаружили в алтаре деревянный ковчег, размеры которого (0,89 × 0,41 × 0,23 м) соответствовали известным размерам ковчег с мощами (Илл. 11). На ковчеге не обнаружены надписи и украшения, о которых имеются различные упоминания [ЧЕШМЕДЖИЕВ 2010: 142], но внутри него, под деревянной горизонтальной перегородкой (Илл. 12), находятся частицы мощей, аккуратно завернутые в бумагу (Илл. 13)³¹.

Локальная традиция почитания прп. Горазда в Берате, а также нахождение его мощей в кафедральном соборе Берата свидетельствует о

³⁰ В экспозиции музея находится еще одна икона Седмочисленников, относящаяся к этому же иконографическому типу, называемому “бератским”.

³¹ В беседе сотрудница музея Анила Дробонику (Anila Droböniku) сообщила, что ей известно о том, что в деревянном ковчеге хранятся мощи бератских свв. Горазда и Ангелария, так как вскоре после открытия музея родная бабушка говорила ей, что это тот самый ковчег с мощами, который находился в соборе до его закрытия.

Илл. 12. Верхняя крышка ковчега и деревянная решетка, на которой ранее находились частицы мощей.

его совместной со свт. Климентом и прп. Наумом деятельности на территории Южной Албании, что подтверждает включение его имени в легендарный список архиепископов Болгарии в сер. XII в., где имя Горазда находится между именами свтт. Мефодия, называемого архиепископом Моравии и Болгарии (!), и Климента [Иванов 1931: 565; Божилов 2011: 101:9–102:11]. Упоминание же Горазда в латинском календаре XIV в. [Havlík et al. 1969: 440] не является достаточным основанием для отнесения деятельности Горазда к территории Польши, но

Илл. 13. Мощи, находящиеся в ковчеге.

свидетельствует, вместе с упоминаниями свт. Климента и прп. Наума, об использовании южнославянского источника составителем этого текста.

Таким образом, рассмотренные особенности литургической традиции Бератской митрополии (почитание собора славянских просветителей) и включение свт. Климента в список бератских и канинских епископов, а также особое почитание славянских просветителей Горазда и Ангелария как покровителей Велеграда (Берата), восходят к предшествующей традиции почитания славянских просветителей и, прежде всего, свт. Климента на территории епархий Главиницы и Канины, где проходили его учительская деятельность и епископское служение.

10. Определение местоположения епископии свт. Климента имеет принципиальное значение для изучения истории славянского богослужения и первоначального комплекса славянских богослужебных книг византийского обряда, формирование которого связано с деятельностью свт. Климента, так как долина Шушицы находилась в максимально возможной близости к Южной Италии (расстояние от Влёры от Отранто составляет ок. 80 км) и рядом с адриатическим побережьем Эпира, вдоль которого во втор. пол. VIII–IX вв. активно действовали византийские церковные структуры и где проживало в основном греческое население. Локализация центра епископии свт. Климента в долине Шушицы объясняет как известные неконстантинопольские литургические особенности первоначального комплекса славянских богослужебных книг византийского обряда (см. выше), так и сходство региональной греческой литургической традиции, которой принадлежали использовавшиеся при создании этого комплекса греческие богослужебные книги, с литургической традицией Южной Италии, обусловленное устойчивыми связями Южной Италии и Эпира в период средневековья и сходством литургических традиций этих регионов, о чем свидетельствуют близость текстов и оформления богослужебных рукописей Южной Италии и Эпира.

11. Итак, рассмотренный материал показывает, что:

- славянская епископия свт. Климента была устроена по этническому, а не по территориальному принципу;
- долина Шушицы, в которой в кон. I тыс. находились многочисленные славянские поселения, входила в состав славянской епископии свт. Климента Охридского;
- центр этой епископии находился в долине Шушицы в славянском селении Велица, а упоминаемый в Пространном житии свт. Климента и в его епископской титулатуре топоним Βελίτζα / *Велица* соотносится с современным топонимом *Вельча* (*Velčë*);

— одноапсидная четырехстолпная крестовокупольная церковь с притвором, обнаруженная в ноябре 2013 г. при раскопках в Асомате около селения Вельча и относящаяся к кон. IX – нач. X вв., связана, судя по всему, с деятельностью свт. Климента Охридского.

Библиография

Ангелов и др. 1970

Ангелов Б. Ст., Кувев К., Кодов Хр., обр., *Климент Охридски. Събрани съчинения*, 1, София, 1970.

Божилев 2011

Божилев И., *Българската архиепископия XI–XII век. Списъкът на българските архиепископи*, София, 2011.

Велев 2002

Велев И., “Уште една новооткриена химнографска творба на св. Климент Охридски”, *Археографски прилози*, 24, 2002, 111–141.

Григорович 1847

Григорович В. И., “Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции”, *Журнал Министерства народного просвещения*, 53, 1847, отд. 2, 1–28.

Десницкая 1968А

Десницкая А. В., *Албанский язык и его диалекты*, Ленинград, 1968.

— 1968Б

Десницкая А. В., “Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология”, в: *Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации*, Москва, 120–147.

Желтов 2007

Желтов Михаил, диак., “Чин Божественной литургии в древнейших (XI–XIV вв.) славянских Служебниках”, *Богословские труды*, 41, 2007, 272–359.

— 2014

Желтов Михаил, свящ., “Литургическая традиция запада Византии в древнейших русских служебниках”, в: *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир “Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски (организиран по повод 1050 години од Моравската мисија и од словенската писменост)”, Охрид, 3–4 октомври 2013*, Скопје, 2014, 249–254.

Златарски 1923

Златарски В. Н., “Намереният в Албания надпис с името на българския княз Бориса-Михаила”, *Slavia*, 2/1, 1923, 61–91.

— 1927

Златарски В. Н., *История на пръвото българско царство*, 2: *От славенизацията на държавата до падането на пръвото царство (852–1018)*, София, 1927.

Иванов 1931

Иванов Й., *Български старини изъ Македония*, 2 изд., София, 1931.

Илиев 1994

Илиев И., “Мъченичество на 15-те Тивериуполски мъченици”, в: Он же, *Гръцки извори за българската история*, 9: *Произведения на Теофилакт Охридски, архиепископ Български, отнасящи се до българската история*, ч. II, София, 1994, 40–79.

Йовчева 2001

Йовчева М., “Пражките глаголически листове в контекста на старобългарската химнография”, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 47, 2001, 51–72.

КАРТА 1996

Археолошка карта на Република Македонија, Скопје, 1996.

КОЛЕДАРОВ 1979

КОЛЕДАРОВ П., *Политическа география на средновековната българска държава, 1: От 681 до 1018 г.*, София, 1979.

КОЦО 1958

Коцо Д., “Проучавања и археолошки испитувања на црквата на манастирот Св. Наум”, в: *Зборник на Археолошкиот музеј: 1957–1958*, Скопје, 1958, 56–80.

— 1966

Коцо Д., “Триконхалните цркви во Климентовото време”, в: П. Илиевски, отг. уред., *Словенска писменост. 1050-годишнина на Климент Охридски*, Охрид, 1966, 91–98.

КРИВКО 2008

Кривко Р. Н. “Синајско-славянские гимнографические параллели”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология*, 1/11, 2008, 56–102.

КРЪСТАНОВ 2007

Кръстанов Тр., “Св. Седмочисленици и св. Йоан Екзарх от Рим за България и Далмация (866–917 г.)”, в: *Кирило-Методиевски студии*, 17, София, 2007, 430–452.

КУЛЪБАКИН 1917

Кулбакин С. М., *Древнецерковнославянский язык*, 3-е изд., Харьков, 1917.

МАЛЕНКО 2004

Маленко В., “Лихнидско-охридскиот духовен и културен врток на Плаошник”, в: *Македонско-украински културни врски (X–XX век) = Македонско-українські культурні зв'язки (X–XX століття)*, 2, Скопје, 2004, 279–297.

МИЛЮКОВ 1899

Милюков П. Н., “Христианские древности Западной Македонии”, в: *Известия Русского археологического института в Константинополе*, 4/1, София, 1899, 21–151.

НАСЛЕДОВА 1956

Наследова Р. А., “Македонские славяне конца IX – начала X вв. по данным Иоанна Камениаты”, *Византийский временник*, 11, 1956, 82–97.

НИКОЛОВА 1997

Николова Б., *Устройство и управление на Българската православна църква (IX–XIV век)*, София, 1997.

НОВАКОВИЋ 1893

Новаковић Ст., *Први основи словенске књижевности меѓу балканским словенима. Легенда о Владимиру и Косари*, Београд, 1893.

ПЕНТКОВСКИЙ 2007

Пентковский А. М., “Славянское богослужение и славянская гимнография византийского обряда в X веке”, in: Н. Ротне, D. Christians, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 112; *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, 2007, 16–26.

— 2011

Пентковский А. М., “Греческий оригинал славянского Синаксаря и его локализация”, в: В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский, *Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль*, 2: *Указатели. Исследования*, Москва, 2011, 651–664.

— 2012

Пентковский А. М., “К истории славянского богослужения византийского обряда в начальный период (кон. IX – нач. X в.): два древних канона архангелу Михаилу”, *Богословские труды*, 43–44, 2012, 401–442.

— 2013

Пентковский А. М., “Почитание святителя Климента в Охриде в X–XIV вв.”,
Старобългарска литература, 48, 2013, 79–113.

— 2014

Пентковский А. М., “«Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях”, в: *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир “Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски” (организиран по повод 1050 години од Моравската мисија и од словенската писменост)*, Охрид, 3–4 октомври 2013, Скопје, 2014, 43–65.

Пентковский, Йовчева 2001

Пентковский А. М., Йовчева М., “Праздничные и воскресные блаженны в византийском и славянском богослужении VIII–XIII вв.”, *Palaeobulgarica*, 25/3, 2001 31–60.

Пентковский А. М., Пентковская 2003

Пентковский А. М., Пентковская Т. В., “Синайский апостол (Sin. slav. 39): история текста и история рукописи”, в: А. М. Молдован, А. Г. Кравецкий, ред., *Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2002–2003*, Москва, 2003, 121–191.

Пичхадзе 1991

Пичхадзе А. А., “К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход)”, в: *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*, Москва, 1991, 147–173.

Попов 2007

Попов Г., “Каноны на Рождество Христово в древней славянской минейной традиции”, in: Н. ROTHE, D. CHRISTIANS, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 112; Patristica Slavica, 15), Paderborn, 2007, 298–315.

Селищев 1931

Селищев А. М., *Славянское население в Албании*, София, 1931.

СНЕГАРОВ 1924

СНЕГАРОВ И., *История на Охридската архиепископия: от основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците*, София, 1924.

— 1932

СНЕГАРОВ И., *История на Охридската архиепископия-патриаршия: от падането ѝ под турците до нейното унищожение (1394–1767)*, София, 1932.

— 1966

СНЕГАРОВ И., “По въпроса за епархията на Климент Охридски”, в: *Климент Охридски. Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му*, София, 1966, 291–305.

СТЕФОСКА 2008

СТЕФОСКА И., “Два имена једног града: Струмица — Τιβεριόπολις”, *Зборник радова Византолошког института*, 35, 2008, 77–87.

СУБОТИЌ 1980

СУБОТИЌ Г., *Охридската сликарска школа од XV век*, Охрид, 1980.

ТАВОВ 2011

ТАВОВ Ђ., “За Величката епископия и някои български земи по времето на царете Борис и Самуил”, *История*, 5, 2011, 5–28.

ТОМОСКИ 1986

ТОМОСКИ Т., “Прилог кон топографијата на Климентова епархија”, в: *Климент Охридски: студии*, Скопје, 1986, 204–209.

ТУНИЦКИЈ 1918

ТУНИЦКИЈ Н. Л., *Материалы для истории жизни и деятельности учеников свв. Кирилла и Мефодия, 1. Греческое пространное житие св. Климента Словенского*, Сергиев Посад, 1918.

ФАСМЕР 1906–1907

ФАСМЕР М., “Греко-славянские этюды. I–II”, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 11/1, 1906, 386–413; 12/2, 1907, 197–289.

Филипоски 2014

Филипоски Т., “Свети Климент и изворната заснованост на неговиот епитет Охридски”, в: *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир “Кирилометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски (организиран по повод 1050 години од Моравската мисија и од словенската писменост)”*, Охрид, 3–4 октомври 2013, Скопје, 2014, 317–332.

ЦОНЕВ 1915

ЦОНЕВ Б., “Кои новобългарски говори стоят нај-блиску до старо-български въ лексикално отношение”, *Списание на Българската академия на науките*, 11. Клон историко-филологиченъ и философско-общественъ, 7, София, 1915, 1–32.

ЧЕШМЕДЖИЕВ 2010

ЧЕШМЕДЖИЕВ Д., “Мощите на св. Горазд в Белград Албански (Берат)”, *Slavica Slovaca*, 45/02, 2010, 136–143.

ἈΚΟΛΟΥΘΕΙΑ

Ἀκολουθεία τῶν ἀγίων καὶ ἱσαποστόλων ἐπτὰ φωστήρων τῆς Βουλγαρίας καὶ Δαλματίας Κυρίλλου, Μεθοδίου, Κλήμεντος, Ναούμ, Γοράσδονος, Ἀγγελλαρίου καὶ Σάβα, s.l., s.a.

ἈΔΕΕΟΥΔΗΣ 1868

ἈΔΕΕΟΥΔΗΣ Ἀ., *Σύντομος ἱστορικὴ περιγραφὴ τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Βελεγράδων καὶ τῆς ὑπὸ τὴν πνευματικὴν αὐτῆς δικαιοδοσίαν ὑπαγομένης χώρας*, Ἐν Κερκύρα, 1868.

ALEXANDER 1941

ALEXANDER P. J., “A Chrysobull of the Emperor Andronicus II Palaeologus in Favor of the See of Kanina in Albania,” *Byzantion*, 15, 1940–1941, 167–207.

ANAMALI 1987

ANAMALI S., “Katër mbishkrime ndërtimi nga Bylisi,” *Monumentet*, 33/1, Tiranë, 1987, 63–72.

BAYIR 2005

BAYIR O., “Gjendja administrative e zonës së Shqipërisë së Jugut në periudhën klasike dhe mënyra e drejtimit të Perandorisë Osmane në Shqipëri,” in: *Kumtesat e simpoziumit “Toleranca në aktet administrative osmane” / Osmanlı idari yazışmalarında hoşgörü: Sempozyum Bildirileri*, Tiran, 2005, 163–212.

CABANES ET AL. 2008

CABANES P., KORKUTI M., BAÇE A., SEKA N., *Carte archéologique de l’Albanie*, Tirana, 2008.

SEKA, MUÇAJ 2009

SEKA N., MUÇAJ S., *Byllis. Histoire et monuments*, Tirana, 2009.

DARROUZÈS 1981

DARROUZÈS J., *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*, Paris, 1981.

DELİKARI 1997

DELİKARI A., *Der Hl. Klemens und die Frage des Bistums von Velitza: Identifizierung, Bischofsliste (bis 1767) und Titularbischöfe*, Thessaloniki, 1997.

GAUTIER 1964

GAUTIER P., “Clément d’Ohrid, évêque de Dragvista,” *Revue des études byzantines*, 22, 1964, 199–214.

——— 1986

GAUTIER P., introd., ed., trad., notes, *Théophylacte d’Achrída: Lettres* (= Corpus fontium historiae byzantinae, 16/2), Thessalonique, 1986.

GELZER 1892

GELZER H., “Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche,” *Byzantinische Zeitschrift*, 1, 1892, 245–282.

- HAVLÍK ET AL. 1969
 HAVLÍK L., BARTOŇKOVÁ D., HRBEK I., LUDVÍKOVSKÝ J., VEČERKA R., *Magnae Moraviae fontes historici, 3: Diplomata, epistolae, textus historici varii*, 1, Brno, 1969.
- ILIEV 1995
 ILIEV I., "The Long Life of Saint Clement of Ohrid. A Critical Edition," *Byzantinobulgarica*, 9, Sofia, 1995, 62–120.
- INALCIK 1954
 INALCIK H., *Sûret-i Defter-i Sancak-i Arvanid. Hicri 835 tarihl*, Ankara, 1954.
- KOMATA 1984
 KOMATA D., "Bazilika paleokristiane e Mesaplikut," *Iliria*, 14/1, Tiranë, 1984, 183–198.
- 1991
 KOMATA D., *Qyteti iliro-arbëror i Kaninës*, Tiranë, 1991.
- KURZ 1955
 KURZ J., ed., *Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus*, 2, Praga, 1955.
- MEKSI 2004
 MEKSI A., *Arkitektura e kishave të Shqipërisë (shek. IV–XV)*, Tiranë, 2004.
- METZGER 1963
 METZGER B., *Chapters in The History of the New Testament Textual Criticism* (= New Testament Tools and Studies, 4), Leiden, 1963.
- MIHALJČIĆ 1969
 MIHALJČIĆ R., "Slovenska kancelarija arbanaške vlaste," in: *Simpoziumi per Skenderbeun: Simpozium o Skenderbegu (9–12 maj 1968)*, Priština, 1969, 219–227.
- MUÇAJ 2002
 MUÇAJ S., "Kisha i Shën Mërisë së Ballshit (Glavinicës). Probleme të identifikimit dhe datimit të saj," *Iliria*, 30, Tiranë, 2001–2002, 259–281.
- MUÇAJ, HOBDARI 2004
 MUÇAJ S., HOBDARI E., "Manastiri i Shën Mërisë, Ballsh (Glavinicë). Gërmime të vitit 2003," *Candavia*, 1, Tiranë, 2004, 189–210.
- MUÇAJ ET ALL. 2004
 MUÇAJ S., LAKO K., HOBDARI E., VITALIOTIS K., "Rezultatet e gërmimeve në bazilikën e Shën Janit, Delvinë (2001–2003)," *Candavia*, 1, Tiranë, 2004, 93–123.
- MYRTO 1998
 MYRTO H., *Albania archeologica: bibliografia sistematica dei centri antichi*, Bari, 1998.
- PERI 1992
 PERI V., "Velika (Draguista) e il primo vescovo della Chiesa bulgara," *Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata*, 46, 1992, 159–187.
- POPA 1958
 POPA TH., "Mbishkrimet e kishave të Shqipërisë si burime historike," *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore*, 12/1, Tiranë, 1958, 218–250.
- 1964
 POPA TH., "Glavenica e lashtë dhe Ballshi i sotshëm," *Studime Historike*, 2, Tiranë, 1964, 235–242.
- 1998
 POPA TH., *Mbishkrime të kishave të Shqipërisë*, Tiranë, 1998.
- 2006
 POPA TH., "Piktura e shpellës eremite në Trestenik të fshatit Pustec (Prespë)," in: IDEM, *Miniatura dhe piktura mesjetare në Shqipëri (shek. VI–XIV)*, Tiranë, 2006, 112–115.
- SPAHIU 1980
 SPAHIU H., "Monedha bizantine të shekujve V–XIII, të zbuluara në territorin e Shqipërisë," *Iliria*, 9–10, Tiranë, 1979–80, 353–422.

THALLÓCZY ET AL. 1913

THALLÓCZY L., JIREČEK C., ŠUFFLAY E., *Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia*, 1, Vindobonae, 1913.

TRAPP 1982

TRAPP E., "Die sieben Slavenapostel in der liturgischen Dichtung," *Analecta Bollandiana*, 100, 1982, 467–483.

XHUFİ 2006

XHUFİ P., *Dilemat e Arbërit (Një studim mbi Shqipërinë e shek. XI–XVI)*, Tiranë, 2006.

— 2009

XHUFİ P., *Nga Paleologët te Musakajt: Berati dhe Vlora në shek. XII–XV*. Tiranë, 2009.

YLLI 2000

YLLI XH. *Das slavische Lehngut im Albanischen, 2: Ortsnamen* (= Slavistische Beiträge, 395), München, 2000.

References

- Alexander P. J., "A Chrysobull of the Emperor Andronicus II Palaeologus in Favor of the See of Kaina in Albania," *Byzantion*, 15, 1940–1941, 167–207.
- Anamali S., "Katër mbishkrime ndërtimi nga Bylisi," *Monumentet*, 33/1, Tiranë, 1987, 63–72.
- Angelov B. St., Kuev K., Kodov Khr., eds., *Kliment Ohridski. Săbrani săchinentia*, 1, Sofia, 1970.
- Bayir O., "Gjendja administrative e zonës së Shqipërisë së Jugut në periudhën klasike dhe mënyra e drejtimit të Perandorisë Osmane në Shqipëri," in: *Kumtesat e simpoziumit "Toleranca në aktet administrative osmane" / Osmanlı idari yazışmalarında hoşgörü: Sempozyum Bildirileri*, Tiranë, 2005, 163–212.
- Bozhilov I., *Bŭlgarskata arkhiepiskopiia XI–XII vek. Spisŭkŭt na bŭlgarskite arkhiepiskopi*, Sofia, 2011.
- Cabanes P., Korkuti M., Baçe A., Ceka N., *Carte archéologique de l'Albanie*, Tirana, 2008.
- Cheshmedzhiev D., "Moshchite na sv. Gorazd v Belgrad Albanski (Berat)," *Slavica Slovaca*, 45/02, 2010, 136–143.
- Ceka N., Muçaj S., *Byllis. Histoire et monuments*, Tirana, 2009.
- Darrouzès J., *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*, Paris, 1981.
- Delikari A., *Der Hl. Klemens und die Frage des Bistums von Velitza: Identifizierung, Bischofsliste (bis 1767) und Titularbischöfe*, Thessaloniki, 1997.
- Desnitskaia A. V., *Albanskii iazyk i ego dialekty*, Leningrad, 1968.
- Desnitskaia A. V., "Slaviano-albanskie iazykovye otnosheniia i albanskaia dialektologii," in: *Slavian-skoe iazykoznanie. VI mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968 g.): Doklady sovetskoi delegatsii*, Moscow, 120–147.
- Filiposki T., "Sveti Kliment i izvornata zasnovanost na negovijot epitet Ohridski," *Zbornik na trudovi od Međunarodniot naučen sobir "Kirilometodievskata tradicija i makedonsko-ruskite duhovni i kulturni vrski"*, Ohrid, 3–4 oktovri 2013, Skopje, 2014, 317–332.
- Gautier P., "Clément d'Ohrid, évêque de Dragvitsa," *Revue des études byzantines*, 22, 1964, 199–214.
- Gautier P., introd., ed., trad., notes, *Théophylacte d'Achrida: Lettres* (= Corpus fontium historiae byzantinae, 16/2), Thessalonique, 1986.
- Havlík L., Bartoňková D., Hrbek I., Ludvíkovský J., Večerka R., *Magnae Moraviae fontes historici*, 3: *Diplomata, epistolae, textus historici varii*, 1, Brno, 1969.
- Iliev I., *Grŭtski izvori za bŭlgarskata istoriia*, 9: *Proizvedeniia na Teofilakt Okhridski, arkhiepiskop Bŭlgarski, otnasiashchi se do bŭlgarskata istoriia, ch. II*, Sofia, 1994.
- Iliev I., "The Long Life of Saint Clement of Ohrid. A Critical Edition," *Byzantinobulgarica*, 9, Sofia, 1995, 62–120.
- Inalcik H., *Sîret-i Dafter-i Sancak-i Arvanid. Hicri 835 tarih*, Ankara, 1954.
- Ivanov Ā., *Bŭlgarski starini iz "Makedoniia*, 2nd ed., Sofia, 1931.
- Koco D., "Proučavanja i arheološki ispitivanja na crkvata na manastirov Sv. Naum," in: *Zbornik na Arheološkiot muzej: 1957–1958*, Skopje, 1958, 56–80.
- Koco D., "Trikonhalnite crkvi vo Klimentovoto vreme," in: P. Ilievski, ed., *Slovenska pismenost. 1050-godišnina na Kliment Ohridski*, Ohrid, 1966, 91–98.
- Koledarov P., *Politicheska geografii na sredno-vekovnata bŭlgarska dŭrzhava*, 1. *Ot 681 do 1018 g.*, Sofia, 1979.
- Komata D., "Bazilika paleokristiane e Mesaplikut," *Iliria*, 14/1, Tiranë, 1984, 183–198.
- Komata D., *Qyteti iliro-arbëror i Kaninës*, Tiranë, 1991.
- Krivko R. N., "Sinaisko-slavianskie gimnografičeskie paralleli," *Vestnik PSTGU. Serii III: Filologii*, 1/11, 2008, 56–102.

Krústanov Tr., "Sv. Sedmochislenitsi i sv. Ioan Ek-zarkh ot Rim za Búlgariia i Dalmatsiia (866–917 gg.)," in: *Kirilo-Metodievski studii*, 17, Sofia, 2007, 430–452.

Kul'bakin S. M., *Drevnetserkovnoslavianskii iazyk*, 3d ed., Kharkov, 1917.

Kurz J., ed., *Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus*, 2, Praga, 1955.

Lunt H., "On the Old Church Slavonic Codex Assemanianus," *Makedonsku jazuk*, 32–33, 1981–1982, 405–416.

Malenko V., "Lihnidsko-ohridskiot duhoven i kulturen vrutok na Plaošnik," in: *Makedonsko-ukrainski kulturni vrski (X–XX vek) = Makedons'ko-ukrains'ki kul'turni zv'iazki (X–XX stolittia)*, 2, Skopje, 2004, 279–297.

Meksi A., *Arkitektura e kishave të Shqipërisë (shek. IV–XV)*, Tiranë, 2004.

Metzger B., *Chapters in The History of the New Testament Textual Criticism* (= New Testament Tools and Studies, 4), Leiden, 1963.

Mihaljić R., "Slovenska kancelarija arbanaške vlaste," in: *Simpoziumi per Skenderbeur. Simpozium o Skenderbegu (9–12 maj 1968)*, Priština, 1969, 219–227.

Muçaj S., "Kisha i Shën Mërisë së Ballshit (Glavinicës). Probleme të identifikimit dhe datimit të saj," *Iliria*, 30, Tiranë, 2001–2002, 259–281.

Muçaj S., Hobdari E., "Manastiri i Shën Mërisë, Ballsh (Glavinicë). Gërmime të vitit 2003," *Candavia*, 1, Tiranë, 2004, 189–210.

Muçaj S., Lako K., Hobdari E., Vitaliotis K., "Rezultatet e gërmimeve në bazilikën e Shën Janit, Delvinë (2001–2003)," *Candavia*, 1, Tiranë, 2004, 93–123.

Myrto H., *Albania archeologica: bibliografia sistematica dei centri antichi*, Bari, 1998.

Nasledova R. A., "Makedonskie slaviane kontsa IX – nachala X vv. po dannym Ioanna Kameniaty," *Vizantiiskii vremennik*, 11, 1956, 82–97.

Nikolova B., *Ustrojstvo i upravlenie na Búlgarskata pravoslavna tsúrkva (IX–XIV vek)*, Sofia, 1997.

Pentkovskiy A. M., "Slavianskoe bogoslužhenie i slavianskaia gimnografiia vizantiiskogo obriada v X veke," in: H. Rothe, D. Christians, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 112; Patristica Slavica, 15), Paderborn, 2007, 16–26.

Pentkovskiy A. M., "Grecheskii original slavianskogo Sinaksaria i ego lokalizatsiia," in: V. B. Krysko, L. V. Prokopenko, V. Zheliazkova, I. M. Ladyzhenskii, A. M. Pentkovskiy, *Slaviano-russkii prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaia chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sent'abr'-fevral'*, 2: *Ukazateli. Issledovaniia*, Moscow, 2011, 651–664.

Pentkovskiy A. M., "K istorii slavianskogo bogoslužheniia vizantiiskogo obriada v nachal'nyi period (kon. IX – nach. X v.): dva drevnikh kanona arkhangelu Mikhailu," *Bogoslovskie trudy*, 43–44, 2012, 401–442.

Pentkovskiy A. M., "Pochitanie sviatitelia Klimenta v Okhride v X–XIV vv.," *Starobúlgarska literatura*, 48, 2013, 79–113.

Pentkovskiy A. M., "«Okhrid na Rusi»: drevnerusskii bogoslužhebnye knigi kak istochnik dlia rekonstruktsii liturgicheskoi traditsii Okhridsko-Prespanskogo regiona v X–XI stoletiiakh," in: *Zbornik na trudovi od Međunarodniot naučen sobir "Kirilometodievskata tradicija i makedonsko-ruskiye duhovni i kulturni vrski, Ohrid, 3–4 oktomvri 2013*, Skopje, 2014, 43–65.

Pentkovskiy A. M., Yovcheva M., "Prazdnichnye i voskresnye blazhenny v vizantiiskom i slavianskom bogoslužhenii VIII–XIII vv.," *Palaeobulgarica*, 25/3, 2001, 31–60.

Pentkovskiy A. M., Pentkovskaya T. V., "Sinaiskii apostol (Sin. slav. 39): istoriia teksta i istoriia rukopisi," in: A. M. Moldovan, A. G. Kravetskii, eds., *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka: 2002–2003*, Moscow, 2003, 121–191.

Peri V., "Velika (Draguista) e il primo vescovo della Chiesa bulgara," *Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata*, 46, 1992, 159–187.

Pichkhadze A. A., "K istorii slavianskogo Parimeinika (parimeinye chteniia knigi Iskhod)," in: *Traditsii drevneishei slavianskoi pis'mennosti i iazykovaia kul'tura vostochnykh slavian*, Moscow, 1991, 147–173.

Popa Th., "Mbishkrimet e kishave të Shqipërisë si burime historike," *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore*, 12/1, Tiranë, 1958, 218–250.

Popa Th., "Glavenica e lashtë dhe Ballshi i sotshëm," *Studime Historike*, 2, Tiranë, 1964, 235–242.

Popa Th., *Mbishkrime të kishave të Shqipërisë*, Tiranë, 1998.

Popa Th., "Piktura e shpellës eremite në Trestenik të fshatit Pustec (Prespë)," in: Idem, *Miniatura dhe piktura mesjetare në Shqipëri (shek. VI–XIV)*, Tiranë, 2006, 112–115.

Popov G., "Kanony na Rozhdestvo Khristovo v drevnei slavianskoi mineinoi traditsii," in: H. Rothe, D. Christians, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 112; Patristica Slavica, 15), Paderborn, 2007, 298–315.

Selishchev A. M., *Slavianskoe naselenie v Albanii*, Sofia, 1931.

Snegarov I., *Istoriia na Okhridskata arkhiepiskopiia: ot osnovavaneto i do zavladivaneto na Balkanskiia poluostrov ot turtsite*, Sofia, 1924.

Snegarov I., *Istoriia na Okhridskata arkhiepiskopiia-patriarshiia: ot padaneto i pod turtsite do neimota unishchozhenie (1394–1767)*, Sofia, 1932.

Snegarov I., "Po vüprosa za eparkhiata na Kliment Okhridski," in: *Kliment Okhridski. Sbornik ot statii po sluchai 1050 godini ot smürtta mu*, Sofia, 1966, 291–305.

Spahiu H., "Monedha bizantine të shekujve V–XIII, të zbuluara në territorin e Shqipërisë," *Iliria*, 9–10, Tiranë, 1979–80, 353–422.

Stefoska I., "Dva imena jednog grada: Strumica – Tiberiopolis," *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 35, 2008, 77–87.

Subotić G., *Ohridskata slikarska škola od XV vek*, Ohrid, 1980.

Tabov I., "Za Velichkata episkopiia i niakoi bŭlgarski zemi po vremeto na tsarete Boris i Samuil," *Istoriia*, 5, 2011, 5–28.

Thallóczy L., Jireček C., Šufflay E., *Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia*, 1, Vindobonae, 1913.

Tomoski T. "Prilog kon topografijata na Klimentova eparhija," in: *Kliment Ohridski: studii*, Skopje, 1986, 204–209.

Trapp E., "Die sieben Slavenapostel in der liturgischen Dichtung," *Analecta Bollandiana*, 100, 1982, 467–483.

Tsonev B., "Koi novobŭlgarski govori stoiat" na bliziku do staro-bŭlgarski v" leksikalno otnoshenie," *Spisanie na Bŭlgarskata akademiia na naukite*, 11, *Klon istoriko-filologichen" i filosofsko-obshchestven"*, 7, Sofia, 1915, 1–32.

Tunitskii N. L., *Materialy dlia istorii zhizni i deiatel'nosti uchenikov sv. Kirilla i Mefodiia*, 1. *Grecheskoe prostranno zhitie sv. Klimenta Slovenskogo*, Sergijev Posad, 1918.

Vasmer M., "Greko-slavianskie etjudy. I–II," *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Im-*

peratorskoi Akademii nauk, 11/1, 1906, 386–413; 12/2, 1907, 197–289.

Velev I., "Ušte edna novootkriena himnografska tvorba na sv. Kliment Ohridski," *Arheografski prilozhi*, 24, 2002, 111–141.

Xhufi P., *Dilemat e Arbërit (Një studim mbi Shqipërinë e shek. XI–XVI)*, Tiranë, 2006.

Xhufi P., *Nga Paleologët te Musakajt: Berati dhe Vlora në shek. XII–XV*, Tiranë, 2009.

Ylli Xh. *Das slavische Lehngut im Albanischen*, 2: *Ortsnamen* (= Slavistische Beiträge, 395), München, 2000.

Yovcheva M., "Prazhkite glagolicheski listove v konteksta na starobŭlgarskata khimnografia," *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 47, 2001, 51–72.

Zhelto M. S., "Chin Bozhestvennoi liturgii v drevneishikh (XI–XIV vv.) slavianskikh Sluzhebnykh," *Bogoslovskie trudy*, 41, 2007, 272–359.

Zhelto M. S., "Liturgicheskaia traditsiia zapada Vizantii v drevneishikh russkikh sluzhebnykh," in: *Zbornik na trudovi od Meġunarodniot nauchen sobir "Kirilometodievskata tradicija i makedonsko-ruskite duhovni i kulturni vrski"*, Ohrid, 3–4 oktombri 2013, Skopje, 2014, 249–254.

Zlatarski V. N., "Namereniat v Albaniia nadpis s imeto na bŭlgarskii kniaz Borisa-Mikhaila," *Slavia*, 2/1, 1923, 61–91.

Zlatarski V. N., *Istoriia na prŭvoto bŭlgarsko tsarstvo*, 2: *Ot slavenizatsiata na dŭrzhavata do padaneto na prŭvoto tsarstvo (852–1018)*, Sofia, 1927.

Алексей Мстиславович Пентковский,

Dott. in Scienze Ecclesiastiche Orientali (Pontificio Istituto Orientale)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

старший научный сотрудник

119019 Москва, Волхонка 18/2

Россия / Russia

pentkov@gmail.com

Prof Dr **Skënder Muçaj**, punonjës shkencor

smuaj@yahoo.com

Suela Xhyheri, student doktorature

suelaxhy@yahoo.it

Irkliid Ristani, student doktorature

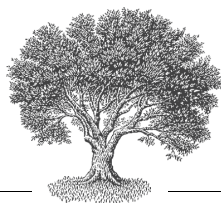
iristani@gmail.com

Qendra e Studimeve Albanologjike, Instituti i Arkeologjisë, Departamenti i

Antikitetit të Vonë dhe Mesjetës

Sheshi "Nënë Tereza", Nr. 3, Tiranë

Republika e Shqipërisë / Albania

**“Завещание”
митрополита
Константина I
Киевского
и канон
“на исход души”***

**Андрей Юрьевич
Виноградов**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа
экономики” (Москва)

Михаил Сергеевич Желтов

Общecerковная аспирантура и
докторантура им. свв. равноап.
Кирилла и Мефодия (Москва)

**The Last Will
of Metropolitan
Constantine I of
Kiev and the Kanon
“At the Parting of the
Soul from the Body”**

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University “Higher
School of Economics” (Moscow)

Mikhail S. Zheltov

SS. Cyril and Methodius School of
Post-Graduate and Doctoral Studies
(Moscow)

Резюме

В статье выдвигается предположение о том, что в основе загадочного предсмертного “завещания” митрополита Киевского Константина I, в котором он распорядился не погребать его тело в земле, а отдать на растерзание псам, лежит вполне конкретный текст — а именно, гимнографический канон “на исход души”, который тесно связан еще с одним произведением примерно того же времени — “покаянным” каноном по мотивам 5-й главы “Лествицы” Иоанна

* Благодарим за ценные советы и помощь в подготовке статьи Е. А. Виноградову, А. В. Захарову, Д. В. Каштанова, А. А. Королева и П. В. Лукина. Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант 12-04-00342).

Лествичника. Оба канона представляют собой не столько гимн, сколько дидактическую поэму. Что еще более важно, оба они изначально сопровождаются специфическим иллюстративным рядом: каждому монострофу соответствует определенное изображение, раскрывающее содержание текста, что не имеет аналогов среди других византийских канонов. Кроме того, содержание обоих канонов свидетельствует об усилении роли "Лествицы" и, шире, аскетических традиций палестинского и вообще восточного происхождения в жизни константинопольских монахов. Это связано прежде всего со столичным Евергетидским монастырем, чей устав оказал влияние на уставы других византийских монастырей XII–XIII вв., в т. ч. на правила монастырской жизни, более строгую регламентацию постов и т. д. Митрополит Константин, будучи ярким представителем византийской интеллектуальной элиты, не мог не знать об этой тенденции, а конфликты приближенных к нему епископов с русскими князьями по вопросам дисциплины поста позволяют предполагать, что и его собственная деятельность на Руси протекала в рамках указанной тенденции. Таким образом, буквальное следование предписаниям канона "на исход души" при погребении митрополита Константина I следует рассматривать как знак его полной уверенности в истинности избранного им направления.

Ключевые слова

митрополит Киевский Константин I, история Русской Церкви, византийская гимнография, литургика, чин погребения, византийское монашество, аскетика, византийская рукописная миниатюра, частная апокалиптика

Abstract

The article puts forward the suggestion that the mysterious last will of Metropolitan Constantine I of Kiev, in which he ordered that after his death his body should be torn to pieces by dogs instead of receiving a proper burial, was inspired by a very specific literary text. This text is still used in the Orthodox Christian tradition; it is known as the hymnographical kanon "At the Parting of the Soul from the Body." While nowadays this kanon is used in the course of an ordinary liturgical rite, in the 12th century, when it first appeared, it was used among some Byzantine intellectual and ascetic circles as a particular element of personal piety. The 12th century is exactly the epoch of Constantine's activities, and the description of a funeral procedure given by this kanon is very close to the last will of Constantine. The kanon "At the Parting of the Soul from the Body" has close ties to another hymn of roughly the same epoch—the "Penitential" kanon written after the 5th chapter of the "Ladder" of John Climacus. Both kanons conceal a didactic story under the structure of a hymnographic pattern. What is more important, both are from the very beginning intertwined with a distinct illustrative program: each monostrophe is accompanied by a specific picture, which discloses the contents of the text. These "comics-like" stories have no parallel among other Byzantine kanons. Finally, both kanons witness the growth of the influence of Palestinian and, more generally, Eastern ascetic traditions on the monastic practices of Constantinople and its surrounding regions. This influence was associated, most of all, with the Evergetian movement, with its strict disciplinary and fasting rules, etc. Metropolitan Constantine, who was an outstanding representative of the Byzantine intellectual elite of those times, should have been acquainted—at the very least!—

with this movement. Moreover, the conflicts of the bishops in his circle with the Russian princes concerning the fasting discipline suggest that Constantine was trying to introduce the new Evergetian ascetic standards among the Russians. Thus, the literal adherence to the provisions of the kanon “At the Parting of the Soul from the Body” at the funeral of Metropolitan Constantine I should be interpreted as a sign of his full confidence in his ideals.

Keywords

Metropolitan Constantine I of Kiev, Russian Church history, Byzantine hymnography, liturgical studies, funeral rite, Byzantine monasticism, asceticism, Byzantine manuscript illumination, private apocalypticism

“В то же лѣто ·

престависа митрополитъ Кыевскыи · Костантинъ · Черниговъ ·
бѣ бо в то время выбѣглъ ис Кыева · Мстислава [дѣля] Изаславича ·
бысть же и смерть кго сица ·

яко змираючи ему призва к собѣ епископа Черниговского · Антонья ·
заклатъ и глагола сице:

*Яко по змерьтвии моемъ не погребешъ тѣла моего ·
но зжемъ поверзше за нозѣ мои · извлечѣте мѧ из града ·
и поверзѣте мѧ псомъ на расхытанье.*

По оумертвии же кго епископъ то все створи повелѣнаѧ кму имь ·
народи же вси дивишасѧ во смерти кго.

На оутрии же день Сватославъ князь ·
здумавъ с мужи своими · и с епископомъ ·
вземше тѣло кго и похорониша

в церкви оу Сватаго Спаса Черниговъ” [ПСРЛ 1: 349].

История вопроса

Приведенный отрывок из рассказа Лаврентьевской летописи о событиях 1159 г. неоднократно, в разных контекстах, привлекал внимание исследователей, а в последние десятилетия даже стал предметом оживленной научной дискуссии. Такие ученые, как Платон Соколов и Анджей Поппэ, склонялись к самому простому объяснению — что предсмертная воля греческого митрополита была экстраординарным поступком, вызванным его возбужденным эмоциональным состоянием по причине вынужденного бегства из Киева в Чернигов из-за очередной княжеской усобицы [Соколов 1913: 94; Поппэ 1996: 457]. Кристиан Ханник следовал схожей логике, но предположил, что иерарх испытывал чувство вины за более чем полугодичное отсутствие на своей кафедре [HANNICK 1988–

1989: 740]. А. П. Толочко [Толочко О. 1992], вслед за А. С. Хорошевым [1986: 60], выдвинул иное объяснение. Он связал волочение трупа митрополита для последующего осквернения псами со схожим надругательством над останками черниговского князя Игоря в 1147 г. [ПСРЛ 1: 318] и увидел в рассказе летописца парадигму описания мученической или квази-мученической смерти, предложив ряд параллелей, не всегда оправданных¹. П. П. Толочко развил идею своего сына, выдвинув гипотезу о существовании древних житий свв. Константина и Игоря [Толочко П. 2010: 17–22], смоделированных по образцу "Житий епископов Херсонских"² и не сохранившихся (эту гипотезу подхватил и Ф. А. Андрощук [2011: 232]). Вопреки всем этим мнениям, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский показали, что необычное предсмертное распоряжение митрополита Константина представляет собой разновидность специфической аскетической практики, "ритуала посмертного поношения", возникшей еще во времена зарождения монашества, а просьба митрополита применить к нему эту практику могла быть вызвана как личными мотивами, так и желанием донести до своих оппонентов (прежде всего, Клима Смолятича) определенное послание [Литвина, Успенский 2010: 80–137].

Типологические параллели, указанные А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, убедительно доказывают, что необычное "погребение" митрополита Константина I нельзя более рассматривать как спонтанный акт, вызванный эмоциональным возбуждением. А приведенные исследователями примеры аналогичных завещаний, среди которых, что весьма важно, есть и средневизантийский (прп. Луки Стирита [там же: 106]), подтверждают, что в рассказе Лаврентьевской летописи о черниговских событиях 1159 г. скрыта не парадигма описания (как считали отец и сын Толочко), то есть не топос мученичеств или рассказов о поношении останков врага³, но парадигма действия.

¹ Так, рассуждая о бросании тела святого псам и даже о "юродивой святости", А. П. Толочко ссылается на фразу из славянского перевода "Пандектов" Антиоха "Не дадите святого псом" [Толочко О. 1995: 35] как на самостоятельное предписание, хотя в действительности эти слова являются буквальной цитатой из Мф 7:6: "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями".

² Здесь необходимо отметить, что постулируемая П. П. Толочко параллель последней воли митр. Константина именно с "Житиями епископов Херсонских" — произвольна, поскольку рассказ о волочении тела святого и выбрасывании его на съедение псам представляет собой весьма распространенный топос, встречающийся во многих мученичествах (см. перечень в работе [Литвина, Успенский 2010: 112], о которой пойдет речь ниже; к нему можно прибавить мученичества свв. Ипатия и Андрея (20 сен.), Павла и Иулиани (4 мар.), Павла Каюмского (8 июн.), Агриппины (23 июн.)). Кроме того, в "Житиях" волочат тело живого епископа, а не мертвого.

³ Отметим попутно, что описание сцен смерти и посмертного волочения князя Игоря (1147 г.) [ПСРЛ 1: 318] и митрополита Константина I (1159 г.) в Лаврентьевской летописи касается только реалий и не содержит ни риторических

Впрочем, как отметил в своей статье П. П. Толочко, А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенскому так и не удалось найти прямой аналогии поступку митрополита [Толочко П. 2010: 19]. Мы вынуждены согласиться с этой оценкой, но лишь отчасти: дело не столько в отсутствии “непосредственного источника для летописного описания” — сам поиск такого литературного образца отрицал бы реальность предсмертной воли митрополита, но подобное низведение летописного свидетельства до художественного вымысла никак не доказано и, более того, опровергается фактом реального существования соответствующей аскетической практики, — сколько в неполном соответствии параллелей, приводимых А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, сообщаемым в Лаврентьевской летописи деталям. Действительно, приведенные авторами примеры не содержат случаев растерзания тела лица в епископском сане, причем совершаемого не дикими зверьями и птицами, а псами (кроме позднейшей легенды о папе Маркеллине⁴). Не вполне ясными остаются и мотивы такого поступка русского митрополита. Мы, соглашаясь с общей линией рассуждений А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, полагаем, что в случае с митрополитом Константином “ритуал посмертного поношения” был запланирован в строгом соответствии с вполне конкретным текстом, на который исследователи рассматриваемого эпизода еще не обращали внимания и который позволяет прояснить мотивацию предсмертных распоряжений митрополита.

Канон “на исход души”

Текст, о котором идет речь, — это гимнографический канон “на исход души”⁵. В наши дни он известен как составная часть последования εἰς

вставок, ни религиозных оценок, в отличие от рассказа Ипатьевской летописи о событиях 1147 г. [ПСРЛ 2: 353].

- ⁴ Рассказ Иакова Ворагинского о завещании некогда согрешившего против Церкви папы Маркеллина отдать его тело на съедение псам [Литвина, Успенский 2010: 112] представляет собой единственную параллель и в теме растерзания тела псами, и в поступке такого рода со стороны не просто монаха-отшельника, а иерарха. Однако характер этого эпизода чисто легендарный: в *Liber pontificalis*, источнике Иакова Ворагинского, говорится только о том, что тело папы оставили без погребения мучители, а не он сам.
- ⁵ Таково его название как в дониконовских (напр., [Потребник 1623: л. 350]), так и в позднейших (напр., [Требник 1884: лл. 181–183]) русских богослужебных книгах. В современных греческих богослужебных книгах канон, входящий в состав Ἀκολουθία εἰς ψυχόρραγούντα (“Последование об испускающем дух” — напр., [Μιχρόν Εὐχολόγιον 1996: 219–230]) не имеет самостоятельного заглавия, а в рукописях надписывается как Κανὼν παρακλητικὸς [. . .] φαλλόμενος ἐπὶ ψυχόρραγούσιν (Молебный канон, воспеваемый над испускающими дух), Κανὼν φάλλόμενος εἰς ψυχόρραγούντας (Канон, воспеваемый об испускающих дух), Κανὼν εἰς ψυχόρραγούντας (Канон об испускающих дух), Κανὼν εἰς ψυχὴν χριστιμένην (Канон о душе судимой) [ТЗЕРПОЗ 2007: 55–68].

ψυχόρραγοῦντα, “об испускающем дух”, — специальной службы, совершаемой у одра умирающего. В русских литургических книгах со 2-й пол. XVII в. и до наших дней это последование надписано как “Чинъ, бываемый на разлѣченіе дѣши ѿ тѣла, внегда человѣкъ долгѡ страждетъ”, откуда можно сделать вывод о том, что оно предназначено только для тех случаев, когда кто-либо испытывает длительные предсмертные страдания. Однако и оригинальное греческое, и русское дониконовское (“Чин бываемый на разлучение души от тела, внегда брату изнемогающу”) названия последования никак не подчеркивают длительность страданий, но отсылают к самому трагическому моменту смерти. В печатных богослужбных книгах последование состоит из упомянутого канона (к которому в дониконовских изданиях прибавлен еще один канон, Божией Матери) и одной, двух или трех священнических молитв; при этом как старопечатные, так и современные издания подробно описывают начальные молитвословия — возглас, обычное начало, 50-й псалом (или псалмы 69, 142, 50), — но ничего не говорят о каких-либо заключительных молитвословиях и отпусте⁶, а священнические молитвы в конце чина не оформлены обычными возгласами “Господу помолимся” и т. п. Такая непоследовательность в композиции чина не случайна, поскольку в его современном виде он представляет собой механическое соединение трех элементов, имеющих совершенно разное происхождение:

1) молитвы “на душу судимую” (εἰς ψυχὴν κρινομένην), известной уже из древнейших рукописей византийского Евхология⁷, включая знаменитый список *BarbGr336*, кон. VIII в., в которых она первоначально помещалась в ряду отдельных молитв на разные случаи жизни⁸;

2) канона “на исход души” с примыкающими к нему молитвословиями и псалмами, который до XIV в. не встречается в Евхологиях и только с этого столетия начинает время от времени объединяться с указанной молитвой в единое чинопоследование⁹;

3) одной или двух разрешительных молитв священника, которые имеют свою параллель в аналогичных молитвах чина исповеди и появляются в последовании на исход души с XVI в.¹⁰

⁶ Впрочем, в изданиях нестандартного состава отпуст бывает указан — например, в старообрядческом *Панихиднике* [2004: 152] или в авторской редакции Евхология, подготовленной И. Фундулисом [Εὐχολόγιον (ἔκδ. Σιμωνόπετρα), Γ' 2002: 247].

⁷ См. перечень рукописей до XIII в. включительно в работе [ТЗЕРПОС 2007: 48–54].

⁸ Так, в Евхологии *BarbGr336* молитва “на душу судимую” помещена среди следующих отдельных молитв: на пострижение волос ребенка, над стадом, на сбор винограда, на начало жатвы и т. д. [PARENTI, VELKOVSKA 2000: 200–202].

⁹ Эту эволюцию можно проследить по изменениям состава рукописей с XIV по XVI вв. [ТЗЕРПОС 2007: 55–65].

¹⁰ Подробнее об истории чина и о других канонах, которые могли входить в его состав, см. [ТЗЕРПОС 2007: 68–88].

Таким образом, в эпоху митрополита Константина последование εἰς ψυχόρραγούντα еще не сложилось, но из этого нельзя сделать вывод о том, что канон “на исход души” не мог быть ему известен. Напротив, именно в XII в. этот канон получил распространение — но еще не в качестве составной части одного из многих регулярных чинов Евхология, а как самостоятельная композиция для частного употребления.

Эта композиция в форме канона, 2-го плагального (т. е. 6-го, согласно русской традиции) гласа, на ирмосы Ὡς ἐν ἡπείρῳ (Ἰάκω по с8x8), incipit: Δεῦτε συνάχθητε πάντες (Прїидите соберитеса вси), в печатных богослужебных книгах и многих рукописях приписывается авторству прп. Андрея Критского. Однако, как справедливо заметил Луи Пети, эта атрибуция не может считаться верной, поскольку ирмосы Ὡς ἐν ἡπείρῳ, связываемые с именем прп. Иоанна Дамаскина, указывают на иную гимнографическую традицию [Ретт 1907: 2039]. Строгая четырехтропарная композиция каждой песни канона “на исход души”, отсутствие в нем второй песни и троичнов, стилистические особенности также резко отличают его от подлинных произведений прп. Андрея.

Содержательно канон представляет собой драматический монолог с последовательно разворачивающимся сюжетом, в котором герой-рассказчик наблюдает все стадии перехода в иной мир, от приготовления к смерти до определения загробной участи: говорящий (по всей видимости, монах: в 3-й и 6-й песнях он обращается к своим “братьям”) призывает собраться к нему всех, кто “благочестиво пожил в жизни”¹¹, и констатирует присутствие вокруг него ангелов и демонов (1-я песнь); затем просит братий и ангелов молиться о нем, одновременно описывая предсмертные муки и желание демонов утащить душу во тьму (песни с 3-й по 5-ю); говорит о закрытии глаз и уст, так что более он уже не может взирать на икону Божией Матери¹² и обращаться с молитвой к архангелу Михаилу¹³ (последние два тропаря 5-й песни); дает братиям последние распоряжения о своем теле (6-я песнь); описывает исторжение ангелами души из тела и приведение ее ими на суд Божий (7-я песнь), после которого душа, не получив оправдательного приговора, отдается на связывание демонам, так что единственным ее собеседником остается лишь ангел-хранитель (8-я песнь); канон завершается яркой картиной пребывания души в аду и в полном удалении от Бога (“Бога я более не вспомню...” — “Бог меня более не вспомнит...”) и последней мольбой к Божией Матери, чтобы по Ее ходатайству Христос все же проявил снисхождение

¹¹ Т. е. также, по всей видимости, монашествующих. В иконографии канона (см. ниже) и умирающий, и окружающие его люди изображены как монахи.

¹² Уже одно это указание заставляет склониться к датировке после 843 г.

¹³ Именно ему уже с раннехристианских времен усваивается роль психопомпа — проводника души в иной мир [Афиногенова 2008].

к грешнику, "единственному из христиан" оказавшемуся в адской бездне (9-я песнь). Тропари канона никак не связаны с библейскими песнями утрени, и очевидно, что он и не предназначался для исполнения за этой службой. Фактически, за литургической формой канона здесь скрывается нелитургический дидактический текст, насыщенный целым комплексом образов средневизантийской "частной апокалиптики" (см. обобщающую работу [BAUN 2007]), включая, в том числе, и упоминание *τελωνίων* — "мытарств", наиболее подробно описанных в видении блаженной Феодоры из Жития Василия Нового (†944)¹⁴. Подобным использованием формы канона для маскировки драматической поэмы со сквозным сюжетом византийские поэты начали увлекаться с XI в. — например, близкую аналогию составляет канон "на плач Богородицы" из современной Триоди¹⁵, появившийся в XI в. и написанный, что вряд ли является случайностью, на те же ирмосы *Ὡς ἐν ἡπεύρω*¹⁶.

Древнейший известный список канона "на исход души" датируется 2-й половиной или концом¹⁷ XII в. — это Часослов *Lesb295*, на протяжении XIV в. хранившийся, как следует из ряда помет в нем, в некоем монастыре в Константинополе или его окрестностях. Канон занимает страницы (рукопись пагинирована) с 321-й по 349-ю, но часть из них представляет собой вставки на бумаге, сделанные в XIV–XV вв. и восполняющие утраты оригинального пергаменного кодекса¹⁸. Надписание канона *εἰς ψυχὴν κρινομένην* ("на душу судимую") выполнено на одной из таких вставок и может не соответствовать первоначальному. Каждый тропарь канона, за исключением тропарей 9-й песни, сопровождается в рукописи отдельной миниатюрой¹⁹; ниже мы еще вернемся к этому немаловажному обстоятельству²⁰.

¹⁴ См. о мытарствах: [EVERY 1976; CONSTAS 2001: 107–108]. Новейшее издание Жития Василия Нового ожидается в этом году: [SULLIVAN, TALBOT, MCGRATH 2014].

¹⁵ Помещен на повечерии в Великую пятницу. Следует отметить, что по рукописям и старопечатным изданиям известен и иной канон "на плач Богородицы", о котором один из авторов настоящей статьи готовит отдельную публикацию.

¹⁶ Другой яркий пример — несколько дидактических произведений византийских поэтов XI–XII вв., также написанных в форме гимнографического канона, но вовсе не связанных с церковной тематикой, а посвященных светским предметам — например, правилам греческой грамматики [HÖRANDNER 2012].

¹⁷ По уточненной датировке Г. Парпулова.

¹⁸ Заменен был первый лист первого терниона канона, два последних листа второго терниона и третий лист третьей тетради (сс. 321–322, 341–344, 349). Судя по поздним порядковым номерам тетрадей на первых листах уже поврежденных тернионов, к моменту реставрации замененные листы были либо утеряны, либо пришли в полную негодность: характерно, что на месте утраченных миниатюр владелец рукописи середины XIV в. поместил свои личные записи (сс. 346–348).

¹⁹ Восполнения утрат на бумажных листах миниатюр не содержат, но место под них оставлено.

²⁰ Подробное исследование миниатюр рукописи: [ΒΟΚΟΤΟΠΟΛΟΣ 1994], см. также [ΤΖΕΡΠΟΣ 2007: 99–102; PATTERSON ŠEVČENKO 2009: 270–271]. Утверждение

Канон помещен в конце лесбосского Часослова, после всех служб суточного круга и небольшого цикла молитвословий перед отходом ко сну (молитвы “о засыпающем” и “о кающихся во всех видах грехов”) и в полночь (молитва “на полунощнице” и “полуночные [стихи] Божией Матери по алфавиту”). Можно предположить, что и рассматриваемый нами канон предназначался для келейного исполнения в ночные часы. А факт его включения в наиболее ранних списках в состав Часослова (или же Псалтири — *Philoth54*), но не Евхология, доказывает, что такое использование — в составе личного молитвенного правила — и было для канона “на исход души” первоначальным.

Это позволяет объяснить появление атрибуции прп. Андрею Критскому: в XIV–XV вв. и на греческой, и на славянской почве засвидетельствовано использование отдельных тропарей из Великого канона прп. Андрея в составе келейных молитв перед сном, так что канон “на исход души”, если он использовался в том же качестве, мог смешаться с ними. На ощущавшуюся средневековыми книжниками его связь с Великим канонам указывает и тот факт, что в ряде славянских рукописей²¹, равно как и в русских дониконовских изданиях, в состав чина “на исход души” входит кондак Великого канона “Душе моя, душе моя”, напр. [*Помребник* 1623: л. 354 об.]. К Великому канону, несомненно, отсылает и канон Божией Матери авторства патриарха (?) Евфимия²², который в некоторых рукописях — напр., уже упомянутой *Philoth54*, а также *Kutl25*, и др. — сопровождает канон “на исход души”. Ср. incipita первого и второго тропарей канона Евфимия: Πῶς μου θρηνησῶ τὸν βίον τὸν ῥυπαρόν и

автора последней статьи о том, что канон является сравнительно редким текстом (“a relatively rare text”) и отсутствует в стандартных изданиях Евхология, — ошибочно.

²¹ Среди греческих рукописей, изученных прот. Д. Церпосом, подобных примеров нет [ЦЕРПОС 2007: 77–79]; впрочем, общее число списков должно значительно превосходить использованную им выборку.

²² Автор канона Евфимий назван патриархом в *SinGr827*. По непонятной причине прот. Д. Церпос отождествляет его с патриархом Константинопольским Евфимием II (III), правившим в 1410–1416 гг. [ЦЕРПОС 2007: 75], хотя это явно противоречит датировкам рукописей (*Philoth54* и *SinGr827* — XIII в.). Скорее, автором канона следовало бы считать патриарха Константинопольского Евфимия I (II), правившего в 907–912 гг. и написавшего гомилии как раз мариологической тематики: на праздник Зачатия Богородицы св. Анной и на поклонение честному поясу Божией Матери в день освящения Халкопатрийской церкви [JUGIE 1913: 486–492]. Также нельзя исключать возможность авторства Иерусалимских патриархов: Евфимия I († после 1083), который постоянно жил в Константинополе и интересовался литургической проблематикой (в частности, его подпись стоит под текстом Типикона Григория Пакуриана), и Евфимия II (†1223), который оказался в Иерусалиме после IV Крестового похода, а во время V Крестового похода предпринял бегство на Синай (атрибуция канона патриарху Евфимию встречается именно в синайской рукописи), где и умер.

Πόθεν ἀπάρξομαι λέγειν τὰ πονηρά²³ с incipit Великого канона: Πόθεν ἄρξομαι θρηνεῖν τὰς τοῦ ἀθλίου μου βίου πράξεις²⁴.

Предсмертные распоряжения героя канона "на исход души"
и последняя воля митрополита Константина

Возвращаясь к теме настоящей статьи, обратим внимание на то, какие распоряжения герой канона "на исход души" отдает относительно того, что следует сделать с его телом после кончины²⁵:

Κλίνατε τὸ οὖς ὑμῶν· ἀδελφοί μου πρὸς ἐμέ·
καὶ προσηνωῶς ἀκούσατε ἐλεεινῶν ῥημάτων μικρὰν φθογγήν· καὶ μὴ
παρακούσητε·
καὶ μισθὸν ἐκ Κυρίου πάντως λήψεσθε.

Ἴδου νῦν χωρίζεται μετ' ὀδύνης ἡ ψυχὴ τοῦ ταπεινοῦ μου σώματος·
μὴ οὖν τὸ σῶμά μου θάψητε ἐν τῇ γῆ· οὐκ ἔστι γὰρ ἄξιον·
ἀλλὰ σύραντες ἔξω, कुसि रीψाते.

Τί γάρ μοι τὸ ὄφελος· τὴν ψυχὴν ἐν φοβεροῖς δικαστηρίοις σύρεσθαι· τὸ δὲ
σῶμά μου ψάλλεσθαι ὑφ' ὑμῶν;
ἐάσατε ἄταφον, ὅπως φάγωσι κύνες τὴν καρδίαν μου.

Ἴσως διερχόμενοι ξένοι βλέποντες ὅσα ὑπὸ κυνῶν συρόμενα,
κατανουγέντες κλαύσουσιν ἐκ ψυχῆς·
Ἐλέησον Δέσποινα, τὴν ψυχὴν τοῦ ἀθλίου τούτου σώματος.

(6-я песнь канона "на исход души").

Наш перевод:

Приклоните ухо ваше, братья моя, ко мне,
и милостиво выслушайте краткую речь с жалостными словами, и
не ослушайтесь,
и несомненно получите вознаграждение от Господа.

²³ Канон печатается в современных богослужебных книгах Православной Церкви, но не в составе чина "на исход души", а в качестве самостоятельного последования "ко Пресв. Богородице во исповедание грешника", и приписывается "Евфимию Монаху Синкеллу" (напр., [Εὐχολόγιον τὸ Μέγα 1891: 232–236; Τρεβνικ 1884: лл. 240 об.–242 об.]), что можно считать аргументом в пользу авторства Константинопольского патриарха Евфимия I (II), который до избрания на кафедру был синкеллом.

²⁴ Также можно отметить, что, подобно Великому канону, произведение Евфимия написано на 2-й плагальный глас, но — как и канон "на исход души" — на ирмосы Ὡς ἐν ἡπείρω.

²⁵ Греческий текст приводится по [Lesb295: 335–338], современный печатный текст [Μικρὸν Εὐχολόγιον 1996: 223] имеет некоторые отличия.

Вот сейчас в муках душа отделяется от смиренного моего тела —
так не погребайте тело мое в земле, ибо оно недостойно этого,
но выволоките вон и бросьте псам²⁶.

Какая мне польза в том, что вы отпоете мое тело, а душу мою потащат
на страшные суды?

— оставьте его непогребенным, чтобы сожрали псы мое сердце.

Может, чужие люди, проходя мимо и увидев, как псы растаскивают
кости, сокрушатся и от души возрыдают:

Помилуй, Владычица, душу несчастного этого тела!

Нельзя не заметить, что эти распоряжения полностью совпадают с предсмертной волей митрополита Константина. Они даже изложены в том же порядке, что легко представить в виде следующей таблицы.

Лаврентьевская летопись	Канон “на исход души”	
призва к собѣ епископа Черниговского · Антоныа ·	Δεϋτε συνάχθητε. . .	1 песнь, 1 тропарь
заклатъ и глагола сице:	. . . ἀκούσατε ἐλεεινῶν ῥημάτων μικρὰν φθογγήν· καὶ μὴ παρακούσητε·	6 песнь, 1 тропарь
по ђмерьтвии моеѡь	. . . χωρίζεται μετ’ ὀδύνης ἡ ψυχὴ τοῦ ταπεινοῦ μου σώματος·	6 песнь, 2 тропарь
не погребешъ тѣла моєго ·	μὴ οὔν τὸ σῶμά μου θάψητε ἐν τῇ γῆ·	
но ђжеь поверзше за нозѣ мои ·	—	<i>ср. миниатюру [Lesb295: 337]</i>
извлечѣте ма из града ·	ἀλλὰ σύραντες ἔξω	6 песнь, 2 тропарь
и поверзѣте ма псомѡь	κυσὶ ρίψατε.	
на расхытанье.	. . . ὅστ᾿ ὑπὸ κυνῶν συρόμενα	6 песнь, 4 тропарь

Единственная деталь, на первый взгляд, отсутствующая в тексте канона, — это предписание волочь тело, связав его веревкой за ноги (ђжеь [. . .] за нозѣ). Но она явно подразумевается: волочение (σύραντες канона²⁷)

²⁶ Автор канона в одном и том же тропаре говорит и о муках смерти, и о псах, которым отдается тело. Заметим, что сравнение страданий и страстей с терзающими тело псами известно и античной литературе (Антисфен в Gnomologium Vaticanum, 1), и христианской (свт. Иоанн Златоуст, Гомилия на Книгу Бытия, 21.6 [PG 53: 184]).

²⁷ Можно отметить, что автор канона сознательно пытается обыграть глагол σύρω в максимальной степени: в различных формах он встречается во всех трех

мертвого тела в византийской литературной и иконографической традиции почти всегда осуществлялось посредством привязанной за ноги веревки. Миниатюры к канону в лесбосской рукописи это полностью подтверждают — на иллюстрациях к интересующим нас второму-четвертому тропарям 6-й песни канона мы видим следующее:

А) ангелы и бесы у ложа умирающего [*Lesb295*: 336];

Б) двое людей, волокущие его тело веревкой за ноги, а также псы, прыгающие на его ложе, и даже летающиеся к нему птицы [*Lesb295*: 337]²⁸;

В) в целом то же, что и в предыдущей иллюстрации, но волокущие остановились, а над телом появилась икона Богородицы, к Которой обращается умирающий [*Lesb295*: 338]²⁹.

Итак, полное совпадение всех пунктов содержания и порядка их изложения в "завещании" Константина I и в каноне "на исход души" несомненно. Однако не может ли это совпадение быть делом рук позднейшего русского книжника, как это — пусть и на другой, неудачной, параллели — пытался показать П. П. Толочко? Против подобного предположения говорят два обстоятельства. Во-первых, у нас нет сведений о бытовании данного канона на Руси в домонгольское время: в русских рукописях старше XV в. он не встречается и попадает к восточным

процитированных тропарях 6-й песни, сначала указывая на волочение мертвого тела вон (из города? или монастыря?), затем на принудительную доставку души на суд Божий, в финале песни — на растаскивание костей покойного псами.

²⁸ Птицы взяты художником не из текста тропарей, а, очевидно, из иконографии растерзания выброшенных тел (ср., например, мозаики из цикла Потопа в Паладинской капелле в Палермо того же XII в.) или из вышеописанной аскетической практики выбрасывания тел диким зверям (так же как и превращения псов канона и его миниатюр во львов на фресках Хиландара, см. ниже).

²⁹ Такие же иконы, с разной иконографией Богородицы, встречаются и на других иллюстрациях к канону, преимущественно, к богородичным [*Lesb295*: 324, 326, 330, 334, 338], наряду с образами Христа [*Lesb295*: 325, 339] и архангела Михаила [*Lesb295*: 333]. Было бы, конечно, весьма заманчиво отождествить одну из этих икон с образом Богородицы на печати митрополита Константина. Известны два типа печатей киевских митрополитов с именем Константин, относящиеся, очевидно, к Константину I и Константину II, однако определение того, кому какой тип принадлежит, лишено доказательств. Первый тип, приписываемый Константину I и несущий на аверсе изображение тронной Богородицы, представлен двумя экземплярами: в Афинах и Шумене [LAURENT 1963: 606, № 789; Йорданов 2009]. Второй тип, с ростовым изображением Богородицы Влахернитиссы-Знамения на аверсе, известен в четырех экземплярах: из Киева, Звенигорода Галицкого, из Любенки близ Рязани и с поселения в Гаврилово-Посадском р-не Ивановской обл. [Лихачев 1906: 8–10, рис. 7; SOLOVIEV 1962: 296–297, Taf. V, № 9; LAURENT 1963: 606–607, № 790; Лихачев 1906: 5, рис. 4; SWIENCISKI 1940: 434, 436, № 2; SOLOVIEV 1962: 296, Taf. IV, № 8; Грушевский 1899: 20; Янин, Гайдук 2001: 179–197, №№ 51–4, 51–5]. Впрочем, среди икон Богородицы на миниатюрах лесбосской рукописи (определяются типы Дексиократуссы и Агиосоритиссы, а также оплечное изображение в фас) нет образов ни тронной Богородицы, ни Влахернитиссы.

славянам через посредство сербской книжности XIV в.³⁰ Во-вторых, такому предположению четко противоречит сам летописный контекст завещания: исполнение воли Константина черниговским епископом Антонием вызвало такое непонимание у всех местных жителей (“народи же вси дивишаса ѡ смерти юго”), что на следующий день князь, после совета с приближенными и епископом, прекращает столь странное действие и погребает митрополита в кафедральном соборе города. Следовательно, никто из зрителей не был знаком ни с нашим каноном, ни с византийской монашеской традицией добровольного поношения собственных останков. Черниговский же епископ Антоний, согласившийся выполнить эту своеобразную предсмертную волю, был, как и Константин, греком [ПСРЛ 2: 523], и, более того, его ставленником, т. е. приближенным к митрополиту и входившим в тот же культурный круг человеком, который вполне мог понять смысл его странного завещания. Нельзя исключать даже, что текст “завещания” в летописи есть русский перевод-пересказ греческого тропаря, произнесенного митрополитом перед смертью.

Но тут нам следует ответить на ключевой вопрос: а мог ли знать митрополит Киевский Константин I в середине XII в. канон “на исход души”? С точки зрения хронологии никакого препятствия для этого не существует: канон уже бытовал в рукописях во второй половине того же столетия. Сам Константин принадлежал к интеллектуальной элите греческой Церкви³¹, а следовательно, с высокой степенью вероятности должен был быть знаком даже с новинками византийской гимнографии. Более того, именно с каноном “на исход души” он, как нам кажется, просто не мог не быть знаком, поскольку этот канон входит в круг произведений, связанных с новыми веяниями в константинопольской аскетической традиции, проводниками которых на Руси и были митрополит Константин и его ставленники.

Канон “на исход души” и константинопольское монашество XII в.

Содержание канона “на исход души” можно определить как проекцию в область гимнографии полуапокрифических средневизантийских “частных

³⁰ Древнейшая известная нам рукопись славянского перевода канона — это сербский Требник РНБ Q.п.1.61, XIV в. (л. 60 об.–63). При этом на фресках 1260–1270-х гг. из Хиландарского монастыря канон цитируется еще по-гречески ([Радоичић 1961]; автор упоминает и две сербские рукописи канона — Крушедол 27 и 31 (ныне МСПЦ 237 и 246), — но они поздние, XVI в.).

³¹ Так, вероятнее всего, именно он был фактическим автором определения Константинопольского Собора 1156 г. [PG 140: 148–177], рассматривавшего тонкий богословский вопрос о том, Кому приносится жертва Евхаристии [Успенский 2001: 177–179].

апокалипсисов" [PATTERSON ŠEVČENKO 2009]. В последних реалии константинопольского двора превращаются в образы посмертной судьбы человека: бюрократические проволочки — в мытарства, необходимость обращаться к сидящему на высоком троне императору через посредство специальных сановников — в такой образ Суда Божия, где подсудимый лишь молча выслушивает приговор (ср. 1-й тропарь 8-й песни нашего канона: "Прииде лютое свыше изречение. . ."), а апелляции возможны лишь через ходатаев: в каноне это ангельские существа и Божия Матерь [BAUN 2007: 267–318]. Недаром на протяжении всего канона его автор обращается ко Христу всего один раз: в первом тропаре 5-й песни, где автор представлен еще не умершим.

Но для определения места канона "на исход души" в общей палитре византийских аскетических практик XII в. необходимо обратить внимание на следующие два обстоятельства. Во-первых, лесбосский Часослов, в котором он впервые засвидетельствован, содержит весьма необычный круг суточных служб. Во-вторых, и в этой рукописи, и в ряде других памятников, канон проиллюстрирован.

Часослов *Lesb295* принадлежит к небольшой группе рукописей, в которых суточный круг включает 24 службы, на каждый час дня и ночи [FRØYSHOV 2014]. Некоторые исследователи делали попытки отождествить этот круг с богослужением константинопольских акимитов V–VI вв. [ΓΕΔΕΩΝ 1903; ΦΟΥΝΤΟΥΛΗΣ 1963], однако существование акимитов в послеиконоборческую эпоху — менее чем вероятно³². В то же время, существование такого круга служб возможно только в монашеской среде. Весьма вероятна связь монастыря, в котором был создан лесбосский Часослов, с греческим Востоком, поскольку аналогичные по составу Часословы известны, прежде всего, в грузинских переводах, выполненных в Палестине и на Синае³³. Итак, канон "на исход души" на самом раннем этапе своего бытования был связан с практиками восточного — с точки зрения Константинополя — монашества.

Далее, иллюстративный ряд, которым сопровождается канон "на исход души" в лесбосском Часослове, представляет собой не прихоть создателя рукописи, но, напротив, прочно ассоциирован с каноном (возможно, даже с момента его создания [ΤΖΕΡΠΟΣ 2007: 99–108]), поскольку воспроизводится в целой серии последующих памятников — в том числе, в монументальной живописи (в парэкклисии в башне св. Георгия в Хиландарском монастыре (1260–1270-е гг.) и на Григорьевой

³² Об эволюции доиконоборческих монашеских движений Константинополя, включая акимитов, см. [HATLIE 2008].

³³ Прежде всего, это Часословы из сборника Иоанна-Зосима ([FRØYSHOV 2003]; в настоящее время текст готовится к публикации в серии CSCO); подробнее см. [FRØYSHOV 2014].

галерее — втором этаже нартекса — Св. Софии Охридской (ок. 1345 г.) [Радоичић 1961; Djurić 1964: fig. 9–15; Грозданов 1980: 87–91, 193–194; Тодић 1997]) и на иконах [Кондаков 1933: 366–367 (текст); Кондаков 1929: 117 (иллюстрация)]. Иллюстрации к канону являются не столько элементом личного благочестия в виде украшения рукописи, сколько наглядной парадигмой поведения души христианина, представляющей сразу после смерти перед судом³⁴: об этом говорит также нелитургическая форма представления текста в лесбосской рукописи — каждый тропарь выписан на отдельной странице, с оставлением большей ее части под миниатюру³⁵, даже богородичны никак не выделены.

Ассоциация гимнографического канона со строго определенным визуальным рядом представляет собой уникальное явление в византийской иконографии. В то время как некоторые другие песнопения имеют за собой большую изобразительную традицию, каноны никогда не иллюстрировались, за исключением всего двух [Mouriki 1973]: нашего канона “на исход души” и “канона покаянного”, основанного на гл. 5 “Лествицы” прп. Иоанна Лествичника. Последний известен в двух рукописях 2-й четв. XII в. — *VatGr175* и *Vucur*, а также нескольких более поздних. Интересно, что обе ранние рукописи канона происходят, вероятнее всего, из Палестины или с Кипра [Martin 1954: 128–149, pl. 246–292; Barnea 1963; Avner 1984]. Из того же региона, возможно, происходит и лесбосский Часослов [Вокотопоглоас 1994: 96–97]. Полное заглавие “канона покаянного” звучит так: *Κανὼν κατανοητικὸς τὴν ἱστορίαν διαλαμβάνων τῶν ἐν τῇ Κλίμακι ἀγίων καταδίκων* — “Канон покаянный, содержащий историю святых осужденников из Лествицы”. Осужденники, о которых идет речь, — это герои 5-го слова знаменитой “Лествицы” прп. Иоанна Лествичника, “О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников, и о темнице” [PG 88: 764–781], где описываются добровольные муки — испытания зноем, холодом, жаждой и т. п. — монахов, кающихся в своих грехах. В обеих рукописях “канона покаянного” каждый его тропарь сопровождается иллюстрация, изображающая тот или иной способ добровольных страданий, а также короткий прозаический текст, чаще всего взятый из 5-го слова “Лествицы”. Как и в случае с каноном “на исход души”, “канон покаянный” представляет собой дидактическую поэму,

³⁴ В этом смысле они типологически сходны с напоминающим о смерти и воздаянии изображением Страшного Суда, которое получает новую иконографию и широкое распространение также в XII в. (Торчелло, Кирилловская церковь в Киеве, Георгиевский собор Старой Ладogi, Спас Нередица в Новгороде, Дмитровский собор во Владимире и др.).

³⁵ Аналог последней схемы мы видим только в “Минологии Василия II” (нач. XI в.), где каждая страница поделена на две части: для текста и для миниатюры.

оформленную в виде якобы литургического текста; какое-либо богослужбное его использование не засвидетельствовано. Вероятное происхождение рукописей из одного региона и примерно в одну эпоху, а главное — отсутствие каких-либо иных аналогий для композиции “дидактическая поэма в форме гимнографического канона с иллюстрациями”, заставляют предположить взаимосвязь канонов “на исход души” и “покаянного”. Эта взаимосвязь подтверждается и на содержательном уровне: две из иллюстраций к “канону покаянному” (ко второму и третьему тропарям 8-й песни, илл. 3) представляют монахов, окруживших “испускающего дух” (*ψυχορραγούντα*) собрата: согласно тексту “Лествицы” (5.22) [PG 88: 772–773], они спрашивают его о том, что он чувствует во время смерти. При этом в предыдущем параграфе “Лествицы” (5.21) рассказывается, что умирающий в покаянии монах часто просил своего авву, чтобы тот “не сподоблял его человеческого погребения, но, как скота, повелел бы предать тело его речным струям, или выбросить в поле на съедение зверям: что нередко и исполнял сей светильник рассуждения, повелевая, чтобы их выносили без чести и лишали всякого псалмопения” [PG 88: 772–773]. Наш канон “на исход души” тем самым оказывается как бы продолжением “канона покаянного”.

Таким образом, канон “на исход души” связан с практиками палестинского или синайского монашества и одним из его ключевых аскетических руководств — “Лествицей” прп. Иоанна Лествичника. Как это может прояснить отношение митрополита Киевского Константина к канону? Конец XI — начало XII вв. в Византии ознаменовались мощным монашеским движением, приведшим к появлению целого ряда монастырей, организованных по новым принципам [Thomas, Constantinides Nero 2000: 441–453]. Одним из ведущих центров этого движения был расположенный около Константинополя Евергетидский монастырь, чьи Типикон (базовый документ, определявший устройство и принципы функционирования монастыря) и Синаксарь (литургический устав на весь год) стали образцами для подражания в целом ряде других обителей [Ibid. 2000: 454–506; см. также наглядное представление зависимости ряда византийских монастырских Типиконов от Евергетидского: Ibid.: 1718–1723]. Но Евергетидский Синаксарь воспроизводил традиции, характерные не для Константинополя и окрестностей, а для Малой Азии — как показал А. М. Пентковский, в основе Евергетидского Синаксаря лежит богослужбный устав монастыря прп. Лазаря Галесийского [Пентковский 2004]. По сравнению с оригинальным константинопольским Студийским Синаксарем, сохранившимся в практически неизменном виде в составе Студийско-Алексиевского устава [Пентковский 2001], Евергетидский Синаксарь —

строже: в состав служб включено больше уставных чтений, псалмопения, гимнографических текстов, предписания о соблюдении постов носят более ригористический характер [THOMAS, CONSTANTINIDES Неро 2000: 1696–1716]. В частности, в Евергетидском Синаксаре появляется указание о чтении “Лествицы” на часах в период Великого поста [Виноградов В. 1914: 87], аналогичное предписанию Иерусалимского (т. е. палестинского) устава [там же: 152], чего не было в Студийском Синаксаре [там же: 77]³⁶. Впрочем, лесбосский Часослов не очень соответствует Евергетидскому уставу, однако несомненная взаимосвязь между практикой чтения канона “на исход души” и евергетидской традицией видна из того, что в Хиландарском монастыре уже в XIII в. создается парэкклисий (в башне св. Георгия — см. выше), стены которого украшают иллюстрации к этому канону³⁷, поскольку до XIV в. в этом монастыре использовался именно Евергетидский устав [Митрович 1997]. В Евергетидском уставе также впервые зафиксирована практика ежедневного исполнения гимнографических канонов вне контекста чина утрени³⁸, а конкретно — на панихис, прибавочной службе с пением канона после вечерни [Желтов 2008]. Канон на панихис обычно исполнялся вместе с кондаком *Προστασία τῶν χριστιανῶν*, и вряд ли случайно, что и канон “на исход души”, согласно ряду рукописей [ΤΖΕΡΠΟΣ 2007: 78] и современным греческим изданиям, сопровождается этим же кондаком [*Μικρὸν Εὐχολόγιον* 1996: 224].

Поведение митрополита Константина в 1156 г., когда при его активном участии созывается Собор, на котором проводится целая богословская доктрина (см. выше), выдает в нем человека, весьма неравнодушного к вопросам веры и благочестия. Поэтому невозможно допустить, чтобы он не был знаком с плодами монашеской реформы конца XI – начала XII вв. и всеми сопутствующими литургическими традициями, распространившимися из Евергетидского монастыря по многим другим обителям. В то же время на Руси об этом не знали ничего: русские богослужебные книги основывались на западноболгарских переводах XV в.³⁹, а единственным доступным русским богослужебным Синаксарем

³⁶ Закономерным итогом процесса признания за “Лествицей” особого статуса в ряду других аскетических произведений стало появление в XIII в. особого празднования в честь прп. Иоанна Лествичника в четвертое великопостное воскресенье [BERTONIERE 1997: 92].

³⁷ А также сцена воскресения прав. Лазаря и др. — можно предположить, что парэкклисий предназначался для медитативных размышлений монахов о посмертной жизни и о воскресении.

³⁸ Следует подчеркнуть, что речь идет о ежедневной практике, примеров спорадического использования канонов вне чина утрени немало и ранее.

³⁹ Связанных с деятельностью, прежде всего, св. Климента Охридского, проходившей, вероятно, в регионе фемы Диррахий [Пентковский 2013].

был первоначальный Студийский — в составе Студийско-Алексиевского устава. Не этим ли следует объяснять угадываемое в сообщении Ипатьевской летописи недовольство Константина богослужебными порядками русских? — прибыв на Русь, он первым делом отверг не только "ставления" Клима, что понятно, но и "службу" [ПСРЛ 2: 485]⁴⁰. В свою очередь, единомышленники Константина греки Антоний Черниговский и Леон Ростовский спровоцировали ожесточенные споры о строгости соблюдения постов, несомненно противопоставляя новую, более ригористичную, византийскую духовность старой, все еще сохранявшейся на Руси⁴¹. Таким образом, использование митрополитом Константином канона "на исход души" следует понимать не как одиночный казус, но как еще одно свидетельство о последовательном отстаивании всей его партией новых принципов организации духовной жизни в духе реформированных византийских монастырей XII в.

Смысл и цель "завещания" Константина

Как было отмечено в начале статьи, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, указавшие на место действий митрополита Константина в ряду аналогичных аскетических поступков, не стали искать для него иных мотивов, кроме подражания агиографической парадигме (ср. поиск "пропавшего жития" у П. П. Толочко). Смещение образца для подражания с агиографии на гимнографию, описывающую такую "идеальную смерть" и даже предписывающую ее монаху, в еще большей мере позволяет ограничиться чистой парадигматичностью в поведении митрополита, не обусловленной никакими другими причинами: Константин подражает читанному и виденному им *exemplum*.

Впрочем, нельзя ли все же усмотреть в буквальном исполнении Константином предписаний канона "на исход души" некое послание? Предположим, что оно было обращено к русской пастве митрополита. На это даже вроде бы намекает финальный тропарь (богородичен) 6-й песни канона: "Может, чужие люди (греч. ξένοι — "чужаки, чужеземцы, гости"), проходя мимо и увидев растаскиваемые псами кости, поразятся и от души возрыдают: *Помилуй, Владычица, душу несчастного этого тела!*". Однако если Константин и искал от русских сугубой молитвы о себе, он этого не дождался. Черниговцы, не знавшие греческого канона, но зато хорошо знакомые (в т. ч. и по событиям 1147 г.) с аналогичной практикой глумления над останками, очевидно, не поняли

⁴⁰ Здесь же уместно задать вопрос: а случайностью ли было то, что главной мишенью критики Константина на Соборе 1156 г. был епископ именно Диррахия (см. выше, а также: [Ермилов 2008])?

⁴¹ Авторы настоящей статьи готовят на эту тему отдельную публикацию.

смысл митрополичьего акта и сочли его своего рода святотатством, которое черниговский князь “исправил” погребением Константина в соборе.

Но, возможно, последним жестом добровольного поругания своего тела митрополит обращался с неким посланием к каким-то вполне конкретным личностям — представителям своей либо противоположной, “климовой” церковной партии, либо к князю и его людям? Конечно, вряд ли он мог не осознавать печального итога своего митрополичества: он не только был изгнан из Киева, но и должен был, по соглашению русских князей, быть замещен присланным из Константинополя третьим кандидатом — это автоматически ставило его на один уровень с канонически поставленным Климом. Однако причиной такого его завещания вряд ли было покаяние в подобного рода грехах: шестимесячном отсутствии на кафедре, как считает К. Ханник, или “проклятии” князя Изяслава, как полагает А. Ю. Карпов [Карпов 2006: 338], — в летописи нет указаний на раскаяние Константина в своих поступках. Более того, дальнейшее аналогичное упорство его ставленников в проведении намеченной линии заставляет нас полностью отказаться от мысли о том, что Константин считал себя в чем-то неправым — скорее, наоборот.

Уже в Константинополе митрополит проявил себя в качестве человека, который знает лучше других, как должна верить Церковь. В Киеве он критикует местное богослужение, борется с “неправильными” поставлениями не одобренного Царьградом митрополита. Он даже вмешивается в чисто княжеские дела — в истории с выдачей князя Ивана Берладника [ПСРЛ 2: 488] и с “клятвой” на князя Изяслава. Его сподвижники Антоний Черниговский и Леон Ростовский продолжают борьбу с неверными, как им кажется, аскетическими практиками Русской Церкви. Таким образом, общая линия поведения Константина состоит в максимально последовательном проведении в жизнь тех богословских идей, канонических принципов, аскетических норм, какие он и его круг считали единственно верными. Этим, на наш взгляд, и следует объяснить буквальное выполнение им предписаний канона “на исход души”, который как раз в ту эпоху занял свое место в духовной жизни ключевых византийских монастырей. Если своим “погребением” митрополит и хотел что-то кому-то показать, то лишь свою способность следовать до конца однажды выбранной парадигме.

Илл. 1. Lesb295: 337, миниатюра с изображением канона
“на исход души”, третий тропарь 6-й песни.

Илл. 2. Хиландар, башня св. Георгия, фреска с изображением канона “на исход души”, четвертый тропарь 6-й песни.

Илл. 3. VatGr1754: 16v, миниатюра с изображением “канона покаянного”, третий тропарь 8-й песни.

Библиография

Источники

*Рукописи***BarbGr336**

Рим, Ватиканская библиотека, собрание кардинала Барберини, Barberini gr. 336, кон. VIII в. — итало-греческая рукопись Евхология (древнейший из сохранившихся списков этой книги); см. издание полного текста [PARENTI, VELKOVSKA 2000]; обязательно с учетом критики Андрэ Жакоба [JACOV 1997, 1999].

Vucur

(= Vucurest gr. 1294 + Naifa gr. 1), 2-я четв. XII в., см. подробное описание и частичное издание рукописи [BARNEA 1963] и хайфского бифолия [AVNER 1984].

Kutl25

Афон, монастырь Кутлумуш, № 25 (491), Евхологий XIV в., см. описание [ΠΟΛΙΤΗΣ, ΜΑΝΟΥΣΑΚΑΣ 1973: 19–22].

Lesb295

Монастырь Лимонос (Св. Игнатия), о. Лесбос, № 295, Часослов втор. пол. XII в.; подробное описание, библиография и полная фотокопия рукописи доступны онлайн: http://84.205.233.134/library/view_more_en.php?id=269; см. также [ВОКОТОПОГЛОС 2003; FRØYSHOV 2014].

Philoth54

Афон, монастырь Филофеу, № 54, Псалтирь XII в., см. краткое описание [LAMBROS 1895: 155].

Q.n.I.61

С.-Петербург, Российская национальная библиотека, Q.n.I. 61, Сербский Требник XIV в., см. краткое описание [ГРАНСТРЕМ 1953: 107].

SinGr827

Синай, Монастырь Св. Екатерины, Sinait. gr. № 827, Октоих XIII в.

VatGr1754

Рим, Ватиканская библиотека, Vatican. gr. 1754, Лествица XI в. с прибавлениями XII–XIII вв., см. подробное описание [CANART 1970: 47–51], а также [TIKKANEN 1890; MARTIN 1954: 181–183 и илл. 237–277].

*Издания***Панихидник 2004**

Панихидник, Москва, 2004.

Потребник 1623

Потребник, Москва, 1623.

ПСРЛ 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926–1928.

ПСРЛ 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, С.-Петербург, 1908.

Требник 1884

Требник [большой], Москва, 1884.

PG 1–166

MIGNE J. P., ed., *Patrologiae cursus completes* [. . .] *Series graeca*, 1–166, Paris, 1857–1866.

Εὐχολόγιον τὸ Μέγα 1891

Εὐχολόγιον τὸ Μέγα [..] ὑπὸ Σπ. ἱερομ. Ζέρβου, Βενετία, 1891.

Εὐχολόγιον (ἔκδ. Σιμωνόπετρα), Γ' 2002

Εὐχολόγιον, Γ' — Ἐξοδιαστικόν, περιέχον ἀπάσας τὰς νεκρωσίμους ἀπολουθείας καὶ τὰ μνημόσυνα, ὡς καὶ διαφόρους συγχωρητικὰς εὐχὰς, Ἁγίου Ὄρους, 2002.

Μικρὸν Εὐχολόγιον 1996

Μικρὸν Εὐχολόγιον ἢ Ἀγιασματάριον, Ἀθήναι, 1996.

Литература

Андрошук 2011

Андрошук Ф. А., "Печати черниговского епископа Антония Гречина", *Ruthenica*, 10, 2011, 229–233.

Афиногенова 2008

Афиногенова О. Н., "Кульτ архангела Михаила в Византийской империи" (дисс. канд. ист. наук: ИВИ РАН, Москва, 2008).

Виноградов В. 1914

Виноградов В. П., *Уставные чтения (проповедь книги): Историко-гомилетическое исследование, 1: Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви*, Сергиев Посад, 1914.

Гранстрем 1953

Гранстрем Е. Э., *Описание русских и славянских пергаменных рукописей* (ГПИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Труды Отдела рукописей), Ленинград, 1953.

Грозданов 1980

Грозданов Цв., *Охридско зидно сликарство XIV века*, Београд, 1980.

Грушевський 1899

Грушевський М., "Звенигород галицький, історично-археологічна розвідка", *Записки наукового товариства ім. Шевченка*, 31–32, 1899, отд. III.2, 19–22.

Ермилов 2008

Ермилов П. В., "К вопросу об осуждении протэкдика Михаила на Константинопольских Соборах 1156–1157 годов", *Вестник ПСТГУ, I: Богословие. Философия*, 3/23, 2008, 59–72.

Желтов 2008

Желтов М. С., "Евергетидский Типикон", в: *Православная энциклопедия*, 17, Москва, 2008, 139–143.

Йорданов 2009

Йорданов И., "Печат на Константин митрополит на Русия (XII в.), намерен в България", в: *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников*, Москва, 2009, 679–688.

Карпов 2006

Карпов А. Ю., *Юрий Долгорукий*, Москва, 2006.

Кондаков 1929

Кондаков Н. П., *Русская икона*, 2, Прага, 1929.

Кондаков 1933

Кондаков Н. П., *Русская икона*, 4, Прага, 1933.

Литвина, Успенский 2010

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Траектории традиции: Главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI – начала XIII в.*, Москва, 2010.

Лихачев 1906

Лихачев Н. П., *Материалы для Истории Русского Иконописания*, 2, С.-Петербург, 1906.

Митрович 2007

Митрович М., “Литургическая традиция монастыря Хиландар” (дисс. канд. богосл.: МДА, Сергиев Посад, 2007).

Пентковский 2001

Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

Пентковский 2004

Пентковский А. М., “Евергетидский монастырь и императорские монастыри в Константинополе в конце XI – начале XII века”, *Византийский временник*, 63 (88), 2004, 76–88.

Пентковский 2013

Пентковский А. М., “Почитание святителя Климента в Охриде в X–XIV вв.”, *Старобългарска литература*, 48, 2013, 79–113.

Поппэ 1996

Поппэ А., “Митрополиты Киевские и всея Руси”, в: Г. Подскальски, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)* (= *Subsidia Byzantinogossica*, 1), А. В. Назаренко, пер., К. К. Акентьев, ред., 2-е изд., испр. и доп., С.-Петербург, 1996, 443–497.

Радојчић 1961

Радојчић С., “«Чин бивајемѝ на разлученијѝ души од тела» у монументалном сликарству XIV века”, *Зборник радова Византолошког института*, 7, 1961, 39–52.

Соколов 1913

Соколов П. П., *Русский архиерей из Византии*, Киев, 1913.

Тодић 1997

Тодић Б., “Фреске XIII века у параклису на пиргу св. Гејоргија у Хиландару”, у: *Хиландарски зборник*, 9, Београд, 1997, 35–73.

Толочко О. 1992

Толочко О. П., “Смерть митрополита Константина: До розуміння давньоруської моделі святості”, у: *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*, 2, 1992, 30–48.

Толочко П. 2010

Толочко П. П., “Емше, влачаху поверзше ужи за ноги”, *Ruthenica*, 9, 2010, 17–22.

Успенский 2001

Успенский Ф. И., *Очерки по истории византийской образованности. История Крестовых походов*, Москва, 2001.

Хорошев 1986

Хорошев А. С., *Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)*, Москва, 1986.

Янин, Гайдуков 2001

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., “Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г.”, в: *Новгород и новгородская земля: История и археология*, 15, Великий Новгород, 2001, 179–197.

Βοκοτοποῦλος 1994

Βοκοτοποῦλος Π. Α., “Ἡ εἰκονογράφηση τοῦ Κανόνος εἰς Ψυχορραγοῦντα στὸ Ὀρολόγιον 295 τῆς Μονῆς Λειμῶνος,” *Βυζαντινὰ Σύμμεικτα*, 9, 1994, 95–114.

Βοκοτοποῦλος 2003

Βοκοτοποῦλος Ρ. L., “I manoscritti bizantini illustrati della Moni Limonos di Lesbo,” in: A. Iacovini, ed., *Bisanzio, la Grecia e l'Italia: Atti della giornata di studi sulla civiltà artistica bizantina in onore di Mara Bonioli*, Roma, 2003, 33–44.

Γελεῶν 1903

Γελεῶν Μ., “Ἀναγνώσεις ἐκ τοῦ Ὀρολογίου τῆς τῶν Ἀκοιμήτων Μονῆς,” *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*, 36, 1903, 380–382; 37, 1903, 390–391.

ΠΟΛΙΤΗΣ, ΜΑΝΟΥΣΑΚΑΣ 1973

ΠΟΛΙΤΗΣ Δ., ΜΑΝΟΥΣΑΚΑΣ Μ., *Συμπληρωματικοί κατάλογοι χειρογράφων Αγίου Όρους* (= Έλληνικά, περιοδικόν σύγγραμμα Έταιρείας Μακεδονικῶν Σπουδῶν — Παράρτημα, 24), Θεσσαλονίκη, 1973.

ΤΖΕΡΠΟΣ 2007

ΤΖΕΡΠΟΣ Δ., ΠΡΩΤ., *Ἡ ὄρα τοῦ θανάτου καί ἡ Ἀκολουθία εἰς Ψυχορραγοῦντα — Συμβολή στή μελέτη τοῦ Βυζαντινοῦ Εὐχολογίου* (= Σύγχρονοι Λειτουργικοί Προβληματισμοί, 4), Ἀθήνα, 2007.

ΦΟΥΝΤΟΥΛΗΣ 1963

ΦΟΥΝΤΟΥΛΗΣ Ἰ. Μ., *Ἡ εἰκοσιετράωρος ἀκοίμητος δοξολογία*, Ἀθῆναι, 1963.

AVNER 1984

AVNER T., "The Recovery of an Illustrated Byzantine Manuscript of the Early 12th Century," *Byzantion*, 54, 1984, 5–25.

BARNEA 1963

BARNEA I., "Un manuscrit byzantin illustré du XIe siècle," *Revue des Études Sud-Est Européennes*, 1/3–4, 1963, 319–330.

BAUN 2007

BAUN J., *Tales from Another Byzantium: Celestial Journey and Local Community in the Medieval Greek Apocrypha*, Cambridge, 2007.

BERTONIERE 1997

BERTONIERE G., *The Sundays of Lent in the Triodion: The Sundays Without a Commemoration* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 253), Roma, 1997.

CANART 1970

CANART P., *Codices Vaticani Graeci, codices 1745–1962*, 1, Vatican, 1970.

CONSTAS 2001

CONSTAS N., "«To Sleep, Perchance to Dream»: The Middle State of Souls in Patristic and Byzantine Literature," *Dumbarton Oaks Papers*, 55, 2001, 91–124.

DJURIĆ 1964

DJURIĆ V. J., "Fresques médiévales à Chilandar: Contribution au catalogue des fresques du Mont Athos," dans: *Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines*, 3, Beograd, 1964, 59–98.

EVERY 1976

EVERY G., "Toll Gates on the Air Way," *Eastern Churches Review: A Journal of Eastern Christendom*, 8/2, 1976, 139–151.

FRØYSHOV 2003

FRØYSHOV S., "L'Horologe «géorgien» du Sinaiticus ibericus 34: Édition, traduction et commentaire" (докторская диссертация, защищенная в Сорбонне в 2003 г.).

FRØYSHOV 2014

FRØYSHOV S., "The Palestino-Byzantine Horologion: A First Attempt at Historical Overview and Typology," in: *Acta of the Expert Meetings of the Catalogue of Byzantine Manuscripts in Liturgical Context (= CBM) Project, Athens, 2010 and 2013*, Amsterdam, 2014 (в печати).

HANNICK 1988–1989

HANNICK Ch., "Kirchenrechtliche Aspekte des Verhältnisses zwischen Metropoliten und Fürsten in der Kiever Rus'," *Harvard Ukrainian Studies*, 12–13, 1988–1989, 727–742.

HATLIE 2008

HATLIE P., *The Monks and Monasteries of Constantinople, ca. 350–850*, Cambridge, 2008.

HÖRANDNER 2012

HÖRANDNER W., "The Byzantine Didactic Poem—A Neglected Literary Genre? A Survey with Special Reference to the Eleventh Century," in: BERNARD F., DEMOEN K., eds., *Poetry and Its Contexts in Eleventh-century Byzantium*, Farnham, 2012, 55–67.

- JACOB 1997
 JACOB A., "Une édition de l'euchologe Barberini," *Archivio storico per la Calabria e la Lucania*, 64, 1997, 6–31.
- JACOB 1999
 JACOB A., "Une seconde édition revue de l'euchologe Barberini," *Archivio storico per la Calabria e la Lucania*, 66, 1999, 175–181.
- JUGIE 1913
 JUGIE M., "La vie et les œuvres de S. Euthyme de Constantinople," *Échos d'Orient*, 16, 1913, 385–395, 481–492.
- LAMBROS 1895
 LAMBROS S., *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos*, 1, Cambridge, 1895.
- LAURENT 1963
 LAURENT V., *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, 5: *L'Église, Première partie: L'Église de Constantinople. A. La Hiérarchie*, Paris, 1963.
- MARTIN 1954
 MARTIN J. R., *The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus*, Princeton (NJ), 1954.
- MOURIKI 1973
 MOURIKI D., "Hymnography and Illustrated Manuscripts," in: G. VIKAN, ed., *Illuminated Greek Manuscripts from American Collections: An Exhibition in Honor of Kurt Weitzmann*, Princeton (NJ), 1973, 26–30.
- PARENTI, VELKOVSKA 2000
 PARENTI S., VELKOVSKA E., *L'Eucologio Barberini gr. 336: Seconda edizione riveduta* (= Bibliotheca "Ephemerides liturgicae," Subsidia, 80), Roma, 2000.
- PATTERSON ŠEVČENKO 2009
 PATTERSON ŠEVČENKO N., "Images of the Second Coming and the Fate of the Soul in Middle Byzantine Art," in: R. DALY., ed., *Apocalyptic Thought in Early Christianity*, Grand Rapids (MI), 2009, 250–272.
- PETIT 1907
 PETIT L., "André de Crète", dans: *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, 1/2, Paris, 1907, 2034–2041.
- SOLOVIEV 1962
 SOLOVIEV A. V., "Metropolitensiegel des Kiewer Russland," *Byzantinische Zeitschrift*, 55, 1962, 296–297.
- SULLIVAN, TALBOT, MCGRATH 2014
 SULLIVAN D., TALBOT A.-M., MCGRATH S., eds. and transls., *The Life of Saint Basil the Younger: Critical Edition and Annotated Translation of the Moscow Version* (= Dumbarton Oaks Studies, 45), Washington (DC), 2014.
- SWIENCICKYI 1940
 SWIENCICKYI I., "Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow", в: *Известия на българското историческо дружество. Сборник в памет на проф. Петър Ников*, София, 1940, 434–450.
- THOMAS, CONSTANTINIDES HERO 2000
 THOMAS J., CONSTANTINIDES HERO A., eds., *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments* (= Dumbarton Oaks Studies, 35), Washington (DC), 2000.
- TIKKANEN 1890
 Tikkanen J. J., "Eine illustrierte Klimax-handschrift der Vatikanischen bibliothek," *Acta Societatis scientiarum fennicae*, 19/2, 1890, 4–20.

References

- Androshchuk F. A., "Pechati chernigovskogo episkopa Antonia Grechina," *Ruthenica*, 10, 2011, 229–233.
- Avner T., "The Recovery of an Illustrated Byzantine Manuscript of the Early 12th Century," *Byzantine Studies*, 54, 1984, 5–25.
- Barnea I., "Un manuscrit byzantin illustré du XIe siècle," *Revue des Études Sud-Est Européennes*, 1/3–4, 1963, 319–330.
- Baun J., *Tales from Another Byzantium: Celestial Journey and Local Community in the Medieval Greek Apocrypha*, Cambridge, 2007.
- Bertonière G., *The Sundays of Lent in the Triodion: The Sundays Without a Commemoration* (= Orientalia Christiana Analecta, 253), Roma, 1997.
- Canart P., *Codices Vaticanæ Graeci, codices 1745–1962*, 1, Vatican, 1970.
- Constas N., "«To Sleep, Perchance to Dream»: The Middle State of Souls in Patristic and Byzantine Literature," *Dumbarton Oaks Papers*, 55, 2001, 91–124.
- Djurić V. J., "Fresques médiévales à Chilandar: Contribution au catalogue des fresques du Mont Athos," dans: *Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines*, 3, Beograd, 1964, 59–98.
- Ermilov P. V., "K voprosu ob osuzhdenii prottekdiva Mikhaila na Konstantinopol'skikh Soborakh 1156–1157 godov," *Vestnik PSTGU, I: Bogoslovie. Filosofija*, 3/23, 2008, 59–72.
- Every G., "Toll Gates on the Air Way," *Eastern Churches Review: A Journal of Eastern Christendom*, 8/2, 1976, 139–151.
- Froyshov S., "The Palestino-Byzantine Horologion: A First Attempt at Historical Overview and Typology," in: *Acta of the Expert Meetings of the Catalogue of Byzantine Manuscripts in Liturgical Context* (= CBM) Project, Athens, 2010 and 2013, Amsterdam, 2014.
- Gedeon M., "Anagnōseis ek tou Hōrologiou tēs tōn Akoimētōn Monēs," *Ekklesiastikē Alētheia*, 36, 1903, 380–382; 37, 1903, 390–391.
- Granstrem E. E., *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamennykh rukopisei* (GPIB im. M. E. Saltykova-Shchedrina, Trudy Otdela rukopisei), Leningrad, 1953.
- Grozdanov Cv., *Ohridsko zidno slikarstvo XIV veka*, Belgrade, 1980.
- Hannick Ch., "Kirchenrechtliche Aspekte des Verhältnisses zwischen Metropoliten und Fürsten in der Kiever Rus'," *Harvard Ukrainian Studies*, 12–13, 1988–1989, 727–742.
- Hatlie P., *The Monks and Monasteries of Constantinople, ca. 350–850*, Cambridge, 2008.
- Hörandner W., "The Byzantine Didactic Poem—A Neglected Literary Genre? A Survey with Special Reference to the Eleventh Century," in: Bernard F., Demoen K., eds., *Poetry and Its Contexts in Eleventh-century Byzantium*, Farnham, 2012, 55–67.
- Iordanov I., "Pechat na Konstantin mitropolit na Rusiia (XIII v.), nameren v Bŭlgariia," in: *More i berega. K 60-letiiu Sergeia Pavlovicha Karpova ot kolleg i uchenikov*, Moscow, 2009, 679–688.
- Jacob A., "Une édition de l'euchologe Barberini," *Archivio storico per la Calabria e la Lucania*, 64, 1997, 6–31.
- Jacob A., "Une seconde édition revue de l'euchologe Barberini," *Archivio storico per la Calabria e la Lucania*, 66, 1999, 175–181.
- Jugie M., "La vie et les œuvres de S. Euthyme de Constantinople," *Échos d'Orient*, 16, 1913, 385–395, 481–492.
- Karpov A. Iu., *Iurii Dolgorukii*, Moscow, 2006.
- Khoroshev A. S., *Politicheskaia istoriia russkoi kanonizatsii* (XI–XVI vv.), Moscow, 1986.
- Kondakov N. P., *Russkaia ikona*, 2, Prague, 1929.
- Kondakov N. P., *Russkaia ikona*, 4, Prague, 1933.
- Laurent V., *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, 5: *L'Église, Première partie: L'Église de Constantinople. A. La Hiérarchie*, Paris, 1963.
- Likhachev N. P., *Materialy dlia Istorii Russkogo Ikonopisaniia*, 2, St. Petersburg, 1906.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Traektorii traditsii: Glavy iz istorii dinastii i Tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII v.*, Moscow, 2010.
- Martin J. R., *The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus*, Princeton (NJ), 1954.
- Mouriki D., "Hymnography and Illustrated Manuscripts," in: G. Vikan, ed., *Illuminated Greek Manuscripts from American Collections: An Exhibition in Honor of Kurt Weitzmann*, Princeton (NJ), 1973, 26–30.
- Parenti S., Velkovska E., *L'Eucologio Barberini gr. 336: Seconda edizione riveduta* (= Bibliotheca "Ephemerides liturgicae," Subsidia, 80), Roma, 2000.
- Patterson Ševčenko N., "Images of the Second Coming and the Fate of the Soul in Middle Byzantine Art," in: R. Daly, ed., *Apocalyptic Thought in Early Christianity*, Grand Rapids (MI), 2009, 250–272.
- Pentkovskiy A. M., *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.
- Pentkovskiy A. M., "Evergetidskii monastyr' i imperatorskie monastiry v Konstantinopole v kontse XI – nachale XII veka," *Vizantiiskii vremennik*, 63 (88), 2004, 76–88.
- Pentkovskiy A. M., "Pochitanie sviatitelia Klimenta v Okhride v X–XIV vv.," *Starobŭlgarska literatura*, 48, 2013, 79–113.
- Petit L., "André de Crète," dans: *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, 1/2, Paris, 1907, 2034–2041.
- Phountoulēs I. M., *Hē eikositetraōros akoimētous doxologia*, Athens, 1963.
- Politēs L., Manousakas M., *Symplēromatikoi katalogoi cheiographōn Hagiou Orous*, Thessaloniki, 1973.

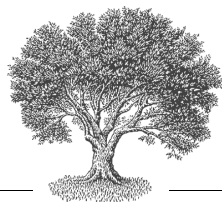
- Poppe A., "Mitropolity Kievskie i vseia Rusi," in: G. Podskalsky, *Khristianstvo i bogoslovskaja literatura v Kievskoj Rusi (988–1237)*, A. V. Nazarenko, trans., K. K. Akentyev, ed., 2nd ed., St. Petersburg, 1996, 443–497.
- Radojčić S., "«Čin bivajemi na razlučenje duši od tela» u monumentalnom slikarstvu XIV veka," *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 7, 1961, 39–52.
- Sokolov P. P., *Ruskii arkhieri iz Vizantii*, Kiev, 1913.
- Soloviev A. V., "Metropolitensiegel des Kiewer Russland," *Byzantinische Zeitschrift*, 55, 1962, 296–297.
- Sullivan D., Talbot A.-M., McGrath S., eds. and transl., *The Life of Saint Basil the Younger: Critical Edition and Annotated Translation of the Moscow Version* (= Dumbarton Oaks Studies, 45), Washington (DC), 2014.
- Swienicki I., "Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow," in: *Izvestiia na bulgarskoto istorichesko druzhestvo. Sbornik v pamet na prof. Petăr Nikov, Sofia*, 1940, 434–450.
- Thomas J., Constantinides Hero A., eds., *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments* (= Dumbarton Oaks Studies, 35), Washington (DC), 2000.
- Todić B., "Freske XIII veka u paraklisu na pirgu sv. Gejorgija u Hilandaru," in: *Hilandarski zbornik*, 9, Belgrade, 1997, 35–73.
- Tolochko O. P., "Smert' mytropolity Konstantyna: Do razumninna davn'orusskoj modeli sviatosti," in: *Mediaevalia Ucrainica: Mental'nist' ta istoriia idei*, 2, 1992, 30–48.
- Tolochko P. P., "Emshe, vlachakhu poverzshe uzhi za nogi," *Ruthenica*, 9, 2010, 17–22.
- Tzerpos D., *Hē ōra tou thanatou kai hē Akolouthia eis Psychorragounta—Symbolē stē meletē tou Vyzantinou Euchologiou*, Athens, 2007.
- Uspenskii F. I., *Očerki po istorii vizantijskoj obratovannosti. Istorii Krestovykh pokhodov*, Moscow, 2001.
- Vinogradov V. P., *Ustavnye chteniia (propoved' Istoriko-gomileticheskoe issledovanie knigi)*, 1: *Ustavnaia reglamentatsiia chtenii v Grecheskoj Tserkvi*, Sergiyev Posad, 1914.
- Vocotopoulos P. L., "Hē eikonographēsē tou Kanonos eis Psychorragounta sto Hōrologion 295 tēs Monēs Leimōnos," *Vyzantina Symmeikta*, 9, 1994, 95–114.
- Vocotopoulos P. L., "I manoscritti bizantini illustrati della Moni Limonos di Lesbo," in: A. Iacobini, ed., *Bisanzio, la Grecia e l'Italia: Atti della giornata di studi sulla civiltà artistica bizantina in onore di Mara Bonioli*, Roma, 2003, 33–44.
- Yanin V. L., Gaidukov P. G., "Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 2000 g.," in: *Novgorod i novgorodskaja zemlia: Istorii i arheologija*, 15, Veliky Novgorod, 2001, 179–197.
- Zheltov M. S., "Evergetidskii Tipikon," in: *Pra-voslavnaia entsiklopediia*, 17, Moscow, 2008, 139–143.

Андрей Юрьевич Виноградов, канд. ист. наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", факультет истории, доцент кафедры социальной истории, старший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований 107996 Москва, ул. Петровка, д. 12
Россия / Russia
a.u.vinogradov@hse.ru

Михаил Сергеевич Желтов, кандидат богословия

Общecerковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, заведующий кафедрой церковно-практических наук 115035 Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 5
Россия / Russia
zhmh@inbox.ru

Книжная справа 40-х годов XVII века

Book Correction in the 40s of the 17th Century

**Светлана Михайловна
Кусмауль**

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Svetlana M. Kusmaul

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Резюме

В статье рассматриваются некоторые орфографические изменения, происшедшие в 40-х гг. XVII в. Многие изменения начались еще до издания “Грамматики” Смотрицкого в 1648 г., орфографическая норма “Грамматики” 1648 г. сформировалась как результат исправлений в текстах 40-х гг. В это время на письме начинает демонстрироваться граница слова, которая отражается в отделении клитик от самостоятельных слов, в появлении широких графем $\dot{\epsilon}$ и \dot{o} , в изменении написания союза *и*. Появляется устойчивая орфографическая оппозиция “начало/неначало слова”: в начале — $\dot{\epsilon}$, \dot{o} , \dot{m} , не в начале — ϵ , o , m . Распределение графем η/ζ связывается с ударением и позицией после гласной *o*. В статье также рассматривается начинающееся разграничение лексических омонимов $\dot{m}\dot{z}\dot{y}\dot{k}\dot{z}$ — $\dot{m}\dot{z}\dot{y}\dot{k}\dot{z}$, изменение написаний некоторых заимствованных слов, а также употребление буквы *с*. Орфографические изменения 1640-х гг. сравниваются с орфографическими нормами, зафиксированными в различных грамматиках, а также с рекомендациями азбуковников начала XVII в.

Ключевые слова

1640-е годы, книжная справа, церковнославянский язык, история орфографии, дублетные буквы

Abstract

This article deals with some of the spelling changes that occurred in the 1640s. Many changes began before Meletius Smotrytsky's *Grammar* was published in

1648, and the spelling rules of the *Grammar 1648* were formed as a result of corrections in texts produced in the 1640s. At this time, demonstration of word border in writing manifested in clitics separation from autosemantic words, in the appearance of broad grapheme ѣ̂ and ѡ̂, and in changes in the spelling of the conjunction *i*. The stable orthographic opposition “beginning / not beginning of the word” begins to appear at this time as follows: in the beginning there were ѣ̂, ѡ̂, ѡ̂, not in the beginning—ѣ, ѡ, ѡ. The distribution of the graphemes ѡ/ѡ was associated with the accent and the position after the vowel *o*. The article also touches upon the appearance of the lexical homonyms *нѣзѣкъ* ‘nation’—*нѣзѣкъ* ‘tongue’ distinction, changes in the spelling of some borrowed words, and use of the letter *s*. Spelling changes of the 1640s are compared with the orthographic norms fixed in the various grammars, as well as in the advice of the *Azbukovniks* of the early 17th century.

Keywords

1640s, Church Slavonic language, correction of divine service books, history of orthography, doublet letters

Введение

Книжная справа XVII в. в Московской Руси представляет собой сложный и многоплановый процесс, отраженный в целом ряде научных работ. Текстологические изменения никоновской и послениконовской sprawy второй половины XVII в. описаны в работах [ДМИТРИЕВСКИЙ 1895; ДМИТРИЕВСКИЙ 2004; МАНСВЕТОВ 1883, 1884; НИКОЛЬСКИЙ 1896; Б-н 1861; КРЫЛОВ 2009], изменения языковой нормы в [СИРОМАХА 1981; УСПЕНСКИЙ 2002: 437–467]. Однако начало многих изменений, которые традиционно рассматриваются как возникающие в никоновский период sprawy, относится к 40-м годам XVII столетия. Книжная справа 1640-х гг. осталась почти незамеченной в исследовательской литературе¹, т. к. от нее почти не сохранилось корректурных экземпляров, позволяющих легко увидеть изменение нормы. Сохранившиеся послепечатные корректурные экземпляры (РГАДА БМСТ/СПК 687 Миней служебная, декабрь, 1645 г. (об этом экземпляре см. [КРЫЛОВ 2009: 292–294]); РГАДА БМСТ/СПК 1654 Службы и жития Сергия и Никона, 1646 г.) не дают полных сведений о ходе sprawy и характере языковых исправлений. Представляется важным для истории книжной sprawy выявление начального периода исправлений и выяснение их причин.

¹ В связи с характеристикой изданий Миней XVII в. об этой sprawie говорится в [Крылов 2009: 142–148, 271–273, 292–294], однако языковые исправления (изменение написания отдельных букв, морфем и слов, падежных окончаний существительных и прилагательных, синтаксических конструкций) этого периода в работе не рассматриваются.

Сравнение богослужебных печатных текстов 1620–30-х и 1640-х гг. показывает существенное изменение орфографических правил при выборе дублетных букв и видов ударения, при написании различных морфем и изменение падежных окончаний имен существительных², прилагательных и причастий в 1640-х гг. Лексический, синтаксический и текстологический уровни также подвергаются исправлениям в этот период, но эти изменения не системны и единичны. Мы разделяем орфографические и грамматические исправления, а также изменения на уровне лексики и синтаксиса (языковые исправления в целом) и текстологические исправления, которые представляют собой изменение состава и порядка чинопоследований богослужения или новые переводы песнопений.

Предметом нашего исследования является изменение орфографической нормы литургической книжности 40-х гг. XVII в. В центре исследования — печатные издания богослужебных текстов. Из рукописных источников привлекается только кавычная рукопись Минеи, предназначавшаяся непосредственно для печати, а также рукописные грамматические и лексикографические сочинения, дающие возможность рассмотреть представления об орфографической норме в разных аспектах. Сравнение нормы печатных изданий и рукописного наследия выходит за рамки данной статьи, эта тема требует отдельного освещения, т. к. в рукописях представлены разнообразные варианты написания, локальные особенности, рукописные памятники отражают и индивидуальные языковые черты писцов, и их орфографическую выучку. В печатных изданиях происходит унификация нормы, что связано с потребностью в единообразии при книгопечатании.

Рукописные грамматические сочинения, а также первые печатные грамматики предназначались для экзегезы Священного Писания и богослужебных текстов [Кайперт 2008: 79–80], в связи с чем можно констатировать большую строгость нормы (и орфографической в том числе) для церковных текстов, чем для текстов юридического и делового содержания³.

В книжной справе времен патриаршества Иосифа (1642–1652 гг.) следует выделять периоды до и после издания грамматики 1648 г., т. к.

² Морфологические изменения в склонении имен существительных во второй половине XVII в. описаны в [Сиромаха 1981], однако большинство этих изменений начинаются в 1640-х гг.

³ Следует, однако, указать, что одни и те же справщики в 1640-х гг. редактировали печатные тексты как церковного, так и светского содержания (например, “Учение и хитрость ратного строения пехотных людей” 1647 г., “Уложение” 1649 г.), поэтому графический и орфографический облик и тех, и других текстов приводится к единообразию. Ср. мнение П. Я. Черныха об отсутствии влияния “Граматики” 1648 г. на орфографию и морфологию “Уложения” 1649 г. [Черных 1953: 75], хотя при этом он отмечает некоторое совпадение норм “Уложения” и “Граматики” [там же: 144–169].

в письменных памятниках после 1648 г. присутствуют некоторые изменения орфографической нормы, которые не наблюдаются в памятниках до издания этой грамматики. Кавычные книги начала 1650-х гг.⁴, также относящиеся к иосифовской справе (по типу исправлений, а не по формальному времени издания), уже отражают новую норму и продолжают начатые исправления 1640-х гг., а в некоторых отношениях даже превосходят исправления никоновской справы. Условно мы будем различать норму первой трети XVII в.⁵ и норму 40-х – начала 50-х гг. (до реформы патриарха Никона).

Языковые изменения 1640-х гг. происходят на фоне двух взаимосвязанных культурно-исторических процессов: греческого и юго-западно-русского влияния.

В 1630–40-х гг. вновь (после “второго южнославянского влияния”) появляется ориентация на греческий язык и культуру. Связано это с возникновением движения боголюбцев (ревнителей благочестия) [Зеньковский 1970: 59–143, 156–184; КАПТЕРЕВ 1913: 105–168], стремившихся к возрождению нравственной жизни русского общества на основе святоотеческих традиций. В частности, что справщики Московского Печатного двора 1640-х гг. (Иван Наседка, Михаил Рогов, Шестак Мартемьянов) принадлежали к этому движению [Зеньковский 1970: 92]. Большим авторитетом у боголюбцев пользовались сочинения Максима Грека. Интересно, что грамматическая справа Максима Грека отмечается исследователями как предтеча никоновской книжной справы⁶ (1655–1658 гг., и шире до конца XVII в.). Обращение к нравственным сочинениям Максима Грека привело к ориентации на греческий язык еще в период иосифовской справы (1642–1652 гг.)⁷.

⁴ Служебник 1651 г. РГАДА БМСТ/СПК 4905 — кавычный для издания 1652 г.; Апостол 1648 г. РГАДА БМСТ/СПК 44 — кавычный для издания 1653 г.; рукописный Часослов — кавычный для издания 1652 г. РГАДА ф. 381 №224, рукопись переплетена вместе с кавычной Псалтырью с исследованием, правленной для издания 1625 г., в данной рукописи практически отсутствует языковая правка.

⁵ Новые орфографические нормы и грамматические формы постепенно и неодновременно появляются в текстах 1640-х гг. Издания 1640–1641 гг. по указанным параметрам однородны с изданиями первой трети XVII в. Например, сравнение Служебника 1640 г. с предшествующими изданиями (1627 и 1633 гг.) не выявило существенных различий в орфографии и морфологии.

⁶ Преемственность между исправлениями Максима Грека и справщиков второй половины XVII в. в отношении формы 2 л. ед. ч. перфекта отмечалась в [Успенский 2002: 235], в отношении других форм (ограничение функций возвратного местоимения, исправления в и.-в. мн., в р. ед.) при исправлении Максимом Греком Псалтири 1652 г. в [Вернер 2013: 121]. К авторитету Максима Грека отсылает и предисловие “Грамматики” 1648 г.

⁷ С сочинениями Максима Грека был хорошо знаком и Иван Наседка, который в 1620-х гг. в Троице-Сергиевой лавре участвовал в исправлении Требника

В это же время активизируются контакты с Южной (Польско-Литовской) Русью, откуда в Московскую Русь проникают различные полемические (например, “Книжица в шести отделах” Василия Суражского-Малюшицкого, “Книжица в десяти отделах”, “Книга о образех”, “Книга о Троице” [Опарина 2007: 187, 191])⁸ и грамматические сочинения (грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, о них подробнее ниже). Под влиянием юго-западнорусских грамматик изменяется восприятие грамматики как таковой, у великорусских книжников возникает новое грамматическое сознание.

В кон. XVI – нач. XVII вв. в Московской Руси грамматика осознавалась в соответствии с этимологией этого слова (от греч. γράμμα — буква) как искусство правильного написания слов (в современном понимании — орфография) и являлась начальным уровнем в освоении “книжной премудрости”. Орфографические руководства (о написании отдельных слов, о надстрочных знаках, о знаках препинания), являясь основными пособиями при издании церковнославянских текстов, включались в состав рукописных азбуковников (или алфавитов) (например, *Син353, 380, 354*; о составе азбуковников см.: [Ковтун 1975: 220–225]), переписывались в отдельных сборниках (например, *Тихонр336*). Систематического школьного образования в Московской Руси до 80-х гг. XVII в. не существовало (см. [Фонкич 2009: 11–100])⁹. Пособиями по морфологии могли служить грамматические сочинения более раннего времени “О этимологии”, “О осми частех слова” (опубликованы [Ягич 1895: 749–777; Кузьмина 2002: 113–152]), включавшиеся в различные сборники богословского или грамматического содержания.

Проникающие в начале XVII в. в Московскую Русь юго-западнорусские грамматики, первоначально Лаврентия Зизания (*Грамматики словеника съзвершениа икѡстѡва ѡмнѣ чѣстѣй словѡв, ѡ ѡны ѡдѣны* 1596 г.; далее ГЗ), затем Мелетия Смотрицкого (*Грамматики Славѣнскихъ правнѡе Сѡнѡгма* 1619 г.; далее ГС), содержат совершенно новое для великорусских книжников понимание грамматики. Помимо традиционных разделов об орфографии,

под началом старца Дионисия (этот период относится еще к филаретовской книжной справе 1620–1633 гг.). В 1637 г. Иван Наседка становится справщиком Московского печатного двора.

⁸ На основе украинских полемических сочинений создаются такие популярные в 1640-х гг. (а затем и в среде старообрядцев) книги, как “Сборник о почитании икон” 1642 г., *КК1644*, “Книга о вере” 1648 г., в работе над которыми принимали участие Иван Наседка и Михаил Рогов. Подробнее об этом см.: [Опарина 1998; Гурьянова 2007].

⁹ Попытки создания греко-славянских школ предпринимались с 1630-х г., однако первая греческая школа была открыта на Печатном дворе только в 1681 г. (Типографская школа), ее возглавил иеромонах Тимофей. Она просуществовала в течение семи лет и затем вошла в состав Славяно-греко-латинской академии [Фонкич 2009: 101–187].

просодии и знаках препинания туда включается морфология, синтаксис, раздел о стихосложении, о метре, учение о поэтических вольностях, морфологический разбор молитв. Первоначальное знакомство с ГЗ вызывает полемику в 1620-х гг. в среде московских книжников, которые предлагают свои нормализаторские решения (например, “Книга глѣмла грѣматїка по ѡзыкъ словѣнкѣ” и “Начало книзѣ глѣмѣй грѣматїка” Тихонр336, 1–23, 82–95), благодаря чему ГЗ трансформируется в традиционное орфографическое руководство [Кузьминова 1999]. Однако в 40-х гг. XVII в., когда в Московской Руси позиция духовного изоляционизма сменяется позицией универсализма [Запольская 2000: 307; Запольская 2003: 216], меняется отношение к киевской учености и ГЗ переписывается уже без существенных изменений (РГБ, ф. 178, № 1403, № 4518; ф. 310, № 974; ф. 236, № 182).

Особой рецепцией грамматик Зизания и Смотрицкого является одна ранее не известная анонимная рукописная грамматика приблизительно 1630-х гг., хранящаяся в Государственном историческом музее в Москве (Син734), автор которой предлагает свои решения в области снятия омонимии и синонимии грамматических форм (об этой грамматике см.: [Запольская 2010]).

В 1648 г. в Москве Михаил Рогов и Иван Наседка переиздают грамматику Мелетия Смотрицкого (далее Г1648). При этом они изменяют формы, специфичные для юго-западнорусского извода церковнославянского языка, на соответствующие московской норме, причем как в самом тексте грамматики, так и в языковом материале (подробное сравнение изданий [Норватсчн 1964; Кузьминова 2007]). В вопросах грамматической омонимии и синонимии Рогов и Наседка следуют в некоторых случаях за Смотрицким, в некоторых — за анонимным автором грамматики Син734, в отдельных случаях предлагают свое решение этого вопроса. Существенно различаются ГС и Г1648 в орфографическом разделе. При переработке орфографического раздела ГС, осуществлявшейся в самом конце редактирования¹⁰ [Кузьминова 2007: 543], московские издатели ориентировались на “Клоны Ордографїи” ГЗ, однако не механически интерполировали их, но вносили свои изменения. Таким образом, орфографическая норма Г1648 не тождественна полностью ни норме ГС, ни норме ГЗ. “«Правил ордографїи» ГМ [Г1648 — С. К.] являются реакцией издателей грамматики на предшествующие опыты орфографической нормализации (представленные не только в ГЗ и ГС, но и в авторитетных орфографических трактатах XVI–XVII вв.), и их переосмыслением” [Кузьминова 2007: 520; курсив автора. — С. К.].

¹⁰ Об этом свидетельствует кавычный экземпляр ГС (РГАДА БМСТ/СПК 141), в котором отсутствуют исправления орфографической части грамматики.

Основное отличие всех названных грамматик заключается в выборе принципов для снятия грамматической омонимии и синонимии¹¹. Интересно, что система различения грамматических омонимов (с помощью “двообразных” начертаний букв в ед. и мн. ч.¹²), предложенная в рукописных переделках *ГЗ* 1620-х гг., не используется в печатных богослужебных текстах¹³. Система употребления дублетных букв, предложенная в грамматике *Син734*, соответствует в некоторых случаях правилам, представленным в изданиях 1620–30-х гг. Орфографическая и морфологическая норма великорусской литургической книжности 40-х гг. XVII в. соответствует в основном норме *Г1648*. При этом нормы, зафиксированные в *Г1648*, явились кодификацией исправлений, внесенных в книги, изданные в 1640-х гг. В некоторых случаях орфографические правила 1640-х гг. сохранились в церковнославянском языке до настоящего времени, а в некоторых случаях произошли изменения на новом этапе sprawy.

Разнообразные кодификаторские решения авторов всех этих грамматик отражают разные периоды в издании текстов и разные изводы церковнославянского языка, а каждое правило употребления определенных букв имеет свое происхождение и по-своему трансформируется в процессе переиздания богослужебных книг, поэтому мы будем сравнивать каждое правило преимущественно с *Г1648* и грамматикой *Син734*, а также по необходимости обращаться к *ГС* и *ГЗ*.

Перечислим исследованные книги, из которых извлекаются сведения об исправлениях первой половины XVII в.:

1. *Миня служебная, февраль, рукописная — кавычная для печатного издания 1622 г.*¹⁴, всего 340 л. (стр. 1–100, 200–330). Далее *МслФрук1622*.

¹¹ Грамматическая синонимия снимается внутри падежной парадигмы, что относится к системе склонения имен существительных. См.: [Запольская 2008: 210].

¹² В орфографических руководствах из сборника *Тихонр336* вводятся “двообразные” начертания букв по образцу греческого алфавита: α – α , ϵ (ϵ)– ζ , η – η , $\dot{\iota}$ – $\dot{\jmath}$, \omicron – ω , ξ – ν , χ – λ , ξ – λ , ι – λ , ι – λ , ω – λ — первый вариант написания в ед. ч., второй в дв. и мн. ч. (лл. 4, 83).

¹³ Выделение дв. и мн. ч. с помощью больших начертаний букв (λ , η , λ , λ , ι) или грецизированного написания (α) довольно трудно реализовать в печатном тексте. Такая практика, видимо, применялась только в рукописной традиции.

¹⁴ Данная кавычная рукопись в литературе ранее не рассматривалась и не упоминалась. По каталогу Горского и Невоструева — № 461, рукопись в лист бумаги, написана полууставом, переходящим в скоропись. Рукопись неполная: отсутствуют начальные листы, начинается текст со 2 февраля, с конца 1-й песни канона; отсутствует конец книги, последний лист рукописи соответствует приблизительно л. 259об. печатной *Миней*; отсутствуют богородичны, воскресны, крестобогородичны на 8-м гласов (лл. 260–270 печатного издания). “Рукопись сия не только правлена для печатания, но и служила оригиналом для издания; на л. 128 замечено: набрать чисто; подобное на л. 142об., 143. Из разных типографских замечок видно, что по сей р<у>к<о>п<иси> приготавлилось

Эта рукопись сравнивалась с печатным изданием — *МслФ1622*. Материал этой рукописи используется для установления нормы и характера ее бытования в 1620-х гг., в период филаретовской книжной sprawy¹⁵.

Для выявления орфографических изменений 1640-х гг. по отношению к 1620–30-м гг. нами сравнивались тексты печатных изданий Миней за июль и декабрь, Триоди Цветной (в пределах определенной выборки листов), а также исследован текст кавычного Октоиха.

2. Миней служебная, июль 1629 г. (стр. 1–10, 200–209, 406–415, всего 30 листов). Миней служебная, июль 1646 г. (стр. 1–9, 179–187, 355–362, всего 26 листов). Далее сравнение изданий будет обозначаться *МслИл*, в тех случаях, когда будет иметься в виду отдельное издание, то *МслИл1629* или *МслИл1646*.

3. Миней служебная, декабрь 1636 г. (стр. 1–10, 204–208, 222–226, 397–406, всего 30 листов). Миней служебная, декабрь 1645 г. (стр. 1–9, 238–242, 220–224, 435–444, всего 29 листов). Далее *МслД*, *МслД1636* или *МслД1645*.

4. Триодь цветная 1635 г. (стр. 2–11, 312–321, 578–587, всего 30 листов). Триодь цветная 1648 г. (стр. 2–10, 289–298, 522–530, всего 28 листов). Далее *ТрЦ*, *ТрЦ1635* или *ТрЦ1648*.

5. Октоих Ч.2 (гласы 5–8) 1638 г. — кавычный для издания 1649 г. (исследован полный текст книги). Далее *Окт1638*. Это кавычное издание сравнивается с новым изданием 1649 г. Далее *Окт1649*.

Следует иметь в виду, что Миней за декабрь и июль изданы до *Г1648*, а Триодь цветная и Октоих после *Г1648*. Таким образом, динамика нормы в Минейх 1640-х гг. говорит о том, что сначала происходили изменения в текстах, а потом они были зафиксированы в грамматике и подержаны в последующих изданиях.

Рассмотрим теперь изменения, произошедшие в 40-х годах XVII века.

Одним из самых существенных изменений в процессе sprawy 1640-х гг. явилась **демонстрация границы слова** — явление, которое проявляется как на уровне графики, так и на уровне оформления фонетического слова.

печатное издание 1623 г. в Москве" [Горский, Невоструев 1869: 114–115]. В каталоге Горского и Невоструева печатное издание ошибочно датировано 1623 г. (такая же дата написана и на первом листе печатного издания из собрания ГИМ, с которым проводилось сравнение рукописи). В *МслФ1622* указано начало печатания 28 января 7 130 г. и окончание работы 1 ноября 7 131 г., которое соответствует 1622 г. современного летоисчисления.

¹⁵ К периоду филаретовской sprawy также относится рукописная Миней служебная, август, РГАДА, ф. 381, № 248, 651 л. — кавычная для издания 1630 г. Описание этой рукописи см.: [Крылов 2009: 285–291]. В данной рукописи значительно меньше орфографических исправлений по сравнению с *МслФрук1622*, хранящейся в ГИМе.

I. Фонетическое слово

В богослужебных текстах 1640-х гг. проклитики и энклитики отделяются от знаменательных слов. При этом пробел между клитикой и знаменательным словом будет несколько меньшим, чем между другими словами. В украинских печатных изданиях энклитики и проклитики печатаются раздельно уже в начале XVII в. (например, в *Ков1620* и *Час1617*).

Приведем примеры разделения энклитик и проклитик со знаменательными словами в изданиях 1640-х гг.¹⁶: *жнзнько* — *жнзнь ко Мслил* 8–7¹⁷, *внэмже* — *внэмз же* 406–355об., *ннє љзз* — *н нє љзз* 406об.–356; *к'твєѣ* — *к' твєѣ Мслд* 3об.–3об., *квєртѣпѣ* — *к' вєртѣпѣ* 405об.–443об.; *ннєоуглєтѣ* — *н нє оуглєтѣ* *ТрЦ* 6–5, *ноѡдз* — *но ѡдз* 8об.–9, *оцнцїенїеже* — *оцнцїенїе же* 583об.–526об.; *длпочтѣтѣл* — *дл почтѣтѣл* *Окт1638* 107¹⁸, *наѣѣхз* — *на ѣѣхз* 109об., *коцрѣгн ин* — *ко црѣгн ин* 111об. и др. (всего 45 примеров, встречаются в основном в начале книги, в конце отсутствуют; в *Окт1649* клитики везде печатаются отдельно). Ударные предлоги также пишутся слитно с энклиноменами в первой трети XVII в., а в 1640-х гг. отделяются при сохранении ударения: *надрєѣѣ* — *на дрєѣѣ Мслд* 7–6, *сѡтѣрлѡмз* 8 — *сѡ тѣрлѡмз* 8–7. Ударный союз *но* при отделении от знаменательного слова теряет свое ударение: *ноѡдз* — *но ѡдз* *ТрЦ* 8об.–9.

В некоторых случаях слитное написание проклитик не изменяется, но таких примеров немного: *кльєбн Мслил* 206об.–185; *ѡмнрѣ Мслд* 2об.–2об.; *ѡтлѡ ТрЦ* 8об.–9¹⁹.

Иногда при стечении двух проклитик пробелом отделяется только первая проклитика, вторая пока еще пишется слитно: *ннѡнєдѣѣгз* — *н ѡнєдѣѣгз Мслил* 203об.–182, *ннєнєбєєє* — *н нєнєбєєє* 207об.–185об.; *ннєнєпогѣбншн* — *н нєнєпогѣбншн ТрЦ* 586–529; *нєчлїкн* — *н єчлїкн Окт1638* 32об., *ннєпохѣлѣтѣл* — *н нєпохѣлѣтѣл* 106об.

Отделение проклитик и энклитик активно продолжается и в период послениконовской справы²⁰, когда в качестве кавычных стали использовать

¹⁶ Здесь и далее первое слово — пример из предыдущего издания, второе слово — пример с изменением из последующего издания двух сравниваемых печатных книг.

¹⁷ Здесь и далее первая цифра — номер листа первого примера, вторая цифра — номер листа второго примера.

¹⁸ Примеры из кавычного Октоиха даются без сравнения с последующим изданием, пара слов показывает исправление в тексте кавычного экземпляра.

¹⁹ В случае примера без пары показывается совпадение написания в двух изданиях, две цифры в индексе — номера листов первого и второго издания соответственно.

²⁰ Например, очень много таких случаев в Минее общей 1653 г., кавычной для издания 1659 г. (РГАДА БМСТ/СПК 463), в Евангелии учительном 1652 г., кавычном для издания 1662 г. (РГАДА БМСТ/СПК 352), в Прологе (1-я половина) 1661 г., кавычном для издания 1675 г. (РГАДА БМСТ/СПК 1448), в Евангелии учительном Феофилакта Болгарского 1649 г., кавычном для издания 1698 г. (РГАДА БМСТ/СПК 159).

Буква ѣ в 1640-х гг. маркирует и начало корня в приставочных образованиях от корней *-ем-* (*-емл-*) и *-един-*, соответственно в таких словах *ѣ* изменяется на *ѣ*: **-ем-** (**-емл-**) *пріѣмшлѣ* — *пріѣмшлѣ* *МслИл* 2об.–2об., *пріѣмшѣ* — *пріѣмшѣ* 9–8; *неѡѣмлемыѣ* — *неѡѣмлемыѣ* *МслД* 3–3, *ѡѣмлютъѣ* — *ѡѣмлютъѣ* 402–440; **-един-** *соѣдѣныѣѣ* — *соѣдѣныѣѣ* *МслД* 222–220об., *соѣдѣннѣѣѣ* — *соѣдѣннѣѣѣ* *ТрЦ* 10об.–10об.

В текстах 1640-х гг. в некоторых словах *ѣ* употребляется во флексии существительных в форме единственного числа на *-ѣѣ*. Например, в *Ап1644*: *воздержѣнѣѣ*, *терпѣнѣѣ*, *блгоучѣтѣѣѣ*, *братолоубѣѣѣ* 93об., *спасѣнѣѣѣ* 85об. В правиле *Г1648* о *ѣ* и *ѣ*, которое заимствовано из *Г3* (85об.), упоминается позиция конца слова, однако без объяснения. Только в грамматике *Син734* сообщается, что *ѣ* в конце слова “велиѣ нечѣто знаменѣѣѣѣѣ” (17). Обозначение “нечто великое”, видимо, в грамматике *Син734* возникает из названия буквы *ѣ* “великое”, данного в *Г3*.

Обычной позицией для *ѣ* *широкого* является флексия форм множественного числа, в которых она выполняет дифференцирующую или маркирующую функции. В изданиях 1640-х гг. много примеров исправления *-ѣѣ* на *-ѣѣѣ* во множественном числе, также *-ѣѣ* на *-ѣѣѣ*, где *ѣ* выполняет маркирующую функцию. О распределении букв *ѣ* и *ѣ* по принципу антистиха во 2-й половине XVII в. см. [Кусмауль 2013]. Появление *ѣ* во флексии единственного числа, видимо, связано с совпадением конца формы единственного числа *-ѣѣ* (конец суффикса + флексия *ѣ*) с плюралной флексией *-ѣѣ*.

2. Графемы Ѡ и ѡ

В изданиях 1640-х гг. появляется особая графема для начального [о] корня слова — Ѡ круглой формы с двумя маленькими точками, не употреблявшаяся ранее в московских изданиях²³. В это же время происходит замена начальной ѡ в корне на Ѡ, а приставки Ѡ на ѡѠ. Рассмотрение процесса изменения приставки относится к истории принципа антистиха (здесь задействован морфемный принцип: приставка маркируется буквой ѡ в противовес Ѡ корня²⁴). Изменение в начале корня Ѡ на Ѡ связано с заменой *ѣ* на *ѣ*, что также отражает процесс демонстрации границы слова.

В некоторых памятниках XIV–XVI вв. буквы ѡ, Ѡ широкое и ѡ узкое различали две фонемы древнерусского языка /ѡ/ “закрытое” и /ѡ/ “открытое”:

²³ В рукописях предыдущих веков такая графема также не встречается. В работах по палеографии сообщается немного о других видах графем типа Ѡ [Карский 1979: 196–197].

²⁴ Буква ѡ в начале корня употреблялась в плюралных формах для маркирования множественного числа, в 1640-х гг. ѡ как маркер множественности перемещается в конец слова (корень или окончание), поэтому в начале корня плюралных форм ѡ последовательно изменяется на Ѡ, благодаря чему достигается единообразие в написании *sing* и *pl.* форм.

существовали омеговая, каморная²⁵, узколитерная и широколитерная системы [Зализняк 1990: 3–5]. В первых печатных изданиях анонимной типографии присутствует система, где о широкое = /ô/, а о узкое = /o/. Однако в этой системе, а также в других, выделенных А. А. Зализняком, позиция начала слова подчиняется другим правилам, не связанным с передачей двух фонем о²⁶.

В изданиях первой трети XVII в. в начале корня, а также в середине и конце слова под ударением употребляется о, более широкое, чем о, писавшееся в середине или конце слова без ударения: *ѡного МслФрук1622 37об.*, *ѡбноуленіе 36*, *ѡгненое 39об.*; *кѡглобѣю МслД1636 20б.*, *ѡборз МслИл1629 2об.*, *ѡрлѣвѣткѡ 5*. Начальное ѡ не имеет такой именно формы, как ѡ, появившееся в книгах 1640-х гг. Сравнение печатных изданий 1620–30-х и 1640-х гг. показывает данное изменение в начале слова: *ѡко — ѡко МслИл 3об.–3*, *ѡтроковѣце — ѡтроковѣце 209об.–187, 411–359об.*; *ѡѣмь — ѡѣмь МслД 223об.–222*, *ѡблѣкз — ѡблѣкз 402об.–440об.*; *ѡбѣчна — ѡбѣчна ТрЦ 316–292об.*, *ѡрѣжѣмз — ѡрѣжѣмз 582–525об.* В *Окт1638* встретилось только одно исправление о на ѡ (*ѡдѣжею — ѡдѣжею 30*), но в исправленном *Окт1649* почти во всех случаях пишется о: *ѡблѣзз 100*, *ѡгнь 326*, *ѡгнѣ 331*²⁷. Под ударением не в начале слова остается более широкий, чем не под ударением, вариант графемы о: *кѣ добромѣ МслИл1646 3*, *ѡглобѣю ТрЦ1648 293*.

В *Г1648* (так же как и в других грамматиках XVII в.) отсутствуют указания об употреблении двух графем о/ѡ. Круглое и немного приплюснутое начертание графема ѡ приобретает под влиянием юго-западнорусских изданий, которые начинают активно использоваться иосифовскими справщиками для публикации полемических сочинений (например, *КК1644*)²⁸. Юго-западнорусскими изданиями графема ѡ заимствуется, видимо, из старопечатных польских книг, поэтому ее иногда называют *он польское* [Соколов 1907: 11].

III. Орфография

1. Буквы ѣ — ѡ

В распределении букв ѣ и ѡ в древнерусских рукописях постепенно устанавливается правило “в начале слов и после гласных писать ѣ, а в

²⁵ Знак каморы изменяет свои функции в XVII в., правила его употребления также изменяются в 1640-х гг.

²⁶ “Почти во всех памятниках имеются отдельные графические позиции, в которых выбор графической единицы класса О подчинен каким-то механическим правилам, не связанным с передачей /ô/ и /o/; особенно часто такую позицию образует начало слова” [Зализняк 1990: 15].

²⁷ Господствует ѡ в начале корня и в “Уложении” 1649 г. [Черных 1953: 148].

²⁸ Буква ѡ такой формы во всех словах с начальным о в корне появляется впервые в *КК1644*, в более ранних изданиях (например, в *Ап1644*) встречается sporadически; в украинских изданиях ѡ употребляется, например, в *Коб1620*, которая использовалась при составлении *КК1644*, а также в *Час1617*.

середине и конце ѡ” [КАРСКИЙ 1979: 206]. В начале XVII в. в печатных изданиях *ѣ* употребляется в начале слова (*ѣзвеныѡ МслФрук1622 79, ѣвниѡ 89, 255об.*) и середине в начале корня в производных от слов *ѣзва, ѣвлѣнїе, ѣсно*, а также в форме *ѣѣже: ѡѣзвѣныѡ МслФрук1622 49об., сцѣнноѣвлѣннѡ 280об., ѡѣзнѣ 47об., ѣѣже 61*. В основном приставки оканчиваются на гласную букву, но встречаются примеры приставок и на согласную: *прѣѣвлѣннѡ ТрЦ1635 587об.*, т.е. написание *ѣ* в середине слова зависит не от предшествующей гласной буквы, а от начала корня. Однако в производных от *ѣтн* в корне после приставки употребляется *ѡ*: *прѣѡте МслИл1629 3, прѣѡтн МслД1636 206*. После согласных, а также после гласных не в начале корня употребляется буква *ѡ*: *тѡворѡцнмѡ МслД397об.–435об., ѡкаѡннаго МслИл 208–186об., вопѡхѡ МслФрук1622 86об.*

В 40-х гг. XVII в. слова с *ѣ* в середине слова в начале корня до выхода *Г1648* не изменяют своего написания²⁹: *ѡѣзвѣлѣшеѡ МслИл 205об.–184, ѣѣже 206–184об.*; *прѡѣвлѣѡ бѣѡѣвлѣннѡ МслД 3, 7об.–3, 6об., ѡѣзнѣ 9–8; ѡѣзвѣныѡхѡ ТрЦ 585об.–528об., прѣѣвлѣннѡ 587об.–530*.

После издания *Г1648* *ѣ* в середине слова изменяется на *ѡ* в соответствии с правилом этой грамматики: “*ѣ* в начале слова, *ѡ* в середине и конце слова”³⁰ (55–55об.), формулировка которого заимствуется из *ГЗ*, однако и в *ГС* другими словами говорится о том же. Примеры изменений: *ѡпѡѣзнѣѣже — ѡпѡѣзнѣѣ же ТрЦ6–5; ѡѣзвѣншѡ — ѡѡзвѣншѡ Окт163838, ѣѣже — ѡѡже 101, 107, 305об., прѡѣвлѣѡтѡ — прѡѡвлѣѡтѡ 292об., пѡѣшѡ — пѡѡшѡ 107об., прѣѡте — прѣѡте 293об.* Таким образом, устраняется зависимость написания *ѣ* от начального положения в корне и устанавливается однозначное соответствие буквы начальной/неначальной позиции в слове.

Таким образом, в 1640-х гг. устанавливается употребление *ѣ, ѡ, ѣ* в начале слова, а *ѡ, ѡ, ѡ* в середине и конце слова, при этом для второго варианта букв *ѡ, ѡ* возникают названия *ѡ* и *ѡ простое* [Соколов 1907: 8, 11; Плетнева, Кравецкий 2012: 237], а для первого — *ѡ великое* (*Г1648 51об.; ГЗ 85об.*), *ѡ широкое* [Плетнева, Кравецкий 2012: 237], *ѡ хвостатое* или *удлиненное*, а также *ѡ польское* [Соколов 1907: 8, 11]. Появляется устойчивая орфографическая оппозиция “начало/начало слова”, которая фиксируется в *Г1648*, в последующих грамматических сочинениях [БАБАЕВА 2000: 248, 251] и в современном церковнославянском языке [Соколов 1907: 8, 11, 16; ГАМАНОВИЧ 1991: 18, 19; Плетнева, Кравецкий 2012: 237, 238, 239]. В 1640-х гг. оппозиция “начало/

²⁹ Кроме единичного изменения в *МслИл ѣѣже 413об. — ѣѣже 361об. и прѣѡте 3 — прѣѡте 2об.*

³⁰ В “Уложении” 1649 г. распределение букв *ѣ* и *ѡ* подчиняется тому же правилу [Черных 1953: 145].

ненацало слова” еще не распространяется на пару графем оу/Ѹ, в данном случае великорусские книжники идут своим путем.

2. Буквы оу — Ѹ

В начале церковнославянского книгопечатания за графемой оу закрепи- лась позиция начала слова. В первой трети XVII в. оу в середине слова употреблялось после гласных: наоуѣниша, вооуѣтѣвъ Мобц1609 4, 3об., сооуѣз МслФрук1622 25об., преоуѣкрашѣнна МслИл1629 414, младооуѣмнаго 205, блгооуѣхнѣа ТрЦ1635 579об., а Ѹ в середине и конце слова после соглас- ных (т. е. не в начале): чѣѸцимз МслФрук1622 277, мѸдрымз МслД1636 222об., покѸзѸа ТрЦ1635 9.

В книгах 1640-х гг. происходит изменение нормы: употребление ди- графа оу не в начале слова ставится в зависимость от ударения, поэтому под ударением в этой позиции Ѹ изменяется на оу (не под ударением оста- ется Ѹ).

Приведем примеры изменения под ударением не в начале слова Ѹ на оу: чѣмѸ — чѣмоу МслИл 8об.-8, нѣѸѸѣбы — нѣ оуѸѣбы 205об.-184; вздохнѸ — вздохноу МслД 2-2, мѸдрымз — моуѣдрымз 222об.-221; жѣнѸ — жѣноу ТрЦ 5об.-4об., ѣѸть — оуѣть 313об.-290; глабннѸ — глабннѣоу Окт1638 6об., 100, 146, нѣѣлѣ рѣкз — роуѣкз 38 и др. (всего 131 пример).

Встречаются и отступления от этой тенденции: не в начале под ударе- нием остается Ѹ, тогда как в тех же слова в изданиях 1640-х гг. Ѹ изменя- ются на оу под ударением, что говорит о недостаточно последовательном проведении правки, о недосмотре справщиков. Например: в МслД1645 сохраняется Ѹ — Ѹрѣжѣмз 1об., Ѹрѣжѣ 6, а в МслИл1646 употребляется оу — всеѸроуѣжѣ 185, в МслД1645 слѸхомз 7об., а в МслИл1646 слоуѣхомз 180об., в МслД1645 мѸченнѣенз 8, а в ТрЦ1648 моуѣченнѣенз 5об.

В сохранении ударного Ѹ проявляется также традиция написания определенных корней с одной и той же буквой. Часто встречается написа- ние корня *мудр-* с Ѹ под ударением: бѣгомѸдрѣ МслИл 200-179, 204об.-183, МслД 206об.-240об.; бѣгомѸдраа МслИл 208об.-186об.; оуѣмѸдрн МслД 3об.-3, 7-6; ѣднѣомѸдрѣно — ѣднѣомѸдрѣно ТрЦ 2-2. В ТрЦ также часто встре- чается корень *сущ-* с Ѹ ударным: ѣѸществѣомз 10-10, ѣднѣомѸщнѣю 579об. — ѣднѣомѸщнѣю 523об., прѣномѸщнаго 583об. — прѣномѸщнагѸ 526об., хотя в этом корне Ѹ может исправляться на оу на других страницах (ѣѸщнѣ 585об. на слоуѣщнѣмз 528об.).

В середине слова после гласных написание диграфа оу изменяет- ся на лигатуру Ѹ независимо от ударения. Например, не под ударением: благооуѣгѣдннѣи — блгоѸгѣдннѣи МслИл 6об.-6, преоуѣкрашѣнна — преѸкрашѣнна 414-362; нѣнеоуѣклоннѣи — нѣ неѸклоннѣи МслД 225об.-224; недооуѣмѣѸѣа — недоѸмѣѸѣа ТрЦ 314об.-291, блгооуѣхнѣа — блгоѸхнѣа 579об.-523об.;

блгоуѣтробїю — блгоѣтробїю *Окт1638* 38, наоучающе — наѣчающе 99об. и др. (всего 18 примеров); под ударением: младооумнаго — младоѣмнаго *МслИл* 205–183об., наоумѣ — наѣме *МслД* 2об.–2об., сооузы — соѣзы *Окт1638* 112об.

В начале слова происходит изменение оу на ѣ после предлогов, оканчивающихся на о или ѡ, которые можно рассматривать как часть одного фонетического слова. Такое написание является, видимо, стремлением избежать графического повтора оу в соответствии с [ou]. Например: коуѣтробѣ — ко ѣтробѣ *МслИл* 5об., 201, 204, 408об., 413об.–5, 179об., 182об. 357об., 361об., *МслД* 206, 399об., 402об.–240, 437об., 440, *ТрЦ* 583–526об. (там же ноуѣтрѡѣѣ 9об. — н ѡѣтрѡѣѣ 10), *Окт1638* 119об., 303об., 304об., 317об., 323об.; коуѣтнѣ — коѣтнѡѣ *МслИл* 202об.–181, коуѣжѣ — ко ѣжѣ *МслД* 8об.–7об., ѡѡоумноженїи — ѡ ѡѣмноженїи *ТрЦ* 578об.–522об.; пооуѣтѣѣ — поѣтѣѣ *Окт1638* 6об., кооумѣ — коѣмѣ 331об.

Подобное изменение встречается также в начале слова после конечного о/ѡ предыдущего слова: ѡко оуѣнѣкѣ — ѡкѡ ѣнѣкѣ *МслИл* 203об.–182; немноогтнѡво оуѣѣзвнѣѣ — немноѣтнѡво ѣѣзвнѣѣ *МслД* 204об.–238об.; мноѣжетѡво оуѣнѣнѣкѣ — мноѣжетѡво ѣнѣнѣкѣ *ТрЦ* 2об.–2об., ктѡ оуѣкрѣѣ — ктѡ ѣкрѣѣ 314–290об. Но ср. отсутствие изменения после запятой: слѡво, оуѣкрѣнѣ домѣ *МслД* 225об.–223об.

После других гласных изменение оу на ѣ реже, но иногда встречается: надрѣѣ оуѣнѣѡѣ — надрѣѣ ѣноуѣѡѣ *МслИл* 206–184, наоумѡленїе — наѣмѡленїе 15–362об.; неѡѡѡнѣѣ — неѡѣнѣѣ *МслД* 400–438, боѡѡѡнѣ оуѣтрѡѡѡ — боѡѡнѣ ѣтрѡѡѡ 404–442; ѡнѣ оуѡѡѡѣѣѣ — ѡнѣ ѡѡѡѣѣѣ *ТрЦ* 587об.–530, плѡѡѡѣ оуѣнѣѡѣ — плѡѡѣ ѣноуѣѣ 316об.–293; зѡѡѡѡѡѡѣ — зѡѣѡѡѡѣ *Окт1638* 93об, наоуѣнѣ — наѣнѣ 119. В большинстве случаев все же остается оу в начале слова.

Таким образом, для 1640-х гг. можно отметить определенную тенденцию распределения диграфа оу и лигатуры ѣ, которая еще не становится жестким правилом. В начале слова в основном употребляется оу (если перед ним не пишутся буквы о/ѡ в предлоге или в другом слове), а также ѣ после гласной буквы предшествующего слова (в основном о/ѡ). В середине и конце слова под ударением после согласных употребляется оу, а не под ударением ѣ. В некоторых словах сохраняется ѣ не в начале под ударением. Кроме того, ѣ употребляется не в начале слова после гласных (в основном, о/ѡ, а также других) уже независимо от ударения.

Правило *Г1648* о графемах оу/ѣ, отличающееся от правил *Г3*³¹, *ГС* и грамматики *Син734*, расширяет функции лигатуры ѣ (употребляется в

³¹ Наблюдается косвенная связь правила *Г1648* с правилом *Г3* о ѣ и оу (88), в котором сообщается, что две графемы одинаково используются в начале и в конце слова, но "с рассуждением"; из примеров можно заключить о преимуществе использования оу под ударением (соѣѡѡ, неѡѡ), хотя есть пример и на ѣ под ударением (рѣѡѡѣ). Тем не менее правило *Г1648* является более сложным и не находит себе соответствия ни в юго-западнорусских печатных книгах, ни в рукописной традиции того времени.

начале и не в начале слова), в результате *оу* и *Ѹ* могут использоваться в одинаковых позициях в слове, а ориентиром при выборе диграфа в середине слова называется ударение (53об.–54). Правило дается остенсивным образом — через количество примеров, при этом закрепляется написание определенных слов с *Ѹ* под ударением (томѸ, комѸ, зовѸ) или написание *Ѹ* после буквы *о*, которое определяется стремлением избежать повтора *оу* в соответствии с [оу] (златоѸитъ, поѸчѣнїе), что и отражается в текстах³². Сложность и неоднозначность правила приводит к разнообразию в написании одних и тех же корней и словоформ даже в пределах одной страницы (например, *МслИл* 1646 мѸчѣнїемъ и моѸчѣннїе 185, поѸчѣнї и на поѸчѣ 356об.) и в конечном итоге к изменению этой нормы в период никоновской справки во второй половине 1650-х гг. в соответствии с правилом ГС: “*оу* в начале, а *Ѹ* в середине и конце слова” (10об.).

3. Буквы *ї* — *н*

Буква *ї* десятиричное первоначально употреблялась только в иноязычных словах (например, в имени *їѹз*) и в качестве сокращения буквы *н* в конце строки (для экономии места), причем если стояло два *и* подряд, то сокращалось второе [Щепкин 1967: 125; Карский 1979: 193]. У южных славян в XIV в., а у восточных — в XV в. (в период “второго южнославянского влияния”) утверждается правило написания *ї* перед всеми гласными³³. Для *н*, соответственно, устанавливается написание после согласной.

Распределение букв *н* и *ї* относительно гласной или согласной, возникшее в XV в., усваивается и первыми церковнославянскими печатными книгами. Существуют, однако, некоторые особые случаи, когда написание буквы *ї* в печатных изданиях конца XVI – первой трети XVII вв. отступает от этого принципа.

3.1. В середине слова после согласной

В конце XVI – первой трети XVII вв. наблюдается тенденция написания *ї* в середине слова после согласных в ряде корней и морфем (например, в корнях *ѣдїн-*, *їтїн-*, в суффиксе *-нїк-* слова *члїннїкъ* и др., однако такое написание не последовательно), тогда как в других корнях и морфемах в этой же позиции употребляется *н*.

³² Подобное распределение графем *оу* и *Ѹ* наблюдается и в “Уложении” 1649 г. [Черных 1953: 152–161]. П. Я. Черных связывает возникновение этой орфографической черты с появлением во главе печатного двора Михаила Рогова и Ивана Наседки.

³³ Стремление ввести единообразие в употреблении *ї* принадлежит книге Константина Костенечского “О писменех”: “*ї* же є начѣлно њ свѣршнїтѣлно, нѣ нѣ вѣз концѣ свѣршнїтѣлно, глѣбѣ њ свѣршнїтѣлно ѣ снцѣ глѣрїлѣз..., днлнїтрїе..., црїе..., њ снцѣвѣл. начѣлно же ѣмѣтъ снцѣ ішѣль..., ішѣкъ њ снцѣвѣл. вѣз іѹже лїце не вѣз свѣдѣ етѣвѣ ѣ. глѣ рѣздрѣтѣе” [Карский 1979: 193].

Неупорядоченное написание корней ѣдн- (ѣдн-), ѣстн- (ѣстн-) и суффикса -ннѣ- (-ннѣ-) устраняется в 1640-х гг. (ї исправляется на н). С этого времени эти морфемы приобретают единообразное написание в соответствии с общим правилом “н перед согласными”: ѣднѣмѣдрено — ѣднѣмѣдренѣ *МслИл* 204–182об., ѣднѣорѣдноє — ѣднѣорѣдноє 410об.–359; ѣднѣоѣщнѣ — ѣднѣоѣщнѣ *МслД* 9–8; ѣднѣплемѣннѣ — ѣднѣплемѣннѣ *ТрЦ* 587–529об.; ѣднѣоглѣсно — ѣднѣоглѣсно *Окт1638* 31, ѣднѣоначѣлнѣ — ѣднѣоначѣлнѣ 120; ѣстнѣнаго — ѣстнѣнаго *МслИл* 5–4об., *МслД* 207–241, *ТрЦ* 585об.–528об., 586об.–529об., *Окт1638* 120, 294об.; коѣстнѣнѣ — коѣстнѣнѣ *МслД* 404об.–442об.; ѣстнѣна — н ѣстнѣна *Окт1638* 290, 292об., 300, ѣстнѣнно — ѣстнѣнно 210об., 125; цѣнѣнѣоѣщнѣннѣкѣ — цѣнѣнѣоѣщнѣннѣкѣ *МслИл* 202–181, 203–182.

Встречается также несколько примеров исправления ї на н в других морфемах: ѣоглѣнѣскѣмн — ѣоглѣнѣскѣмн *МслД* 10–9, напѣсѣтнѣ — напѣсѣтнѣ 403–441; ѣнѣнѣ — ѣнѣнѣ *ТрЦ* 319–295. Подобные исправления также говорят о приведении слов к общему правилу в соответствии с тенденцией 1640-х гг.³⁴

3.2. Союз и

В первой трети XVII в. в союзе и перед согласными употребляется буква ѣ: ѣвоѣды *МслФрук1622* 56об., 305об., ѣподвѣгнѣ 70, ѣорѣднѣ 79об., ѣземлѣнѣ 89, 100об., 273об. и др.; перед гласными — буква ї (согласно общему правилу “ї перед гласными” и ввиду слитного написания проклитик), иногда ї встречается и перед согласными: ѣнѣспѣлннѣшлѣ *МслФрук1622* 35об., ѣнѣстѣчннѣкѣ 255об., ѣднѣнѣоѣщнѣнѣю 95, ѣнаслѣлѣ 36об., ѣннѣѣ 35об., 38об., 50, 259, 267, 275об., 287об., 296.

В 1640-х гг. правописание союза ї перед гласными меняется на н³⁵ (иногда этот союз отделяется от знаменательного слова пробелом, иногда не отделяется): ѣнѣменѣ — ѣнѣменѣ *МслИл* 2–2, ѣоѣтѣврѣженѣнѣ — ѣоѣтѣврѣженѣнѣ 204–182об., 413об.–361; ѣоѣкогащѣнѣтѣ — ѣоѣкогащѣнѣтѣ *МслД* 223–221об., ѣюѣнѣнѣ — ѣюѣнѣнѣ 402–440; ѣѣднѣно — ѣѣднѣно *ТрЦ* 2об.–2об., ѣѣггѣлѣ — ѣѣггѣлѣ 314об.–291; ѣѣжѣ — ѣѣжѣ *Окт1638* 7, 95, 326об., ѣоѣдѣждѣнѣлѣ — ѣоѣдѣждѣнѣлѣ 31 и др. (всего 158 примеров). Перед согласными (и лигатурой ѣѣ, имеющей верхний согласный элемент) союз ї также правится на ѣ: ѣоѣчлѣкнѣ — ѣоѣчлѣкнѣ *Окт1638* 32об., ѣѣнѣлѣ — ѣѣнѣлѣ 311об., ѣнѣлѣзѣ — ѣнѣлѣзѣ 331, ѣѣгрѣѣкѣхѣ — ѣѣгрѣѣкѣхѣ 336, ѣѣщѣтрахѣлѣ — ѣѣщѣтрахѣлѣ 337; основное количество исправлений приходится на слово ѣннѣѣ, которое изменяется на ѣннѣѣ³⁶.

³⁴ По такому же правилу употребляются н-ї и в “Уложениях” 1649 г. [Черных 1953: 148].

³⁵ Эта тенденция намечается уже в *МслФрук1622*: ѣѣрѣтѣнѣчѣстѣнѣнѣкѣхѣ — ѣѣрѣтѣнѣчѣстѣнѣнѣкѣхѣ 53об., ѣѣдѣлькѣоѣ — ѣѣдѣлькѣоѣ 279об., ѣѣзѣблѣнѣнѣ — ѣѣзѣблѣнѣнѣ 272об., ѣѣзѣблѣнѣтѣлю — ѣѣзѣблѣнѣтѣлю 272об. Но следует отметить, что эта тенденция представлена ограниченным числом примеров.

³⁶ *МслИл* 2, 411, 411об.–2, 359об., 359об.; *МслД* 7, 8, 223, 226, 398об., 399, 406–6, 7, 221об., 224об., 436об., 437, 444; *ТрЦ* 3, 4, 7, 7об., 8, 314, 316об., 317об.–3, 3об., 6, 7,

О написании *н* в союзе сообщается только в грамматике *Син734* (17об.). Характерно, что в юго-западнорусских изданиях начала XVII в. как союз используется только *н* (например, в киевском *Час1617*)³⁷.

Изменение написания союза *и* в московских изданиях сопровождается его отделением от знаменательного слова. Таким образом, рассмотренная тенденция соединяется с тенденцией демонстрации границы слова. Следовательно, союз — это уже не часть слова, поэтому его написание не может зависеть от последующего гласного или согласного и становится единообразным.

Как видно, употребление буквы *ї* в первой трети XVII в. является неупорядоченным, но все же отмечается стремление к ее употреблению в определенных морфемах и союзе *и* перед гласными. В 1640-х гг. начинается процесс упорядочивания нормы: в середине слова перед согласной, а также в союзе *и* в противовес тенденции 1620-30-х гг. *ї* исправляется на *н*. Правило “*ї* перед гласными, *н* перед согласными” было зафиксировано и в *Г1648* (52); подобные правила (с небольшими отличиями) присутствуют и в *Г3* и *ГС*, а также в современном церковнославянском языке [Соколов 1907: 10; Гаманович 1991: 18; Плетнева, Кравецкий 2012: 238]. Таким образом, появляются позиции “перед гласными” и “перед согласными”, которые четко разделяют употребление дублетов *н/ї*.

4. Буквы **з** — **с**

Особый интерес представляет пара букв **з** *земля* и **с** *зело*. В современном церковнославянском языке выделяют семь корней с буквой **с**: *сѣлѡ*, *слѡ*, *смій*, *сѣѣрь*, *сѣѣзѡ*, *сѣлѣ*, *сѣлѣ* [Соколов 1907: 17; Плетнева, Кравецкий 2012: 238].

Буква **с** в названных корнях, а также в слове *сѣнницѡ* пишется в юго-западнорусских книгах кон. XVI – нач. XVII вв. (например, в *Библ1581*, в киевских *Час1617* и *Окт1629*)³⁸. Влиянием юго-западнорусского извода церковнославянского языка следует объяснить появление **с** в указанных восьми корнях в московских изданиях. В лексикографической традиции Московской Руси того времени (рукописные азбуковники) **с** в начале слова употребляется только в двух словах: *сѣлѡ* (*сѣлѡ*) ‘весьма’ и *сѣленѣ*

7об., 290об., 293, 294; *Окт1638* 7об., 93об., 94, 99об., 106об., 112об., 117об., 118, 120, 120об., 210об., 244, 289об., 290об., 291об., 292, 301об., 304об., 315, 318, 319, 321.

³⁷ Интересно, что в *Библ1581* часто перед гласными пишется союз *и*, а также *ї* в корне *ѣлѣн-*, как и в московских изданиях до 1640-х гг. Видимо, в Москве дольше сохранялась традиция, идущая от Ивана Федорова, тогда как в юго-западнорусских книгах *ї* в союзе и корне *ѣлѣн-* заменился на *н* уже в начале XVII в.

³⁸ Например, *Библ1581*: *сѣѣзѡ* 1, 223, *сѣѣрьми*, *сѣлѡ* 1об., *смій* 2 (далее те же слова иногда пишутся через **з**), *сѣнницѣ* 3 2-го сч., *сѣлѣмѣ* 34об. 2-го сч.; *Час1617*: *сѣѣремѣ* 34; *Окт1629*: *сѣлѡ* 24, *смійною* 25, *сѣлѣми* 26.

(сѣленѣ) ‘весьма велик’ (*Син835*, 240об.; *Син916*, 58; *Син353*, 64об.; *Син380*, 128). В лексикографии Юго-Западной Руси, например в “Лексиконе” Памвы Берынды, на букву сѣ начинается восемь корней: сѣло, сѣло, сѣмн, сѣѣрь, сѣѣздѣ, сѣлкѣ, сѣлѣ, сѣнница [*Берында1627*: стлб. 67–70]. При этом Берында при составлении своего словаря использовал многие великорусские книги³⁹ [*Исаевич 1978*: 162]. Возможно, здесь было взаимное влияние двух изводов церковнославянского языка. О знакомстве московских книжников с “Лексиконом” Берынды свидетельствует тот факт, что при издании грамматики в 1648 г. Рогов и Наседка включили туда раздел “Словоѣе ѿмѣнѣ по ѣзѣ вѣдѣн, сѣмнѣмъ ѿѣнѣмъ въ сѣмнѣмъ, сѣ толковѣннѣи словѣнска ѣзѣка” (361–373), отсутствующий в ГС. За основу этого раздела они взяли вторую часть “Лексикона” Берынды о толковании имен “ѿ ѣврейскаго, греческаго же ѿ латинскаго, ѿ ѿ ѿныхъ ѣзѣковъ, начинающагося ѿменѣмъ свойственнаго зѣмноу, мѣла ѿ различнаго тѣлѣннѣ. . .” (стлб. 329–472).

В рассматриваемый период справки буква сѣ в московских изданиях появляется еще не во всех указанных корнях.

Слово сѣлѣ ‘весьма’, совпадающее с названием буквы, писалось через соответствующую букву и ранее, в рукописных памятниках XV–XVI вв. Такое же написание встречается в *Ап1564* сѣло 12, 141об. (без ѿ в суффиксе), в *МслФрук1622* сѣло 39, 253⁴⁰. По этой причине в книгах 1640-х гг. это слово подвергается исправлению только в суффиксе (о на ѿ): сѣло на сѣлѣ *МслИл* 209об.–187об., *МслД* 4–3об., *Окт1638* 138об., 288об., 308. Также встречается единичное исправление з на сѣ в *Окт1638* 336об.

Написание корня зло- в первой трети XVII в. в печатных изданиях колеблется. В *МслФрук1622* преобладает написание с буквой з, но встречаются написания и с сѣ: ѡзлѡбленіе 34об., злочетѣвын 39об., ѿнезлѡбнѣмъ 66, злѡдѣйствѣ 268, но сѡдѣйствѣ 35, несѡдѡбразѣтѣ 99, сѣмнѣмъ 253об. Распространение сѣ во всех производных от зло относится к 1640-м гг. Об этом говорят многочисленные изменения в рассмотренных книгах: злѡмѡдрецѣ — сѡмѡдрецѣ *МслИл* 6–5об., злѣм — сѣлѣм 411об.–359об.; ѡзлѡбленіѣ — сѡзлѡбленіѣ *МслД* 1об.–1об.; ѿзлѣмъ — ѿ сѣмъ *ТрЦ* 584–527об., началлѡзлѡбнаго — началлѡсѣлѡбнаго 584об.–528; злочетѣѣ — сѡлочетѣѣ *Окт1638* 106об., зѡлѣ — сѡлѣ 314об., зѡлѣ гѣ — сѡлѣ 319об., злочетѣвынѣмъ — сѡлочетѣвынѣмъ 127об., злѡдѣйствѣ — сѡдѣйствѣ 289об. и др. (всего 20 примеров). Ряд слов в *Окт1638* с корнем зло- не подвергается указанному изменению (т. к. внимание справщиков сосредотачивается на других изменениях), но в *Окт1649* они все пишутся через букву сѣ. Например: злѣбы 344, злѣ 326, злѣбнѣмъ 339об., злѣдѣннѣ

³⁹ Берында привлекал материалы из Соловецкого Патерика, азбуковников, Великих Четых Миней Макария, произведений Максима Грека.

⁴⁰ Один раз встретилось исправление сѣло на сѣло *МслФрук1622* 88. Написание сѣло присутствует в *Берында1627* и некоторых московских азбуковниках нач. XVII в.

343об., зѡлѣ 344об., но в *Окт1649* слѡбы, слѣ, слѡбеныѣ, слодѣѣннѣ, сѡлѣ и др. (всего 17 примеров).

В печатных изданиях 1620-х гг. написание корня смѣн возможно двоякое: как через с, так и через з. Например, в *МслФрук1622* смѣнныѣмз 270об., но змѣлѣ 36, змѣѣла 98об. и др. (преобладающее написание с з). Последовательное исправление относится к 1640-м гг.: сѣтълмѣ змѣлѣ — смѣлѣ *МслИл* 209–187; змѣнныѣмз — смѣнныѣмз *МслД* 1об.–1об., змѣн — смѣн 205–239; змѣлѣ — смѣлѣ *ТрЦ* 584об.–528; змѣлѣ — смѣлѣ *Окт1638* 288об.

Корень сѣѣръ, закрепившийся с начала книгопечатания с буквой з, в 1640-х гг. подвергается изменению: ѡзѣѣрн — ѡсѣѣрн *Окт1638* 107, 127об., зѣѣрю — сѣѣрю 289.

Слово сѣѣздѣлѣ приобретает написание через с только в 1640-х гг. В *МслФрук1622* оно пишется через з: зѣѣздѣлѣ 47об., сѣѣздѣлѣ 262, зѣѣздѣлѣмн 101об. В рассмотренных Минеях и Октоихе происходит замена з на с: зѣѣздѣлѣмн — сѣѣздѣлѣмн *МслИл* 9–8, зѣѣздѣлѣ — сѣѣздѣлѣ 202–181; зѣѣздѣлѣ — сѣѣздѣлѣ *МслД* 207, 399, 405об.–241, 437, 443об., зѣѣздѣлѣмз — сѣѣздѣлѣмз 222об., 399–221, 437; зѣѣзды — сѣѣзды *Окт1638* 293.

Производные от слѣкз сохраняют написание с буквой з в этот период справы: намѣѣтѣ злѣчнѣ *ТрЦ* 586–529, вѣѣтѣ злѣчно *Окт1638* 111, злѣчнѣ 94об. Написание слова слѣкз через с появляется только в середине 1650-х гг. и затем колеблется в разных изданиях до 80-х гг. XVII в.

Слово сѣѣе и сѣѣнца в рассматриваемых книгах нам не встретились, однако написание сѣѣе с буквой с отмечается в *Пс1645* 50об. (в *Пс1642* — зѣѣе 50об.), сѣѣнца — в *Библ1663* 230об., 253, 257об., 327об., (в *Библ1581* также это слово пишется через с П⁴¹ 36об., П 59, П 120об., П 175).

Как видно из приведенных примеров, спорадически буква с встречалась в книгах 1620–30-х гг., но ее употребление не было упорядоченным и системным. В 1640-х гг. начинается активное употребление этой буквы в определенных корнях, что нашло затем продолжение в последующие периоды книжной справы XVII в. Употребление буквы с в начале слов с отрицательной семантикой (слѡ, сѣѣръ, смѣн, сѣѣе) объединяет такие слова в единую группу, однако пока остается открытым вопрос, почему буква с появляется в словах, не имеющих отрицательную семантику (сѣѣздѣлѣ, слѣкз, сѣѣнца).

Особенность пары з–с заключается в том, что эти буквы эксплицитно не служат для дифференциации грамматических форм, не маркируют начало или конец слова.

В грамматических трактатах отсутствует указание о распределении букв з и с, отсутствует и специальный список слов с той или иной буквой.

⁴¹ Римская цифра означает пагинацию листов второго счета. Всего в *Библ1581* пять счетов.

В *Г1648* и *ГС* сказано при описании разделения согласных на группы по определенным признакам, что *з* состоит из двух звуков *д* и *с*, а *с* взята из греческого языка (*Г1648* 58; *ГС* 140); в *ГЗ* две буквы *з* и *с* характеризуются как состоящие из звуков *д* и *с* (*ГЗ* 36)⁴². Действительно, в греческом языке буква *Ζ ζ* читалась как [d̥z], на что и ориентировались составители грамматик XVII в. В кириллических памятниках старославянского языка XI в. буква *с* употреблялась только для обозначения цифры “6”, позднее в среднеболгарских памятниках *с* или *з* стала обозначать аффрикату [d̥z], возникшую из *g. В XI в. аффриката [d̥z] в некоторых говорах изменилась в [z], в связи с чем многим старославянским рукописям буква *с* незнакома [Селищев 1951: 321–322]. В старославянских памятниках, отразивших аффрикату [d̥z], *с* в начале слова употреблялась в словах *сѣло* и *сѣѣзла*, в середине слова на месте праславянского *g (*моѣн*, *боѣѣ*, *вѣжнѣлн*, *ноѣѣ*, *вѣлѣѣхз*, *вѣлн*, *помоси*, *кѣнѣсѣ*, *сѣѣсѣ*) [Вайан 1952: 98; Селищев 1951: 322], т. е. возникает под действием второй и третьей палатализации. Такое же явление наблюдается в текстах начала XVII в., хотя и непоследовательно. Например, в *МслФрук1622* *ѣѣѣѣ моѣмѣ* 258 (однако в печатной *МслФ1622* *ѣѣѣѣ* 198), в *МслД* *ѣѣѣѣ* 6–5, *ѣѣѣѣ* 9–7об. (но в *МслИл* *пѣѣѣѣ* 9–8); в *МслФрук1622* сначала пишется буква *с*, но затем она исправляется на *з*: *нѣжкнѣсѣѣ* — *нѣжкнѣзѣѣ* 82, *погрѣсѣн* — *погрѣзѣн* 268об., *порѣсѣн* — *порѣзѣн* 268об. В начале слова *с* появляется в некоторых словах в 1640-х гг., но впоследствии такие слова снова пишутся через *з*. Например: корень *злат-* *злѣѣѣ* — *слѣѣѣ* *МслД* 207, 223об., 398–241, 221об., 436, *ѣѣзлѣѣѣѣ* — *ѣѣзѣслѣѣѣѣ* *МслИл* 9об.–8об., *вѣѣзлѣѣѣѣ* — *вѣѣслѣѣѣѣ* 410–358об.⁴³; *знѣѣмѣ* — *знѣѣмѣ* *МслД* 204об.–238об.⁴⁴

5. Дублетные буквы в заимствованных словах

В *Г1648*, а также в *ГС* присутствует указание писать заимствованные слова в соответствии с орфографией оригинала (*Г1648* 58об.; *ГС* 13). В заимствованных словах происходит изменение написаний дублетных букв, соответствующих греческой орфографии. Начинается этот процесс еще до издания *Г1648*, в 1620-х гг. (например, в *МслФрук1622*), хотя в этот период он охватывает еще не все заимствованные слова, наибольшее количество

⁴² Интересная характеристика этой пары букв дается в грамматике *Син734* (19). Буквы *с* и *д*, “знаменуют тонкость” и употребляются с “тонкими” гласными (і, н, ѣ, ю, ѡ, ѡ, ѣ), а *з* и *ф* являются “дебелыми” и употребляются с “дебелыми” гласными (а, е, о, Ѹ, ѹ, з, ѡ). Такая искусственная характеристика пар дублетных букв не соотносится с практикой их употребления в текстах.

⁴³ Встречается и написание этого корня без *с*: *злѣѣѣ* *МслД* 401об., 405об.–439, 443об., *пѣзлѣѣѣѣ* *МслИл* 9об.–8об., *злѣѣѣѣ* — *злѣѣѣѣ* 413–361, *злѣѣѣ* 414об.–362.

⁴⁴ В “Уложении” 1649 г. также отмечаются производные от слов *сло*, *сѣѣѣ*, *солото* (*слѣѣѣ*) и слово *кнѣѣѣ* с буквой *с* [Черных 1953: 165–166].

Выводы

Таким образом, временем начала орфографических изменений книжной справы XVII в. можно считать период 40-х гг. Языковые исправления начинаются в процессе издания текстов еще до выхода московской “Грамматики” в 1648 г. Языковая норма разрабатывается справщиками Московского Печатного двора сначала в богослужебных изданиях, а затем кодифицируется в грамматике. Характерно, что при переиздании ГС иосифовские справщики полемизируют с нормализаторскими решениями Мелетия Смотрицкого (особенно в орфографической части грамматики) и существенно перерабатывают материал в соответствии со своими представлениями. В 1648 наблюдается сложное взаимодействие правил ГЗ и ГС, а также собственных установок справщиков, в связи с чем каждая пара букв развивается по-своему.

Но как видно из текстов, орфографическая норма 40-х гг. явилась результатом изменений нормы первой трети XVII в. (не считая некоторых процессов, начавшихся еще раньше). Одной из причин таких изменений можно считать начавшуюся ориентацию на греческий язык (правописание иноязычных слов) и активизацию контактов с Юго-Западной Русью.

Демонстрация границы слова, проявившаяся в изменении оформления фонетического слова, в распространении графемы *ѣ* и появлении *о* в начале слова, а также в распределении дублетов *ѣ* (в начале) и *ѣ* (не в начале), возникает под влиянием юго-западнорусских книг. Что касается употребления дублетов *ѣ/ѣ*, то устранение *ѣ* в середине слова является ориентацией на грамматику Зизания и, возможно, Смотрицкого, однако не исключается и простое совпадение установок юго-западнорусских ученых и московских справщиков. Маркирование начала слова приводит к возникновению оппозиции “начало/не начало слова”, которая пока еще не затрагивает пару *ѣ/ѣ* (произойдет это только в середине 1650-х гг.). В данном случае московские справщики полемизируют с правилами ГЗ и ГС и предлагают свои решения в распределении двух графем.

Правило употребления дублетов *н/и* относительно гласной или согласной продолжает традицию предшествующего периода, приводя все отклоняющиеся написания к единой норме. В связи с изменением оформления фонетического слова союз *и* приобретает единообразное написание *и* как отдельная единица речи.

Семантическое разграничение омонимов с помощью дублетных букв и появление *ѣ* в начале определенных корней также возникает под влиянием юго-западнорусского извода церковнославянского языка (текстов и лексикографической традиции).

МслИл1646

РГАДА БМСТ/СПК 865, Миняя служебная, июль, Москва, 1646 г.

МслФ1622

ГИМ, Син. печ. № 50, Миняя служебная, февраль, Москва, 1622 г.

МслФРук1622

ГИМ, Син. № 184, 2°, Миняя служебная, февраль, рукописная, кавычная для печатного издания 1622 г., 340 л.

Окт1629

Октоих, Киев, 1629 г. (цифровая фотокопия на сайте Троице-Сергиевой Лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropечатnye-knigi/147>)

Окт1638

РГАДА БМСТ/СПК 4604, Октоих, ч. 2 (гласы 5–8), Москва, 1638 г., кавычный для издания 1649 г.

Окт1649

РГАДА БМСТ/СПК 1182, Октоих, ч. 2 (гласы 5–8), Москва, 1649 г.

Пс1642

РГБ, НИОРК, Псалтирь, Москва, 1642.

Пс1645

РГБ, НИОРК, Псалтирь, Москва, 1645.

Син353

ГИМ, Син. № 353, Книга глѣмаа мѣславнѣхъ, 1654 г., 1658 г., 4°, 245 л., лл. 7–159об.

Син354

ГИМ, Син. № 354, Толкованіе иностранныѣхъ рѣчей, ѣже обрѣтаются во стѣхъ книгѣхъ непреложены нарѣкнѣхъ языкъ, 1676 г., 4°, 359 л., лл. 41–346.

Син380

ГИМ, Син. № 380, Книга глѣмаа мѣславнѣхъ, содержащая всеѣхъ толкованіе, иностранныѣхъ рѣчей, ѣже обрѣтаются во стѣхъ книгѣхъ, непреложены нарѣкнѣхъ языкъ, 1660 г., 4°, 352 л., лл. 49–352.

Син734

ГИМ, Син. № 734, Грамматика, 4°, лл. 1–102.

Син835

ГИМ, Син. № 835, Книга глѣмаа мѣславнѣхъ, содержащая всеѣхъ толкованіе неоподобъ разорумѣлемыѣхъ речей, ѣже обрѣтаются во стѣхъ книгѣхъ словенязкого языка иностранными гланин положены, 8°, 360 л., лл. 175–360.

Син916

ГИМ, Син. № 916, Книга глѣмаа языковни(к) ино стѣхъ рѣчей, 1644 г., 8°, 171 л.

Тихонр336

РГБ НИОР, ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 336, Грамматический сборник 1620-х гг.

ТрЦ1635

РГАДА БМСТ/СПК 1812, Триодь цветная, Москва, 1635 г.

ТрЦ1648

РГАДА БМСТ/СПК 1823, Триодь цветная, Москва, 1648 г.

Час1617

Часослов, Киев, 1617 г. (цифровая фотокопия на сайте Троице-Сергиевой Лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropечатnye-knigi/131>).

Литература

БАБАЕВА 2000

БАБАЕВА Е., изд. и иссл., Ф. ПОЛИКАРПОВ, Технологія. *Искусство грамматики*, С.-Петербург, 2000.

Б-н 1861

Б-н И., “Об исправлении славянского текста Деяний и Посланий апостольских при патриархе Иоакиме”, *Православное обозрение*, 1861, 2, 294–306.

ВАЙАН 1952

ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

ВЕРНЕР 2013

ВЕРНЕР И. В., “Грамматическая справа Максима Грека в Псалтыри 1552 г.”, в: *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 104–127.

ГАМАНОВИЧ 1991

АЛИПИЙ (ГАМАНОВИЧ), ИЕРОМ., *Грамматика церковно-славянского языка*, Москва, 1991.

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1869

ГОРСКИЙ А. В., ПРОТ., НЕВОСТРУЕВ К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки, Отдел третий: Книги богослужебные*, 1, Москва, 1869.

ГУРЬЯНОВА 2007

ГУРЬЯНОВА Н., “Старообрядцы и «киевская ученость»”, в: *Человек в культуре русского барокко. Сборник статей по материалам международной конференции. ИФ РАН Москва, Историко-архитектурный музей “Новый Иерусалим”. 28–30 сентября 2006 г.*, Москва, 2007, 266–273.

ДМИТРИЕВСКИЙ 1895

ДМИТРИЕВСКИЙ А. А., “Новые данные по исправлению богослужебных книг в Москве в XVII и XVIII в.”, в: *Чтения в историческом обществе Нестора Летописца*, Киев, 1895.

ДМИТРИЕВСКИЙ 2004

ДМИТРИЕВСКИЙ А. А., *Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах*, Москва, 2004.

ДЬЯЧЕНКО 1998

ДЬЯЧЕНКО Г., СВЯЩ., *Полный церковно-славянский словарь*, 2, Москва, 1998.

ЗАЛИЗНЯК 1990

ЗАЛИЗНЯК А. А., “*Мерило праведное*” XIV века как акцентологический источник (= *Slavistische Beiträge*, 266), München, 1990.

ЗАПОЛЬСКАЯ 2000

ЗАПОЛЬСКАЯ Н. Н., “Книжная справа XVII века: проблема культурно-языкового реплицирования”, в: *Сб. докладов международной конференции “Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений, идей”*. Будапешт, 5–7 апреля 2000 г., Будапешт, 2000, 305–314.

——— 2003

ЗАПОЛЬСКАЯ Н. Н., “Книжная справа в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*”, в: *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва, 2003, 213–229.

——— 2008

ЗАПОЛЬСКАЯ Н. Н., “Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI–XVIII вв.): теория и история норм”, в: *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва, 2008, 199–224.

- 2010
Запольская Н. Н., “Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII в.”, в: *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, Napoli, 2010, 267–282.
- ЗЕНЬКОВСКИЙ 1970
ЗЕНЬКОВСКИЙ С., *Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в.*, Мюнхен, 1970.
- ИСАЕВИЧ 1978
ИСАЕВИЧ Я. Д., “Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI – первой половине XVII в.”, в: *Книга в России до середины XIX в.*, Ленинград, 1978, 161–169.
- КАЙПЕРТ 2008
КАЙПЕРТ Х., “Грамматика и теология: по поводу языка-объекта славянского «трактата о восьми частях слова»⁴⁷”, *Русский язык в научном освещении*, 15, 2008, 79–97.
- КАПТЕРЕВ 1913
КАПТЕРЕВ Н. Ф., *Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриаршества Иосифа*, Сергиев Посад, 1913.
- КАРСКИЙ 1979
КАРСКИЙ Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Москва, 1979.
- КОВТУН 1975
КОВТУН Л. С., *Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в.*, Ленинград, 1975.
- КРЫЛОВ 2009
КРЫЛОВ Г., прот., *Книжная справа XVII века: Богослужбные Минеи*, Москва, 2009.
- КУЗЬМИНОВА 1999
КУЗЬМИНОВА Е. А., “Адаптация авторитетной юго-западнорусской грамматики в Московской Руси XVII в.”, в: *Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII вв.*, Москва, 1999, 59–80.
- 2002
КУЗЬМИНОВА Е. А., изд. и иссл., *Грамматический сборник 1620-х гг.* (= AION-SLAVISTICA, 1), Napoli, 2002.
- 2007
КУЗЬМИНОВА Е. А., предисл., научный комментарий, подг. текста и сост. указателей, *Грамматика 1648 г.*, Москва, 2007.
- КУСМАУЛЬ 2013
КУСМАУЛЬ С. М., “Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной sprawy середины XVII в.”, *Русский язык в научном освещении*, 1/25, 2013, 223–243.
- МАНСВЕТОВ 1883
МАНСВЕТОВ И. Д., *Как у нас правилась церковные книги. Материал для истории книжной sprawy в XVII столетии (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве)*, Москва, 1883.
- 1884
МАНСВЕТОВ И. Д., *Как правилась Типик и Минеи: Очерк из истории книжной sprawy в XVII столетии*, Москва, 1884.
- НИКОЛЬСКИЙ 1896
НИКОЛЬСКИЙ К., прот., *Материалы для истории исправления богослужбных книг (Об исправлении устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689–1691 г.)*, С.-Петербург, 1896.
- ОПАРИНА 1998
ОПАРИНА Т. А., *Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии*, С.-Петербург, 1998.

⁴⁷ См. также оригинал данной статьи [КАЙПЕРТ 1999].

ОПАРИНА 2007

ОПАРИНА Т. А., “К предыстории рецепции украинского барочного богословия в России”, в: *Человек в культуре русского барокко. Сборник статей по материалам международной конференции. ИФ РАН Москва, Историко-архитектурный музей “Новый Иерусалим”, 28–30 сентября 2006 г.*, Москва, 2007, 175–198.

ПЛЕТНЕВА, КРАВЕЦКИЙ 2012

ПЛЕТНЕВА А. А., КРАВЕЦКИЙ А. Г., *Церковнославянский язык*, 5-е изд., Москва, 2012.

СЕДАКОВА 2008

СЕДАКОВА О. А., *Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы*, Москва, 2008.

СЕЛИЩЕВ 1951

СЕЛИЩЕВ А. М., *Старославянский язык*, 1: Введение. Фонетика, Москва, 1951.

СИРОМАХА 1981

СИРОМАХА В. Г., “Книжная справа” и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во 2-ой половине XVII в. (на материале склонения имен существительных) (дисс. [. . .] канд. филол. наук, Москва, 1981).

СОКОЛОВ 1907

СОКОЛОВ Д. Д., *Справочная книжка по церковно-славянскому правописанию*, С.-Петербург, 1907.

УСПЕНСКИЙ 2002

УСПЕНСКИЙ Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002.

ФОНКИЧ 2009

ФОНКИЧ Б. Л., *Греко-славянские школы в Москве в XVII в.* (= Россия и Христианский Восток. Библиотека, 7), Москва, 2009.

ЧЕРНЫХ 1953

ЧЕРНЫХ П. Я., *Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги*, Москва, 1953.

ЩЕПКИН 1967

ЩЕПКИН В. Н., *Русская палеография*, Москва, 1967.

ЯГИЧ 1895

ЯГИЧ И. В., *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*, 1, С.-Петербург, 1885–1895.

HORVATSCH 1964

HORVATSCH O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*, Wiesbaden, 1964.

KEIPERT 1999

KEIPERT H. “Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile,” *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58/1, 1999, 19–42.

References

Babaeva E., ed., *F. Polikarpov. Tehnologija. Iskusstvo grammatiki*, St. Petersburg, 2000.

Chernykh P. Ia., *Iazyk Ulozheniia 1649 goda: Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v sviazi s istoriei Ulozhennoi knigi*, Moscow, 1953.

Dmitrievskii A. A., *Ispravlenie knig pri patriarkhe Nikone i posleduiushchikh patriarkhakh*, Moscow, 2004.

D'iachenko G., *Polnyi tserkovno-slavianskii slovar'*, 2, Moscow, 1998.

Fonkich B. L., *Greko-slavianskie shkoly v Moskve v XVII v.*, Moscow, 2009.

Gamanovich, Alipii, *Grammatika tserkovno-slavianskogo iazyka*, Moscow, 1991.

Gur'ianova N., “Staroobriadtsy i «kievskaia uchenost'»,” in: *Chelovek v kul'ture russkogo barokko*, Moscow, 2007, 266–273.

Horbatsch O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*, Wiesbaden, 1964.

- Isaevich Ia. D., "Russko-ukrainskie sviazi v oblasti knigopechatanii v kontse XVI – pervoi polovine XVII v.," in: *Kniga v Rossii do seređiny XIX v.*, Leningrad, 1978, 161–169.
- Kapterev N. F., *Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniia tserkovnykh obriadov: Vremia patriarshesva Iosifa*, Sergiyev Posad, 1913.
- Karskii E. F., *Slavianskaia kirillovskaia paleografiia*, Moscow, 1979.
- Keipert H., "Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58/1, 1999, 19–42.
- Keipert H., "Grammatika i teologija: po povodu iazyka-ob'ekta slavianskogo «traktata o vos'mi chastiakh slova»," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 15, 2008, 79–97.
- Kovtun L. S., *Leksikografiia v Moskovskoi Rusi XVI – nachala XVII v.*, Leningrad, 1975.
- Krylov G., *Knizhnaia sprava XVII veka: Bogoslužebnye Minei*, Moscow, 2009.
- Kusmaul S. M., "Normalizatsiia upotrebleniia dubletnykh bukvy po printsipu antistikhia v protsesse knizhnoi spravy seređiny XVII v.," *Russkii iazyk v nauchnoi osveshchenii*, 1/25, 2013, 223–243.
- Kuz'minova E. A., "Adaptatsiia avtoritetnoi iugozapadnorusskoi grammatiki v Moskovskoi Rusi XVII v.," in: *Evolutsiia grammaticheskoi mysli slavian XIV–XVIII vv.*, Moscow, 1999, 59–80.
- Kuz'minova E. A., ed., *Grammaticheskii sbornik 1620-kh gg.* (= AION-SLAVISTICA, 1), Napoli, 2002.
- Kuz'minova E. A., ed., *Grammatika 1648 g.*, Moscow, 2007.
- Oparina T. A., *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoi mitropolii*, St. Petersburg, 1998.
- Oparina T. A., "K predystorii retseptsii ukrainskogo barochnogo bogosloviiia v Rossii," in: *Chelovek v kul'ture russkogo barokko*, Moscow, 2007, 175–198.
- Pletneva A. A., Kravetskii A. G., *Tserkovnoslavianskii iazyk*, 5th ed., Moscow, 2012.
- Sedakova O. A., *Slovar' trudnykh slov iz bogoslužbeniia: Tserkovnoslaviano-russkie paronimy*, Moscow, 2008.
- Selishchev A. M., *Staroslavianskii iazyk*, 1, *Vvedenie. Fonetika*, Moscow, 1951.
- Shchepkin V. N., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1967.
- Sokolov D. D., *Spravochnaia knizhka po tserkovno-slavianskomu pravopisaniiu*, St. Petersburg, 1907.
- Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002.
- Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.
- Verner I. V., "Grammaticheskaiia sprava Maksima Greka v Psaltyri 1552 g.," in: *Pis'mennost', literatura, folklor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.)*. *Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 104–127.
- Zalizniak A. A., "Merilo pravednoe" XIV veka kak aktsentologicheskii istochnik (= Slavistische Beiträge, 266), München, 1990.
- Zapol'skaia N. N., "Knizhnaia sprava XVII veka: problema kul'turno-iazikovogo replitsirovaniia," in: *Sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii "Iazyki v Velikom kniazhestve Litovskom i stranakh sovremennoi Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy: migratsiia slov, vyrazhenii, idei*," Budapest, 2000, 305–314.
- Zapol'skaia N. N., "Knizhnaia sprava v kul'turno-iazikovykh prostranstvakh Slavia Orthodoxa i Slavia Latina," in: *Slavianskoe iazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2003, 213–229.
- Zapol'skaia N. N., "Grammatika i subgrammatika slavianskikh literaturnykh iazykov (XVI–XVIII vv.): teoriia i istoriia norm," in: *Slavianskoe iazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2008, 199–224.
- Zapol'skaia N. N., "Neizvestnaia grammatika tserkovnoslavianskogo iazyka XVII v.," in: *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, Napoli, 2010, 267–282.
- Zen'kovskii S., *Russkoe staroobriadchestvo: Dukhovnye dvizheniia XVII v.*, München, 1970.

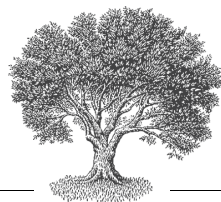
Светлана Михайловна Кусмауль, аспирант

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

KusmaulS@yandex.ru

Rus'—Rossiia,
and *russkie—rossiiane,*
and *ruskii—rossiiskii*
in the *Catalogue of the*
Kievan Metropolitans
by St. Demetrius of
Rostov*

Русь — Россия,
русские — россияне,
русский — российский
в “Каталоге митро-
политов Киевских”
свт. Димитрия
Ростовского

Alexander I. Grishchenko

Moscow State Pedagogical University

**Александр Игоревич
Грищенко**

Московский педагогический
государственный университет

Резюме

В данной статье на материале малоизвестного сочинения по истории русской церкви “Каталог митрополитов Киевских” (нач. XVIII в.), написанного, скорее всего, свт. Димитрием Ростовским, рассмотрены особенности употребления и сочетаемость слов из синонимических рядов *Русь / Россия / Руссия, русский / российский / росский, русские / россияне / россы*. Всего в тексте памятника представлено 32 слова на *рус-* и 37 на *рос-*, причём топонимы и производные от них прилагательные равноупотребительны, однако наблюдается определённая привязка последних к тому или иному имени в составе пока ещё относительно устойчивых коллокаций. Отмечено преобладание этнонимов на *рос-*, а также общая тенденция к редакторской правке *рус-* → *рос-* в более поздних списках и единственном издании “Каталога” (1776).

* Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных — кандидатов наук МК-3307.2013.6, проект: “«Своя» и «чужая» этничность в русской лексике и фразеологии”.

Ключевые слова

начало XVIII века, церковнославянский язык, “проста мова”, этнонимы, историческая стилистика, орфография, Димитрий Ростовский

Abstract

This article deals with the usage and combinability of words from the synonymic rows *Rus'/Rossiia/Russiia*, *ruskii/rossiiskii/rosskii*, and *russkie/rossiiane/rossy*, on the basis of the *Catalogue of the Kievan Metropolitans*, from the early 18th c.—a little-known work on the history of the Russian Church. In the Catalogue, there are about the same number of place names using either *rus-* or *ros-* and the adjectives derived from them (a total of 32 and 37, respectively); however, there is an identifiable relationship between each adjective and a specific noun, apparently reflecting fairly stable collocations. Also, the author notes the predominance of ethnonyms with *ros-* and a general trend towards editing *rus-* to *ros-* in the later copies of the Catalogue and in its sole publication in 1776.

Keywords

early 18th century, Church Slavonic language, Ruthenian language, ethnonyms, historical stylistics, orthography, Demetrius of Rostov

By the beginning of the 18th century when, as a result of Peter's reforms, the Tsardom of Muscovy was transformed into the Russian Empire, there appeared a series of large-scale language changes revising the distribution of Church Slavonic and a number of Russian proper idioms (the Moscow koiné, Ruthenian, and vernaculars).¹ It is against this background that one finds the actualization of the old synonymic rows with the initials *rus-* and *ros-* (and, respectively, the roots *rus-*, *rus(s)ii-*, *ros(s)-*, *ros(s)sii-*), relating to the name of the Russian state, its territory, and inhabitants. As a consequence, the rows *Rus'/Rossiia/Russiia* (place names), *ruskii/rossiiskii/rosskii* (attributes), and *russkie/rossiiane/rossy* (ethnic and inhabitants' names) differ stylistically: the first terms were gradually moved to lower stylistic registers and the rest remained almost solely in solemn bookish discourse. However, this did not happen all at once, and in many texts of this epoch there is a significant variability in the usage of these words, including serious orthographic inconsistencies. Furthermore, it should be mentioned that the history of this process and of the appearance of these forms in various languages—Slavic and non-Slavic—is in general still not clear, although some of its episodes have been examined in a number of studies in considerable detail; cf. [SOLOVIEV 1947;

¹ Regarding multilingualism of authors originating from Ruthenian lands and the Polish–Lithuanian Commonwealth of that epoch, see, e.g., a special paper [BROGI BERCOFF 2005] on the works by Metropolitan Stephen Yavorsky (1658–1722), a close friend and associate of St. Demetrius of Rostov.

TIKHOMIROV 1953; SOLOVIEV 1957A; 1957B; TRUBACHEV 2001; ULUKHANOV 2008; KLOSS 2012], and the review [GRISHCHENKO 2013B] of the latter, and also an essay on corpus study [IDEM 2013A] based on the analysis of the Middle Russian Corpus (a demo version) included in the Russian National Corpus (http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html).

The spellings with the root *ros-* (in Muscovite Russia since the end of the 17th century with the doubled *s*, i.e., *ross-*)² supplanted the corresponding forms with *rus-* in Russian literature of the 18th century; this differentiation occurred both at that time as well as later on (up to the present), including semantic differentiation, due to which there have appeared pairs explicitly opposed in meaning in the modern Russian literary language. This opposition includes semantic differentiation, due to which there have appeared pairs explicitly opposed in meaning in the modern Russian literary language: adv. *r'usskii* 'of or pertaining to the ethnic Russian' vs. *ross'iiskii* 'of or pertaining to Russia in general,' and n.pl. *r'usskie* 'ethnic Russians; East Slavic ethnic group native to Russia' (sing. masc. *r'usskii*, fem. *r'usskaia*) vs. *rossii'ane* 'citizens or inhabitants of Russia' (sing. masc. *rossii'anin*, fem. *rossii'anka*). This duality is hardly translatable into most of the world's languages.³ For example, when the traditional translation of Nikolai Karamzin's historical survey is employed—*History of the Russian State*—it is thus quite difficult to understand the following passage from the Russian-language article by Alexandre Soloviev:

In the years after the end of the Napoleonic Wars Karamzin, who had become a conservative, published his *History of the Russian (Rossiiskogo) State* (1816–1826), and returning to the tradition of the 18th century, he more often spoke there of *Rossiane* than of *Ruskie*. But young Nikolai Polevoy replied to him through the title of his *History of the Russian (Ruskogo) People*. This antithesis: "Russian (*Rossiiskoe*) state" and "Russian (*Ruskii*) people" became characteristic for the whole 19th century [SOLOVIEV 1957A: 154].⁴

The first person seriously to draw attention to the change of the root *rus-* into *ros-* in the Slavic-Russian literature was Nikolai Karamzin himself:

² This was first established by KLOSS [2012: 115 ff.], who notes: "The spelling *Rossia* with two «s» naturally appeared in the lands of Kievan Metropolia, which was an area of mixed Slavic and Latin influence" [ИВД.: 123].

³ Except some Slavic languages, e.g., see [BUNČIĆ 2006: 40–41] on the difference between the Polish terms *ruski* 'East Slavonic (= Ruthenian)' and *rosyjski* 'Russian (= Muscovite).'

⁴ Cf. the original: "В годы после окончания наполеоновских войн ставший консервативатором Карамзин издает «Историю Государства Российского» (1816–1826) и, возвращаясь к традиции XVIII в., чаще говорит в ней о «Россиянах», чем о «Русских». Но молодой Н. Полевой отвечает ему «Историей русского народа». Эта антитеза: «Российское государство» и «русский народ» станет характерной для всего XIX в."

In ancient times we used to write *Rus'*, after *Rusia*, but have finally turned the letter *U* into *O*. Tatishchev thought that Metropolitan Macarius was the first to coin this novelty, but all the oldest copies of the *Book of Degrees*, the so-called *Macarius' Book*, all the 16th-century manuscripts I happened to see use the names *Rus'* and *Rusia* [KARAMZIN 1998: 325].

However, there are some later copies of the same *Book of Degrees* in which *Rus'* was replaced by *Rosia*, e.g., in the *Piskarev copy* from the end of the 16th–the early 17th centuries; this was compared by Alexey Sirenov with the earlier *Chudov copy*:

Apparently, these changes should be attributed to the creation of the scribe of the *Piskarev copy*, who intended to modernize the text [SIRENOV 2007: 248].

Such replacements in the copies of the same monuments were noted by other researchers. Thus, the *Praise of St. Vladimir* contains the word with the root *rus-* in the *Troitsky copy* of the 1520s, but in the later *Academy copy* of 1557/58 they were replaced by *ros-*:

This variant reading type could be explained by the tendency marked by M. N. Tikhomirov to the establishment of the term “*Rossia*” in monuments of Russian literature in the 16th century. It can be assumed that the replacement of the root “*rus*” with “*ros*” was made by the scribe of the *Academy copy* unknowingly, because the second vocalization was apparently familiar for him. This is supported by the fact that the *Academy copy* kept the most of the words with the root “*rus*”, which the scribe borrowed from his source. Perhaps active adoption of the root “*ros*” in the Russian literature fell in the thirty-year period separating the *Troitsky* [. . .] and the *Academy* copies . . . [USACHEV 2006: 7–8].

Besides spelling modernization from one copy to another, in some works one can also come across variation in the roots *rus-* and *ros-* within the same copy, which cannot be attributed only to a scribe’s inattention or to orthographic inconsistency, but can also be interpreted as belonging to the original. Among such monuments there is the practically unknown *Catalogue of Kievan Metropolitans with Short Chronicle* by St. Demetrius of Rostov, which in 1776 was carelessly and without any attribution published in the *Moscow Curious Almanac* by Vasily Ruban, an omnivorous and indiscriminate publisher. This unique printed edition of the *Catalogue, Ruban1776*, had some corrections and inserts both in the main text and at its conclusion, that is, the publisher treated the original work the same way medieval scribes treated their manuscripts: the list of Kievan metropolitans was extended to include Gabriel Kremenecky, who held the chair of Kiev from 1770 to 1783, and this additional material amounts to approximately 19% of the final text. Despite the dubiousness of Ruban’s edition, this work of St. Demetrius was nevertheless identified in the early 19th century by Metropolitan Eugenius

Bolkhovitinov, who included it in the list of the Rostov bishop's writings in the *Historical Dictionary of Russian Writers of the Clerical Titles of the Graeco-Russian Church* at no. 10; he noted that Ruban had amplified the work of St. Demetrius with “references to the *Russian Hierarchy* by Sellius and other books, and also added biographies of Kievan metropolitans of the 18th century” [EUGENIUS 1827: 129]. This refers to the Latin work by Adam Burchard Sellius (monastic name Nicodemus)—a teacher at the Alexander Nevsky Theological School in the 1730s and 1740s—titled *De Russorum Hierarchia* (in five books). Following metropolitan Eugenius, the authorship of St. Demetrius was mentioned by M. A. FEDOTOVA [1992: 268; 2007: 15–16], although, in general, she acknowledges only the hypothetical character of many attributions to the unpublished works of St. Demetrius [IDEM 2014].

The *Catalogue* is known in several manuscripts, and one of them, *Syn139*, written in a clear cursive hand and originating from the personal library of St. Demetrius, contains his own handwritten corrections and marginalia. This manuscript has clearly legible Polish insertions using Latin letters, unlike *Ruban1776*, where the publisher did not cope with them; scribes of other manuscripts tried either to transliterate them into Cyrillic (as in *SPb319*, also written in a cursive hand) or to translate them (as in *Syn123*, written in Church Slavonic half-uncial), as shown in the following series of comparisons of a quotation from Marcin Cromer:

Table 1

<i>Syn139</i> 185r _{21–23}	<i>Syn123</i> 19v _{13–16}	<i>SPb319</i> 16v _{25–28}	<i>Ruban1776</i> 84
по ѿездѣ Іаггелла крола, Rus wolyńska, kosciół ktorekolwiek nabożenstwa Ruskie niebyły naproch paliła, y zgruntu wywraçała. ⁵	поѿѣзде іаггела крола рѣсь волинскаа костѣлы которыє колвекъ набожества рѣского небыли напрѣ палила.	по ѿѣздѣ, аггела кроля, рѣсь волинска, костели, которыє колвекъ набожество рѣске небыли напрахъ палилы, ѿзгрѣнту выворочала.	... Волинскія церкви, каковыя только Грекороссійскаго исповѣданія ни были, въ прахъ сожжены и до основанія превращены.

Furthermore, the copies of the *Catalogue* differ in the contents of the articles:

- *Syn139* ends with the mention of the living Metropolitan Barlaam Yasin-sky, who died in 1707, and this may be the terminus ante quem both for the MS itself and for the author of the *Catalogue*.
- *Syn123* ends with the mention of the ordination of Metropolitan Joasaph Krokovsky in August 1708 in Moscow, a ceremony in which St. Demetrius

⁵ “After the leaving of Jogaila the King, Volhynian Rus' burned all of the churches not of the Russian religion to ashes and razed them to the ground.”

participated. The convoy of the *Catalogue* placed in the codex at the beginning, but not attributed to anyone, is also interesting. The second text in *Syn123* (28–52v) is “Выписка изъ подлинниковъ о бытности Црей грѣческихъ и Россійскихъ. и Патріарховъ цреградскихъ и Россійскихъ. и Кіевскихъ митрополитовъ” (= *An Extract from the Originals About Activities of the Greek and Russian Tsars, Constantinople and Russian Patriarchs, and of Kievan Metropolitans*) consisting of eight “edges” (*grani*; i.e., parts); the third one (55–77) is the so-called *Moscow Catalogue* (“Кѡтологъ Архіереевъ РоССійскіихъ” = *A Catalogue of Russian Bishops*); the fourth one (78–190) is the *Activities* (“Бытности”) of the bishops of various Russian regions and cities, and of the priors of major Russian monasteries; the fifth one (192–203v) is “Степени роССійскіѣ архіереевъ” (= *The Degrees of the Russian Bishops*); and, at the end (204–205v), the codex concludes with “Чинъ архіереевъ роССійскіѣ имѣѣ бы посемя” (= *The Order of the Russian Bishops Is as Follows*). Thus, the entire codex is a collection of works of a similar type—that is, in the genre of catalogue—while the *Catalogue* by St. Demetrius, placed at the beginning, was probably recognized as the earliest and the most authoritative document.

- In the MS from the Vernadsky National Library of Ukraine (Kiev), no. 352/169—known to me but not researched de visu—the *Catalogue* ends with the report of the death of Joasaphus Krovovsky in 1718. Moreover, “the whole initial part of this *Catalogue* is full of Lomonosov’s marginalia. He marked all the events connected with Hilarion’s activities at the Kievan Metropolia. The signs and marginalia are near the reports on the first Kievan metropolitans, that is, the Greeks: on Michael being sent to Kiev by Constantinople Patriarch Leontius and on Neophytus and other church figures” [MOISEEVA 1971: 76].

- *SPb319* ends with Barlaam Vonatovich, the Kievan metropolitan who followed Joasaphus Krovovsky; he certainly would not have been mentioned by St. Demetrius in this bishopric, since he was ordained in 1722, i.e., 13 years after St. Demetrius’ decease. Therefore, Ruban (or his immediate source) was not the first to continue St. Demetrius’ *Catalogue*.

As for the language of the *Catalogue*, it can be characterized in general as Ruthenian Church Slavonic with minor vernacular and Polish inclusions, primarily in the quotations from the sources used by St. Demetrius. Thus, the peculiarities of the usage of the roots *rus-* and *ros-* both in the Ruthenian and in the Muscovite literature by the turn of the 18th century could no longer be opposed. There was, however, little difference even earlier, although there has recently been an attempt to separate them, or rather to silence the unity of the “ethnic”—more precisely, religious—terminology of Muscovy and Ruthenian lands in the 16th–17th centuries [FARION 2010]. Farion’s article does not contain any reference to [SOLOVIEV 1957A: 149–152 = 1957B: 37–43] where the author in some detail considered the usage of the Graecized

forms with *ros-* in the activity of the Ruthenian fraternity schools. It seems that Farion is also unaware that the first known use in the Slavic literature of the term *rosiane* (1524)—Greek not only by the root, but by the suffix as well—appeared in Moscow in the writings of the Orthodox monk from Mount Athos, Maxim the Greek [KLOSS 2012: 56, 76]; furthermore, she apparently does not know that the term *rossy/rossove* most likely can be attributed to the archimandrite of the Kievan Caves Monastery, Zacharias Kopystensky. He was the author of a polemical treatise, the *Palinode* (1620s), with the subtitle “Книга Обороны каволической святой апостольской Веходней Церкви и святыхъ патриарховъ, и о Грекохъ, и о Россохъ христанехъ” (= *The Book of the Defense of the Holy Catholic Apostolic Eastern Church and Holy Patriarchs, and about the Greek and Russian Christians*). This work was a reply to the Polish treatise *Obrona jedności cerkiewnej* (*Defense of the Church Unity*, 1617) by Leon Krewza—the Uniate archimandrite who used only the forms *Ruś, naród Ruski, Rusin*, etc. Since Zacharias Kopystensky’s main purpose was to prove the canonical unity of Russian Orthodoxy with Greek Orthodoxy, he used mainly the Graecisms *Rossia, Rossiiskii, Rosskii*, and *Rossy (Rossove)*. The latter form originates not from the standard indeclinable Ῥῶς, but from the less common Ῥῶσοι and Ῥωσοί [SOLOVIEV 1957A: 138].

The manuscript copy of the *Palinode* published in *Palinode 1878* came from the personal library of St. Demetrius, who frequently referred to the work of his predecessor, but very cautiously and selectively. Unlike the famous *Palinode*, the version in St. Demetrius’ *Catalogue* was first of all a historical work, although some of the themes expressed in the *Palinode* appeared in it as well, for example, the approval of the all-Russian canonical and perhaps—if one could use modern terminology—ethnic unity, which at that time was based of course primarily on confessional unity. St. Demetrius explicitly compared the Union of Brest (1596) with the great Arian controversy, i.e., the Union was conceived as an ecclesiastical catastrophe, as described in *Syn 139* 188_{r16-25}:

Михайль Рагоза свѣцень бѣ на митрополію | Кіевскѣю въ Вилни
Стѣйшимъ Патріахомъ Іереміемъ, | вътоже лѣто внеже Онисифѣ
ѡставленъ. Сей Митро|политъ знѣю воведе въ РѢ, ѡтѣгшиса ѡ
исконнаго | своего Патріаха Цариградскаго, природнаго РѢсѣ |
пастыра, а ко Римскомѣ Папѣ приставши, и смѣтилъ | тѣмъ цѣковъ
сѣло, раздѣливъ Росііскій народъ надвое, | аки ризѣ раздравъ іакоже
ѣногда Арій, зачто Михайль | той ѣ проклатъ бысѣ на соборѣ
Берестѣскомъ въ лѣто | *зрѣд. *афѣс.⁶

⁶ “Michael Rahoza was ordained to the Kievan Metropolia in Vilna by the Most Holy Patriarch Jeremias, in the same year when Onesiphorus was dismissed. This metropolitan established the Union in Rus’, when he fell away from his primordial Patriarch of Constantinople, the natural shepherd for Rus’, and joined the Pope of Rome, he thereby disturbed the Church greatly, and divided the Russian people into

It is noteworthy that the rare collocation *Rosiiskii narod*⁷ with the Polish *n'arod* 'nation, race,'⁸ which later entered into standard Russian and, owing to its Common Slavic form, was merged with the Russian proper *nar'od*.⁹

In addition to the *Catalogue of the Kievan Metropolitans*, or the *Kievan Catalogue*, there were also two other works similar in their genre and content; one of them, attributed by Metropolitan Eugenius to St. Demetrius, is the *Short Chronicle*, or, more exactly, the *Synchronistic Tables* [EUGENIUS 1827: 132, no. 17], known only in MS *SPb251*; the second is the so-called *Moscow Catalogue*, known in many copies (e.g., *Mos122*). The attribution of authorship to St. Demetrius was questioned by Metropolitan EUGENIUS [1827: 133, no. 18]. Unlike the *Kievan Catalogue*, the origin and text history of the *Moscow Catalogue* are less clear. Indeed, the two works have some parallel readings, but begin very differently: the *Kievan Catalogue* begins with the so-called "Photius' Christianization of Rus'" passage containing the episode of unburnt gospel; in the *Moscow Catalogue* this episode is presented as the third element and is described much more briefly. It is preceded by a text relating the baptism (*sic!*) of Rus' by St. Andrew the Apostle and the baptism of Pannonia by Andronicus, St. Paul's disciple, with reference to the *Kievan Synopsis* by Innocent Gizel. The second text (also with a reference to the *Synopsis*) is an account of the Moravian mission of SS. Cyril and Methodius, which is again named "the baptism of Rus'": in total there are as many as three baptisms! However, the *Synopsis* does not say anywhere that St. Andrew *baptized* Rus', and the episodes with Cyril and Methodius and with Photius are not mentioned there at all. In the *Kievan Catalogue* there are no such omissions. Nevertheless, one can find the report that St. Andrew not only visited but baptized Rus' in the *Palinode* by Zacharias Kopystensky: "Тогожь часу св. Андрей, проходячи землю Росскую, многихъ крестилъ и до познаня Христа привелъ" [*Palinode*1878: 970].¹⁰ Furthermore, there is a *Moscow Catalogue* (either the same source mentioned above or another, unidentified, one) which is

two, just as Arius once had divided [Christ's] garment, and therefore this Michael was anathematized at the Synod of Brest in 7104/1596."

⁷ This refers first of all to the "people" (noble estate) of Ruthenia, but by the turn of the 18th century it could be also refer to Russians as a whole, i.e., including Muscovites.

⁸ Cf. Polish *n'arod* (mainly resp. Latin *gens, natio* in the Vulgate) vs. Church Slavonic *narodъ nar'od* (mainly resp. Greek *ἔθνος, ὄχλος*), *людіе li'udie* (mainly resp. *λαός*), and *іазъикъ iaz'yk* (mainly resp. *ἔθνος*).

⁹ Regarding this fact, see, e.g., [ПЛОХИ 2006: 187 ff.], especially the following passage: "The term *narod*, which is occasionally encountered in Muscovite texts of the period, is not used in the sense of «nation» or «ethnocultural community», as in Ukraine and Belarus of the period, but simply means «a number of people»" [ИВІД.: 216–217]. Later the term *narod* was connected with Muscovites, too, in the *Synopsis* (1674) by archimandrite Innocent Gizel: "The concept of one nation (*narod*) uniting Ruthenians and Muscovites was a revolutionary element introduced by the author of the *Synopsis* to the field of early modern Slavic ethnology" [ИВІД.: 263].

¹⁰ "At the same time, St. Andrew going around the Russian land baptized many people and led them to the knowledge of Christ."

Table 2

The Distribution of the Words with the Initials *RUS-* and *ROS-* in the Text of the *Catalogue of the Kievan Metropolitans*

place names	stems with <i>RUS-</i>	stems with <i>ROS-</i>
<p>бѣ мѣдрѣ въ писаніахъ ѿ рѣчиствъ, какожь небѣ прежде въ Р8си 176_{Г14-15} / <i>Syn</i>123 вѣрсіи 6₉ въ р8сіи 176_{Г11} / <i>Syn</i>123 вѣрсіи 7_{Г15} / <i>SPb</i>319 вѣ р8сіи 8_Г / <i>Ruban</i>1776 въ Русіи 64 митрополитъ всеа Р8ссіи 182_{Г13} / <i>Syn</i>123 митрополитъ всеа р8ссіи 15_{Г12}, and ditto in <i>SPb</i>319, <i>Ruban</i>1776 въ Р8сѣ 183_{Г25} / въ Русіи 80 / <i>SPb</i>319 въ р8ссіи 14_Г на Р8сѣ всю 183_{Г9} Rus wolyńska 185_{Г23} блѣви Р8си [въ малѣ Россіи] 185_{Г9} / <i>Ruban</i>1776 благослови Русіи (въ Малой Россіи) 85 / <i>SPb</i>319 р8ки [въ малороссіи] 17_{Г7} въ Р8си 185_{Г15} / <i>Ruban</i>1776 въ Русіи 85 на митрополію всеа Р8си (186_{Г15-16}) / <i>Syn</i>123 намитрополію всеа р8ссіи 21_{Г6-7}, and ditto in <i>SPb</i>319, <i>Ruban</i>1776 на митрополію всеа Р8сіи 186_{Г17} / <i>Syn</i>123 намитрополію всеа р8ей 21_{Г22} / <i>Ruban</i>1776 всеа Россіи 88, and ditto in <i>SPb</i>319 митрополитъ всеа Р8си 186_{Г25-26} / <i>Syn</i>123 митрополитъ всеа р8ссіи 22_{Г9-10}, and ditto in <i>SPb</i>319, <i>Ruban</i>1776 ѿ крещеніа Р8си 128_{Г11} / <i>Ruban</i>1776 отъ крещенія Русіи 92 / <i>SPb</i>319 р8си 20_{Г7} въ Р8 188_{Г19} природнаго Р8сѣ пастыра 188_{Г20-21} / <i>Syn</i>123 природнаго р8ей пастыра 25_{Г7} / <i>Ruban</i>1776 Русіи 93, and ditto in <i>SPb</i>319</p>	<p>пришедші въ Росію 173_{Г10} въ Росію прїде 174_{Г8} велигіа ѿ малыа Россіи митрополитъ 183_{Г10} блѣви Р8си [въ малѣ Россіи] 185_{Г9} / <i>Ruban</i>1776 благослови Русіи (въ Малой Россіи) 85 / <i>SPb</i>319 р8ки [въ малороссіи] 17_{Г7} посѣтилъ Росію 188_{Г6} прїдеже въ Росію 188_{Г10} посѣщаа Русію 189_{Г10} [<i>Ruban</i>1776 невѣдомо гдѣ, въ Россіи ли, или въ Греціи 73 / <i>Syn</i>139 домали, или вгредіи 180_{Г9-10}]</p>	<p>14</p>
	7	7 (8)

	stems with <i>RUS-</i>	stems with <i>ROS-</i>
ethno- nyms	Курдилъ, егоже каталогъ московскій Гречиномъ називаѣ, падинодаже и лѣтописъ печѣскій Рѣсиномъ 180v ₆₋₇	<p>rossy (4):</p> <p>крещенія ради Россовъ 172Г₁₆ / <i>Syn123</i> крещенія ради россианъ (the latter was written boldly over illegible one) распространиса вѣра сѣаа въ Россѣхъ 173Г₁₂</p> <p>звѣренія ради Россовъ 177Г₁₀ / <i>Syn123</i> роковъ 8Г₂ / <i>SPb319</i> рѣсовъ 9Г₁₅ / <i>Ruban1776</i> Р соовъ 65 (a letter was not printed)</p> <p>й того часѣ Россове в вѣрѣ были 185Г₁₉ / <i>SPb319</i> рокове 16v₂₁ / <i>Ruban1776</i> Росіане 84 / <i>Syn123</i> рокове</p> <p>ROSSILANE (4):</p> <p>ктоже бѣ родомъ, Гречинъ ли йли Россіанинъ, нѣсть извѣстіа 176Г₃₋₆ / <i>Ruban1776</i> Россіанинъ 63 / <i>SPb319</i> росіанинъ 7v₂₇ / <i>Syn123</i> рѣссіанинъ бГ₂₂</p> <p>нѣщїже Россане 185v₃₆ / <i>Syn123</i> россіане 20v₇ / <i>SPb319</i> россіане / <i>Ruban1776</i> Рускіе 85</p> <p>Курдилъ Россіанинъ 181Г₂₃ / <i>SPb319</i> Россіанинъ 75, and ditto in <i>SPb319</i> / <i>Syn123</i> рѣссіанинъ 13v₁₅</p> <p>Алежїй сѣй, Россіанинъ 182v₁₂ / <i>Syn123</i> россіанинъ 15v₁₁, and ditto in <i>Ruban1776</i></p> <p>[<i>Ruban1776</i> КИПРІАНЪ Сербинъ а по другимъ Россіанинъ 79, in als. сербинъ only]</p>
	1	8 (9)
de- topo- nymic adjec- tives	<p>'LAND' (6):</p> <p>въ Рѣскѣдѣю землю 172Г₇ / <i>Ruban1776</i> Російскую 54</p> <p>ѣ рѣскѣ земли 172v₆₋₇ / <i>Syn123</i> російскій 1v₁₉</p> <p>крестиль всю землю Рѣскѣдѣю 173v₅₋₆</p> <p>земля рѣскіа 173v₁₈₋₁₉ / <i>Syn123</i> російска 3v₁</p> <p>всаа земли рѣскіа 174Г₁₇</p> <p>надѣ всюю Рѣскою Московскою землею 181v₇</p>	<p>'VISHOP' (4):</p> <p>своими Російскими Еписѣпы 175v₄</p> <p>Російскїи Еписѣпы 177v₁₈ / <i>SPb319</i> розіскїи 9v₂₄</p> <p>ѣ Еписѣвъ Роскіихъ 185Г₉ / <i>Syn123</i> російскїихъ 19Г₂₁</p> <p>ѣ Роскіихъ Еписѣвъ 185Г₁₁ / <i>Ruban1776</i> Російскїихъ 84 / <i>Syn123</i> рѣскїихъ 19v₁</p> <p>'METROPOLITAN' (2):</p> <p>первы Російскїи митрополиты 177Г₇</p> <p>наши Російскїи митрополиты 180v₁₃₋₁₄</p>

	stems with <i>RUS-</i>	stems with <i>ROS-</i>
de-toponymic adjectives	<p>лѣтописы Р8скій 172Г_{8,9} язъ лѣтописовъ Р8скихъ 173Г₂₅₋₂₆ лѣтописы р8стїи 174Г₆ 'CHRONICLE' (3): митрополїа Р8скаа 184Г₂ 'METROPOLIA' (2): <i>Syn123</i> р8ской митрополїи 20v₃₋₄ / <i>Syn139</i> Іасуна 'PRINCE' (2): кназь Р8скї Р8рикъ 172Г₃₋₄ ѿ нестроенїа кназь Р8скихъ 177Г₂₂₋₂₃ / <i>SPb319</i> Г8скихъ 9Г₃₁ 'CHRONICLER' (1): по развѣнїю Р8скихъ лѣтописателѣ 173v₁₆ 'PRINCIPATE' (1): ѣ кнаженїемъ Р8скимъ 172Г₅ 'RELIGION' (1): <i>nabozenstva</i> Ruskie 185Г₂₄ / <i>Ruban1776</i> Грекороссїйскаго исповѣданїа 84</p>	<p>росїскї народъ 188v₂₂ Іларїонъ, ѿ Росїскаго народа пѣвъ кїевскїй митрополитъ 175Г₂₆₋₂₇ 'SIDE' (2): вросїйскихъ сідегъ странахъ 173v₉₋₁₀ на Росїскїа страны 183Г₃ 'CHRONICLE' (1): ѿ лѣтописахъ Росїскїхъ 175v₁₈ 'METROPOLIA' (1): ѿ вѣдѣгъ вѣеочно раздѣлїса Росїйскаа Митрополїа 187Г₅₋₆ стѣ стрѣгопѣцовъ Росїскїхъ глѣба ѿ борїса 176Г₁₋₂ 'PEOPLE' (1): росїстїи люде 172Г₁₇ / <i>Ruban1776</i> Росстїи 54 'PRINCE' (1): кназь Росїскихъ 178Г₁₂ / <i>Syn123</i> р8скихъ 9Г₂₁ ['CHRONOLOGIST' (1): И Селїй лѣтосчититель Росїской въ Іерархїи про Кїрилла сумнительнаго упоминаеть 61, in als. no]</p>
compounds with VELIKO-, MALO-, and BELO-	<p>Бѣль бѣлор8скїй 189v₁₀ 'BELO-:</p>	<p>15 (16) <i>VELIKO-</i> (3): въ владимѣрь великоростѣ 181Г₅ / <i>Syn123</i> ѿ великоросїстѣмъ 13Г₁₇ въ владимѣ великоросїскїй 181v₂ въ великоросїскїй столнїй градъ владимѣрь 182Г₅ <i>MALO-</i> (4): ѿ малоросїйскихъ свѣщениковъ 184Г₅ земли малоросїскїа 184Г₂₅₋₂₆ земли малоросїйскаа 184v₂₄₋₂₅ съ всѣмъ дѣвенствомъ малоросїйскимъ 187Г₁₆₋₁₇</p>
TOTAL	<p>1 32</p>	<p>7 37 (40)</p>

mentioned by St. Demetrius as one of his sources, so the attribution of the *Moscow Catalogue* to him is highly unlikely. In fact, St. Demetrius reconciled the information about the two baptisms of Rus' in the following passage: “. . . обаче ни тогда | распространиса вѣра стаа въ Россѣхъ ниже стведиса, | бываемы ради со различными народы +и междѣсобны+ частыхъ бранѣ” [*Syn139: 173*₁₁₋₁₃].¹¹

Thus, the *Catalogue of the Kievan Metropolitans* by St. Demetrius of Rostov stands on the border between the old Ruthenian Church Slavonic and the new common Russian historical literature. In fact, this was the first proper scholarly essay on the history of the Russian Church, as it was first to use a critical method. That is why the usage of the terms with the roots *ros-* and *rus-* in this work is of particular interest. *Table 2* compiles all usage and distribution patterns by types of nomination. The main source, which provides the most relevant statistics, is MS *Syn139*. The table also includes variant readings from other MSS and the edition by Ruban. The differences between these four versions at the selected places are numerous; they characterize the stylistic preferences of the copyists and perhaps the publisher.

Despite the limited sample size, even in the framework of the *Catalogue* one can trace the following statistical trends:

1. The number of place names with *rus-* and with *ros-* used in the *Catalogue*, as well as of the adjectives derived from them, is roughly even (in total, 32 vs. 37, respectively).

2. There is an observable link between specific adjectives and nouns, iapparently representing fairly stable collocations: for *zemlia* ‘land’—*rusaskaia* (the same applies to the words *kniaz'* ‘prince,’ and *kniazhenie* ‘principate’), but *episkop* ‘bishop’ and *mitropolit* ‘metropolitan’ are *rossiiskie* (as words denoting church realities, they combine better with the more bookish adjective originating ultimately from the Greek name of Rus’); cf. the statistically more reliable data on the combinability of the attributes *ruskii* and *rossiiskii* in the preceding period [GRISHCHENKO 2013A: 42] in *Table 3*.

Table 3

<i>RUSSKII</i> (the 14th–the early 18th centuries)	<i>ROSSIISKII</i> (the 16th–the early 18th centuries)
<i>zemlia</i> ‘land’ 36.2%	<i>tsarstvie</i> ‘kingdom’ 37.2%
<i>kniaz'</i> ‘prince’ 13.4%	<i>gosudarstvo</i> ‘state’ 13.4%
<i>liudi</i> ‘people’ 8.2%	<i>zemlia</i> ‘land’ 8.1%
<i>polk</i> ‘army’ 2.6%	<i>derzhava</i> ‘state’ 5.8%
<i>tsarstvo</i> ‘kingdom’ 1.3% <i>derzhava</i> ‘state’ 0.9% <i>gosudarstvo</i> ‘state’ 0.2%	<i>kniazi</i> ‘princes’ 1.7%, <i>tsari i kniazi</i> ‘tsars and princes’ 3.5% <i>liudi</i> ‘people’ 0.6%, <i>polk</i> ‘army’ 0.0%

¹¹ “. . . but not then the holy faith was propagated neither established amongst the Russian because of frequent wars against different nations and internecine wars.”

In the full (unpublished) version of the ranked frequency list of these collocations, the word combinations with the superordinate *mitropolit* and subordinate *russkii* are in 17th place (ones with the superordinate *episkop* are in 20th place), but those with the subordinate *rossiiskii* are in 4th place. In addition, the stability of the collocation *russkaia zemlia* ‘Russian land’ is very notable, and, in the pre-Mongol chronicles, it was polysemantic, also having a “narrow meaning.”¹²

3. Among ethnonyms, the words with *ros-* predominate.

4. The only possible compound adjectives are *veliko-* and *malorossiiskii* ‘Great and Minor Russian’ (not *-russkii*) as derivatives of the calques from the Greek Μεγάλη Ῥωσία and Μικρὰ Ῥωσία; whereas *belorusskii* ‘White Russian’ was possibly a later derivative of more vernacular origin, cf. [SOLOVIEV 1947; BUNČIĆ 2006: 48–51].

5. When referring to the text history of the *Catalogue* (from *Syn139* to the other two MSS and the edition), it turns out that the forms in question were subjected to editing, and mostly in one direction—from *rus-* to *ros-*. Such corrections (all of them seen in variant readings in *Table 2*) are found in nine places in the *Catalogue*; the opposite change *ros-* to *rus-* is found in six places, and in fewer sources (in *SPb319* and *Ruban1776* only once). In three emendations of *Ruban1776* in which there was a choice between the forms with *rus-* and with *ros-*, the publisher preferred the second one, which corresponds to the general tendency in the use of those forms in the 18th century.

6. Particular attention can be drawn to the spellings *rozsonianin* and *rozsiistii* in the hand of the second scribe of MS *SPb319*. These hypercorrect interpretations of the initial *ros-* as the Polish or Ruthenian prefix *roz-* are likely to have originated from rather old folk-etymological versions of the place name *Rossiia* and the ethnonym *rossiiane*. This was fixed for the first time in the *Notes on Muscovite Affairs* (1549) by Baron Sigismund von Herberstein:

... [Mosci] asserentes Rosseiam antiquitus appellatam, quasi gentem dispersam, seu disseminatam: id quod nomen ipsum indicat. Rosseia etenim, Rhutenorum lingua, disseminatio, seu dispersio interpretatur. quod verum esse, varii populi incolis etiamnum permixti, & diversae provinciae Russiae passim intermixtae ac interiacentes, aperte testantur [*Herb1556*].¹³

With regard to the Russian, not *Russia* proper, this etymological legend was repeated by Adam Bohorič in his *Arcticae Horulae Succisvae* (1584):

¹² See numerous literature on this problem: [KUCHKIN 1995; DANILEVSKY 1997; RYZHOV 2001; KOTYSHEV 2006].

¹³ "... [the Muscovites] assert, that it was anciently called Rosseia, as nation dispersed and scattered, which indeed the name implies for Rosseia, in the language of the Russians, means a dissemination or dispersion; and the variety of races even now blended with the inhabitants and the various provinces of Russia lying promiscuously intermingled, manifestly prove that this is correct" [*Herb1851*: 3].

Ruteni seu potius Ruři, volunt, quasi Rossojeni, id est, disseminati, dici [Boh1584: 14].¹⁴

Finally, this etymological version could have been known to St. Demetrius directly from the *Kievan Synopsis*:¹⁵

...ѣ бо ѣкѡ славане ѡ славныхъ дѣлесеъ своихъ ѣскони славеское ѣма себѣ прѣобрѣтѡша, такѡ по времени ѡ РОССѢАНІА помнѡгымъ страна^м племене своѣ, РОССѢАНЫ, а потѡ РѢССЫ прозѡвѡшасѡ [. . .] пѡче всѣхъ тѣхъ подобѣй достовѣрнѣе, ѣ прилічнѣе ѡ Россіаніа своѣгѡ Рѡсси ѣма то ѡ дрѣвнѣе время^н себѣ стажа^ш: ѣбо наширокой чѡсти свѣта, по мнѡгымъ разлічнымъ страна^м [. . .] ширѡко ѣ рѡлічно селѣми своѣми Рѡссіашасѡ [Synopsis1674: 7–8].¹⁶

7. In the name of the country and its inhabitants in St. Demetrius' *Catalogue*, one can find derivational and orthographical inconsistencies typical of the manuscript tradition, and associated with the following alternations: -Ø-/-ij- (*Rus'* vs. *Rusija*), -ian- / -ijan- (*rossiane* vs. *rossijane*), -s- / -ss- (*Rosija* vs. *Rossija*).

Studying the history of the words with *rus-* and *ros-*, these alternations, as well as the accentological features thereof, clearly require special analysis, which is possible only with a full textual study of the *Catalogue of the Kievan Metropolitans* and by comparing it to other works by St. Demetrius of Rostov and other writers of his era.

Bibliography

Sources Including MSS

Boh1584

ADAMUS BOHORIZH, *Arcticae horulae succisivae de Latinocarniolana literatura*. . . , Witebergae, MDLXXXIII.

Herb1556

SIGISMUND VON HERBERSTEIN, *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, Edition Frank Kämpfer, lateinische Fassung, 1556 [online version: Bibliotheca Augustana: <http://www.hs-augsburg.de/~harsch/augustana.html>].

¹⁴ “The Ruthenes, or better the Russes, want to be named quasi *Rossojeni*, i.e., dispersed.” The corrupted form *Rossojeni* was interpreted as a passive participle in the past tense.

¹⁵ Or from the *Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Ruthenia* (1582) by Maciej Strykowski. On the influence of Strykowski on the *Kievan Synopsis*, see [ROTHE 1983: 72–83].

¹⁶ “. . . as the Slavs acquired the Slavic name from their glorious deeds long ago, so over time they were named ROSSĚIANY, then ROSSY—from their ethnic dispersion (ROSSĚIANIE) over many lands. [. . .] but it is more reliable and more proper that the Russes (ROSSI) gained this name by their dispersion (ROSSĚIANIE) from ancient times, because in the wide area of the world and in many various lands they [. . .] were dispersed widely and variously with their settlements.”

Herb1851

SIGISMUND VON HERBERSTEIN, *Notes upon Russia*. . . , translated and edited by R. H. MAJOR, 1, London, 1851.

Mos122

Russian State Library (Moscow), MS МДА-I (f. 173.I = Fundamental Collection of the Moscow Theological Academy), no. 122, the *Moscow Catalogue*, the mid-18th century, 126 fols.

Palinode1878

ЗАХАРІЯ (КОПЫСТЕНСКІЙ), АРХ., “Палинодія (1621)”, *Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою Коммисією*, 4, С.-Петербургъ, 1878, 313–1200.

Ruban1776

“Роспись Митрополитовъ Кіевскихъ, съ краткимъ лѣтописаніемъ”, въ: В. Г. РУБАНЪ, изд., *Московский любопытный мѣсяцесловъ на 1776 годъ, и на всѣ высокосныя лѣта* . . . , Москва, 54–108.

SPb251

National Library of Russia (St. Petersburg), MS СПбДА (Collection of the St. Petersburg Theological Academy), no. 251, the *Short Chronicle* by St. Demetrius of Rostov (ЛѢТОПИСАНІЕ | краткое константинопольскихъ = | царей и патриарховъ, право_ | славныхъ, и еретиковъ. | и княжений киевскихъ, | и владымирскихъ: | москoвскихъ | князей. | и вблагочестивѣйшихъ, | црѣхъ: истѣйшихъ па_ | триарсѣхъ всероссийскихъ: | собрано многихъ лѣто_ | писцевъ скорого ради при_ | вѣрѣнія), the 18th century, 17 fols.; for a description of the MS, see [RODOSSKI 1893: 239–240].

SPb319

National Library of Russia (St. Petersburg), MS СПбДА (Collection of the St. Petersburg Theological Academy), no. 319, the *Miscellanea* of the first half of the 18th century, 811 fols.; for a description of the manuscript, see [RODOSSKI 1893: 319–321].

Syn123

State Historical Museum (Moscow), MS Син (Collection of the Moscow Synodal Library), no. 123, the *Catalogue of the Hierarchs of the Russian Church*, the early 18th century, 206 fols.; for a description of the manuscript, see [PROTAS'EVA 1970: 30–31, no. 610].

Syn139

State Historical Museum (Moscow), MS Син (Collection of the Moscow Synodal Library), no. 139, the *Miscellanea* of the small works and historical materials with the autograph notes and annotations by St. Demetrius of Rostov (from his personal library), the end of the 17th–the early 18th centuries, 211 fols.; for a description of the MS, see [PROTAS'EVA 1970: 34–35, no. 617].

Synopsis1674

СΥΝΟΠΣΙΣ ѿ ли КРАТКОЕ СОБРАНІЕ ѿ Раныхъ Лѣтописцевъ, ѿ Началь Славяно-Россійскаго народа, и Первоначальны Кнзѣй Бгоспасѣаемаго ГРАДА КІЕВА. . . [Kiev, 7182/1674].

Literature

BROGI BERCOFF 2005

BROGI BERCOFF G., “Plurilinguism in Russia and in the Ruthenian Lands in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Case of Stefan Javors'kyj,” in: VYACH. VS. IVANOV, J. VERKHOLANTSEV, eds., *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages* (= UCLA Slavic Studies. New Series, 4), Moscow, 2005, 9–20.

BUNČIĆ 2006

BUNČIĆ D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besěda: mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk* (= Slavistische Beiträge, 447), München, 2006.

DANILEVSKY 1997

Данилевский И. Н., “Загадки «Русской земли»”, *Знание — сила*, 1997, 11, 99–109.

EUGENIUS 1827

ЕВГЕНИЙ (Болховитиновъ), МИТР., *Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхх духовнаго чина Греко-Россійской церкви*, 1, 2-е изд., испр. и умнож., С.-Петербургъ, 1827.

FARION 2010

ФАРІОН І., “До історії термінів *роский*, *російський* та *словенороский* язык (на матеріалі українських пам’яток XV–XVII ст.)”, *Вісник Національного університету “Львівська політехніка”*, 675 (= Л. Полюга, ред., *Проблеми української термінології*), 2010, 178–182.

FEDOTOVA 1992

Федотова М. А., “Димитрій”, в: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3 (XVII век), 1 (А–З), С.-Петербург, 1992, 258–271.

— 2007

Федотова М. А., “Димитрий: Биография. Творения”, в: *Православная энциклопедия*, 15 (Димитрий—Дополнения к Актам...), Москва, 2007, 8–17.

— 2014

Федотова М. А., “О неизданных сочинениях святителя Димитрия Ростовского: к постановке проблемы”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*, Сер. III: Филология, 1(36), 2014, 47–64.

GRISHCHENKO 2013A

Грищенко А. И., “Сочетаемость атрибутов *русский* и *российский* по данным Среднерусского корпуса (XV–XVII вв.)”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2013, 3(53), 41–42.

— 2013B

Грищенко А. И., [рец.:] “Б. М. Клосс. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 152 с. — (Studia historica. Series minor)”, *Русский язык в научном освещении*, 2013, 2(26), 281–292.

KARAMZIN 1998

КАРАМЗИН Н. М., *Полное собрание сочинений*, 1: *История государства Российского*, Вступ. ст. и послесл. А. Ф. Смирнова, Коммент. А. М. Кузнецова, Москва, 1998.

KLOSS 2012

КЛОСС Б. М., *О происхождении названия “Россия”*, Москва, 2012.

KOTYSNEV 2006

КОТЫШЕВ Д. М., “«Русская земля» в первой половине XII в.: Из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110–1150 гг.”, *Вестник Удмуртского университета*, 2006, Вып. 7: История, 26–41.

KUCHKIN 1995

КУЧКИН В. А., “Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв.”, в: *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг.*, Москва, 1995, 74–100.

MOISEEVA 1971

МОИСЕЕВА Г. Н., *Ломоносов и древнерусская литература*, Ленинград, 1971.

PLOKHY 2006

ПЛОКНУ С., *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*, Cambridge, 2006.

PROTAS'EVA 1970

ПРОТАСЬЕВА Т. Н., *Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)*, 1 (№ 577–819), Москва, 1970.

RODOSSKIИ 1893

РОДОССКИЙ А., *Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание*, С.-Петербургъ, 1893.

ROTNE 1983

РОТНЕ Н., Hrsg., [*Sinopsis, Kiev sechzehnhunderteinundachtzig*] *Sinopsis, Kiev 1681: Facs.* (= Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 17), Köln, Wien, 1983.

RYZHOV 2001

РЫЖОВ К. В., "Еще раз о смысле и значении понятий «Русь» и «Русская земля» в летописях XII–XIII веков", *Вопросы истории*, 2001, 7, 137–143.

SIRENOV 2007

СИРЕНОВ А. В., *Степенная книга: история текста*, Отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва, 2007.

SOLOVIEV 1947

СОЛОВЬЕВ А. В., "Великая, Малая и Белая Русь", *Вопросы истории*, 1947, 7, 24–38.

——— 1957A

СОЛОВЬЕВ А. В., "Византийское имя России", *Византийский временник*, 1957, 12, 134–155.

——— 1957B

SOLOVIEV A. V., *Le nom byzantin de la Russie* (= *Musagetes: Contributions to the history of Slavic literature and culture*, 3, ed. by D. ČIZEVSKIJ), 'S-Gravenhage, 1957.

TIKHOMIROV 1953

ТИХОМИРОВ М. Н., "О происхождении названия «Россия»", *Вопросы истории*, 1953, 11, 93–96.

TRUBACHEV 2001

ТРУБАЧЕВ О. Н., "Русский — российский: История двух атрибутов нации", в: *Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия*, Москва, 2001, 12–21 (reprinted with the extended subtitle "История, динамика, идеология двух атрибутов нации" in: ТРУБАЧЕВ О. Н., *В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси*, 3-е изд., доп., Москва, 2005, 225–236).

ULUKHANOV 2008

УЛУХАНОВ И. С., "К истории употребления слов «Русь» и «Россия» в письменности Древней Руси", в: И. В. Ружицкий, Ю. Н. Караулов, О. В. Евтушенко, ред., *Русское слово в русском мире — 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности*, Москва, 2008, 158–175.

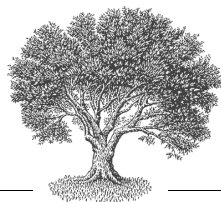
USACHEV 2006

УСАЧЕВ А. С., "Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование и тексты)", *Вестник церковной истории*, 2006, 2, 5–44.

References

- Brogi Bercoff G., "Plurilinguism in Russia and in the Ruthenian Lands in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Case of Stefan Javors'kyj," in: Vyach. Vs. Ivanov, J. Verkholantsev, eds., *Speculum Slavicae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages* (= UCLA Slavic Studies. New Series, 4), Moscow, 2005, 9–20.
- Bunčić D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besëda: mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk* (= Slavistische Beiträge, 447), München, 2006.
- Danilevsky I. N., "Zagadki «Russkoi zemli»," *Znanie – sila*, 1997, 11, 99–109.
- Farion I., "Do istorii terminiv *roskyi, rôssiyskyi ta slovenoroskyi iazyk* (na materialii ukrains'kykh pam'iatok XV–XVII st.)," *Visnyk Natsional'noho universytetu "L'vivs'ka politekhnika"*, 675 (= L. Poliuha, ed., *Problemy ukrains'koï terminolohii*), 2010, 178–182.
- Fedotova M. A., "Dimitrii," in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/1, St. Petersburg, 1992, 258–271.
- Fedotova M. A., "Dimitrii: Biografiia. Tvoreniia," in: *Pravoslavnaiia entsiklopediia*, 15, Moscow, 2007, 8–17.
- Fedotova M. A., "O neizdannyykh sochineniiax sviatitelia Dimitriia Rostovskogo: k postanovke problemy," *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 3: Filologii*, 1(36), 2014, 47–64.
- Grishchenko A. I., "Sochetaemost' atributov russkii i rossiiskii po dannym Srednerusskogo korpusa (XV–XVII vv.)," *Drevniia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2013, 3(53), 41–42.
- Grishchenko A. I., [rev.:] "B. M. Kloss. O proiskhozhdenii nazvaniia «Rossiia». M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2012. – 152 s. – (Studia historica. Series minor)," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, 2(26), 281–292.
- Karamzin N. M. *Polnoe sobranie sochinenii*, 1: *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, A. F. Smirnov, ed., A. M. Kuznetsov, comment., Moscow, 1998.
- Kloss B. M., *O proiskhozhdenii nazvaniia "Rossiia"*, Moscow, 2012.
- Kotyshev D. M., "«Russkaia zemlia» v pervoi polovine XII v.: Iz nabliudeniia nad tekstem Ipat'evskoi letopisi za 1110–1150 gg.," *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2006, 7, 26–41.
- Kuchkin V. A., "Russkaia zemlia po letopisnym dannym XI – pervoi treti XIII vv.," in: *Drevnieishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniia. 1992–1993 gg.*, Moscow, 1995, 74–100.
- Moiseeva G. N., *Lomonosov i drevnerusskaia literatura*, Leningrad, 1971.
- Plokhly S., *The Origins of the Slavic Nations: Pre-modern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*, Cambridge, 2006.
- Protas'eva T. N., *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniia (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)*, 1 (№ 577–819), Moscow, 1970.
- Rothe H., Hrsg., [Sinopsis, Kiev sechzhunderteinundachtzig] *Sinopsis, Kiev 1681: Facs.* (= Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 17), Köln, Wien, 1983.
- Ryzhov K. V., "Eshche raz o smysle i znachenii poniatii «Rus'» i «Russkaia zemlia» v letopisiakh XII–XIII vekov.," *Voprosy istorii*, 2001, 7, 137–143.
- Sirenov A. V., *Stepennaia kniga: istoriia teksta*, N. N. Pokrovskii, ed., Moscow, 2007.
- Soloviev A. V., "Velikaia. Malaiia i Belaia Rus'," *Voprosy istorii*, 1947, 7, 24–38.
- Soloviev A. V., "Vizantiiskoe imia Rossii," *Vizantiiskii vremennik*, 1957, 12, 134–155.
- Soloviev A. V., *Le nom byzantin de la Russie* (= *Musagetes: Contributions to the history of Slavic literature and culture*, 3, ed. by D. Čizevskij), S-Graevenhage, 1957.
- Tikhomirov M. N., "O proiskhozhdenii nazvaniia «Rossiia»," *Voprosy istorii*, 1953, 11, 93–96.
- Trubachev O. N., "Russkii – rossiiskii: Istoriia dvukh atributov natsii," in: E. R. Dashkova i rossiiskoe obshchestvo XVIII stoletii, Moscow, 2001, 12–21.
- Trubachev O. N., *V poiskakh edinstva: vzgliad filologa na problemu istokov Rusi*, 3rd ed., Moscow, 2005.
- Ulukhanov I. S., "K istorii upotrebleniia slov «Rus'» i «Rossiia» v pis'mennosti Drevnei Rusi," in: I. V. Ruzhitskii, Iu. N. Karaulov, O. V. Evtushenko, eds., *Russkoe slovo v russkom mire – 2008: Rossiia i russkie v vospriatii inokul'turnoi iazykovoi lichnosti*, Moscow, 2008, 158–175.
- Usachev A. S., "Iz istorii russkoi srednevekovoi iografi: dva proizvedeniia o ravnoapostol'nom kniaze Vladimire Sviatoslaviche (issledovanie i teksty)," *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2006, 2, 5–44.

Александр Игоревич Грищенко, канд. филол. наук
доцент кафедры русского языка
Московского педагогического государственного университета
119991 Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Россия / Russia
alexander@grishchenko.ru

A Scandinavian
Island in a
Slavonic Linguistic
Environment.
The Dialect of
Gammalsvenskby:
Nouns
(paper 2)*

Скандинавский
остров
в славянской
языковой среде.
Диалект села
Старошведское: имя
существительное
(статья 2)

Alexander E. Mankov

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Москва

**Александр Евгеньевич
Маньков**

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow

Abstract

This paper continues the series of publications on the morphology of the dialect of Staroshvedskoye (Sw. Gammalsvenskby), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. The village of Staroshvedskoye is located in the Kherson region, Ukraine. Its Swedish dialect historically belongs to the group of Swedish dialects of Estonia and goes back

* This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation for the Humanities (РГНФ), project #14-04-00092 "The Dialect of Gammalsvenskby: Documenting and Description of Noun and Verb Morphology." The expedition to Gammalsvenskby in 2013 was funded by the Foundation for Fundamental Linguistic Research (<http://www.ffli.ru>), project A-32 "The Dialect of Gammalsvenskby: field research."

I am very grateful to T. A. Torstendahl-Salytjeva, Russian-Swedish Educational and Research Center, Russian State University for the Humanities, for her support for the study of Gammalsvenskby.

to the dialect of the island of Dagö (Hiiumaa). The dialect of Gammalsvenskby is of interest to slavists as an example of a language island in the Slavonic environment. From around the 1950s, the main spoken language of all village residents, including dialect speakers, has been surzhik. Due to the complete lack of studies of the present-day dialect and because of the severe endangerment in which the dialect is currently situated, the most urgent task is to collect, classify, and publish the factual material. This paper introduces comprehensive material on nouns in the conservative variety of the present-day dialect. It lists all masculine nouns of types 1b, c, d, and e together with their cognates from Estonian Swedish dialects; comments on the history of the forms are given as well. The sources for the material presented here are interviews with speakers of the conservative variety of the dialect recorded by the author during fieldwork in the village from 2004 to 2013. We plan to publish nouns of other types in later articles.

Keywords

documentary linguistics, endangered language, field linguistics, Slavic-Germanic language contact, Swedish dialectology, East Swedish dialects, Swedish dialects of Estonia, the village of Gammalsvenskby, dialect morphology, dialect vocabulary

Резюме

Статья продолжает серию публикаций, посвящённых морфологии диалекта с. Старошведское (шв. Gammalsvenskby), который является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. Диалект Старошведского интересен для славистов как пример языкового острова в славянском окружении, т. к. со второй половины XX в. основным языком всех жителей села, включая носителей диалекта, является суржик. В связи с полным отсутствием исследований современного состояния диалекта и крайне неблагоприятной ситуацией, в которой он в настоящее время находится, первоочередной задачей является сбор, классификация и введение в научный оборот фактического материала по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике. В данной статье впервые предпринята исчерпывающая на данный момент публикация синхронного материала по имени существительному: приводятся все встретившиеся в интервью существительные мужского рода, относящиеся к типам 1b, c, d, e, даются примеры их употребления, соответствия из родственных диалектов, а также пояснения сравнительно-исторического характера. Источником материала являются интервью с носителями консервативного варианта диалекта, записанные автором в ходе полевой работы в селе в 2004–2013 гг. В последующих статьях планируется аналогичным образом опубликовать существительные остальных типов.

Ключевые слова

документирование исчезающих языков, исчезающий язык, полевая лингвистика, славяно-германские языковые контакты, шведские диалекты, восточношведские диалекты, шведские диалекты Эстонии, село Старошведское, диалектная морфология, диалектный словарь

INTRODUCTION

The study of endangered languages as an urgent task of present-day linguistics

§ 1. Among the tasks of present-day linguistics one of the most urgent is the task of documenting those languages which face the danger of extinction. An endangered language is one whose number of speakers is approaching zero. This may be caused by the death of the last speakers or by the language shift that occurs when domains of language use are shrinking so that ultimately no one can use the language in any context. If one is to describe the current linguistic situation in the world concisely, unprecedented catastrophe would be the most relevant characterization. The catastrophe has been caused by the rapid decrease in the number of spoken languages, and its unprecedented scale is conditioned by its worldwide character. According to an estimation by David Crystal, at the turn of the third millennium 96% of the world's population spoke only 4% of its languages. Correspondingly, only 4% of the population spoke 96% of the world's languages [CRYSTAL 2000: 14]. In a pessimistic scenario, 90% of languages will become either extinct or close to extinction during the current century [CRAUSS 1992: 7]; according to a more "optimistic" forecast, by the year 2100 half of the world's languages will be extinct [CRYSTAL 2000: 19].

The extinction of languages has taken place throughout the history of mankind, but in the present century, the epidemic of language extinction has struck all continents, not only certain disadvantaged regions. A particularly bitter tragedy occurs when a language not only disappears, but disappears undocumented and unresearched, i.e., disappears without a trace. There are currently 6,909 known spoken languages [AUSTIN, SALLABANK 2011: 3], although this is an approximate number. Establishing the exact number of languages is difficult, among other reasons due to the lack or the insufficiency of data on them. Meanwhile, those languages that are insufficiently explored may, with high probability, be in the risk group. Europe is the continent with the least linguistic diversity: only 3% of the world's languages are situated here.¹ Nevertheless, a language whose present-day state was uninvestigated has been discovered even in Europe: it is the dialect of Gammalsvenskby. Taking this into account, what might await discovery in regions with a high concentration of languages?

Though there is no uniformly grim forecast for all endangered languages, and despite reports of successful revitalization,² the general tendency is a decrease in the number of spoken languages. In this respect the future world

¹ Asia 33%, Africa 30%, the Pacific 19%, and the Americas 15% [AUSTIN, SALLABANK 2011: 5].

² See, for example, [KAIA'TITAHKHE ANNETTE JACOBS 1998] on successful efforts to preserve the Mohawk language in Quebec, Canada.

will become less varied and thus more primitive. However, this process can be, if not halted, at least slowed down. If a language is spoken by a few families and there are children who use it in “natural” communication, it stands a chance of survival. A language can be preserved only by the active interest, love, and respect of its speakers for their roots. In any case, documentation and study of minority languages and endangered languages are clearly what is needed on the part of linguists. Detailed and systematic descriptions are of the highest value as they most fully preserve the language for future studies and can provide a basis for its revitalization. However, any thorough linguistic description in the area of endangered languages, even if brief or dealing with a narrow topic, is valuable. Over the last two decades a number of monographs and collections of papers on various issues associated with endangered languages have been published: see, for instance, [DORIAN 1989; DIXON 1997; BRADLEYS 2002; TSUNODA 2005; HARRISON ET AL. 2008; GRENOBLE, FURBEE 2010; HAIG ET AL. 2011]. A number of foundations supporting studies of endangered languages have been set up; see the list in [AUSTIN, SALLABANK 2011: 2]. In Russia, the Foundation for Fundamental Linguistic Research was launched in 2010 by Kirill Babaev; it focuses on supporting field research on endangered languages.

It might appear that describing a small and little known language which, to make things worse, is probably doomed to extinction, is too exotic, too narrow and, at the same time, too costly a task, however exciting it may be; moreover, it might seem that it is a task that would contribute little to the field of linguistics overall. The actual situation is in fact quite the opposite. Descriptions of unexplored or little explored languages are necessary for linguistic theory and, especially, for linguistic typology. Uninvestigated languages provide material that either changes or significantly corrects conceptions of what is possible in human languages [PALOSAARI, CAMPBELL 2011: 100–110]. The development of contemporary linguistics to a considerable extent depends on the study of unexplored languages and dialects.

This paper introduces factual material on nouns in the dialect of Gammalsvenskby and lists all masculine nouns of types 1b, c, d, and e that have occurred in my interviews to date with fluent speakers.³ Before proceeding to the factual material, let us give a brief outline of the history of the village and the current linguistic situation there.

The village of Gammalsvenskby and speakers of its dialect

§ 2. The village of Staroshvedskoye (Sw. *Gammalsvenskby*; current Ukrainian name *Зміївка/Zmiivka*) is located in the southern part of Ukraine, in the

³ Nouns of type m. 1a were published in [MANKOV 2013A]. On the morphological classification of nouns in the present-day dialect, see [MANKOV 2011B; 2013B].

Berislav district of the Kherson region, on the bank of the Dnieper River. The official name of this area in the 19th century was *Старошведская волость Херсонского уезда Херсонской губернии* (“Old Swedish volost of the Kherson uyezd of the Kherson guberniya”). The village was founded in 1782 by migrants from the island of Hiiumaa (Sw. *Dagö*) in the Baltic [PISAREVSKII 1899: 249–250]. At that time this island belonged to the Russian Empire. The native language of the founders of the village was the dialect of Dagö, which is one of the Swedish dialects of Estonia.⁴

In the 18th century regions adjacent to the North Coast of the Black Sea were thinly populated, and the government of Catherine the Great was implementing measures aimed at increasing the population of this area. The resettlement of Swedes from Dagö was part of this process. The number of foreign colonists in that part of the Russian Empire was, in that period, very high, and the majority of the colonists was made up of Germans. In 1838 in the Kherson guberniya alone there were 39 German settlements [ZABLOTSKII 1838: 5–6]. By the middle of the 19th century, the Kherson guberniya was a multinational region, as seen from statistical data on the non-Russian population of this governorate in 1852: “Moldavians 75,000, Germans 31,700, Jews Talmudists 22,424, Bulgarians 11,132, Greeks 3,500, Gypsies 2,516, Armenians 1,990, Poles 850, Karaites 446, Serbians 436, Swedes 168, in total 150,162” [SPISOK 1852]. According to [NOVOROSSIISKII KALENDAR’ 1864: 121], in the southern Russian guberniyas (the Kherson, Yekaterinoslav, and Taurida guberniyas, and Bessarabia), the number of “Germans with a small number of Swedes and Swiss” was 151,925, whereas the number of Russians was 13,162.

In all likelihood, the number of residents of the Swedish colony has never exceeded 1,000. According to [PISAREVSKII 1899: 249], the initial number of migrants from Dagö was 966, of which only 880 reached their final destination on the bank of the Dnieper. Living conditions in the new place were hard (the climate of the region may appear rather harsh: cold, snowy winters and sweltering summers with 40°C as a usual temperature), and the number of settlers decreased quickly. By the year 1800, the population of the Swedish colony was 150 or 160 people [SKAL’KOVSKII 1850: 265]. However, during the 19th century life in the village stabilized, and by the Revolution of 1917 there were 718 Swedes in the colony [SPISOK 1917: 126]. In 1929 the Swedes of Gammalsvenskby managed to obtain a permit to emigrate to Sweden, but in 1931 some of them returned to the village.⁵ In the 1930s eighteen Swedes were killed in Stalin’s repressions. During the Second World War the Swedish population

⁴ An outline of Swedish dialects of Estonia is given in [LAGMAN E. 1979]. For a detailed account of Swedish settlements in Estonia, see [EN BOK OM ESTLANDS SVENSKAR 1961; 1964]. On the position of Swedish in Estonia, see [KÄRK-REMES 2002].

⁵ See [KOTLJARCHUK 2012] on the post-Revolution period in the history of the village.

of the village became subject to forced resettlement to Germany in the capacity of *Volksdeutsche*. After the war some of the Swedes returned to the village while the majority were sent to a “special settlement” in the Komi ASSR. The stay in Komi was fortunately not as prolonged as it could have been: due to the intervention of a Swedish engineer, who accidentally learned of the injustice against the Swedes, they were given permission to return to their home village. This happened in 1947, after approximately two years in Germany and two years in the Komi ASSR. The present-day Gammalsvenskby is a large village, though it still remains relatively remote and difficult to access. At present its population is ca. 2,000 people. An impression of the present-day village and the people there can be gained from an excellent photo album by SVEDBERG AND MÅRTENSSON [2001].

In 2004 I made my first trip to the village.⁶ In contrast to the history of the village itself, at that time nothing was known about the dialect and its speakers. There had been no systematic studies of the dialect since the beginning of the 20th century. Consequently, at the starting point of my research there was virtually no data on the present-day state of the dialect.⁷ As a result of that first trip, it became clear that the dialect has been preserved as a linguistic system (not as a mixture of, for example, Standard Swedish, German, and Russian/Ukrainian interspersed with odd dialect elements), and its discovery is a major finding in the field of Germanic and Scandinavian linguistics. The current objective is detailed documentation and description of the dialect. Up to now I have made ten expeditions to Gammalsvenskby and published an outline of the phonetics of the dialect [MANKOV 2010A], a brief description of nouns [MANKOV 2010B; 2011B], adjectives and pronouns [2011C], and verbs [2012A], and an outline of word formation of nouns [2012B; 2013C]. These papers deal with the variety of the dialect spoken by the fluent speakers. The study of the language of the semi-speakers and of structural changes taking place in the dialect was begun in [MANKOV 2013D].

§ 3. From a linguistic point of view, the population of the village is made up of the following groups:

- 1) Speakers of Russian and Russian-Ukrainian who have no relationship to the dialect. They constitute the majority.
- 2) Children of the older generation of Swedes who were born in the 1950s–

⁶ This trip took place as part of the project “Gammalsvenskby, the Swedish Colony in the Ukraine” organized by Södertörn University College, Stockholm, and funded by the Swedish Institute and the Foundation for Baltic and East European Studies, Sweden. A report on the work carried out by 2011 is in [MANKOV 2011A].

⁷ For example, there is no mention of the dialect in [IAZYKI NARODOV SSSR 1966] and in [COMRIE 1981]. The dialect is briefly referred to in [HAUGEN 1976: 353], however with no mention that it is still spoken in the village.

1970s. Their main language is Russian-Ukrainian. Standard Swedish is taught as a supplementary subject at school and many representatives of this group have a certain command of it. No one in this group is able to speak the dialect and thus serve as a linguistic informant in its study. They recall how their grandparents spoke the dialect, but exclusively among themselves and never with the younger generation, and they note that this was done deliberately.

3) Ethnic Swedes of the older generation born in the 1920s–1930s. Their number does not exceed fifteen persons. This group is the object of my study. Their main language now is Russian-Ukrainian, though they often use the Swedish dialect in everyday conversations. All of them possess a good command of German, and many of them learned Standard Swedish at a young age either from their parents or at school and they are able to speak it, although of course in a somewhat different manner than present-day “Swedish” Swedes.

My work in 2004 and 2005 began by selecting informants in order to develop a basic grammar. All speakers of the dialect were interviewed. The main criterion in making this selection was the consistency of inflection and the preservation of the dialect vocabulary. The linguistic situation in Gammalsvenskby is characterized by the fact that speakers of the dialect are not uniform in their linguistic competence. Such a lack of uniformity is a common feature of a community where an endangered language is spoken. The main types of speakers that are distinguished in this regard are fluent speakers, semi-speakers, and terminal speakers [DORIAN 1977; GRINEVALD, BERT 2011: 49–51], i.e., speakers with linguistic competence of high, medium, and low levels. Highly competent speakers are also called “conservative.” All these types of speakers are found in the present-day village. The dialect variety of those whose parents were Swedish and who spoke the dialect as their main language in childhood is different from those whose parents (or one parent) were not Swedish and who therefore did not speak the dialect in childhood. The present-day fluent speakers spoke the dialect as the main language in childhood, whereas the semi-speakers acquired knowledge of the dialect as their second or third language and did not speak it actively in childhood. Thus, in the case of Gammalsvenskby the linguistic competence and the preservation of the language is conditioned by how much it was spoken in childhood. In addition to linguistic considerations in choosing the informants, their personal qualities had to be taken into account as well: their willingness to be communicative, availability of time for interviews, capability of answering questions clearly, and comprehensible pronunciation. My fieldwork up to 2012 was concentrated on interviewing the following three informants: Anna Semionovna Liutko (1931–2013), Lidiia Andreevna Utas (born in 1933), and Melitta Fridrikhovna Prasolova (born in 1926). They speak the most conservative variety of the dialect. The majority of forms and phrases have been obtained from Lidiia

Utas. She has a prodigious memory; according to her own testimony, many of the words that she cited in interviews she last heard or used more than half a century ago. Despite this, she easily gave word forms necessary to establish paradigms and cited examples of their usage. It should be noted that all conservative speakers draw a conscious distinction between Standard Swedish and the dialect. As a brief example, L. Utas clearly perceives such verbs as *befäll* 'order,' *bemärke* 'notice,' *besêke* 'visit,' *bevâr* 'defend,' *skrâkke* 'frighten' as Standard Swedish⁸ and cites their dialect equivalents: *säte 'pô, bli de 'vaşş-e, kuma näst nôn, vâr, rädd 'ô.*

Describing the conservative variety of the dialect, however important it is, does not produce a complete picture. In reality, there is no uniform dialect equally shared by all members of the community. In order to carry out a truly comprehensive study, we should take into account all of its varieties. During the expedition of 2012 I started to collect material on the variety spoken by the semi-speakers, namely the sisters Emma Utas (born in 1932) and Elsa Kozenko (born in 1930); preliminary results of this study are presented in [MANKOV 2013B]. Among the grammatical features of the language of semi-speakers, the most prominent is a high frequency of free variation [CAMPBELL, MUNTZEL 1989; PALOSAARI, CAMPBELL 2011]. In morphology, free variation implies expressing the same grammatical meaning with several interchangeable forms which occur without any regularity. Free variation takes place in the speech of fluent speakers as well but in their case, the occurrence of forms is generally quite predictable. In the speech of semi-speakers, the occurrence of forms is much less predictable. Furthermore, in their speech the number of forms does not decrease but in fact it increases (see examples in [MANKOV 2013D]). The "conservative" variety of the dialect represented by its fluent speakers serves as a basis and a starting point in the study of the dialect, whereas material obtained from semi-speakers will provide the opportunity for comparison and will therefore allow us to study structural changes taking place in the dialect.

The dialect of Gammalsvenskby is of interest to slavists as an example of a language island in the Slavonic environment. Before the resettlement from Dagö in the 18th century, the dialect was in contact with Estonian, and during the entire 19th century and up to the middle of the 20th century, it was in contact with German, which was due to the fact that there were a number of German settlements in the neighborhood of the Swedish village. From the middle of the 20th century the main language of all residents of Gammalsvenskby, including the Swedes, has been Russian-Ukrainian (a mixed variety called *суржук/surzhik*); it is the dominant language of present-day speakers of the dialect. The situation

⁸ Her own explanation: *Ve säi hër "säte 'pô": "Umm-en änt vill gära-e, so sätt 'pô-en de gära-e," a "befäll" kumâr 'üt po hökk-svänsk 'We say here säte 'pô: "If he doesn't want to do it, so order him to do it," whereas befäll comes out as Standard Swedish.'*

of multilingualism seems to affect the semi-speakers the most, as gaps in the knowledge of the dialect should be compensated from other sources, i.e., from Russian-Ukrainian, German, and Standard Swedish. I will address the phenomena that are caused by language contact in a separate study. For now, the most urgent task is to collect, classify, and publish factual material on the synchronic state of the dialect. This will provide a basis for a more in-depth study of the contact between the dialect and its Slavonic environment.

Previous studies of the dialect

§ 4. The pioneer in the study of the dialect of Gammalsvenskby was the outstanding Swedish dialectologist Herman Vendell. He visited the village in June 1881 [VENDELL 1989] and collected a large amount of lexical material for his *Ordbok öfver estländssvenska dialekterna* (“Dictionary of the Swedish Dialects of Estonia”) [FREUDENTHAL, VENDELL 1886]. This dictionary remains the only published source for the vocabulary of the dialect. The only description of the grammar is a brief article by Anton Karlgren written in 1906 and published in 1953 by Nils Tiberg [KARLGREN 1953]. Another important work is Tiberg’s monograph *Estlandssvenska språkdrag* (“Linguistic Features of Swedish Dialects of Estonia”) [TIBERG 1962]. Tiberg did not visit the village but interviewed those speakers of the dialect who had emigrated to Sweden in 1929. He used data from Gammalsvenskby to describe phonological and morphological features of Swedish dialects of Estonia, but does not give a systematic description of the dialect. Tiberg also compiled a card dictionary of Swedish dialects of Estonia, which is kept at *Språk- och folkminnesinstitutet* (SOFI) in Uppsala [BERGFORS 1981]. Another unpublished work kept at SOFI in Uppsala is the material for the dictionary of the dialect collected by J. Utas [UTAS 1979; BERGFORS 1978–1979]. Brief information about the dialect is given in [JOALAI, JUHKAM 1989].

The most fully described Swedish dialect of Estonia is the dialect of Nuckö, now extinct.⁹ Karlgren’s informants were born in the 1840s and in the 1860s–80s; his data therefore belongs to an entirely different epoch and cannot serve as a source for the synchronic study of the dialect. However, his data, together with Vendell’s and Danell’s works, is a source for the history of the dialect and allows us to study the relationship between the present-day state of the grammar and vocabulary and their state at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries.

A work summarizing the Swedish dialects of Estonia is [LAGMAN E. 1979]. Fundamental studies of the phonetics and grammar of East Swedish dialects

⁹ Grammars: [VENDELL 1881; DANELL 1905–1934]; dictionary: [DANELL 1951]; supplement to the dictionary: [ISBERG 1970]; study of the word formation of nouns: [LAGMAN E. 1958].

are [HULTMAN 1894] and [HULTMAN 1939], and a bibliography of Gammalsvenskby and Swedish settlements in Estonia is contained in [APPELGREN 1997].

It should be noted that Vendell's dictionary of 1886 received extremely harsh criticism from Swedish dialectologists; see for example [DANELL 1905–1934: 8–13]. With regard to nouns, the drawback of this dictionary is its incomplete morphological descriptions: only the plural form is cited, although a morphological classification requires indication of the definite singular as well [MANKOV 2011B: § 5]. In my interviews I have compared the bulk of Vendell's dictionary with the data from three fluent speakers. If a word cited by Vendell was familiar to them, the forms they cited are, in most cases, identical to those given by Vendell. If phonetic and morphological discrepancies occur, only in rare cases do they appear to be inaccuracies that cannot be explained by a process of linguistic change. A more serious problem is in fact not such discrepancies but rather the very large number of words in Vendell's dictionary that are unknown to the present-day speakers. However, Vendell collected his material in 1881, and it is separated from my interviews by an interval of more than 120 years. In Vendell's day, the dialect was the main language for its speakers, whereas for present-day speakers it ceased to be the main language many decades ago. Bearing in mind the circumstances in which the dialect existed after the Revolution of 1917, the divergence between Vendell's data and modern data appears understandable. Inaccuracies which are presumably contained in Vendell's dictionary are fully justified by the pioneering character and the scale of his work, which in addition was carried out single-handedly in a relatively short period of time. It should be remarked that the dictionary of the dialect of Nuckö came out almost fifty years after the beginning of Danell's work, while lexical materials collected by Karlgren and Tiberg remained unpublished.

Organization of the data

§ 5. The factual data presented below is organized according to the following scheme:

- 1) dialect noun with a translation and phonetic variants (if any);
- 2) all known derivatives and compounds;
- 3) phrases from interviews illustrating the usage (in some cases I cite not only short phrases and sentences but also fairly extensive narratives, which will allow the reader to form a more general impression of the dialect);
- 4) cognates, if any, from the main published studies of Swedish dialects of Estonia, namely, from [FREUDENTHAL, VENDELL 1886; KARLGREN 1953; DANELL 1951; ISBERG 1970].

Vendell uses the following abbreviations for the dialects: D – Dagö, G – Gammalsvenskby, N – Nuckö, O – Ormsö, R – Rågö (LillR – Lilla Rågö,

StorR – Stora Rågö), and W – Wichterpal (Vippal). For example, DGNORW after a certain form means that it was recorded in the dialects of Dagö, Gammalsvenskby, Nuckö, Ormsö, Rågö, and Vippal. I preserve these abbreviations when referring to Vendell’s dictionary. Instead of full forms of the plural given by Vendell, I indicate only endings (if the root is unchanged in the plural). Translations in Vendell that are identical to the translation of the entry word are not repeated. For example, the entry for ‘brush’ in Vendell’s dictionary looks like this:

bost, pl. *bostar*, m. Borste. DGNORW

In this paper it is quoted as follows:

bost, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 28].

With respect to information quoted from [DANELL 1951], instead of numbers referring to the declension type, I give the endings of nouns. For example, “*bost* m. 1” in Danell’s dictionary is cited as “*bost*, -n, -ar, -a m. [IBID.: 39]” in this paper.

Material from preceding studies is given in this paper in its original orthography, i.e., exactly as it appears in publications by Vendell, Danell, and others. An outline of orthographic systems employed for Swedish dialects of Estonia as well as a detailed table of correspondences between my orthography and the preceding orthographies are given in [MANKOV 2010A; MANKOV 2013A].

In most cases the usage examples from my interviews are given with the initials of the informant who cited them:

AA – Anna Andreevna Annas (born in 1936);

AL – Anna Semionovna Liutko (1931–2013);

AP – Anna Matveevna (Matsova) Portje (1923–2008);

EU – Emma Ivanovna Utas (born in 1932);

LU – Lidiia Andreevna Utas (born in 1933);

MP – Melitta Fridrikhovna Prasolova (born in 1926).

§ 6. For the present-day dialect I have developed the following orthography:

Vowels: *a* [a], *ā* [a:], *e* [ɛ], *ē* [e:ⁱ, e:],¹⁰ *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ], *ā* [ɛ:], *ö* [œ], *ō* [œ:], *ü* [ɛ], *ū* [u:], *äi* [ɛ:ⁱ, ɛī], *öü* [œ:^u, œū].

Consonants: *b* [b], *d* [d], *ḍ* [ḍ], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *ḷ* [ḷ], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] in front of *k*), *ṇ* [ṇ], *ŋ* [ŋ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *š* [ʃ], *t* [t], *ṭ* [ṭ], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *ẓ* [ẓ].

The consonants *p*, *t*, *k* are not aspirated; *ḍ*, *ṭ*, *ṇ* are postalveolar *d*, *t*, *n* (as in Standard Swedish). The combinations *dj*, *gj*, *nj*, *sj*, *tj* designate palatalized consonants; *skj*, *stj* are [sk^j], [st^j]. The length of consonants within morphemes

¹⁰ On the distribution of [e:ⁱ] and [e:] as well as for other phonetic details, see [MANKOV 2010A].

is designated by doubling the letter: *tummär* ‘empty.’ If a long consonant occurs in front of another consonant within a morpheme, its length is not designated: *vänt* [vɛn:t] ‘to wait,’ whereas on morpheme boundaries it is designated: *tumm-t* (neuter sg. of *tumm-är*). The hyphen is employed to show elements of compounds (e.g., *sir-boşş* ‘sorrel soup,’ *hjöl-släe* ‘killed’ (participle), *soşş-som* ‘because’) and enclitic forms of personal pronouns (e.g., in *häv-e* ‘had it,’ *vär-e* ‘was it,’ *to-de* ‘when you’¹¹); it is also used on word boundaries where postalveolar consonants occur (e.g. *vā-ŋ* < *vār han* ‘was he’). Word stress is shown only when it does not fall on the first syllable: *konnföre* ‘why,’ *loŋätjār* ‘long ago,’ *aläina* ‘alone.’ Phrase stress is shown with ‘, e.g., *slū* ‘*hjöl*. Phonetic variants are divided with /, morphological with //.

Declension types of masculine nouns

§ 6. In order to establish the paradigm of a noun and determine the declension type, I asked the informants to cite the following forms: with the numeral/pronoun ‘one’ (to elicit the indefinite singular); with the pronouns ‘this’ or ‘that’ (definite singular); with the pronoun *mike* ‘many’ (indefinite plural); and with the pronouns ‘these’ or ‘those’ (definite plural).

Morphological types of masculine nouns and their endings are shown in the table:

Type	Def. sg.	Pl.	Def. pl.	Examples
m.1a	-en	-ar	-a// -ana	<i>fisk, fisk-en, fisk-ar, fisk-a// -ana</i> ‘fish’
m.1b	-n			<i>kvüst, kvüst-n, kvüst-ar, kvüst-a// -ana</i> ‘branch’
m.1c	-ŋ			<i>stül, stün, stül-ar, stül-a// -ana</i> ‘chair’
m.1d	-Ø			<i>bjün, bjün, bjün-ar, bjün-a// -ana</i> ‘bear’
m.1e	-en	-j-ar	-j-a// -j-ana	<i>säkk, säkk-en, säkk-j-ar, säkk-j-a// -j-ana</i> ‘sack’
m.2a	-en/ -n/-Ø	-är// -ar	-e// -ena// -a// -ana	<i>svänsk, svänsk-en, svänsk-är// -ar, svänsk-e// -a// -ana</i> ‘Swede’
m.2b	-n	-är// -Ø	-e// -ena// -na	<i>bokar, bokan, bokar-är, bokar-e// bokana</i> ‘baker,’ <i>biggjar, biggjan, biggjar// biggjar-är, biggjar-e// -ena</i> ‘builder’
m.3a	-n	-r	-na	<i>stoka, stoka-n, stoka-r, stoka-na</i> ‘stick’
m.3b	-an	-ar	-ana// -a	<i>ënd, ënd-an, ënd-ar, ënd-a// -ana</i> ‘end’
m.4	-n/-Ø	-är with umlaut	-re/-e with umlaut	<i>füt, füt-n, fët-är, fët-re</i> ‘foot’

¹¹ See [MANKOV 2011c] on regularities in the use of enclitics.

The principles of classification as well as the correlation between my classification and those of Karlgren and Danell are discussed in [MANKOV 2011B]; the history of the endings is described in [MANKOV 2010B].

Type m. 1b

§ 7. A distinguishing feature of this type is the ending *-n* (usually *-ŋ* after *d* and *t*) in the definite singular form. It is here that nouns with the following stem finals belong: *d* (but not *nd*), *ḍ*, *t*, *ṭ*, *s*, *š*, *rr*; occasionally *l* after a consonant or an unstressed vowel [MANKOV 2010B: § 12.2].

In interviews with LU and MP (but not with AL) the ending *-en* occasionally occurs alongside *-n* in the definite singular. This may be caused both by the influence of the more numerous nouns of type m.1a and the phonetic change *-n > -en* which is due to the loss of the syllabic character of *-n*. The nouns *borrh* ‘burr’ and *Nūḍen* ‘the North’ (this is what the Swedes of Gammalsvenskby call the Komi ASSR) occurred only with the ending *-en*, thus they cannot be included in type m. 1b.

As far as one can judge by Karlgren’s examples, at the time of his research (i.e., in 1904–1905) nouns with stems terminating in *d*, *ḍ*, *t*, *ṭ*, *s*, *š* and in the retroflex *s* (which does not exist in the present-day dialect) had a syllabic *-n* in the definite sg.: *buldŋ* (*buld* ‘abscess’), *gādŋ* (*gād* ‘yard’), *haŋ* (*hat* ‘hat’), *bošŋ* (*bošt* ‘brush’), *brumsŋ* (*brums* ‘gadfly’), *fošŋ* (*foš* ‘rapids in a river’), *hasŋ* (*has* ‘neck’) [KARLGREN 1953: 17]. Nouns in *l* and *rr* had a non-syllabic *-n*: *tafeln*, *snurn* [IBID.: 18]. In the dialect of Nuckö, nouns terminating in *ḍ*, *ḍ*, *t*, *ṭ*, *s*, *š* and in the voiceless *l* had a syllabic *-n* in the definite sg.: *bildŋ* (*bild* ‘plough-share’), *godŋ* (*god* ‘yard’), *kutŋ* (*kut* ‘fir cone’), *bošŋ*, *isŋ* (*is* ‘ice’), *hašŋ* (*haš* ‘neck’), *kæŋ* (*kæŋ* ‘kettle’), while nouns in *l* as well as monosyllabic nouns in *r* had an ordinary *-n*: *kiln* (*kil* ‘wedge’), *burn* (*bur* ‘cage’) [DANELL 1905–1934: 102–103]. It should be noted that in the present-day dialect of Gammalsvenskby, in contrast to Nuckö, nouns in *l* and *ll* after a stressed vowel belong to type m. 1a (i.e., have the definite sg. in *-en* rather than *-n*), while nouns in *r* belong to type m. 1c: the definite sg. of *būr* ‘cage’ is *būrn* in Nuckö, *būŋ* in Gammalsvenskby. It should also be remarked that according to Danell, in the dialect of Nuckö the dental *n* after postalveolar consonants was more frequent than the postalveolar *n*: *bošŋ* ‘the brush’ instead of *bošŋŋ* [IBID.: § 32].

§ 8. Nouns of type m. 1b which have occurred in the interviews:

1. blikst ‘lightning’: *Blikstn*_{DEF.SG.} *slū* ‘inn ot stjūe, tēr var iŋen änt terínn öte koman, a sošš vār-e füllt mā räik öte koman, o blummana lō umm golve ütär kvaṭána kasta. Umm nōn a vāre terínn öte koman, kannskē hāv-e hjoŋl-slāe. Mama vār po arbete o gamma vār terūt öte gōḍn, kūka jāta LU ‘The lightning struck in the house, there was no one there in the room, and so the room was

full of smoke, and the flowers were scattered all over the floor. If there had been someone in the room, it would probably have killed him. Mommy was at work, and Grandma was in the yard, she was cooking something to eat'; *To ve vār ūte Cevrep, so slū-e än mann 'xjöl, blikst. Han stäiv 'upp o gī unde trā, o tēr slū-e 'xjöl-en. He slū 'inn po-en, som-en stū 'unde, än kaṭūsñ brann 'sundär, o äin rōnd po kruppen. Tom gitsa, än-en kumär 'tjō-še, a han bläi 'ö dēär* LU 'When we were in the North (i.e., in the Komi ASSR), it killed a man, lightning. He stood up and went under a tree, and there it killed him. It struck him when he was standing underneath, so that his cap was burned through and there was a streak on his body. They thought that he would regain consciousness, but he was dead.'

|| Vendell and Danell cite only the corresponding verb: *blikst* DOGN 'to glimmer, flash' [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 25], *bläkst* 'to flash' DG [IBID.: 27]; *blīkst* 'to twinkle' [DANELL 1951: 30]. Vendell recorded the following words for 'lightning': *blikk*, -ar m. NOW, *bläkstand*, -er n. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 25, 27].

2. blūd 'saucer' (< Russ. *блюдо* 'dish'): *katt-blūd* 'cat saucer'; *Ja häält 'inn grädd ot me e blüdn*_{DEF.SG.} LU 'I poured sour cream in the saucer'; *Ja kann ribl 'inn mindäre bitar ūte blüdn*_{DEF.SG.} o rēr 'hüp-e me grädd LU 'I can crumble smaller bits into the saucer and mix it with sour cream.'

|| This word is absent from Vendell's and Danell's dictionaries.

3. bolt

|| *bolt*, -ar m. 'bolt' W, 'pendulum bob' N [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 28]; *bolt*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 60].

4. boşş 'beet soup' (< Russ. *борщ*): *sir-boşş* 'soup with sorrel'; *Umm-de har kätt, so kasta-de ale fäst käte 'inn de kūk, a änt, so bliär-e şmälsandär boşş* LU 'If you have meat, first of all you throw the meat on to cook, and if you don't, then it's "fried" beet soup.'

|| This word is absent from Vendell's and Danell's dictionaries.

5. böşt 'brush': *färg-boşt* 'paintbrush'; *roka-boşt* 'shaving brush'; *Gñie änt mä boşt*_{DEF.SG.} 'före-e än-en bliär skarpär, han boşt_{DEF.SG.} LU 'Don't rub with the brush (when tarring a barrel) because it gets stiff, the brush'; *Tēr som ja vār po kotjäre, hon hūs-müär hon bā pikar de kuma klīstär 'üt kēka näst-on. Tom klīstra 'üt-on. Ot me, he foll-e änt, soşş-som dom häv-on klīstra, soşş-som dom flotsa titt me bošta*_{DEF.PL.} *po fläcken* LU 'Where I rented a flat, the landlady asked girls to come and whitewash the kitchen. They whitewashed it. Me, I didn't like it how they had whitewashed it, as they slapped it there on that spot with the brushes.'

|| *bost*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 28]; *bošt*, -n, -ar, -a m. [KARLGREN 1953: 17]; *bošt/bost*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 39]. This noun originally belonged to the weak declension (type m. 3b in my classification): compare Sw. *borste*, Icel. *bursti* m.

6. *bōt* AL MP, *bōd* LU ‘steamship’ (the usual word for ‘boat’ in the present-day dialect is *lusk* f.)

|| *bāt*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 37]; *bot*, -ŋ, -ar, -a m. [DANELL 1951: 65].

7. *brims* AP, *brins* MP, *brints* AL ‘gadfly’

|| *brims*, -ar m. GO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 30]; *bræms*, -ŋ, -er, -e m. [DANELL 1951: 58].

8. *bärefis* LU, *bärofis* AL ‘type of beetle’: *Än bärefis jär än svattär makk, spits-atşolatär o spits-näsatär, han jär slikär löŋär som fiŋäs-lēan. To-de rēr üten, so lüftas-n. Tom bärefisa_{DEF.PL.} kuna vara ö üte källan* LU ‘*Bärefis* is a black beetle, with a pointed back and a pointed nose, it’s as long as a finger joint. When you touch it, it stinks. Those beetles can also be in the cellar.’

|| *bärefis*, -ar m. ‘shield bug’ (*Cimex baccharum*) G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 38]; *bær-fis*, -ŋ, -er, -e m., -a, -ar, -a f. [DANELL 1951: 66].

9. *bäss*, also *för-bäss* ‘male sheep’

|| *bäss*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 38]; *bæſ*, -ŋ, -ar, -a m. ‘(castrated) male sheep’ [DANELL 1951: 67].

10. *büld* ‘boil’: *Hon häv än büld üte briste* LU ‘She had a boil on the breast’; *To-de här büldar_{PL.} üte han büldn_{DEF.SG.} jär kütt tärinn* LU ‘When you have boils, in that boil there is core inside.’

|| *búd*, -ar f. G, m. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 36]; *büld*, -ŋ, -ar, -a m. [KARLGREN 1953: 17]; *bēd*, -e, -er, -e n. [DANELL 1951: 68].

Gender fluctuation between the forms recorded by Vendell, Karlgren, and Danell, as well as phonetic differences may be caused by a contamination of the following forms: PGerm. **bul-ið-ō* f., **bul-ði-* f. (probably also m.), **bul-ðā-* m./n. A similar derivational synonymy is found in Goth. *ganists* f. ‘salvation’ (**-ti-*) on the one hand, and OEng., OIcel. *nest* n. ‘viands’ (**-to-*) on the other. As the combination *ld* in the dialects of Gammalsvenskby and Nuckö is retained and does not give *đ* (see examples in [MANKOV 2010A: § 10.3]), the consonant *đ* in Vendell’s *búd* and Danell’s *bēd* may go back to *ld*, where the retroflex *l* is explained by its originally intervocalic position: **buld-* < PGerm. **bul-ið-ō*. This PGerm. form accounts for Vendell’s *búd*. In Danell’s dictionary, *bēd ē* goes back to *y*,¹² which appeared either by contamination with **bul-ði-* (> **bylð-* > **byld* > **böld* > **böld* > *bēd*) or by analogy with *i*-umlauted *i*-stems (such as OIcel. *skyld*). The form *büld* m., recorded in present-day Gammalsvenskby goes back either to PGerm. **bul-ðā-* m. or to **bul-ði-* m. The fluctuation between masc. and fem. in the reflexes of the *i*-stem **bul-ði-* is paralleled by OSw. *byrþ* f./ *burþer* m. ‘bearing.’¹³ Forms with the suffix **-ðā-* fluctuated

¹² See [DANELL 1905–1934: 98] for details of the change *y* > *ē*.

¹³ According to Olson, the gender change fem. > masc. in nouns with the suffix **-ti-* as well as the gender fluctuation f./m. (as in OSw. *byrþ*/*burþer*) was caused by the influ-

between the masculine and neuter,¹⁴ thus the neuter gender of Nuckö *beđ* may go back to PGerm. **bul-đa-* n. The corresponding OSw. noun *byld* f. (Sw. *böld*) goes back to **bul-đi-* f. [OLSON 1916: 326]. It should be noted that together with forms in **-iđō-*, **-đi-*, **-đā-* there exist forms which might go back to the suffixes **-đ-an-* (Sw. *bolde* ‘boil’ [SAOB: B3791]) and **-đ-ōn-* (Icel. *búlða* f. ‘round-faced woman; small axe’ [BÖÐVARSSON 1993: 115]).

11. *dans* ‘dance’

In a context in which this noun should be expected, the verbal noun in *-ande* (see [MANKOV 2013C]) is used: *Pikana bār ‘ō po dansande* LU ‘The girls went to the dances’; *Han gī po dansande, de drikk o dans* LU ‘He went to a discotheque, to drink and dance.’

|| *dans*, *-ar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 39]; *dans*, *-ŋ*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 71].

12. *fiš-štjätt* (pronounced [‘fɪʃ:tjɛt:] LU, [‘fɪʃ:tʃɛt:] AL), also *fišstjätt* AA ‘scolopendra’: *Ja vatna trāna, o vatne rinndār o rinndār, innot äit hōl, o sänn komm därūt än fišš-tjätt fron tārfron, fron he hōle som vatne rann ‘inn. Han vār säntimātra tjū, tjū-fämm lōŋār, än stūran, fiŋŋäš-tjokkär, som lill fiŋäre, o rēär. He vār aš grimmt före me ‘frōn-en. Tom säi, än dom ‘ō bitas* LU ‘I was watering the trees, and the water is running and running into a hole, and then a scolopendra came out of there, from the hole that the water was running into. It was about 20–25 centimetres long, big, as thick as a finger, and red. It really scared me. They say that they also bite.’

|| This noun is absent from Vendell’s and Danell’s dictionaries. The first component may be related to Icel. *fiš* n. ‘chaff; wound’ (e.g. in compounds *fišhæll* or *hælfis* ‘sore heel’ [BÖÐVARSSON 1993: 206]), to Russ. *nuxamb*, PIE. **peis-/pis-* ‘grind’; see [POKORNY 1959: 796]. The second component is *štjätt* ‘tail.’ The second component in *bäreŋis* (§ 8.8 above) does not belong here and goes back to the homonymic PIE. root **peis-* ‘blow.’

13. *fošš* ‘rapids; current’: *Foššjār stūran* LU ‘The current is strong’; *Umm-de rokar bra, so kann-de do roka ‘ūt, a umm änt, so kann han fošš_{DEF.SG.} bāra ‘ō mā-de, o kann-de ‘än drunken ‘ō, före he vriss, he vatne, to-e flūtār, o he jār hōle stutt, stūran fošš. Tāta vār näst oss, to ve vār üte Ceeep* LU ‘If you swim well, you can swim out there, and if you don’t, well, that current can carry you away, and you can even drown, because it twists, that water, when it flows, and it’s very strong, a strong current. This was at our place, when we lived in *Ceeep*’ (i.e., in the Komi ASSR).

|| *fošš*, *-ŋ*, *-ar*, *-a* m. [KARLGREN 1953: 17].

14. *frost* only sg. ‘frost’: *Edá he jār kallt, stūran frost* LU ‘Today, there is a cold, hard frost’; *Edá vā-dār starkär frost* LU ‘Today there was a hard frost’;

ence of masculine nouns with the suffix **-tu-* and—in Scandinavian languages—by the influence of masculine *i*-stems [OLSON 1916: 465–466].

¹⁴ See examples in [KLUGE 1926: § 117].

Träske änt a fröse 'fast, um där änt a vare ija frost MP 'The river would not freeze over if there wasn't a frost.'

|| *frost* only sg., n. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 59]. In the dialect of Nuckö 'frost' is *frusa*, -n, -r, -Ø m.; *kēd*, -e only sg., f.; *tæke*, -n only sg., m. [DANELL 1951: 112, 236, 432].

15. -fräs in *blū-fräs* 'boil': *Ja hāv tfō blū-fräsar_{PL} po armen, tēr vār blū o vār dehūp. Ja gī ot большица, ja kunnt do änt arbet. No, ja fi tōa üte tom stukka mä arma, ja kunnt do änt gāra iḡatiḡ änt mä han armen. Ja vā-ḡo aḡōta dōar hāim mä tān armen. He mado vara färkīlat, ve fi vār frūs lite po vēgen som ve kēd?* LU 'I had two boils on my arm, there was blood and pus together. I went to the hospital, I really wasn't able to work. Well, I had to carry those beams with my arms, I really wasn't able to do anything with that arm. After that I had to spend eighteen days at home because of that arm. It was probably because of the cold, and didn't we really freeze a little on the way we were taking?' (i.e., in the Komi ASSR, said with bitter irony).

16. galt 'hog'

|| *galt*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 64]; *galt*, -ḡ, -ar, -a m. [DANELL 1951: 122].

17. gōḡ 'yard; enclosure; fence': *gra-gōḡ* 'cemetery'; *gäss-gōḡ* 'enclosure for geese'; *fläita-gōḡ* 'wicker fence'; *ina-gōḡ* 'middle of the yard'; *kirke-gōḡ* 'church yard'; *kol-gōḡ* (see [MANKOV 2010A: § 53] on the shortening of long vowels in compounds) 'flood-meadow'; *milla-gōḡ* 'fence between yards'; *nāgōḡ* 'cattle pen'; *rigōḡ*/*riggōḡ* 'vegetable garden'; *trisk-gōḡ* 'threshing yard'; *trā-gōḡ* 'orchard'; *vin-gōḡ* 'vineyard'; *gō üt ot gōḡn_{DEF.SG.}* 'go out to the yard'; *Ko stō-de hērūt po gōḡn_{DEF.SG.}*, *kum inn ot stjūe* LU 'Why are you standing in the yard, come into the house'; *Tom site tārūt üte gōḡn_{DEF.SG.}* LU 'They are sitting out there in the yard'; *Ja bā hon Люся, ān-on ska kuma mä me, ān ve gō bōar... ān ve bōar gō ot gragōḡn_{DEF.SG.}* LU 'I asked that Lyusya (LU's neighbor) to come with me, so that we go both... that we both go to the cemetery'; *Hānaḡ sonn lēvd änt vār-on, a komm de hōlp-on, grāva riggōḡn_{DEF.SG.}* *näst-on* LU 'Her son didn't live with her, but came to help her, dug the garden at her place'; *Hon gī fron herfrōn, girm folkes rigōḡn_{DEF.SG.}*¹⁵ *tfatt ive* LU 'She went from here, through people's gardens, straight across'; *Fār klīstra dom trāna po lande e trāgōḡn_{DEF.SG.}* LU 'Before, they used to whitewash the trees in the orchard on the steppe.'

In an interview with EU the genuine dialect form *gōḡn/-ḡ* occurred alongside ['go:rdɛn], which is probably an orthographic pronunciation of Sw. *gården*. In the plural EU cited *tfō gōḡnar* 'two yards,' *tom gōḡnar* 'those yards.'

¹⁵ It should be noted that the definite form *rigōḡn* occurs here after the genitive *folkes* (def. sg. form). The definite form of nouns after the genitive is a common regularity in the dialect, cf. *min brūäs_{GEN.SG.} hūse_{DEF.SG.}* 'my brother's house,' *tom bōnas_{DEF.PL.GEN.} fāraldena_{DEF.PL.}* 'those children's parents,' etc. [MANKOV 2010B: § 25].

|| *gåd*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 75]; *gød*, -*ŋ*, -ar, -a m. [KARLGREN 1953: 17]; *god*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 141].

18. grīs 'piglet': *skū-grīs* 'hedghehog'; *fō grīsar* 'to farrow'; *Um-de hitt üte bīn än grīs*, so *kēft-de-en o fed 'upp-en o slafta-en* LU 'If you found a piglet in the village, so you bought it and fattened it and slaughtered it'; *To svīne ska fō grīsar_{PL}*, so *tār-on 'inn hałm üte munn o slāpar-e de än ruka po he ställe som-on för grīsa_{DEF.PL}*. LU 'When the pig is about to farrow, she gathers straw in her mouth and pulls it into a heap to make a place to give birth'; *Konn grāva-dom nēr tom ō-dūe grīsa_{DEF.PL}*? LU 'Where did they bury dead piglets?'

|| *grīs*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 71]; *grīs*, -*ŋ*, -er, -e m. [DANELL 1951: 132].

19. grūd 'potato sprout' (also f.): *Katüfl byrjar rāi väks*, *han hār rāi grūdar_{PL}* *po se* LU 'Potatoes start sprouting ("growing"), there are sprouts on them.'

|| *gródd*, -ar m. 'sprout; fetus of animals' NOW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 72]; *grød*, -a, -ar, -ana f. [DANELL 1951: 132].

20. grädd only sg. 'cream; sour cream': *friskär grädd som ja grād laitra* LU 'fresh cream that I just skimmed'; *Fron han gräddn_{DEF.SG}*, *som ve hāv laitra*, *kēn ve sänn smēr* LU 'From the cream that we had skimmed we churn butter later'; *Umm-de vill*, so *kann-de smäre-dom me povídl*, *hāldär dū üte gräddn_{DEF.SG}*. LU 'If you want, you can spread them (pancakes) with jam or dunk them in the cream.'

|| *grädd* only sg., m. GNOW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 73]; *græd*, -*ŋ* only sg., m. [DANELL 1951: 135].

21. gräit only sg. 'porridge': *gölagrīns-gräit* or *göla-gräit* 'millet porridge'; *hāvärgrīns-gräit* 'oatmeal porridge'; *küngrīns-gräit* 'barley porridge'; *mana-gräit* 'semolina porridge'; *rīsgrīns-gräit* 'rice porridge'; *Gräitn_{DEF.SG}* *jār vādär-brändär* LU 'The porridge is burnt'; *Gräitn_{DEF.SG}* *jār allan* LU 'There's no more porridge' (calque of Russ. *каша вся*); *Ja satt upp de kūk gräitn_{DEF.SG}*, *o han bränd 'fast* LU 'I set the porridge to cook, and it got burnt.'

|| *gräit*, -ar m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 73]; *grait*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 137].

22. gräns 'boundary'

|| *gräns*, -ar m. DGNOW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 73]; *græns*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 136].

23. hatt 'hat': *blūm-hatt* 'sunflower'; *fiñär-hatt* 'thimble'; *kēn-hatt* 'sunflower'

|| *hatt*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 79]; *hat*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 155].

24. hāš 'neck; throat': *Gäv 'öt-n po hāšn_{DEF.SG}*. MP 'Hit him on the back of his neck' (i.e., because he is being annoying); *Brämnen o pipan tom bränn e hāšn_{DEF.SG}*. LU 'Vodka and pepper, they burn in the throat.'

|| *hás*, -ar m. DGNO, *hass*, -ar m. NRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 79]; *haš/has*, -ŋ, -ar, -a m. [DANELL 1951: 149].

25. häst 'horse': *hür-häst* "whore-horse," 'libertine'; *Han jär än bra hür-häst* 'He's a real whore-horse.' This noun occurs rarely; the usual word for 'horse' in the dialect is *äik* m. (§ 13.10 below).

|| *häst*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 91]; *hæst*, -ŋ, -ar, -a m. [DANELL 1951: 175].

26. ive-däil/ivä-däil 'brassiere'

|| *ivédäil*, -ar m. G, *ivädäil* DRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 97], *evudail* NO [IBID.: 48] 'kerchief; cloak'; *ævo-däil*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 491].

27. is only sg. 'ice': *is-bitä* m.3a 'block of ice'; *is-klomp* m.1a 'lump of ice'; *is-laggatär* 'ice-covered; icy'; *Vägen jär is-laggatär: he rävnä o var frost, o jär vägen fülldär* (also *täfftär*) *mä is* LU 'The road is icy: it has rained and there has been frost, and the road is covered in ice ("full with ice")'; *Träške fröüs fast, is_{DEF.SG.} stör räi* MP 'The river has frozen over, ice has already formed'; *Is_{DEF.SG.} jär räi sundär-lëndest* LU 'The ice has already melted'; *Mín bö sinnär, Arvid o Vova, vär po is_{DEF.SG.}, o han is_{DEF.SG.} vär änt tjökkär, tär läifft dom, o so bröütest-n girm, han mindäre. A tär vär-e tolv mētra djüft. Bra, än händäre vär öa po is_{DEF.SG.}* 'Both of my sons, Arvid and Vova, were on the ice, and that ice wasn't thick, they were playing there, and so he broke through the ice, the younger one. And it was twelve metres deep there. It was good that his hands were on the ice.'

|| *is*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 98]; *is*, -ŋ m. [DANELL 1951: 181].

28. jäst only sg. 'yeast,' also n. (as a countable noun *jäst-riblar* is used): *Säi, höšš de gära jäst-riblar.—Fäst fö-de kük han hümmöl-blummen, häll 'tjänd vatne, o üte he kükat vatne rēa-de 'inn mōl, o sänn üte köld däien kasta-de jästn_{DEF.SG.} 'inn, o han byre sänn hävjas. O tär kasta-de 'inn tom klīana o sänn läggä-de-e ütär kvatāna, än-e torrkas. Sošš bliär-e jäst-riblar* LU 'Explain how to make yeast.—First you have to boil the hop blossom, drain the water, and into the boiled water you stir flour, and then you throw the yeast into the cold dough, and then it begins to ferment. And then you throw the bran and then spread it out, so that it gets dry. This is how it becomes yeast.'

|| *iäst* only sg., m. GOW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 97], compare *äst* m. NO [IBID.: 268]; *æst*, -ŋ m. [DANELL 1951: 191].

29. kapet LU/**kabet** AL 'sock' (< Est. *kapet* [LAGMAN 1971A: 59]): *Ja nōlar kapeta_{DEF.PL.}* LU 'I'm darning the socks.'

|| *kapēt*, -ar m. GW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 100].

30. kadus/kad[ø]s/kačius 'cap'

|| *kadžs*, -ar m. G, *katus*, -ar m. or f. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 98, 100]; *kačius* m. [KARLGREN 1953: 8]; *tobaks-kadoš*, -a, -ar, -ana f. [DANELL 1951:

433]. Vendell compares *katus* with Est. *katus* ‘roof.’ The fluctuation between the voiced and voiceless consonant may go back to Middle Low German *kartûse/kardûse*.

31. kant ‘edge’

|| *kant*, -ar f. G, m. DNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 99]; *kant*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 194].

32. klips ‘bunch’: *vinagra*[t]s-*klips* ‘bunch of grapes’; *To vinagrads-klipsar*_{PL}. *liggä-ðe ruka, so byre dom bli blöütar, tom klämmas o bli blöütar, soşş-som dom byre sjün* LU ‘When bunches of grapes lie in a heap, they get squashed and become soft, so they start to rot’; *Ja drü ‘upp üte stjüe räip-stikkär o band tom vinagrads-klipsa*_{DEF.PL}. ‘fast, än dom hēje torrär LU ‘I put ropes up in the house and hung the bunches of grapes, so that they hang to get dry.’

|| *klips*, -ar m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 105].

33. klots ‘log’ (Germ. *Klotz* m.): *Ja sōga räi lojätjär-e, o tom klotsa*_{DEF.PL}. *liggär räi löjätjär. Nö för ja klü ‘sundär-e* LU ‘I sawed it long ago, and those logs have been lying around for a long time. Now I have to cleave it.’

34. -knops in *füt-knops* ‘ankle’; also in the expression *gäva knops* ‘to beat up; to smack someone’: *Ja gävär o[t]]-de knops* ‘I’ll slap you.’

|| *knops*, -*ŋ*, -ar, -a m. ‘outgrowth,’ also as an interjection [DANELL 1951: 208]. Vendell recorded *knops*, -ar m. ‘bud’ only in the dialect of Ormsö and compared it with Germ. *Knospe* f. ‘bud’ [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 108]. Lagman also included this noun in the list of German loanwords, supposing the metathesis *sp > ps* [LAGMAN 1973: 33]. However, the gender difference and phonetic discrepancy make the relationship with the German word unclear. I suggest that *knops* was derived from *knupp* ‘bud’ with the diminutive -s- (the same as in, e.g., *tups* m. ‘bow,’ to *tupp* m. ‘plait’).

35. knjüt ‘knot’: *ärm(s)-knjüt* ‘cuff’; *bind ‘fast po knjüt* ‘to tie a knot’; *läis ipet knjüt*_{DEF.SG}. ‘to untangle the knot’; *Ja kann änt bind ‘ipet knjüt*_{DEF.SG}. LU ‘I can’t untie the knot’; *Ja kann änt dräa ‘inn snēre innot stövl-holēna, än där jär knjütär*_{PL}. *po dom, nö för ja fäst bind ipeta-ðom, a hoşş de läis ‘ipet tom knjüta*_{DEF.PL}. *to ja änt här ija nälar?* LU ‘I can’t put the shoelace through the eyelets because there are knots on them (shoelaces); I have to untangle them (the knots) first, but how do I untie those knots when I don’t have any fingernails?’

|| *knüt*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 109]; *knüt*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 209].

36. krans ‘wreath’

|| *krans*, -ar m. GNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 112]; *krans*, -*ŋ*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 220].

37. krant, kran ‘tap’ (< Russ. *кран*; substandard *крант*): *Kran byrja drūp* LU ‘The tap began to leak.’

|| *krant*, -ar m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 112].

38. kütt 'fir cone'

|| *kott*, -ar GW m., *kütt*, -ar m. DN [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 112, 118]; *kutl*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 226].

39. kvast 'broom; besom': *kvast-ris* n. 'sorghum' (plant from which brooms were made); *Hon sūpa 'hūp-e, kvastn*_{DEF.SG.} *krapsa po tsemānte* LU 'She was sweeping, the broom was scraping on the cement'; *Kvast-rise, mā he rise bind dom kvastar*_{PL.} LU 'Sorghum, from that grass they make ("bind") brooms out of'; *Tom band kvasta*_{DEF.PL.} *mā kvast-rise* LU 'They made brooms from sorghum.'

|| *kwast*, -ar m. DG [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 118], *koist*, -ar m. O, *kost*, -ar m. N, *kwäst*, -ar m. RW [IBID.: 110, 111, 120]; *kost*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 228].

40. kvüst 'twig': *Ja släit 'sundär rokken, bläi hēnjande po än kvüst* LU 'I tore the dress, I caught it on a twig'; *Gräin bröütest 'ō, o po han kvüstn*_{DEF.SG.} *bläi ja hēnjande o släit 'sundär dūken* LU 'The branch broke, and I got caught on that twig and tore the kerchief'; *Tom hogg kvüsta*_{DEF.PL.} *'ō trāna o kasta tom kvüsta de bränn 'upp* LU 'They sawed the twigs off the trees and threw those twigs into a fire.'

|| *küst*, -ar m. GN, *kwist*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 118, 119]; *kust/koist*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 228].

41. käft 'mug; mouth': *Gär käftn*_{DEF.SG.} *'fast, papplar hōle mike* 'Shut your trap, you're talking too much'; *Ēklat käftn*_{DEF.SG.} *!LU 'Ugly mug!*

|| *kæft*, -a, -ar, -a f. 'lower jaw' [DANELL 1951: 232]. The masculine gender, preserved in Gammalsvenskby, is original (compare OSw. *kiäpter*, Icel. *kjaftur* m.).

42. kärps 'pumpkin,' (humorously) 'head': *riska kärpsar* "Russian pumpkins" (fed to livestock); *tiska kärpsar* "German pumpkins" (eaten by people); *Mä kärpsar*_{PL.} *stillt ve buskan, ot oss sole dämt ve dom, gjūḍ pirakar. He jār bra ot sjüne de jāta kärps* LU 'We fed animals with pumpkins, for us ourselves we stewed them, made pies. It's good to eat pumpkins'; *Kärpsn*_{DEF.SG.} *kūkar än lite* LU 'I'm still able to think clearly'; *Ja rīvar 'sundär gūrkar hāldār kärpsar*_{PL.}, *sānn blōndar ja 'hūp-e mā tom klīana o gāvār-e ot paṭṭuṇa o ot tom stūr gāsse 'ō* LU 'I grate cucumbers or pumpkins, then I mix it with bran and give it to the ducklings and to the big geese as well.'

|| Compare Germ. *Kürbis* m. 'pumpkin; head,' Est. *kōrvits* [LAGMAN 1973: 56].

43. kütṭ 'core of a boil': *To de hār būldar, ūte han būldn jār kütṭ tārinn. O so lōṇaṭtār som han kütṭn*_{DEF.SG.} *jār tārinn e būldn, rüttnar-e se* LU 'When you have boils, in that boil there is a core inside. And as long as that core is inside the boil, it rots.'

|| This noun is absent from Vendell's and Danell's dictionaries. It is related to Sw. *körtel* 'gland' (with the obsolete meaning 'thickening in flesh; boil' [SAOB: K3858]), OSw. *kirtil* m. Regarding the phonetic change *i* > *ö/ü*, see *stüvel/stövel* (§ 10.31 below). Judging by Sw. *körtel*, the form *kütṭ* replaced

**küttäl* or **küttöl* in Gammalsvenskby due to the reanalysis of the definite sg. form **kütten* (regular for **küttäl/küttöl*) > *kütt-en*. Examples of the same reanalysis are *trisk* 'threshold' (compare Sw. *träskel*) and *kvärv* (alongside *kvärväl* 'latch,' § 10.19 below).

Forms from cognate dialects demonstrate the metathesis of *r*: *kri:l*, pl. *kri:llar* f. NORW, *kräll*, *-ér* n. 'gland' DW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 113, 115]; *kri:l*, *-a*, *-ar*, *-ana* f. 'gland' [DANELL 1951: 221]; Sw. dial. *krittell*, *krissel* [SAOB: K2855].

44. -läst in *hävöl-läst/hävöl-läst* 'plane' (tool): *To de hävlar bräa, me hävöl-lästn*_{DEF.SG.}, so *blī tom kanuna* LU 'When you plane a board, with a plane, you get wood shavings.'

|| Compare *häväl*, pl. *hävlar* m. DG [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 92], *héväl* m. W [IBID.: 81]; *hævok*, *-oŋ*, *-kar*, *-ka* m. [DANELL 1951: 170].

45. māt 'food'; 'kernel of a nut': *im-māt* 'entrails.'

|| *māt* only sg., m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 143]; *mat*, *-ŋ* m. [DANELL 1951: 268].

46. puṭṭ 'gate': *Färr po svänska gragōḍŋ, tār 'vā-där üt-lādär mä stäinar gragōḍss-puṭṭn*_{DEF.SG.}. *Tom tū tän puṭṭn*_{DEF.SG.} *ütär kvaṭána. Tār vār 'ō än stäin-mūr, tū dom 'ō ütär kvaṭána* LU 'Before, at the Swedish graveyard, there was a graveyard gate, faced with stone. They pulled this gate to pieces. There was also a stone wall, they also tore it to pieces.'

|| *pót*, *-ar* m. GNORW, f. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 165]; *pōt-* in the compounds *pōt-lōs* n. 'gate lock,' *pōt-likok* m. 'gate key,' *pōt-vafit* n. 'doorkeeper' [ISBERG 1970: 248].

47. rost only sg.; also n. 'rust': *rosta* 'to rust'; *rosta* 'bott' 'to rust away'; *rostatär* and *rostndär* 'rusty'

|| *rost* only sg., m. D or n. GNO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 175]; *rost*, *-e* only sg., n. [DANELL 1951: 329].

48. saft only sg. 'juice' (< Germ. *Saft* m.): *Ja hällt min skjott mä saft* LU 'I spilled juice on my shirt'; *Ve vaska 'ō kävna, skoḷa dom o sänn kuka han saftn*_{DEF.SG.} *fron kävna, tät-n änt bliär stinndär. O kumär-e sänn som povidl* LU 'We washed the watermelons, peeled them, and then cooked that juice from the watermelons until it gets thickened. It eventually becomes like jam.'

|| *saft*, *-ar* m. DGN, f. O, n. RW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 181; ISBERG 1970: 267].

49. skiss 'small scythe' (< Ukr. *скісок*)

|| This word is absent from Vendell's and Danell's dictionaries.

50. skratt 'devil': *Konntjöl tarvar ja de, än slikär skratt* LU 'What do I need you for, such a devil'; *Skrattn*_{DEF.SG.} *väit-e* 'The devil only knows'; *Skrattn*_{OPP.ED.} *a tae 'müt-n* 'Let the devil take him!'; *Fär skrattn*_{DEF.SG.} *a tae 'müt-n* LU 'Let the devil take him!'

|| *skratt*, -ar m. 'spectre,' *skrattn* 'the devil' DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 194]; *skræt*, -n m. [DANELL 1951: 360].

51. *snürr* 'snout': *svin-snür* AL 'snout of a pig,' *gr[i]s-snürr* AL 'snout of a piglet'; *Ja satt 'inn än riññ üte snürren*_{DEF.SG.}, *än-e änt bukar* LU 'I fixed a ring in the snout, so that it doesn't root.'

In interviews with AL *snürr*, -en occurred alongside *snür*, *snün*, *snürar*, *snüra* m.1c. In interviews with LU: *snürr*, -(e)n, -ar, -ana.

|| *snur*, -n, -ar, -a m. [KARLGREN 1953: 18]. Vendell recorded this noun only as an element of the compound *snurrspír*, -ar f. 'whisker' W [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 204].

52. *spits* 'sharp end': *sönd-spits* 'sandspit'; *spits* 'to sharpen'; *spitsatär* 'prickly'; *spits-näsatär* 'sharp-nosed'

|| *spits*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 207]; *spets*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 385].

53. *stjätt* 'tail of birds and fish'; *fiskas stjätt* AA, *fisk-stjätt* AL 'fishtail'

|| *stjätt*, -ar m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 214], compare *stätt*, -ar m. NO [IBID.: 220]; *stæt*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 396].

54. *sväit* only sg. 'sweat': *sväit-lüft* n. 'smell of sweat'; *sväitas* 'to sweat'; *sväitatär* 'sweaty'; *Düken vär so soľkatär o lüftast ätt* (also *fron*) *sväit*, *än vatne bläi svatñ* LU 'The kerchief was so dirty and stank so much of sweat that the water turned black.'

|| *swäitt* only sg., m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 225]; *svæitt*, -n m. [DANELL 1951: 408].

55. *sürest* only sg. 'cottage cheese': *sürest-vatn* n. 'whey'; *Hon rēd 'hüp sürest me grädd ot se de jäta* LU 'She mixed together cottage cheese with cream to eat'; *Han sürestn*_{DEF.SG.} *klämmär ja 'sundä-n, grīnar 'sundär-en milla händäre... O sänn bräiär ja ive* *марля o hälldär 'inn han kūka sürestn*_{DEF.SG.} *üte he sölde... Po än kilo kūkande sürestn*_{DEF.SG.} *tässn läggä-de 'inn än jätaspön-fülldär salt* LU 'That cottage cheese, I squeeze it, grind it in the hands... And then I stretch cheesecloth and pour that boiled cottage cheese into the sieve... For a kilo of this boiled cottage cheese you put in a spoonful of salt.'

|| *surust* [KARLGREN 1924: 47]. According to Karlgren, the first component goes back to Est. *soir*, Russ. *сыр*. In the dialect of Nuckö 'cottage cheese' is *surmokks-ust* m. [DANELL 1951: 406].

56. *tass* 'cup' (< Germ. *Tasse* f. [LAGMAN 1973: 48]): *kofe-tass* 'coffee cup'; *Ja tonast, vilt tōa tassn*_{DEF.SG.} LU 'I reached out, I wanted to take the cup.'

|| *tass*, -ar m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 230]; *tas*, -a, -ar, -ana f. 'tea saucer' [DANELL 1951: 427].

57. *tass* 'paw': *hunda-tass* 'dog's paw'; *Katta höldär 'ō de läik me gon-nikla, he rammlar, o hon kan 'än slō 'ätt-n me tassa*_{DEF.PL.} LU 'The cat likes to play with a ball of yarn, it (the yarn) rolls around, and it can still push it with its paw.'

|| *tass*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 230].

58. tont AL, **tomt** AP ‘goblin’ (also *tonte-gübb*)

|| *tont*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 235]; *tont*, -*η*, -er, -e m. [DANELL 1951: 434].

59. töt ‘ear (of grass)’: *Där jär tötär po gräse, he kumär üt som aks-ätich, soşş-som po sē jär tötär, tēr konn sē väksär. O to plukka ve tom gräss-tötana hüp o band kransar ot oss po hūe* LU ‘There are ears on the grass, they are like ears, just like on cereals there are ears, where they grow. And so we picked those ears and bound wreaths to wear on our heads.’

|| *tåt*, -ar m. ‘piece of string’ DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 243]; *töt*, -n, -ar, -a m. ‘piece of string.’

60. -tīt in *tō-tīt* ‘tip of string’

The first component is cognate to Sw. *tåg* ‘rope’; the second component, *tīt*, is not found in Vendell’s or Danell’s dictionaries. It may be cognate to Sw. *titta* ‘nipple’ [SAOB: T1635].

61. tratt ‘funnel’

|| *tratt*, -ar m. DGO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 237]; *træt*, -*η*, -ar, -a m. [ISBERG 1970: 340].

62. tri-füt/tre-füt ‘tripod’ (used to put bread in the oven): *Mä grülaka krapša-đe aska ütär kvačána, o sätä-đe trifütn_{DEF.SG.} o po han trifütn_{DEF.SG.} boka-pannana mä brē* LU ‘With the poker you rake the ashes aside, and you set the tripod, and on that tripod the roasting pans with bread.’

|| *trifót*, -*fétēr* m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 237].

63. trüt ‘spout’

|| *trút*, -ar m. DGNRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 239]; *trüt*, -*η*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 441].

64. tups ‘bow’ (of cloth)

|| *tups*, -ar m. ‘tuft; plait’ DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 242]; *tups*, -*η*, -ar, -a m. ‘tuft’ [DANELL 1951: 433]; *tops* m. [ISBERG 1970: 337].

65. uks ‘ox’: *Tjūņ han jär änt üt-sküre, a uksn_{DEF.SG.} jär üt-skürendär* ‘Tjūr is not castrated, whereas uks is castrated.’

|| *uks*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 246]; *oks*, -*η*, -ar, -a m. [DANELL 1951: 306].

66. väks only sg. ‘height; stature’: *Han jär höüär po väksn_{DEF.SG.}* ‘He is tall in stature’; *Tom jära bōar äitt po väksn* ‘They are the same height’; *Hon jär lill (stūr) po väksn_{DEF.SG.}* LU ‘She’s small (big) in stature.’

|| Vendell recorded *väks* (alongside *vækst*) only in Vippal, and in the other dialects, including Gammalsvenskby, *vækst*, -ar// -*ēr* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 260]. Danell recorded it only in compounds, e.g. *græs-vækst* ‘growth of grass’ [DANELL 1951: 137]; compare *vækst* m. ‘tumor’ [ISBERG 1970: 373].

67. vād 'world'; *üte vādñ* LU 'in the world'; *Kott-dom kēr oss, tēr kēr ve, um häila vāden*_{DEF.SG.}, *höšs tiske kēđ oss. Me ko än dom still oss, so jäta ve. Ve fī mike* LU 'Where they drive us, there we go, across the whole world, just as the Germans drove us. With what they feed us, so we eat. We lived through a lot'; *Slīft jār-e 'ō e vādñ*_{DEF.SG.} LU 'There's also such a thing in the world'; *He jār rāi tiār po han vādñ*_{DEF.SG.} MP (calque of Russ. *nopa na mom čem*) 'It's time to go to the other world.'

|| *væd* f. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 261]; *væd*, *-e* f. [DANELL 1951: 476]. These forms preserve the feminine gender, original for this noun. The masc. gender in the present-day Gammalsvenskby is probably due to the association with Russ. *mup* m.

68. äild '(camp)fire; fire; electricity': *äild-gnista* n. 'spark'; *äild-stäin* m. 'flint'; *äild* 'to heat up'; *Tjēn änt ija äild 'upp* 'Don't make a fire'; *Släkk 'ūt äildn*_{DEF.SG.}, *än-en änt rūkär mäiär* LU 'Put out the fire, so that it doesn't smoke any more'; *Ja släfft 'ūt äildn*_{DEF.SG.}, *män han rūkär äiles, bläi 'än än värke-bita 'ötär, o han rūkär 'än opó* LU 'I've put out the fire, but it's still smoking, there's still a piece of wood left and it's still smoking away'; *Edå vār änt ija äild, tom kūka po gāz, so vār ättäre änt blöütar* LU 'There was no electricity today, they cooked on the gas, so the peas weren't soft.'

|| *äil(d)*, *-ar* m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 265]; *aīld*, *-ñ*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 89].

69. üdd 'sharp end': *sjölva spitts-üddn* 'the very tip.'

|| *üdd*, *-ar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 248]; *uđ*, *-ñ*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 450].

70. üst 'cheese': *Sošs fō-de gära üstn*_{DEF.SG.}, *'fādes. Han sürestn som ja hällt 'tjänd (som ja gjūđ fron he sjūr-mölke), klämmär ja 'sundä-ñ, grīnar 'sundär-en milla händäre. O sänn hälldär ja frist mölk, änt laitrat (tār kann-de 'ō tōa laitrat mölk) o sänn sätär ja 'upp-e de kük, o fō-de stō o rēär-e mäseäitt, tät-e änt byre kūkas. O sänn tār ja sölde, o sänn bräiär ja ive мапля o hälldär 'inn han kūka sürestn üte he sölde. O sänn klänkä-de 'upp-e, än he vatne drüps 'tjänd. To-e blīär kallt, so blīär-e skarft som än stäin, so fō-de änt ija rēda 'pō-en. Sošsom-en jār häitär o drüpar 'än, läggä-de 'inn-e ot fäte. Po än kilo kükande sürestn tässn läggä-de 'inn än jätaspōn-füllär salt o än tespōn-füllär söda o hundra gramm smēr, o so fō-de rēär-e ötär, tät-n änt byre täias. O so jār üstn*_{DEF.SG.}, *fādes* LU 'This is the way you have to make cheese. That cottage cheese which I strained (which I made from that sour milk), I squeeze it, grind it in the hands. And then I pour fresh milk, not skimmed (there you can also take skimmed milk), and then I set it up to boil, and you have to stand and stir it all the time, until it starts to boil. And then I take the sieve, and then I stretch cheesecloth and pour that boiled cottage cheese into the sieve. And then you hang it up so that the water trickles away. If you let it get cold, it gets as hard as a stone, so

you get no good of it. While it is hot and is still dripping, you put it on the dish. For a kilo of this boiled cottage cheese you put in a spoonful of salt and one teaspoonful of soda and a hundred grams of butter, and so you have to stir it again until it starts to stretch. And so the cheese is ready.'

|| *üst*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 249]; *ust*, -ŋ, -ar, -a m. [DANELL 1951: 304].

Type m. 1c

§ 9. In this type belong nouns whose stems end in *l* and *r*. A distinguishing feature is *-ŋ* (< *-l-n*, *-r-n*) in the definite singular.¹⁶

According to Karlgren, at the time of his research, monosyllabic nouns with stems in *l* had the retroflex *n* in the definite sg.: *st_{OR}l* (*st_{OR}l* 'chair'). Nouns with stems in *r* (both monosyllabic and disyllabic) had *n* in the def. sg.: *b_{UR}n* (*b_{UR}r* 'cage') [KARLGREN 1953: 18]. In the dialect of Nuckö, monosyllabic nouns in *l* had the fusion *ln* > *ŋ* (occasionally also *n*) in the def. sg.: *st_{OR}ŋ*. In nouns whose stems end in *r*, the fusion *rn* > *ŋ* does not take place: *b_{UR}n* (def. sg. of *b_{UR}r* 'cage'). Disyllabic nouns fluctuate between the dental and postalveolar *n* in the def. sg. [DANELL 1905–1934: 49, 103].

§ 10. The following nouns of this type have occurred in the interviews:

1. ***bugär*** 'type of plough' (< Germ. *Bucker*): *Üte han bugän_{DEF.SG.} sätä-đe* 'unde äiken o ä-đe mä-en LU 'You fasten this *bugär* to the horse and plough with it.'

|| *bugr*, -ar m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 34]; *bigger* [KARLGREN 1924: 31]. According to Karlgren, this type of plough was invented by South Russian Germans and replaced in Gammalsvenskby the plough called *sak*. Regarding the correlation between *ck* (in *Bucker*) and *g* (in *bugär*), it should be noted that the voicing of *k* and the alternation *k/g* in intervocalic position is widespread both in Gammalsvenskby and in cognate dialects. Examples: *diken* MP, *dikn* AL alongside *digen* LU 'twenty-four hours'; *viku* AL and *vigu* LU; *hako* 'chin,' *kaku* 'cake,' *tiköl* 'brick' and *hagu*, *kagu*, *tigäl* in the dialect of Dagö [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 76, 98, 232]; *nägu* and *näku* 'looks; appearance' NW [IBID.: 157, 158]; *stäka* and *stäga* 'table-glass' G [IBID.: 219]; *spikar* GNORW and *spigar* D 'pantry' [IBID.: 206].

2. ***bür*** 'cage'

|| *búr*, -ar m. DGNRW, -ér n. O [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 36]; *b_{UR}r*/*b_{OR}r*, -n, -ar, -a m. [DANELL 1951: 60].

3. ***digär*** LU, ***dikär*** MP AL 'ten' (def. sg. *diken* AL, *digän* LU; pl. *dikrar*, *digrar*; def. pl. *digra*, *dikrana*, *digrana*): *än digär äggär* 'ten eggs'; *Än digär jär*

¹⁶ See [MANKOV 2010B: § 12.3] on the fluctuation between *ŋ* and *n* in the definite singular of nouns terminating in *l*, *r*.

tī stikke LU ‘One *digär* means ten’; *tfō digra*_{DEF.PL.} LU ‘two tens’; *trī digrar*_{INDEF.PL.} LU ‘three tens’¹⁷

This noun was originally a *u*-stem and should have had a vowel alternation in the root (like *sonn* ‘son,’ pl. *sinnär*); compare OSw. *tjugher*, *tiogher*, pl. *tighir* m. ‘ten’ (noun). The singular forms *dikär*/*digär* go back to the plural *tighir*, having supplanted the original singular form: instead of **än tjüg* ‘ten’ (which would be a phonetically regular form) one began to say *än tigär* by analogy with *tfō tigär* ‘two tens; score,’ after which the noun went over to type m.1c. The form *dikär* with initial *d* instead of *t* can be explained through a metathesis of voicing: **tigär* > *dikär*. The form *digär* instead of **tigär* is probably due to assimilation in reference to voicing.¹⁸ Alternatively, *digär* may have appeared due to the voicing of *k* in *dikär*.

|| *diker*, pl. *dikra* m. (according to Tiberger’s note, the plural in *-a* occurs only after numerals) [KARLGREN 1953: 19].

4. *djävöl!* (def. sg. *djävärn*) ‘devil’

|| *diäväl*, pl. *diävlar* m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 41]; *dævol*, also *d̥iævol*, *d̥iævol* [DANELL 1951: 75].

5. *doftor* ‘doctor’ (< Russ. or Germ.). Forms of this noun having occurred in the interviews:

	Sg.	Def. sg.	Pl.	Def. pl.
MP	<i>doftär</i>	<i>doftän</i>	<i>dofttrar</i>	<i>dofttrana</i>
LU	<i>doftär</i>	<i>doftän</i>	<i>dofttrar</i>	<i>doftärna</i>
AL	<i>doftor</i>	<i>dofton</i>	<i>dofttrar</i>	<i>doftora</i>

Unstressed *ä* instead of *o* in *doftär* appeared under the influence of *bugär*, *jägär*, and other nouns in *-är*. Phonetically regular plural forms of *doftor* are **doftorar*, def. *doftora* (unstressed *o* is not syncopated in the dialect [MANKOV 2010B: § 39]). The syncopated plural forms *dofttrar*, *dofttrana* derive from *doftär* rather than *doftor*.

|| *doftor*, *-ér* m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 42]; *doftar*, *-an/-an̄*, *-er*, *-e* m. [DANELL 1951: 75].

6. *ēñöl!* ‘maggot’: *Fļōu skāit* ‘ūt-se po he kāte hāldär po fiska. O ēñlar_{PL.}, tom site änt ōapo, a kroka ‘inn djēpäre, o tom vuzl tärinn üte he kāte LU ‘The fly laid maggots in the meat or in the fish. And maggots, they don’t sit above but crawl deeper inside, and they swarm there in that meat’; *Kāte hār ēñlar_{PL.} üte se, tō kan* ‘ō änt sī-dom, tom ēñla_{DEF.PL.}, män to-de byre skōa bātrare, so kan-de sī,

¹⁷ In the last two examples a fluctuation between the def. pl. *digra* and indef. pl. *digrar* takes place after a numeral.

¹⁸ An example of a distant assimilation with reference to quality is *sustär* < *šustär* ‘shoe-maker’ (compare Lat. *quinque* ‘five’ < **penk^we*).

än-e r[ɛ]ʂʂ (< *rērs*) *tärinn* LU ‘There are maggots in the meat, you still can’t see them, those maggots, but when you start to look closer, you can see that it is moving in there.’

Compare Germ. *Egel* m. ‘leech’ and *Engerling* m. ‘grub of a cockchafer’ [DANELL 1951: 179; LAGMAN 1973: 23]. The form *ējöl* is possibly a result of the contamination of these words.

|| *éggler* only pl., m. G ‘pinworm’ [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 48]; *eggok*, *eggka*, *-kar*, *-ka* f. ‘leech’ [DANELL 1951: 179].

7. *fül* ‘bird’: *Füla*_{DEF.PL.} *jära bott-flõe* AL LU MP ‘The birds have flown away.’

|| *fiúl*, *-ar* m. G, *fül*, *-ar* m. DGNO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 53, 61], compare *fól*, *-ar* m. RW [IBID.: 58]; *fúl/fól*, *fún/fón*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 116].

8. *gammen* ‘grandfather’ (**gammöl-n* “the old one,” def. sg.): *Ja kumär e hön-e min mamasēs fär, gammen: to ja vär lill, komm ‘upp näst mur-mür, so satt gammen ‘po oss de kroka ‘inn bākom būde po lāsa (tēr vär äin bräi lās, tēr kann-de ‘än läggjas ‘nēr de sōa po-on), o murmür häist ‘inn fron kāven som dom kūka (he kumär üt som kāvens-huniņe häldär siropen). Tēr kann-de ‘ō häll ‘tjō! lite friskär grädd. Gammen satt sänn ‘po de tōa än brē-bita o de jāta* LU ‘I remember my mother’s father, Grandad: when I was little, I came to my grandmother’s place, so Grandad ordered us to climb onto the bench behind the table (there was a broad bench, you could even lay down to sleep on it), and Grandma scooped out of a watermelon that they were cooking (it is like watermelon honey or syrup). You can also pour a little fresh cream into it also. Grandad ordered us to take a bit of bread and to eat.’

9. *gävöl* (also *stjū-gävöl*) ‘gable’: *sēņe-gävöl* ‘headboard’; *stūl-gävöl*, *-än* ‘back of a chair’; *Ja väit, än gamma kēft tēr äin sēņ ot me, o hon vär mä jēndär gävöl... jēn gävlar*_{PL.} ‘I know that Grandma bought a bed for me there, and it was with an iron board... iron boards.’

The following forms occurred in interviews with MP and LU: *gävöl*, *gävän/gāven*, *gävlar*, *gävłana*. In interviews with AL: *gävöl*, *gävän*, *gävnar*, *gävna* (*gävnar* is a plural form of type m.1d; compare *kävnar* pl. of *kāven* ‘watermelon’).

|| *gäväl* DGRW, *gāvul* NO, *-lar* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 65]; *gavok*, *-or*, *-kar*, *-ka* m. [KARLGREN 1953: 18]; *gavok/gavok*, *-on*, *-kar*, *-ka* m. [DANELL 1951: 124].

10. *himmäl* only sg. ‘sky’: *Ve vär unde bār himmen tfo vikur* MP ‘We were under the open sky for two weeks’; *Himmen*_{DEF.SG.} *jär klāran, där jär änt iņa än möle-klomp ‘pō-n* LU ‘The sky is clear, there’s not a cloud in it’; *Himmen*_{DEF.SG.} *jär möləndär, he kan gäva räven* LU ‘The sky is overcast, it might rain’; *Fär vär himmōņ füllitär mä stjēnar, a nö sīnas dom änt, kann bara mōn līs* LU ‘In the

past, the sky used to be full of stars, but now they aren't visible, only the moon can shine' (i.e., you can only see the moon and not the stars).

The form *himmäl* occurred in interviews with LU. AL cites the following forms: *himm(ä)l*, def. sg. *himm(ä)l* (type m.1d) / *himm(ä)ln* (type m.1b); in these forms *l* instead of *ʃ* is due to the influence of Germ. *Himmel* and Sw. *himmel*.

|| *himmäl*, *-lar* m. DG, *himul* NO, *himäl* RW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 81]; *humok*, *humon*, *humkar*, *humka* m. [DANELL 1951: 159].

11. hummöl (def. sg. *hummän* AL) only sg. 'hop' (plant). In an interview with LU this noun occurred with a neuter def. sg. form *hummle*.

|| *hummäl* only sg., m. DGW, compare *humul* NO, *humäl* D, *hümmäl* R [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 86]; *homok/homok*, *-on* m. [DANELL 1951: 166].

12. hujaar 'hunger': *huja-tin* m. 2a (def. sg.) 'famine; the time of starvation'; *Ja orkar iñatin änt före hujan*_{DEF.SG.} 'I can't do anything because I'm so hungry'; *Üte hujañin bläi mike deär* LU 'In the time of famine many died.'

|| *huggar* only sg., m. G, compare *huggur* m. O [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 86]; *høggør*, *-on* m. [DANELL 1951: 167].

13. jëgar 'hunter' (< Germ. *Jäger*). Instead of a specific definite singular form (*jëgan*, occurring in interviews with LU), AL uses the indefinite form, which is typical of loanwords.

|| *iëgar*, *-er* m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 93], compare *iëgar* O, *iægər*, *-er* m. RW [IBID.: 97]; *ʃagar*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m. [DANELL 1951: 182].

14. klöndrar only pl. 'clods of dry dung or mud': *Küda höldär 'ö de värm se e sköne*, *hon kann läggjas 'nër üte-e de bosa se*. *He bliär som klöndrar 'umm-on* LU 'The cow likes to warm itself in the dung, it can lie down in it to warm itself. It (the dung) forms clods on it (i.e., on the cow).'

|| Compare the verb *klondar* 'rumble,' recorded only in Vippal (according to Vendell, it goes back to Middle Low German *klundern*) [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 105].

15. kólendär 'calender' (< Est. *kalender* or Germ. *Kalender*).

According to both AL and LU, the definite singular form is the same as the indefinite, which is typical of loanwords; pl. *kólendar* LU, *kolendrar* AL; def. pl. *kólendärna* LU, *kolendra* AL.

|| *kalendör* (indef. and def. sg. are not distinguished) [KARLGREN 1953: 18]; *kälendör* [DANELL 1951: 192]; *kalendör* m. [ISBERG 1970: 146].

16. kōl only sg. 'cabbage': *blumm-kōl* 'cauliflower'; *salt 'inn kōn*_{DEF.SG.} 'to pickle cabbage'; *Tö höldär 'ö sjüran kōl?* 'Do you like sauerkraut?'; *Fäšt skär ja kōn*_{DEF.SG.} 'sänn reär ja 'hüp-e mä salt o läggär 'inn-e üte kástrüll, än stüran, o tät-n räi jär sjüran, so läggär ja 'inn-en üte butlar, üte tri-litäs, o gār 'fast dom mä kaprönove loke. He tarvas to änt vask 'ö-en. A to-de här-en üte tunna, to fö-ðe lägge

*slarv 'pō-en, klämm 'inn-en riŋgen 'umm e tunna o lägge loke po, sänn läggä-de titt vift, än stäin oāpo. O tār fō-de tōa 'tjānd hon slarva o skjōle 'ūt-on, āles kann-on blī lūftat. Sošš lōa ve 'inn sjūrān kōl*_{INDEF.SG.} (also *han sjūr kōn*_{DEF.SG.}) LU 'First, I cut the cabbage, then I mix it with salt and put it in a saucepan, a big one, and when it gets sour, I put it in jars, in three-litre (jars), and close it with a nylon lock. It's not necessary to wash it then. But when you have it in a barrel, then you have to put a cloth on it, fix it around the barrel and put the lock on, then you put a weight there, a stone on top. And there you have to take away the cloth and rinse it, otherwise it can become smelly. This is the way we made sauerkraut.'

|| *kāl* only sg., m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 120]; *kōl*, def. sg. *kōŋ* m. [DANELL 1951: 231].

17. *kriŋjäl* 'bagel' (< Germ. *Kringel* m.).

Cognate dialects retain the original feminine form (compare Icel. *kringla*, diminutive of *kringr* 'ring'): *kriggäl* DGRW, *kriggul* NO, *-lar* DGNO, *-lēr* RW f. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 113]; *kriggōl*, *-ta*, *-kar*, *-kana* f. [DANELL 1951: 221].

18. *kvēldār* '(late) evening': *jūl-kvēldār* 'Christmas Eve'; *tjōl kvēldn* 'towards the evening'; *umm kvēldn* 'in the evening'; *Ge-kvēldār!* 'Good evening!'; *Edā hār-e blēst häila dāen, kannskē lōtār-e 'ō tjōl kvēldn*_{DEF.SG.} *de blēs* LU 'Today it has been blowing the whole day, maybe it will stop blowing towards the evening.'

In the root [ɛ:] and [ɛi] are heard alongside *ē* [e:ⁱ]. The noun is declined irregularly: in the singular the stem is *kvēldār*, in the plural *kvēld-*. The following forms have occurred in interviews:

	Sg.	Def. sg.	Pl.	Def. pl.
MP	<i>kvēldār</i>	<i>kvēlden</i>	<i>kvēldar</i>	<i>kvēldana</i>
LU	<i>kvēldār</i>	<i>kvēldn</i>	<i>kvēldar</i> // <i>kvēldnar</i> // <i>kvēldārar</i>	<i>kvēlda(na)</i> // <i>kvēldena</i>
AL	<i>kvēldār</i>	<i>kvēld(ä)n</i>	<i>kvēldar</i>	<i>kvēlda(na)</i>

The most consistent forms were cited by MP. LU's def. sg. form *kvēldn* with syncopated *e* (instead of the expected *kvēldān* or *kvēlden*) can be explained through analogy with type m.1b. The pl. form *kvēldnar* is caused by the influence of *vāvnar*, *kāvnar*. In *kvēldārar* the plural ending *-ar* is attached directly to the singular stem. In the definite plural form *kvēldena*, the ending *-ena* may be a vestige of the neuter paradigm (the neuter gender is preserved in the dialect of Nuckö).

|| *kwēldar*, pl. *kwēldar* m. DG, *kwäll*, *-ar* m. GW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 119, 120], compare *kwēld*, *-ēr* m. RW [IBID.: 119], *koild*, *-arf*. O [IBID.: 110], *kwild*, *-ēr* n. N [IBID.: 119]; *koild*/*koıld*, *-e*, *-er*, *-ena* n. [DANELL 1951: 229].

19. *kvärvöl*/*kvärväl* 'latch': *Han kvärvän*_{DEF.SG.} *jär üte ställe hoka: hann jär fast-spicke mä spikken, än-en vriss; de kann vrī-en* LU 'That latch is in the place of the hook. It is nailed with a nail, so that it turns; you can turn it.'

The following forms have occurred:

	Sg.	Def. sg.	Pl.	Def. pl.
LU	<i>kvärvöl/-äl</i>	<i>kvärven/kvärvän</i>	<i>kvärvlar</i>	<i>kvärvla</i>
AL	<i>kvärvär, kvärv</i>	<i>kvärven</i>	<i>kvärvar</i>	<i>kvärva//kvärvare</i>

The form *kvärvär* appeared due to the influence of nouns in *-är* (e.g. *vintär* 'winter'); the form *kvärv* appeared through the reanalysis *kvärven* > *kvärv-en* in the definite sg.

|| *kverväl, -lar* m. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 118].

20. likäl/-öl 'key': *skrū-likäl* 'screwdriver'; *Ja kann änt vri umm likän*_{DEF}._{SG.} LU 'I can't turn the key'; *Ja kann änt dräa üt likän*_{DEF.SG.} LU (*liken* MP) 'I can't get the key out'; *Ja tappa bott likkla*_{DEF.PL.} LU 'I've lost the keys.'

In def. pl. (in contact with *l*) *k* can lengthen: *likkla*.

|| *likäl* DGR, *liku* NO, *-lar* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 126]; *likok, -on, -lar, -la* m. [DANELL 1951: 294].

21. mūr 'outer wall; stone fence': *gato-mūr* 'the wall that separates the front garden from the street'; *stän-mūr* 'stone fence'; *Tom mid mūr upp* LU 'They built a fence'; *Fär vä-där alaställ stän-mūrar*_{PL.}, *läys me häila bin. Allar häv mūrar*_{PL.}, *män summlar häv hēgäre, summlar häv lēgäre. A grinde summlar häv, summlar häv-e änt, före he än de tarva brāar, a konn de tōa-dom, vä-där änt* LU 'Before, there were stone fences everywhere, all over the village. Everybody had stone fences, but some had higher ones, some had lower. But a wicket gate, some had it, some didn't, because you needed boards, and where to get them, there weren't any available.'

|| *mūr, -ar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 149]; *mūr/mør, -n, -ar, -a* m. [DANELL 1951: 279].

22. näl 'fingernail': *Hoşş de läis ipet tom knjūta, to ja änt här iņa näl*_{PL.}? LU 'How do I untie those knots if I don't have any fingernails?'; *Ja färga hōre po me, färga läppa po me, färga näl*_{DEF.PL.} LU 'I dyed my hair, put on lipstick, put on nail polish.'

|| *näl, -ar* m. DGNO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 153]. In the dialect of Nuckö *näl* m. means 'nail' [DANELL 1951: 286], 'fingernail' is *figgo-näl* [IBID.: 100].

23. oldär only sg. 'age'

|| *oldär* (pl. not used) m. DGO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 159]; *aldor/oldor, -on/-on, -rar, -ra* m. [DANELL 1951: 480].

24. pöl 'pole; peg': *pöl* 'fast' 'to tie to a pole'; *Än pöl kann-de slō inn ot jūde o bind küda* 'fast' 'You can drive a peg into the ground and tie a horse to it.'

|| *päl, -ar* m. GNOW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 168]; *pok, def. sg. pön//pōtan, -ar, -a* m. [DANELL 1951: 319].

25. raspöl (*-ön, -lar, -la*) 'rasp'

|| *raspok, -on, -lar, -la* m. [DANELL 1951: 322].

26. snūr only sg. ‘snot’: *snūratär* ‘snotty’; *Snūn*_{DEF.SG.} *rinndär fron näsa* ‘Snot is running down the nose’; *Där jār slīk snūrat bōnar, än ärma gļimar fron snūn*_{DEF.PL.} LU ‘There are such snotty kids that their sleeves glisten with snot.’

|| *sniór* only sg., m. G, *snór* m. DGRW, n. NO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 202, 203]; *snor*, -n only sg., m. [DANELL 1951: 378].

27. spōļ ‘lath’: *Ūte svīn-stīa kann dār vara po goļve rīstar, o so fō-de spīkk* ‘fast dom mā spōļar_{PL.}, än dom änt brūt fētäre ‘pō se ‘In the pigsty, there can be slits in the floor, so you have to nail them up with laths, so that they don’t break their legs’; *Äin lūkka ūte svīn-stīa vār änt ända upp de lūft-vārke, o tār konn hinse satt, tū svīne dom ūte viņņan o drū* ‘inn dom ot se, öd ‘upp dom, fōre he än lūkka vār änt ända ‘upp de lūft-vārke. *Tār gehēdest de spīkk fast spōļa*_{DEF.PL.}. *De spīkk brāa* ‘fast, so kumār änt ija lūft ‘inn ot-n, ot svīne LU ‘A door in the pigsty didn’t reach the ceiling, and where the poultry were sitting, the pig grabbed them by the wings and pulled them in and ate them up, because the door didn’t reach the ceiling. It was necessary to nail laths there. But if you nail a board there, there won’t be any air coming in to it, to the pig.’

|| *spōļ*, -ar m. ‘reel; lath; plank’ DGNORW, compare *spula*, -r m. ‘reel’ O, ‘hinge’ G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 208, 209]; *spok*, -on, -ar, -a m. [DANELL 1951: 388].

28. spōļ ‘mirror’: *skōa* ‘inn ot spōņ_{DEF.SG.} ‘look in the mirror’

|| *spōļ*, -ar m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 210], compare *spégul* m. N FrV 206, *spägāl*, -lar W, -ēr R m., *späil*, -ar m. LillR, *spæļ*, -ar m. O [IBID.: 209]; *spəgok*, -on/on, -kar, -ka m. [DANELL 1951: 384].

29. (jēn)-stāvār ‘crowbar’: *Mā än stāvār kann-de sāte ‘mūt... spänn* ‘titt-n mūt grinde. *Sošš kann nōn tōa ipet grinde, a sošš spānt ja* ‘titt han jēn-stāvāņ ‘mūt LU ‘With a crowbar you can put... prop the wicket gate. This way someone can open the gate, but this way, when I prop it shut with a crowbar (no one can open it).’

The form in -ōļ was cited as well: *jen-stāvōļ*, -stāvāņ, -stāvļar, -stāvļa, where -ōļ instead of -ār is caused by association with such nouns as *gāvōļ*, which are identical with nouns in -ār in the definite sg. (*gāvāņ* = *stāvāņ*). Compare *kaļkur* ‘turkey,’ *vāgur* ‘cart’ alongside *kaļkuļ*, *vāguļ* in the dialect of Nuckö [DANELL 1951: 192, 457].

|| *stāvər* DGRW, *stāvur* NO, -rar DGNO, -rēr RW m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 212]; *stavor/stavor*, -on/on, -rar, -ra m. [DANELL 1951: 393].

30. stūļ ‘chair’: *kristne-stūļ* ‘font’; *vāv-stūļ* ‘loom’; *Han stūn*_{DEF.SG.} *āit bāin jār koţtare, byrja mūlken, o nō kākļar-e* LU ‘That chair, (which has) one shorter leg, began to moulder, and now it’s unsteady’; *Stūņ*_{DEF.SG.} *ānt a vare sundār-brūtest umm-de änt a vare upp-sattest po-en* LU ‘The chair wouldn’t have broken if you hadn’t sat on it.’

|| *stól*, *-ar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 215]; *stol*, *-on/-on*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 397].

31. *stöväl*/*stüvöl* (also *stöväl*) ‘shoe; boot’: *stöv|-hoļena*_{DEF.PL.} ‘holes for laces in boots’; *stöväl-bōnd* ‘lace for boots’; *lāggjat stövlar* ‘tall boots’; *skrill-stövlar* ‘skates’; *bind ipet snērena po stövla*_{DEF.PL.} ‘to untie laces on the boots’; *Skūa gnī, ān stöväl gnīar* LU ‘The shoes chafe, a boot chafes’; *Han skūen kann knark, hāldār stövān*_{DEF.SG.} LU ‘A shoe can squeak, or a boot’; *Tāss stövla*_{DEF.PL.} *klāmm, tom jara mnjūasla* LU ‘These boots are tight, they are a bit tight’; *Ja gitsa, ān tom stövla*_{DEF.PL.} *trampas* ‘ūt, o tom klāmm āiles, jara trānar’ ‘I thought that those boots would become less tight, but they are still tight, they’re stiff’; *Ja ānt a hāve ija blāim upp-gnēe, umm stövla*_{DEF.PL.} *ānt a vare so trānar vare* LU ‘There wouldn’t have been any blisters if the boots hadn’t been so tight.’

The root vowel fluctuates between [e] and [œ]. Compare Sw. *stövel* ‘boot,’ *klöver* ‘clover’ (from Middle Low German *stewel*, *klēver*), where ö instead of e may be due to the following rounded consonant [WESSÉN 1968: § 34].

|| *stiväl* DGRW, *stivul* NO, *-lar* DGNO, *-lēr* RW m. DGRW, f. NO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 214]; *stivol*, *-la*, *-lar*, *-la* f. [DANELL 1951: 405]. Lagman cites *stiväl* f. for Dagö and Gammalsvenskby, considering it a loan from Baltic German [LAGMAN 1973: 46]; compare Germ. *Stiefel* m.

32. *sustär*/*šustär* ‘shoemaker’ < Germ. *Schuster*.

33. *targöl* ‘rag’: *slarv-targlar*_{PL.} ‘rags’; *Ko jār-e för klēnar, he jār bara de targlar*_{PL.} *kast* ‘ūt LU ‘What’s the use of these clothes, you can only throw them away as rags’; *He jār bara de kast* ‘ūt *de slarv-targlar*_{PL.}, *gamal klēnar, sundratar* LU ‘They can only be thrown away as rags, old clothes, ragged.’

This noun is absent in Vendell’s and Danell’s dictionaries. DANELL only cites the corresponding verb [1951: 427]. Compare Sw. (obsolete) *targla* ‘to tear apart’ [SAOB: T492].

34. *tjūr* ‘bull’

|| *tiūr*, *-ar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 233]; *tjur*/*tjur*, *-n*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 432].

35. *vāvār* ‘cart’: *dijē-vāvār* ‘dung cart’; *harb-vāvār* ‘araba’ (type of cart); *Norr-vāven*_{DEF.SG.} ‘Ursa Major’; *rī-vāvār* AA ‘saddle’; *Tom tū* ‘boṭṭ *papa de jāg āikja po vāvān*_{DEF.SG.} *som dom kēd* ‘üte LU ‘They took Dad away to drive the horses in the cart they were travelling in’; *Üte harb-vāvān*_{DEF.SG.} *lāgge dom* ‘inn *haļm, hāi de kēr, o tēr jār ān stāa po bō sīana de lūft-e* ‘upp *hēgre, ān dār gōr māire* ‘inn *üte hon harba* LU ‘In the cart they put straw and hay to carry, and there is a ladder on both sides, to lift the hay up higher, so that the cart holds more.’

In interviews with AL this noun fluctuates between types m.1c (*vāvār*) and m.1d (*vāven*), which is due to the similarity of the definite sg. *vāven* (of *vāvār*) to such nouns of type m.1c as *kāven*. MP and LU cite regular forms of type m.1c.

	Sg.	Def. sg.	Pl.	Def. pl.
MP LU	<i>vāvār</i>	<i>vāvāñ</i>	<i>vāvrrar</i>	<i>vāvra(na)</i>
AL	<i>vāvār/vāven</i>	<i>vāvāñ/vāven</i>	<i>vāvnrar</i>	<i>vāvna(na)</i>

|| *vāvnr*, *-ar* m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 254]. Compare *vagər*, *-rar* m. Rågö, Vippal, *vaun*, *-ar* m. Dagö, *ván*, *-ar* m. Ormsö [IBID.: 251, 253, 254]; *vagon/vagon/vagoʔ/vagor*, *-on/-on* m. [DANELL 1951: 457].

36. *vintār* ‘winter’: *um vintāñ*_{DEF.SG.} ‘in the winter’; *tjōl vintāñ*_{DEF.SG.} ‘for the winter’; *tān fārgōje vintāñ*_{DEF.SG.} ‘last winter’; *Ja band 'fādes āin bunt mā grās, de bāra häim ot gāite tjōl vintāñ*_{DEF.SG.} LU ‘I’ve tied up a bundle of grass, to carry home to the goat for the winter’; *Hēr nāst oss tān fārgōje vintāñ*_{DEF.SG.} *hāv-e upp-jāga sliik stūr drivar, ān ve ānt kunt tōa ipet dānna* LU ‘Here at our place last winter there had blown such big snowdrifts that we couldn’t open the door’; *Tāsn vintāñ*_{DEF.SG.} *vār hōle kōldār, vār stūran frost* LU ‘This winter was very cold, there were heavy frosts.’

|| *vintār* DGR, *vintur* N, *-rar* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 256]; *vin-tor*, *-on/on*, *-rar*, *-ra* m. [DANELL 1951: 470].

Type m. 1d

§ 11. A distinguishing feature is the zero ending in the definite singular. To this type belong nouns whose stems end in *n* and *nd*. Another group of nouns that occur with the zero ending in the def. sg. are those whose stems end in *l* after a consonant or an unstressed vowel. The zero ending in this case is probably due not to the phonetic loss of *-en* after *l* in the def. sg., but to the fact that these nouns are loanwords; see [MANKOV 2013A: § 9; KARLGREN 1953: § 33]. Nouns in *l* after a consonant or an unstressed vowel can also occur with the ending *-n* in the def. sg. (i.e., they belong to type m. 1b). This is particularly typical of interviews with AL and LU; in interviews with MP the zero ending is prevalent. The zero ending in this case makes the present-day dialect different from Karlgren’s records as well as from the dialect of Nuckö, where nouns in *-l*, *-ll* end in *-n* in the def. sg. It should also be noted that nouns with stems in *l* and *ll* after a stressed vowel belong to type m. 1a in the present-day dialect.

§ 12. The following nouns of type m.1d have occurred in the interviews:

1. *aks(ü)l* ‘axis.’ The final *l* instead of *ʔ* can be explained by its position after *s* [MANKOV 2010A: § 10.4]. However, *ʔ* could be replaced by *l* under the influence of Sw. *axel*.

|| *aksal*, *-ér* m. DGNO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 15], compare *ah-käl*, *-lar* m. W FrV 14, *aktl*, *-ar* m. Stor R; *aksar* [KARLGREN 1953: 9]; *aksak*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m. [DANELL 1951: 11].

2. *bāstan* ‘field where melons grow’ (< Russ. *бауман*): *Svatṭ krōkana, tom hakk kāvna* ‘*sundār po bastan, han gō-šānn fārlōra, hann rūtñas*’ *boṭṭ* LU

'Black crows, they peck at watermelons in the field, they get spoiled and they rot away'; *Tēr vāks dom, po han bastan*_{DEF.SG.}, *kāvnar o dinnjar* AL 'There, in that field, melons and watermelons grow.'

The form *bastar* m. 2b was recorded as well; it may be due to the interpretation of *bastan* as a definite sg. form of type 2b.

|| *bašjanar* pl. [KARLGREN 1924: 29].

3. bisman 'steelyard balance': *Ja vifta käte mä bisman* LU 'I weighed the meat with a steelyard'; *Tā tån bisman*_{DEF.SG.}, *ja hār ija anat vift* LU 'Take this steelyard, I don't have any other scales.'

In interviews with AL there occurred forms caused by the association with *mann* 'man': *biss-mann*, -Ø, -*männär*, -*männe*, type m. 4.

|| *bismann*, -*männèr* m. G, *bisman*, -*èr* n. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 23]; *bis-man*_{PL}, -*e*, -*er*, -*ena* n. [DANELL 1951: 22].

4. bjün 'bear'

|| *biön*, -*ar* m. DGNOR [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 23], compare *biün*, -*èr* m. W [IBID.: 24]; *biön*, -Ø, -*ar*, -*a* m. [KARLGREN 1953: 18; DANELL 1951: 26].

5. brunn 'well': *Min mamases küsín grāva 'ūt ot se soļe än brunn, äin rōnd mä stāinarfi-en slō 'girm. Tār tarva-ḡe änt grāv djūft, före he än svāḡe vār brāivār mä vatne. Före he, än dom änt lēvd tār mäiäre, so kasta dom 'fast-n mä smōļ, än ijen änt falldār 'inn üte-en* LU 'My mother's cousin dug a well for himself, he had to break through a layer of stone. There you didn't have to dig deep because the gully was nearby with water. Because they didn't live there any more, they filled it up with rubbish so that no one would fall into it'; *Ja drū vatn 'upp fron brunn o drāmft 'ō ämbare* LU 'I was pulling water out of the well and sank the pail.'

|| *brunn*, -*ar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 32], *bron*_{PL}, -Ø, -*ar*, -*a* m. [DANELL 1951: 49].

6. butl 'large jar': *Fāšt skār ja kōḡ, sānn rēär ja 'hūp-e me salt o läggär 'inn-e üte kástrüll, o tät-n rāi jār sjūran, so läggär ja 'inn-en üte butlar*_{PL}, *üte trīlitāš* LU 'First, I cut the cabbage, then I mix it with salt and put it in a saucepan, and when it gets sour, I put it in jars, in three-litre (jars).'

From Ukr. *бўмель* m.; borrowing from Germ. *Buttel* f. is less probable because of the gender difference.

7. böün 'bean': *Vatne kūkar, so kastar ja būraka hāldār böüna*_{DEF.PL.}, *sānn katūfla som ja bita 'sundär, pūrkan* LU 'The water is boiling, so I throw in beets or beans, then potatoes that I cut into pieces, and a carrot'; *To böüna*_{DEF.PL.} *ligge üte skāiana, so gō dom änt fārlōra. Tom som ligge sošš lōḡatār, so bliā-dār makkar üte dom. Tom brukat böüna*_{DEF.PL.}, *tēr siā-ḡe änt tom makka, a üte kvit böüna*_{DEF.PL.}, *tēr siā-ḡe hon svatḡ plātta* LU 'When beans are stored in pods, they don't get spoiled. Those which have been stored like this for a long time, bugs

appear in them. Spotted beans, there you can't notice those bugs, but in white beans you see a black spot.'

|| *böun*, -ar f. DG [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 39]; *baun*, -a, -ar, -ana f. [DANELL 1951: 68]. On the masculine gender of this noun in the present-day dialect (instead of the original feminine), see [MANKOV 2010B: 95].

8. *fän* 'devil,' a swear word: *Lät han fän*_{DEF.SG.} *tōa-e allt* (or *Han fän kan tōa-e allt*; or *Lät han fän tōa 'müt-e allt*) 'To hell with it all'; *Fär fän a tæ-e allt* (or *Fän a häve-e allt tæje*) 'To hell with it all'; *Fän a häve-on tæ* 'To hell with her.'

|| *fán* only sg., m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 50], *fänèn* only def. sg., m. GW [IBID.: 62]; *fän* (according to Isberg, women distort this word, pronouncing it as *fæn*) [DANELL 1951: 95].

9. *fiun* 'violin': *fiun-spälar* m. 2b 'fiddler.'

|| *fiól*, -ar m. G, compare *fiúlin*, -ar m. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 53]; *fiuulin/fiölin*, -a, -ar, -ana f. [DANELL 1951: 101].

10. *gaffl* 'fork'

Phonetically changed under the influence of Germ. *Gaffel* f. and Sw. *gaffel*; the genuine form would be **gafäl* (as recorded by Vendell). In interviews with EU the noun is feminine: *hon gaffla*_{DEF.SG.} 'that fork'; *Gäv ot mäi gaffla*_{DEF.SG.} 'Give me the fork.'

|| *gafäl* G, *gaffäl* DRW, *gaful* NO, -lar m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 64]; *gaföl*, -n, -lar, -la m. [DANELL 1951: 122].

11. *grann* 'neighbor': *grann-fär* m. '(male) neighbor'; *grann-müär* f. '(female) neighbor.'

|| *grann*, -ar m. DGNORW; compare *gradné*, pl. *gradnar* m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 70], an unclear form that looks like a Slavonic loanword; *gran*, -Ø, -er, -e m. [DANELL 1951: 130].

12. *gräin* 'branch': *imp-gräin* 'graft'; *Gräin bröütest 'ö, o po han kvüstn bläi ja hēnjande* LU 'The branch broke, and I got caught on that twig'; *Han gräin*_{DEF.SG.}, *han kan gö färlōra* LU 'That branch, it can get damaged'; *To-de häv strüssar, so gi-de do 'ö o bröüt tom gräina*_{DEF.PL.} *fron hälstrana. Strüssana jäta blāna o gnävöl barken 'tjänd fron tom gräina*_{DEF.PL.}, *a he värke bliär 'ötär fron gräina*_{DEF.PL.}, *o me-e kann-de äild sänn, to-e bliär tott* LU 'When people had rabbits, they went and broke off those branches from willows. Rabbits eat the leaves and browse bark off those branches, and the wood remains from the branches, and you can use it for heating when it gets dry'; *Gräina*_{DEF.SG.} *kikas so hōle fron vädäre* LU 'The branches are waving so hard in the wind.'

|| *gräin*, -ar m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 73]; *graun*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 131].

13. *hann* 'male': *gos-hann* 'gander'; *gäit-hann* 'male goat'; *katt-hann* 'male cat'; *krök-hann* 'raven'; *räv-hann* 'male fox'; *strüss-hann* 'male rabbit'; *varg-hann* 'male wolf.'

|| *hann*, -ar m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 78]; *han*, -Ø, -er, -e m. [DANELL 1951: 150].

14. hund 'dog': *drikks-hund* 'drunk; alcoholic'; *Han hund*_{DEF.SG.} *tjënt ot me häila sin liffs-tiär* LU 'That dog has served me his whole life'; *Hund*_{DEF.SG.} *gnävlar kätt-bäine* LU 'The dog is gnawing the bone'; *Narr änt hund*_{DEF.SG.} LU 'Don't tease the dog'; *Hund*_{DEF.SG.} *nürrar, han vill änt släpp 'titt me 'müt se* LU 'The dog is snarling, it doesn't want to let me approach it there'; *Ja här hund*_{DEF.SG.} *xjö!-skjüte* AL 'I have shot down the dog'; *Släpp 'löüsär hund*_{DEF.SG.} MP 'Untie the dog'; *Hund*_{DEF.SG.} *spröña 'botþ* LU 'The dog ran away'; *Hund*_{DEF.SG.} *kann svarv üte-de o bit-de* LU 'The dog can grab you and bite you'; *Tër var hund*_{DEF.SG.} *fast-bunde* LU 'There was a tied-up dog'; *Hunda*_{DEF.PL.} *gäi, gäv änt ott-on de sōa* LU 'The dogs were barking and didn't let her sleep'; *Hugg 'sundär-en de bitar, o hunda*_{DEF.PL.} *jäta upp-e* 'Chop it into pieces, and the dogs will eat it up'; *Han byrja 'otär drikk, han drikks-hund*_{DEF.SG.} LU 'He started to drink again, that drunkard.'

|| *hünd*, *hünn* or *hunn*, pl. *hündar/hundar* DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 86, 87]; *hond*, -Ø, -ar, -a m. [KARLGREN 1953: 18]; *hund*, def. sg. *hun*, pl. -ar, -a [DANELL 1951: 166]. In the dialect of Nuckö, the def. sg. *hünn* developed from **hündn*. The indefinite sg. form *hünn* (instead of *hünd*) recorded by Vendell appeared by analogy with such nouns as *grann*, which have identical forms in indef. and def. sg.

15. kád(ü)fl AL, **kätüfl** LU, pl. *kadflar* AL, *kád[ə]flar* EU, *kaðeflar* AA 'potato' (< Germ. *Kartoffel* f.): *katüfl-skälär* n. pl. 'potato peelings'; *boka katüflar*_{PL.} 'baked potatoes'; *dämt katüflar* 'stewed potatoes'; *fin katüflar* 'small potatoes'; *Katüfl byrjar räi väks, han här räi grūdar po se* LU 'Potatoes begin sprouting, there are sprouts on it'; *Ja höldär 'ō dämt katüflar*_{PL.} LU 'I like stewed potatoes'; *To-de grāvar kätüfla*_{DEF.PL.}... *tom jära üte rōana satt, än büsk bait anan. O soşşsom-de grāva dom, soşş ligge dom üte rōa. Tër plukkar ja 'tjänd dom from büsken, sänn grabblar ja 'än üte jūde, korar jūde ütär kvačána de sēke, umm där 'än jār üte jūde. Tom kuna fall 'inn ot katüflbüsks-hoļena som räi var üt-grāva, kannske än där 'än jār inn-falle katüfla*_{DEF.PL.} LU 'When you dig up potatoes... they are planted in rows, one bush after another. And as you are digging them up, they are lying in a row. Then I tear them off the plant, then I keep on rummaging in the dirt, raking through the dirt to see if there are more. They can fall into holes from the plants which had already been dug up, probably there are more potatoes that have rolled inside'; *Tom grāva 'üt katüfla*_{DEF.PL.} *o ja gī sän de napp 'hüp dom* LU 'They had dug up the potatoes, and I went to gather them later'; *Ja dämt katüflar*_{PL.} *mä kätt, ja bräst fäst 'ive he käte lite o kasta 'inn mä katüfla*_{DEF.PL.} *de dämpas. Ja bita 'inn sip! po tom katüfla*_{DEF.PL.} *kasta 'inn lurbäş-blā o pipar* LU 'I stewed potatoes with meat, first I fried that meat a little and threw it in to stew with the potatoes. I sprinkled onion on those potatoes, threw in bay leaf and pepper'; *Tom jära de grāv katüfla*_{DEF.PL.} (also *Tom jära po*

katüfl-grävande) LU ‘They are digging up potatoes’; *Tom gō po katüfl-grävande* LU ‘They will go to dig up potatoes.’

In interviews with EU the unstressed vowel fluctuates between [ə] and [u]. The fluctuation between a voiceless and voiced intervocalic consonant (*kađüfl/katüfl*) also occurred in *kadus/kađos/katūs* ‘cap.’

|| *kađüfl*, -ar f. G, compare *kadüful*, -lar f. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 98]. In the dialect of Nuckö this word is borrowed from Estonian (Est. *tuhvel*): *tufol*, -la, -lar, -lana f. [DANELL 1951: 195].

16. *kälkün* ‘turkey,’ also used humorously for Russians: *Risse nämmd-dom de kalkünar_{PL}*, *a konnföre väit ja änt, tom jära he äin foļke soşş-som ve* LU ‘They called Russians turkeys, but for what reason I don’t know, they are the same people as we are’; *Tom kalla risse de kalkünar_{PL}*. LU ‘They called Russians turkeys.’

|| *kakkor/-t, -on/-on* m. [DANELL 1951: 192]; *kalkon/-ŋ* m. [ISBERG 1970: 146].

17. *kástrüll* ‘saucepan’ (< Est. *kastrul*): *Kastrüll_{DEF.SG.} vär üt-glozīra, ja stäitt* ‘fast-n o slō ‘üt än bita, o nö rostast-e, läkar-en LU ‘The pan was enamelled, I hit it and broke off a piece, and it got rusty, it leaks’; *Kastrüll_{DEF.SG.} sjöü räi, so gjūd ja ‘üt äildn* LU ‘The saucepan was already boiling, so I turned off the gas’; *Ja skid min kastrüllar_{PL.} räinar, än dom glima nö: fäşt mä sönd, bait sönd blī dom blō-lētatar, so för ja tōa me sōp häldär täss vask-soda, sän vask dom, so byre dom glima* LU ‘I have scrubbed my saucepans clean, so they gleam now: at first with sand, and after the sand they become blueish, so I have to use soap or this washing soda, then wash them, so they start to gleam.’

|| *kastrull*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 100]; *kast-rull* [DANELL 1951: 199].

18. *kāven* (pl. *kāvnar*, def. pl. *kāvna/kāvnanā*) ‘watermelon’ (< Ukr. *кавун*): *Ja skār grād ‘sundär än kāven* LU ‘I have just cut the watermelon into slices’; *Ja nipla kēna ‘üt me kniven fron kāven_{DEF.SG.}* LU ‘I was picking pips from the watermelon’; *Han gi bait biln som sjōļ ‘kāvnar_{PL.}, han keft än kāven, o spōrftest me fūtn, o foll ‘nēr o slū ‘sundär han kāven_{DEF.SG.}* LU ‘He was following the car that sells watermelons, bought a watermelon, and stumbled, and fell down and smashed that watermelon’; *Umm dom änt jära släest, so rütn-dom änt so fikst, a soşş kann kāven_{DEF.SG.} byre rütn. Kāvna_{DEF.PL.} kast dom ‘änt po rukan, a fō-de lägge ‘titt-n po rukan, fäşt rammļa-de ‘titt-n, o sänn läggä-de ‘upp-en hēgäre* LU ‘If they aren’t bruised, they don’t rot so quickly, but otherwise a watermelon can start rotting. You don’t throw watermelons in a pile, first you roll it there and then put it higher’; *Tom kāvna_{DEF.PL.} jära släendar, tom kuna änt ligge lōŋaṭiär* LU ‘Those watermelons are bruised, they can’t be kept long’; *Ve vaska ‘ō kāvna_{DEF.PL.}, skoļa dom o sänn klāmd ‘girm dom... girm sölde, än kēna blī ‘ötär, o sänn kūka han saftn fron kāvna_{DEF.PL.}, tät-n änt blīär stinndär. O kumär-e sänn som povīdl* LU ‘We

washed the watermelons, peeled them, and then pressed them... through a sieve, so that pips were separated out, and then cooked that juice from the watermelons, until it gets thickened. And it eventually became like jam.'

|| *kavnar* (pl.) [KARLGREN 1924: 29].

19. *kēn* 'seed': *blumhatts-kēn* 'sunflower seed'; *kärps-kēn* 'pumpkin seed'; *kēn-hatt* 'sunflower'; *Tēr tarva-ḡe änt tōa üt kēna_{DEF.PL.} frōn-dom* LU 'There you don't have to take the pits out of them (apricots).'

|| *kēn*, -ar DGNO m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 101]; *tiān/kiān*, -a, -ar, -ana f., -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 234].

20. *kit(t)l* 'jacket' (< Germ. *Kittel* m.): *Klānk kittl_{DEF.SG.} ot skōpe, āles krimsn dehūp* LU 'Hang the jacket in the wardrobe, otherwise it will get rumpled'; *Üte kittl_{DEF.SG.} jär ija ina-futtär* LU 'There's no lining on the jacket.'

|| *kit!* [KARLGREN 1924: 48].

21. *kixxl* 'cookie'

This word was not recorded by Vendell and Danell. A Standard Swedish cognate is *kyss*, -en, -ar in the meaning 'round cookie' [SAOB: K3565]. The dialect form *kixxl* probably contains the diminutive -l- (i.e. **kyssel*); on this suffix in Swedish see [TAMM 1897: 43; OLSON 1916: 248–253; WESSÉN 1992: 58]. As for the phonetic development -ss(e)l- > -xxl-, compare the dialect forms *gnixxl* 'wimper, of dogs,' *mäxxling* 'smallpox,' *näxxlar* 'nettle' and Sw. *gnissla* 'squeak,' *mässling* 'measles,' *nässla* [MANKOV 2010A: § 20].

22. *knixxl* AL LU, *knixxel* MP 'swelling (caused by the cold).'

This word was not recorded by Vendell and Danell. Possible cognates are Sw. *knyttel*, -n, *knyttlar* 'bludgeon; stick; rolling pin' [SAOB: K1710], Germ. *Knüttel* m. 'club; heavy stick.' In this word -tt(e)l- gave -ssl- and then -xxl- (as in *kixxl* above). As for the change -tl- > -sl-, compare Sw. *nässla* and Eng. *nettle* [HELLQUIST 1922: 536].

23. *mōn* 'moon; month': *gamaḷ-mōn* 'full moon'; *haḷv-mōn* 'half moon'; *nī-mōn* 'new moon'; *Snjūen lō ända de aprill mōn* LU 'There was snow all the way into April'; *Ja bitaḷ kvār mōn_{DEF.SG.} före äild, före vatne, före kottäre* LU 'Every month I pay for the electricity, for the water, for the apartment'; *Paḡḡana jära bättrare de höld de slaft, före-än dom väks fiksare üt. Tri mōnar_{PL.}, so kann-de slaft-dom* LU 'Ducks are better to keep, as they grow up faster. Three months, and you can slaughter them'; *Hans müär bläi dē, to vā-ḡ tri mōna_{DEF.PL.}* LU 'His mother died when he was three months old'; *He jär fäst tfo mōna_{DEF.PL.} debā ks som-on bār* LU 'It was only two months ago that she (cow) calved'; *Ja lō tēr tfo mōna_{DEF.PL.} üte sjūk-hūse* LU 'I lay there two months in the hospital.'

Names of the months: *jánvar, fábrar, märts, aprill, maj, júni, júli, āgust, septāmbär, októbär, novāmbär, desāmbär* MP.

|| *mān*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 150]; *man* m., pl. *mana* (according to Tiberg's note, the plural ending -a, which is in fact the

ending of the definite plural, only occurs after numerals) [KARLGREN 1953: 19]; *mon/mon*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 281].

24. munn ‘mouth’: *Äin stūr kjōđ! To-de öndas, he svalmas fron munn* LU ‘Hard frost! When you’re breathing, vapor comes out of your mouth.’

|| *monn*, -ar m. G [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 147], *münn*, -ar m. DG-NORW [IBID.: 149]; *mun*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 279].

25. pinn ‘chip’: *värkes-pinnar* ‘wood chips’; *Me trōškakväits-kolba kann-de äild; kann-de dū* ‘inn-e e gasse o tjēn ‘unde üen üte ställe pinnar_{PL}. LU ‘With corn cobs you can stoke (the stove); you can dip it in paraffin and stoke up the stove instead of using wood chips’; *Mä värkes-pinnar_{PL}, tjēnt ve* ‘unde üen ‘With wood chips we stoked up the stove.’

|| *pinn*, -ar m. DG [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 163]; *pın*, -Ø, -ar, -a m. D 311.

26. prätsl ‘pretzel’ (< Germ.): *Färr sjōđ dom ija prätslar_{PL}, e bue, ve boka soļe, kan-de boka mä kävens-sirop, tom jära gūar* MP ‘In the past, pretzels weren’t sold in the shop, we baked them ourselves; you can bake them with watermelon syrup, they are tasty’; *Fār vā-dār änt ija pränika, soļe boka prätsla_{DEF.PL}*. LU ‘In the past, there was no gingerbread, we baked pretzels ourselves.’

27. pürkan ‘carrot’ (< Est. *porgand* [LAGMAN 1971A: 57]). *Ja rīva ‘sundär pürkana_{DEF.PL}*. LU ‘I’ve grated the carrots’; *Vatne kūkar, so kastar ja būraka häldär böüna, sänn katūfla som ja bita ‘sundär, pürkan. Pürkana_{DEF.PL}, kann-de ‘ō bräs ‘ive mä sip!* LU ‘The water is boiling, so I throw in beets or beans, then potatoes that I cut into pieces, and a carrot. The carrots you can also roast with onion.’

28. sigan ‘Gypsy’ (< Ukr. *уїган*): *Hänaş küs’in sa, än-on släfft ‘inn se mä sigana_{DEF.PL}... bändla ‘hüp se mä sigana_{DEF.PL}... o väit änt konn-on jär* LU ‘Her cousin said that she went away with Gypsies... got involved with Gypsies... and doesn’t know where she is.’

29. sikk(ä)l ‘bicycle’ (< Sw. *cykel*): *motär-sikk* ‘motorbike’; *Ja komm po sikk_{DEF.PL} kērande* LU ‘I came by bike’; *De gö jär-e än lōjär vāg fron Şlanedoşş ända hitthēr ot Svānsk-bin, före he kēđ ja ‘ō po sikkäl* LU ‘To walk, it’s a long way from Schlangendorf here to the Swedish village, because of this I also rode a bike’; *Ve kēđ äin goņđ de mäit fisk mä motär-sikk* LU ‘One time we rode on a motorbike to go fishing.’

30. sōnd only sg. ‘sand’: *sōnd-ruka* m.3a ‘sand heap’; *Näst papa värft riggen, so brük-en tōa ‘mä me mä se, o so brük ja häis ‘upp sōnd po riggen, häitär sōnd. Han blīä-đo häitär fron sūle* LU ‘Dad had a backache, so he used to take me with him, and I used to pour sand on his back, hot sand. In fact, it gets hot in the sun’; *Ot bōna jär ale bäst sōnd-ruka, tom ligge tēr, valtras üte sōnd, grāv opó* LU ‘For kids the best thing is a sand heap, they lie in it, roll around in it, dig all over.’

|| *sånd* (only sg.) m. DGNO [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 226], compare *sán* (only sg.) m. or n. W [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 182]; *sond*, def. sg. *son* (< **sōnn* < **sōndn*) [DANELL 1951: 344].

31. *spōn* 'spoon': *jäta-spōn* 'table spoon'; *te-spōn* 'tea spoon'; *Umm-de vrīār 'inn boglezāne, gāv 'tjō! än jätaspōn-fülldār mä salt, üte tri-litäs butl. Där jär tī-slass spōnar_{PL}, mindäre o stērere, so fō-ḡe lägge 'inn han mindäre spōn-fülldār. Umm-de läggār 'inn mä han stūr, so kann-e blī saltasla* LU 'If you tin potatoes, add a tablespoon of salt, in a three-litre jar. There are two types of spoons: bigger and smaller, so you have to put in a smaller spoonful. If you put in the bigger (spoonful), it can become quite salty.'

|| *spån*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 209]; *spōn*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 389].

32. *stāin* 'stone': *stāin-grīn* n. 'small stone'; *stāin-grūs* n. 'gravel'; *stāin-mūr* m. 'stone fence'; *blō-stāin* 'blue stone, vitriol'; *bānk-stāin* 'stone near the gate where people used to sit and chat'; *gro-stāin* 'granite'; *grūs-stāin* only sg. 'gravel'; *kałk-stāin* 'limestone'; *koštāin* 'chimney'; *kväss-stāin* 'whetstone'; *minn-stāin* 'monument,' *skinu-stāin* 'whetstone'; *slīp-stāin*, also *slīv-stāin* 'slipstone'; *äild-stāin* 'flint'; *öü-stāin* 'pupil (referring to the eye)'; *Färr va-ḡār äit hō!, o üte he hoļe lād dom 'inn stāina_{DEF.PL}, o äilda, än-dom bränn 'girm se. Han som änt brinndār üt, han blīār 'ō än stāin, o han som brinndār üt se kann-de sänn släkke de kałk... Färr vä-ḡār än bil som kom o sjōḡ slīk stāinar_{PL}, de släkke kałk, o foļke kēft tom ämbarena me kałk-stāinar_{PL}.* LU 'In the past, there was a pit, and they put stones in that pit and made a fire, so that they (the stones) burn out. The one that doesn't burn out, it remains a stone, and from the one that burns out you can later make lime. In the past, there was a car that came and sold such stones to make lime, and people bought bucketfuls of limestones'; *Hon drēmd, än dom jära vär stūr stāina_{DEF.PL}... där jär stūr stāinar_{PL}, vär brantan* LU 'She had a dream that they (those who had drowned) were near the big stones... there are big stones by the precipice'; *Anna sä, än ja ska napp 'hūp stāina_{DEF.PL}, vär källaḡ danna* LU 'Anna said that I should gather the stones by the door of the cellar'; *Ve slīpa ikse, hakka, kniven, allt, po slīp-stāin* LU 'We sharpened the axe, hoe, knife, everything, on a slipstone.'

|| *stāin*, -ar m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 219]; *stāin*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 394].

33. *stākan* 'glass (for drinking)' (< Russ. *стакáн*): *Han kann bara snjū 'inn ot stākan, soḡḡ byrjar-en 'ötär drikk. O han löva se änt de drikk mäiär* LU 'He can just sniff the glass and he begins drinking (alcohol) again. And he promised not to drink (any alcohol) anymore.'

The form *stāka* m.3a was also cited. It appeared due to the reanalysis of *stākan* > *stāka-n* (after the pattern *stoka* 'stick' : def. sg. *stoka-n*).

|| *stāga/stāka*, -r m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 219].

34. štājäl (-Ø, -lar, -la) ‘pole’ (< Germ. *Stängel* m.): *tröškakvāits-štājla*_{DEF.PL.} ‘cornstalks.’

|| This word is absent from Vendell’s and Danell’s dictionaries.

35. tāf(ä)l ‘blackboard’ (< Germ. *Tafel* f.)

The masculine gender in the dialect may be caused by the influence of such masculine nouns in -äl as *ājäl*, *štājäl*, *kriñäl*, *kittl*, *sikkäl*.

|| *tāväl*, -lar f. G, *tavul*, -lar f. O, *tāfl*, -ar m. W, *tāful*, -lar f. N [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 230]; *tafel*, -n, -lar, -la m. [KARLGREN 1953: 18]; *tafol/tavol*, -n, -lar, -la m. [DANELL 1951: 428].

36. tinn ‘tooth’ (e.g., of a saw)

|| *tinn*, -ar m. GNORW, f. D [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 232]; *tun*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 430].

37. tšaun ‘vat’ (< Ukr. *чаву́н* m.): *Sätt 'upp tšau*n_{DEF.SG.} *po grit-ūen*, *o ān-e ska kūk fiksare*, *tā 'tjānd riņņa* ‘Put the vat on the stove, and to make it boil quicker, take the rings off the burners.’

|| The word is absent from Vendell’s and Danell’s dictionaries.

38. tāin ‘spool’: *spinn-tāin* ‘spindle’; *gon-tāin* ‘spool of thread’

|| *tāin*, -ar m. DGRW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 244]; *tajn*, -Ø, -ar, -a m. [DANELL 1951: 428].

39. ājäl ‘angel’ (< Germ. *Engel* or Sw. *ängel*)

|| *æggok*, -ka, -kar, -kana f. [ISBERG 1970: 380].

Type m. 1e

§ 13. A distinguishing feature of this type is the element *-j-* which appears in front of the plural endings. Originally the occurrence of *-j-* did not depend on the final consonant of the root [NOREEN 1904: § 390–393], but in the present-day dialect *-j-* is attached to roots terminating in velar consonants. The following nouns of this type have occurred in the interviews:

1. -bākk in *vato-bākk* ‘puddle’

|| *bākk*, -ar m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 37], *vatubākk* DGNRW, -bākkē O, pl. -ar DNRW, -iar GO m. [IBID.: 253] ‘brook; small river’; *bæk*, -en, -(ɹ)ar, -(ɹ)a m. [DANELL 1951: 65].

2. bānk ‘bench’: *ljū-bānk* AA ‘bench by the gate’ (where women sit and gossip; *ljū* means ‘to tell a lie’); *site-bānk* AL ‘bench in the street’; *skūl-bānk* ‘school desk’; *Han sitā-tēr alāina po bānken*_{DEF.SG.} LU ‘He sits there alone on the bench’; *Umm-e a rāvna, so-dom ānt a satt tēr po bānka*_{DEF.PL.} LU ‘If it were raining, they wouldn’t be sitting there on the benches’; *To ve lēvd ūte Pōln, so vā-dār ūte skūla blakk-glāsna po parta... po skūl-bānkja*_{DEF.PL.} LU ‘When we lived in Poland, there were ink pots in the school on the desk... on the school-desks.’

|| *bāgk* DGNRW, *bāgkē* O, pl. *bāgkiar* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 37]; *bægk*, -en, -ɹar, -ɹa m. [DANELL 1951: 66].

3. dräj/dräj 'servant' (especially groom)

|| *drægg* DGNRW, *dræggè* O, *-iar* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 45]; *drægg*, *-en*, *-iar*, *-ia* m. [DANELL 1951: 80].

4. fläkk 'spot; stain': *blöär fläkk* 'bruise'; *Fläkken*_{DEF.SG.} *vill änt vaskas 'üt, ja kann änt fö 'üt-n* LU 'The stain won't wash off, I can't get it out.'

|| *fläkk* DGNRW, *fläkkè* O, pl. *-ar* RW, *-iar* DGN m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 56]; *flæk*, *-en*, *-iar*, *-ia* m. 'place' [DANELL 1951: 108].

5. -lägg: *biks-lägg* 'trouser leg'

|| *lägg* DGW, *läggè* NO, *-jar* m. 'shank; shin; hosiery leg' [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 134]; *læg*, *-en*, *-iar*, *-ia* m. 'shinbone' [DANELL 1951: 260].

6. rigg 'back': *Tarvar änt bära-e po riggen*_{DEF.SG.} *he, som-en höldär 'inn e hüe* LU 'One doesn't need to carry on the back what he carries in his head' (i.e., knowledge is useful; proverb); *Näst papa värft riggen*_{DEF.SG.} LU 'Dad had a backache'; *Ja sattest 'upp po riggen*_{DEF.SG.} *näst hund* LU 'I sat astride the dog'; *Gamal dōana jära po riggen*_{DEF.SG.} *räi. Bäina kann änt gō, riggen*_{DEF.SG.} *blīär kimpatär, hüe defrámm, atsole debäks* LU 'Old age is behind the back. The legs can't walk, the back becomes bent, the head is forward, the bottom is backward.'

|| *rigg*, *-iar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 171]; *rig*, *-en*, *-ar*, *-a* m. [DANELL 1951: 332].

7. sträj 'stream of liquid'

|| *strægg*, *-iar* m. DGNO, compare *sträjg*, *-iar* m. RW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 217]; *strægg*, *-en*, *-iar*, *-ia* m. [DANELL 1951: 401].

8. säkk 'sack': *rigge-säkk* 'backpack'; *Ja hänta änt häila säkken*_{DEF.SG.} *fülldär, a hänta bara än štimpl, a mäir kunt ja änt släp. Ja a häve büre än halvär säkk* LU 'I haven't brought a full sack, but only brought less than half, and I couldn't carry any more. I'd have brought half a sack.'

|| *säkk(è)*, *-iar* m. DGNORW [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 227]; *sæk*, *-en*, *-iar*, *-ia* m. [KARLGREN 1953: 18]; *sæk*, *-en*, *-(i)ar*, *-(i)a* m. [DANELL 1951: 417].

9. -trisk in *dän(n)-trisk* 'threshold,' *trapp-trisk* 'threshold': *Ja gi änt lämft, ja stü po trappa o blaska 'üt-e ive dänn-trisken*_{DEF.SG.}, *ja var lät de gō länjäre* LU 'I didn't go far, I stood at the porch and splashed it out over the threshold, I didn't feel like walking any farther.'

The form *trisk* (instead of **triskäl*), which was recorded by Vendell, appeared due to the reanalysis of the definite sg.: *trisken* (def. sg. of *triskäl*) > *trisk-en* by analogy with the correlation *gävöl* : *gäven*. Compare *kvärv* alongside *kvärväl* (§ 10.19 above).

|| *triskäl* DG, *triskul* NO, *-lar* m. [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 238]; *triskok*, *-on/-on*, *-lar*, *-la* m. [DANELL 1951: 443].

10. äik 'horse': *äike-hü* m. 3b 'horseshoe'; *äike-skön* n. 'horse dung'; *Um där a vare än äik, so ja a rēe pō-en* MP 'If there were a horse, I would ride it'; *Kann-de ri po äiken*_{DEF.SG.}? LU 'Can you ride a horse?'; *E bön-tien räi ja po*

*äiken*_{DEF.SG.} AL ‘In childhood I rode a horse’; *To ve vār üte Komi... to-e räi byrjar lēn, snjüen, so kēđ ve ’üt umm monnan bittle, um triā kēđ ve räi ’üt mä äiken*_{DEF.SG.} *fron stalle, o kēđ värke mä slāa fron sküen so lođätär som-e äntān jār varmt. To jār-e varmare, so brütts äiken*_{DEF.SG.} *innot snjüen. Äiken*_{DEF.SG.} *som ja kēr värke mä, för ja skriv ’unde me ’före-en. Umm-e skēs nōat mä-en, so för ja bitaļ före äiken*_{DEF.SG.} *Soşş-som äiken*_{DEF.SG.} *jār lunkatär o stör e stalle, bitaļ ja fjörete-tfo rübl före än dā. So moņđ döar som-en stör, för ja bitaļ* LU ‘When we were in Komi... when it starts to thaw, the snow, we rode out early in the morning, around three we rode out with the horse from the stable, and carried wood with a sledge from the forest as long as it isn’t warm yet. When it’s warmer, the horse sinks into the snow. The horse that I carried the wood with, I had to sign for it. If something happens to it, I have to pay for the horse. Because the horse is limping and has to remain in the stable, I pay 42 roubles a day. For as many days as it stands there, I have to pay’; *Höşş ja räi vār mütt me-en, han äiken*_{DEF.SG.} *! Tjöl! vöre före middan lēndär-e, a tjöl kvēldn jār frostn (also frost). Allt jār skarft-fröset po de, klēna, stō ēnd o gnias. Klēna jära allar vōtar, biksana o hankle, hēr för ja ān spänn ’üt äiken*_{DEF.SG.} *, a händäre jära stivar. Täta jār skū-arbet. He vār ’ve, a han stakkaş äiken*_{DEF.SG.} *, ān ja gāv hon stuppa häi ot-n tjöl, han kann do änt läggjas nēr, fō-đo drāa allt* LU ‘How I was fed up with it, that horse! Towards spring before midday it thaws, and towards the evening there’s frost. Everything is frozen hard on you, the clothes, they stand on end and rub. The clothes are all wet, the trousers and mittens, and here I still have to unharness the horse, and my hands are stiff. This is forest work. This is how it was for us, and that poor horse, I give a handful of hay to it, he can’t lay down, to be sure, has to haul everything’; *Stigen jār brantatär, so mnjūär, hēr kann-de änt kēr mä äikja*_{DEF.PL.} LU ‘The path is steep, so narrow, here you can’t ride horses.’

|| *äik*, *-iar* m. DG [FREUDENTHAL, VENDELL 1886: 265]; *aļke*, *aļken*, *aļkīar*, *aļkīa* m. [DANELL 1951: 487].

§ 14. Nouns listed in the preceding paragraph tend to lose *-j-* in the plural (i.e., *bānkjar* alongside *bānkar*, which is particularly typical of LU), going over to type 1a. The opposing regularity is also observed: *-j-* may appear in the plural of those nouns of type 1a which end in a velar consonant:¹⁹ *büsk* ‘bush,’ pl. *büsk(j)ar*, def. pl. *büsk(j)a(na)*; *riņņ* ‘ring,’ *riņņ(j)ar* (also in interviews with LU). Compare a similar fluctuation in feminine nouns: *fļij* ‘shred,’ def. sg. *fļiņa* AL, *fļiņja* LU, pl. *fļij(j)ar*, def. pl. *fļij(j)ana*.

§ 15. The noun *blāse* ‘forehead’²⁰ can be included in type 1e. Its characteristic feature is a short root (all other nouns of this type have long roots), after

¹⁹ The only known exception is *gübb* ‘old man,’ which occurred with the pl. *gübbjar* (usually *gübbar*).

²⁰ See also [TIBERG 1962: 111–118] on this noun.

which *e* (< *-j-) is preserved. Historically, this noun may be a *jan*-stem: **bläsja* > *bläse*. The following forms occurred in the interviews:

	Sg.	Def. sg.	Pl.	Def. pl.
LU	<i>bläse</i>	<i>bläsn</i>	<i>bläsjar</i>	<i>bläsena, bläsja(na)</i>
AL	<i>bläse, bläs</i>	<i>bläsn</i>	<i>bläs(j)ar</i>	<i>bläsja(na), bläsana</i>
MP	<i>bläse, bläsen</i>	<i>bläsen</i>	<i>bläsjar</i>	<i>bläsena</i>

In the def. sg. the phonetically regular form is *bläsn*, where *e* is syncopated between *s* and *n*. The wish to eliminate the non-trivial correlation *bläse* : *bläsn* resulted in the forms *bläs* : *bläsn* (type m. 1b) and *bläsen* : *bläsen* (type m. 1d, after the pattern of *käven*). The def. sg. form *bläsen* and the def. pl. *bläsena* can be explained as the stem *bläse-* (extracted from the indefinite singular) + the endings *-n* and *-na*.

|| *bläss*, *-ar* f. NO, compare *bläs* (pl. is not used) m. DGNORW, *bläsu*, *-r* f. W 'blaze (on the forehead of animals)'; *blæse*, *blæsn*, *blæsjar*, *blæsjɑ* m. [KARLGRÉN 1953: 18]; *blæʂ*, *an*, *ar*, *a* m. [DANELL 1951: 34].

Bibliography

APPELGREN 1997

Appelgren S., *Estlands svenskar och svenskbygd. Bibliografi* (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, 63. Estlandssvenskarnas folkliga kultur, 8), Uppsala, 1997.

AUSTIN, SALLABANK 2011

Austin P. K., Sallabank J., "Introduction", in: P. K. Austin, J. Sallabank, eds., *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, Cambridge, 2011, 1–23.

BERGFORS 1978–1979

Bergfors E. O., "Jan Utas' manuskript «Gammalsvenskby-dialekten»: En kort presentation," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1978–1979, 190–195.

——— 1981

Bergfors E. O., "Nils Tiberg 1900–1980," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1981, 68–69.

BÖDVARSSON 1993

ÁRNI BÖDVARSSON, *Íslensk orðabók*, Önnur útgáfa, aukin og bætt, Reykjavík, 1993.

BRADLEYS 2002

BRADLEY D., BRADLEY M., eds., *Language Endangerment and Language Maintenance*, London, 2002.

CAMPBELL, MUNTZEL 1989

CAMPBELL L., MUNTZEL M. C., "The Structural Consequences of Language Death," in: N. DORIAN, ed., *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*, Cambridge, 1989, 181–196.

COMRIE 1981

COMRIE B., *The Languages of the Soviet Union*, Cambridge, 1981.

CRAUSS 1992

CRAUSS M., "The World's Languages in Crisis," in: K. HALE, M. CRAUSS, L. WATAHOMIGIE, A. YAMAMOTO, C. CRAIG, L. V. M. JEANNE, N. ENGLAND, "Endangered Languages", *Language* 68 (1), 1992, 1–42.

CRYSTAL 2000

CRYSTAL D., *Language Death*, Cambridge, 2000.

DANELL 1905–1934

DANELL G., *Nuckömålet* (= Svenska landsmål ock svenskt folklied, 33), Stockholm, 1905–1934.

——— 1951

DANELL G., *Ordbok över Nuckömålet* (= Estlandssvenskarnas folkliga kultur II. Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien, 27), Uppsala, København, 1951.

DIXON 1997

DIXON R. M. W., *The Rise and Fall of Languages*, Cambridge, 1997.

DORIAN 1977

DORIAN N., "The Problem of the Semi-Speaker in Language Death," *International Journal of the Sociology of Language*, 12, 1977, 23–32.

——— 1989

DORIAN N., ed., *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*, Cambridge, 1989.

EN BOK OM ESTLANDS SVENSKAR 1961

En bok om Estlands svenskar: Bosättningsområde, Historia, Andra världskriget och överflyttningen till Sverige, Folklig kultur, Stockholm, 1961.

——— 1964

En bok om Estlands svenskar 2: Ortnamn och terrängord, Jordbruk och boskapsskötsel, Sjöfart och fiske, Livets och årets högtider, Stockholm, 1964.

FREUDENTHAL, VENDELL 1886

FREUDENTHAL A. O., VENDELL H. A., *Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna*, Helsingfors, 1886.

GRENOBLE, FURBEE 2010

GRENOBLE L. A., LOUANNA FURBEE N., *Language Documentation: Practice and Values*, Amsterdam, Philadelphia, 2010.

GRINEVALD, BERT 2011

GRINEVALD C., BERT M., "Speakers and Communities", in: P. K. AUSTIN, J. SALLABANK, eds., *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, Cambridge, 2011, 45–65.

HAIG ET AL. 2011

HAIG G. L. J., NAU N., SCHNELL S., WEGENER C., eds., *Documenting Endangered Languages: Achievements and Perspectives* (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs 240), Berlin, Boston, 2011.

HARRISON ET AL. 2008

HARRISON K. D., ROOD D. S., DWYER A., eds., *Lessons from Documented Endangered Languages*, Amsterdam, 2008.

HAUGEN 1976

HAUGEN E., *The Scandinavian Languages: An Introduction to Their History*, London, 1976.

HELLQUIST 1922

HELLQUIST E., *Svensk etymologisk ordbok*, Lund, 1922.

HULTMAN 1894

HULTMAN O. F., *De östsvenska dialekterna*, Helsingfors, 1894.

——— 1939

HULTMAN O. F. *Efterlämnade skrifter, 2: Föreläsningar över de östsvenska dialekterna*, Helsingfors, 1939.

ISBERG 1970

ISBERG F., *Supplement till G. Danells Ordbok över Nuckömålet* (= Acta Academiae Regiae Gustavi Adolphi, 47), Uppsala, 1970.

ІАЗЫКІ НАРОДОВ СССР 1966

Языки народов СССР, 1: Индоевропейские языки, Москва, 1966.

JACOBS 1998

JACOBS K. A., "A Chronology of Mohawk Language Instruction at Kahnawà:ke," in: L. A. GRENOBLE, L. J. WHALEY, eds., *Endangered Languages: Language Loss and Community Response*, Cambridge, 1998, 117–123.

JOALAIÐ, JUHKAM 1989

JOALAIÐ M., JUHKAM E., "Röickssvenskarnas ättlingar i Ukraina," in: *Svenskbyborna: 60 år i Sverige, 1929–1989*, Visby, 1989, 116–122.

KARLGREN 1924

KARLGREN A. "Gammalsvenskby: Land ock folk," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1924, 1–64.

— 1953

KARLGREN A., *Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbyområdet* (= Svenska landsmål och svenskt folkliv, 56), Stockholm, 1953.

KÄRK-REMES 2002

KÄRK-REMES U., "Från svenska till svenska i Estland," *Studier i svenska språkets historia 7: Svenska språkets historia i Östersjöområdet*, 2002, 111–129.

KLUGE 1926

KLUGE F., *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte* (= W. BRAUNE, Hrsg., Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. Ergänzungsreihe, 1), 3. Aufl., Halle (Saale), 1926.

КОТІЯРЧУК 2012

КОТЛЯРЧУК А., "В кузнице Сталина": шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX в., Москва, 2012.

LAGMAN 1971

LAGMAN H., *Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna* (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New series, 9), Stockholm, 1971.

— 1973

LAGMAN H., "Tyska lånord i estlandssvenska mål," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1973, 11–57.

LAGMAN E. 1958

LAGMAN E., *Studier över Nuckömålets nominala ordbildning* (= Acta universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New Series, 1), Lund, 1958.

— 1979

LAGMAN E., *En bok om Estlands svenskar 3A: Estlandssvenskarnas språkförhållanden*, Stockholm, 1979.

МАНКОВ 2010А

МАНЬКОВ А. Е., "Диалект села Старошведское", *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 1 (19), 2010, 7–26.

— 2010В

МАНЬКОВ А. Е., "Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское", *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 2 (20), 2010, 92–111.

— 2011А

МАНЬКОВ А. Е., "Диалект села Старошведское (Gammalsvenskby): отчёт о проекте", в: *XXI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы*, 2, Москва, 2011, 208–213.

— 2011В

МАНЬКОВ А. Е., "Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское", *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 2 (24), 2011, 32–43.

- 2011c
МАНЬКОВ А. Е., “Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений”, *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 3 (25), 2011, 37–54.
- 2012a
МАНЬКОВ А. Е., “Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское”, *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 2 (28), 2012, 7–25.
- 2012b
МАНЬКОВ А. Е., “К описанию суффиксального словообразования существительных в диалекте села Старошведское”, *XXII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы*, 2, Москва, 2012, 159–161.
- 2013a
МАНЬКОВ А. Е., “Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное”, *Slověne = Словѣне*, 2/1, 2013, 60–110.
- 2013b
МАНЬКОВ А. Е., “Диалект села Старошведское: обзор морфологии”, в: Т. А. ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВА, ред., *Мир шведской культуры: Сборник статей*, Москва, 2013, 55–105.
- 2013c
МАНЬКОВ А. Е., “Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское”, *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 1 (31), 2013, 21–31.
- 2013d
МАНЬКОВ А. Е., “Проблема структурных изменений в исчезающем языке”, *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 2 (32), 2013, 30–44.
- NOREEN 1904
NOREEN A., *Altnordische Grammatik II: Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen*. Halle, 1904.
- NOVOROSSIJSKII KALENDAR' 1864
“Состояние народонаселения в колониях иностранных поселенцев южного края России в 1863 г.”, в: *Новороссийский календарь на 1865 год, издаваемый от Ришельевского лицея*, Одесса, 1864.
- OLSON 1916
OLSON E., *De appellativa substantivens bildning i fornsvenskan. Bidrag till den fornsvenska ordbildningsläran*, Lund, 1916.
- PALOSAARI, CAMPBELL 2011
PALOSAARI N., CAMPBELL L., “Structural Aspects of Language Endangerment,” in: P. K. AUSTIN, J. SALLABANK, eds., *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, Cambridge, 2011, 100–119.
- PISAREVSKII 1899
ПИСАРЕВСКИЙ Г., “Переселение шведов с острова Даго в Новороссийский край. По документам Государственного архива”, *Русский Вестник*, 3, 1899, 246–252.
- POKORNY 1959
POKORNY J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München, 1959.
- SAOB
Ordbok över svenska språket utgiven av Svenska akademien, I–. Lund, 1893–.
- SKAL'KOVSKII 1850
СКАЛЬКОВСКИЙ А., *Опыт статистического описания Новороссийского края*, 1: *География, этнография и народосчисление Новороссийского края*, Одесса, 1850.
- SPISOK 1852
Список инородцам Европейской России, с показанием губерний, в которых они находятся, С.-Петербург, 1852.

——— 1917

Список населённых мест Херсонской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., Александрия, 1917.

SVEDBERG, MÅRTENSSON 2011

SVEDBERG G., MÅRTENSSON E., *Gammalsvenskby: En by i Ukraina*, Malmö, 2001.

TAMM 1897

TAMM F., *Om avledningsändelser hos svenska substantiv. Deras historia och nutida förekomst* (= Skrifter utgifna af K. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala, V.4), Uppsala, 1897.

TIBERG 1962

TIBERG N., *Estlandssvenska språkdrag* (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, 38. Estlandssvenskarnas folkliga kultur, 6), Uppsala, Köpenhamn, 1962.

TSUNODA 2005

TSUNODA T., *Language Endangerment and Language Revitalization* (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs 148), Berlin, New York, 2005.

UTAS 1979

UTAS B., "Jan Utas och Gammalsvenskby-ordboken," in: *Svenskbyborna: 50 år i Sverige, 1929–1979*, Visby, 1979, 89–94.

VENDELL 1881

VENDELL H., *Laut- und Formlehre der schwedischen Mundarten in den Kirchspielen Ormsö und Nukkö in Ehstland. Academische Abhandlung*, Helsingfors, 1881.

——— 1989

VENDELL H., "Ett besök i Gammalsvenskby 1881," in: *Svenskbyborna: 60 år i Sverige, 1929–1989*, Visby, 1989, 41–48.

WESSÉN 1968

WESSÉN E., *Svensk språkhistoria, 1. Ljudlära och ordböjningslära*, 8 uppl., Stockholm, 1968.

——— 1992

WESSÉN E., *Svensk språkhistoria, 2. Ordbildningslära*, 5 uppl., Edsbruk, 1992.

ZABLOTSKII 1838

ЗАБЛОЦКИЙ А., "Статистические сведения об иностранных поселениях в России", *Журнал министерства внутренних дел*, 1838, 4/28.

References

Appelgren S., *Estlands svenskar och svenskbygd. Bibliografi* (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, 63. Estlandssvenskarnas folkliga kultur, 8), Uppsala, 1997.

Austin P. K., Sallabank J., "Introduction", in: P. K. Austin, J. Sallabank, eds., *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, Cambridge, 2011, 1–23.

Bergfors E. O., "Jan Utas' manuskript «Gammalsvenskby-dialekten»: En kort presentation," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1978–1979, 190–195.

Bergfors E. O., "Nils Tiberger 1900–1980," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1981, 68–69.

Árni Böðvarsson, *Íslensk orðabók*, Önnur útgáfa, aukin og bætt, Reykjavík, 1993.

Bradley D., Bradley M., eds., *Language Endangerment and Language Maintenance*, London, 2002.

Campbell L., Muntzel M. C., "The Structural Consequences of Language Death," in: N. Dorian, ed., *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*, Cambridge, 1989, 181–196.

Comrie B., *The Languages of the Soviet Union*, Cambridge, 1981.

Crauss M., "The World's Languages in Crisis," in: K. Hale, M. Crauss, L. Watahomigie, A. Yamamoto, C. Craig, L. V. M. Jeanne, N. England, "Endangered Languages", *Language* 68 (1), 1992, 1–42.

Crystal D., *Language Death*, Cambridge, 2000.

Danell G., *Nuckömmålet* (= Svenska landsmål och svenskt folkliv, 33), Stockholm, 1905–1934.

Danell G., *Ordbok över Nuckömmålet* (= Estlandssvenskarnas folkliga kultur II. Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien, 27), Uppsala, Köbenhavn, 1951.

Dixon R. M. W., *The Rise and Fall of Languages*, Cambridge, 1997.

Dorian N., "The Problem of the Semi-Speaker in Language Death," *International Journal of the Sociology of Language*, 12, 1977, 23–32.

Dorian N., ed., *Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death*, Cambridge, 1989.

Grenoble L. A., Louanna Furbee N., *Language Documentation: Practice and Values*, Amsterdam, Philadelphia, 2010.

Grinevald C., Bert M., "Speakers and Communities", in: P. K. Austin, J. Sallabank, eds., *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, Cambridge, 2011, 45–65.

Haig G. L. J., Nau N., Schnell S., Wegener C., eds., *Documenting Endangered Languages: Achievements and Perspectives* (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs 240), Berlin, Boston, 2011.

Harrison K. D., Rood D. S., Dwyer A., eds., *Lessons from Documented Endangered Languages*, Amsterdam, 2008.

Haugen E., *The Scandinavian Languages: An Introduction to Their History*, London, 1976.

Hellquist E., *Svensk etymologisk ordbok*, Lund, 1922.

Hultman O. F., *Efterlämnade skrifter. 2: Föreläsningar över de östsvenska dialekterna*, Helsingfors, 1939.

Isberg F., *Supplement till G. Danells Ordbok över Nuckömmålet* (= Acta Academiae Regiae Gustavi Adolphi, 47), Uppsala, 1970.

Jacobs K. A., "A Chronology of Mohawk Language Instruction at Kahnawā:ke," in: L. A. Grenoble, L. J. Whaley, eds., *Endangered Languages: Language Loss and Community Response*, Cambridge, 1998, 117–123.

Joalaid M., Juhkam E., "Röicssvenskarnas ättlingar i Ukraina," in: *Svenskbyborna: 60 år i Sverige, 1929–1989*, Visby, 1989, 116–122.

Karlgren A., "Gammalsvenskby: Land och folk," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1924, 1–64.

Karlgren A., *Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbyområdet* (= Svenska landsmål och svenskt folkliv, 56), Stockholm, 1953.

Kärk-Remes U., "Från svenska till svenska i Estland," *Studier i svenska språkets historia 7: Svenska språkets historia i Östersjöområdet*, 2002, 111–129.

Kluge F., *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte* (= W. Braune, Hrsg., Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. Ergänzungsreihe, 1), 3. Aufl., Halle (Saale), 1926.

Kotljarchuk A., "V kuznitse Stalina": *shvedskie kolonisty Ukrainy v totalitarnykh eksperimentakh XX v.*, Moscow, 2012.

Lagman H., *Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandsvenska dialekterna* (= Acta Universitatis Stockholmiensis.

Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New series, 9), Stockholm, 1971.

Lagman H., "Tyska lånord i estlandsvenska mål," *Svenska landsmål och svenskt folkliv*, 1973, 11–57.

Lagman E., *Studier över Nuckömmålets nominala ordbildning* (= Acta universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New Series, 1), Lund, 1958.

Lagman E., *En bok om Estlands svenskar 3A: Estlandssvenskarnas språkförhållanden*, Stockholm, 1979.

Mankov A. E., "Dialekt sela Staroshvedskoe," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 1 (19), 2010, 7–26.

Mankov A. E., "Grammaticheskie kategorii sushchestvitel'nogo v dialekte sela Staroshvedskoe," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 2 (20), 2010, 92–111.

Mankov A. E., "Dialekt sela Staroshvedskoe (Gammalsvenskby): otchet o proekte," in: *XXI Ezhegođnaia bogoslovskaja konferentsiia PSTGU. Materialy*, 2, Moscow, 2011, 208–213.

Mankov A. E., "Slovoizmenenie sushchestvitel'nykh v dialekte sela Staroshvedskoe," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 2 (24), 2011, 32–43.

Mankov A. E., "Dialekt sela Staroshvedskoe: materialy k opisaniiu prilagatel'nykh i mestoimienii," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 3 (25), 2011, 37–54.

Mankov A. E., "Slovoizmenenie glagolov v dialekte sela Staroshvedskoe," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 2 (28), 2012, 7–25.

Mankov A. E., "K opisaniiu suffiks'al'nogo slovoobrazovaniia sushchestvitel'nykh v dialekte sela Staroshvedskoe," *XXII Ezhegođnaia bogoslovskaja konferentsiia PSTGU. Materialy*, 2, Moscow, 2012, 159–161.

Mankov A. E., "Skandinavskii ostrov v slavianskoi iazykovoi srede. Dialekt sela Staroshvedskoe: imia sushchestvitel'noe," *Slověne*, 2/1, 2013, 60–110.

Mankov A. E., "Dialekt sela Staroshvedskoe: obzor morfologii," in: T. A. Torstendahl-Salytjeva, ed., *Mir shvedskoi kul'tury*, Moscow, 2013, 55–105.

Mankov A. E., "Suffiks'al'noe slovoobrazovanie sushchestvitel'nykh v dialekte sela Staroshvedskoe," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 1 (31), 2013, 21–31.

Mankov A. E., "Problema strukturnykh izmenenii v ischezaiushchem iazyke," *Vestnik PSTGU. Seria III: Filologiya*, 2 (32), 2013, 30–44.

Noreen A., *Altnordische Grammatik II: Altshwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen*. Halle, 1904.

Olson E., *De appellativa substantivens bildning i fornsvenskan. Bidrag till den fornsvenska ordbildningsläran*, Lund, 1916.

Palosaari N., Campbell L., "Structural Aspects of Language Endangerment," in: P. K. Austin,

J. Sallabank, eds., *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, Cambridge, 2011, 100–119.

Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München, 1959.

Svedberg G., Mårtensson E., *Gammalsvenskby: En by i Ukraina*, Malmö, 2001.

Tiberg N., *Estlandssvenska språkdrag* (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, 38. Estlands-svenskarnas folkliga kultur, 6), Uppsala, Köpenhamn, 1962.

Tsunoda T., *Language Endangerment and Language Revitalization* (= Trends in Linguistics.

Studies and Monographs 148), Berlin, New York, 2005.

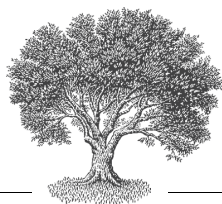
Utas B., “Jan Utas och Gammalsvenskby-ordbo-ken,” in: *Svenskbyborna: 50 år i Sverige, 1929–1979*, Visby, 1979, 89–94.

Vendell H., “Ett besök i Gammalsvenskby 1881,” in: *Svenskbyborna: 60 år i Sverige, 1929–1989*, Visby, 1989, 41–48.

Wessén E., *Svensk språkhistoria, 1. Ljudlära och ordböjningslära*, 8 uppl., Stockholm, 1968.

Wessén E., *Svensk språkhistoria, 2. Ordbildningslära*, 5 uppl., Edsbruk, 1992.

Александр Евгеньевич Маньков, канд. филол. наук
ст. преп. кафедры германской филологии филологического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
109651 Москва, ул. Иловайская, д. 9, корп. 2
Россия / Russia
mankov-pstgu@hotmail.com

Эволюция
поэтического языка
Б. Пастернака
(на материале
стихотворений
“Мельницы” и
“Бальзак”)*

The Evolution of
Boris Pasternak's
Poetic Language
(Based on the
Poems *Mel'nitsy*
and *Bal'zak*)

Роберта Сальваторе

Неаполитанский университет
“Л'Ориентале”

Roberta Salvatore

“Orientale” University of Naples

Резюме

В данной статье на примере анализа стихотворений “Мельницы” (1916) и “Бальзак” (1927) показывается эволюция поэтического языка Бориса Пастернака за десять лет. Выбор материала обусловлен наличием в этих произведениях одних и тех же семантико-образных комплексов, которые по-разному выстраиваются в тексте. Разбор вышеуказанных стихотворений и их основных вариантов доказывает, что за мнимой хаотичностью ранней поэтической речи Пастернака стоит сложный семантический механизм: в действительности эти образы не случайны, но отбираются так, чтобы воссоздать у читателя то чувство осмысленности вселенной, которое художник испытывает при вдохновении. Переход от поэтики случайности к поэтике неслыханной простоты, демонстрируемый в статье, отвечает желанию Пастернака общаться с новой читательской публикой, которая больше не разделяет культурные предпосылки автора и не понимает его языка.

* Считаю своим долгом поблагодарить М. С. Гринберга, К. М. Поливанова, Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского за ценные советы и замечания, высказанные в ходе работы над этой статьей.

Ключевые слова:

поэтика, Борис Пастернак, поэтический язык, языковые приемы

Abstract

The aim of this paper is to discuss how Pasternak's poetic language changed over the 10-year period stretching from the mid-1910s to the mid-1920s. The transition from futurist text structure towards the search for an "unheard-of simplicity" will be shown through an analysis of two poems, *Mel'nitsy* and *Bal'zak*, written respectively in 1916 and 1927. We intend to prove that these texts contain the same set of images and themes, but they are constructed in such different ways that it becomes hard to identify their similarities. To show further evidence of this evolution, we will also carry out an analysis of the second version of *Mel'nitsy*, which was printed in 1929. As a result, we can say that Pasternak's early poetry produces contradictory impressions, since an apparently direct self-expression coexists with a highly structural awareness. This puzzling effect can be explained as a peculiar form of communication, in which a specific meaning is hidden under what appears at the surface to be semantic incoherence. The later shift in Pasternak's poetry towards a greater coherence and simplicity is due to his eagerness to reach a new public, one that—unlike his previous audience—was not able to penetrate the complex structure of his earlier approach.

Keywords:

poetics, Boris Pasternak, evolution of poetic language, linguistic and semantic devices

Исследователи давно заметили, что некоторые образы проходят через все творчество Пастернака и находятся в постоянной связи с определенными темами. Выявление и изучение этих образно-семантических рядов часто затрудняется тем, что в ранней поэзии Пастернака установка на непосредственную передачу лирического слияния со вселенной порождает текст, который на первый взгляд плохо поддается осмыслению¹. Тем не менее такое исследование кажется нам перспективным, потому что анализ инвариантов помогает проследить, как развивается творчество писателя.

Настоящая статья представляет собой попытку показать на конкретном примере, как меняется художественный язык Пастернака за десять лет, то есть в период между 1916 и 1927 гг. Указанные даты отмечают время создания двух стихотворений, которые будут сравниваться, а именно — первой версии "Мельниц" и "Бальзака". В 1929 г. была опубликована радикально обновленная версия "Мельниц", которую мы также будем

¹ "Стремление к предельной непосредственности словесного отклика на мимолетное впечатление-ощущение — вот, пожалуй, основная черта поэтики раннего Пастернака — и, с некоторыми оговорками, и Пастернака вообще" [Окутюрье 2004: 263].

привлекать для сопоставления². Выбор материала обусловлен наличием в этих стихотворениях одного и того же набора образов, которые по-разному выстраиваются в тексте. Сначала мы очертим смысл первоначальной версии стихотворения “Мельницы”, а потом посмотрим, какие изменения претерпевает его образно-семантическое ядро через десятилетие.

Мельницы (1916)

Над свежевзрытой тишиной,
Над вечной памятию лая,
Семь тысяч звезд за упокой,
Как губы бледных свеч, пылают.

Как губы шепчут, как руки вяжут,
Как вздох невнятен, как кисти дряхлы,
И кто узнает, и кто расскажет,
Чем, в их минувшем, дело пахло?

И кто отважится, и кто осмелится,
Звездами связанный, хоть палец высвободить,
Ведь даже мельницы, *о даже мельницы!* —
Окоченели на лунной исповеди.

Им ветер был роздан,
А нового нет,
Они же, как звезды,
Заимствуют свет
У света.
И веянье крыл у надкрыльев
Жуков — и головокруженье голов,
От пыли, головокружительной пыли
И от плясовых головешек костров.

Когда же беснуются куры и стружки,
И дым коромыслом, и пыль столбом,
И падают капли медяшками в кружки
И резко, и изредка лишь — серебром,

² Стихотворение “Мельницы” воспроизводится в двух редакциях: текст, опубликованный в сборнике “Поверх барьеров” (Москва, 1917), и текст, напечатанный в книге “Поверх барьеров: стихи разных лет” (Москва—Ленинград, 1929). Известны также другие варианты. Для более ранней версии существует экземпляр, подаренный Ю. Ивенсену, где заглавие изменено на “Безветрие”. Сохранились два предварительных варианта текста, опубликованного в конце 1930-х гг.: автограф, присланный к середине августа 1928 г. секретарю редакции “Нового мира” Н. И. Замошкину и посвященный Маяковскому, и окончательная версия текста, которая появится на страницах этого журнала (1928, № 12) без посвящения, с подзаголовком “Из старой тетради” и разночтениями. Наконец, самая поздняя перделка дается в издании “Избранные стихи и поэмы” (Москва, 1945).

Тогда просыпаются мельничные тени.
Их мысли ворочаются, как жернова,
И они огромны, как мысли гениев,
И тяжеловесны, как их слова;

И, как приближённые их, они приближены
Вплотную, саженные, к саженым глазам,
Плакучими тучами досуха выжженным
Наподобие общих могильных ям.

И мозгами, усталыми от далей пожалованных,
И валами усталых мозгов
Грозовые громады они перемалывают
И ползучие скалы кучевых облаков.

И они перемалывают царства проглоченные
И, вращая белками, пылят облака —
И в подобные ночи под небом нет вотчины,
Чтоб бездонным мозгам их была велика.

Критика не уделяла большого внимания этому стихотворению, хотя в нем впервые дано развернутое описание мельницы как метафоры творчества, которая потом часто повторяется в произведениях Пастернака³. Самый подробный анализ образа мельниц дается в книге К. Эванс-Ромейн [1997], в которой показано, что связь мельниц с творчеством восходит к немецкой романтической литературе и, в частности, к «Ученикам в Саисе» Новалиса (в переводе Григория Петникова) и к «Приготовительной школе эстетики» Жан Поля⁴. На основе анализа текстуальных

³ Образ мельниц впервые встречается в поэтическом наброске 1910 г. «Гримасничающий закат» [II: 282]; в других отрывках того же периода также появляется мельник [II: 291 и 297]. После публикации «Мельниц» (1916) этот образ снова возникает в очерке «Несколько положений» (1922), где так описывается сущность поэзии: «Она тревожна, как злое кружение десятка мельниц на краю голого поля в черный, голодный год» [V: 27]. В дальнейшем тот же образ встречается в стихотворении 1956 г. «Душа» («Душа моя, скудельница, / Все виденное здесь, / Перемолов, как мельница, / Ты превратила в смесь» [II: 151]) и в «Докторе Живаго» в виде водяной мельницы («Язык [. . .] сам начинает думать и говорить за человека [. . .] Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колеса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований» [IV: 434]). Флейшман [2003: 290–291; ср. также 180, сноска 100] указывает еще на два варианта образа мельниц: сравнение между художником и «мельником пушкинским» в «Спекторском» [II: 9] и фразу «жернов равномерного шарканья» в «Охранной грамоте» [III: 208]. Здесь и далее ссылки на произведения Пастернака даются по изданию [ПАСТЕРНАК 2003–2005]: тома указаны римскими цифрами, страницы — арабскими.

⁴ Эванс-Ромейн выявила отсылки и к отдельным образам произведений Гофмана, например пыли [1997: 175 и 203]. Исследовательница также заметила, что тема

совпадений между этой версией текста и вышеуказанными произведениями исследовательница заключает, что в основе стихотворения Пастернака лежит двойная метафора — образ ненасытной мельницы природы и истории, восходящий к Новалису, и образ мельницы творчества, такой же бессмысленной и разрушительной⁵: “Nature in the Novalis text is translated to the creative process in this Pasternak poem. The two are linked [. . .] in the image of a storm moving the windmills of the mind” [1997: 95]. Итак, Эванс-Ромейн [1997: 102–103] приходит к выводу, что

[p]oetic creativity, according to Pasternak, reflects the violence and terror of nature in that it, too, is terrifying; it renders the poet a helpless victim, who can no more control the process of inspiration than he can a coming storm. [. . .] Like the natural world, the creative process depicted through the metaphor of the mills inspires fear, revulsion, and a sense of helplessness in the writer. On the other hand [. . .] the lack of inspiration, the exhaustion, is more terrifying than the storm and violence of inspiration.

Исследование Эванс-Ромейн внесло большой вклад в понимание стихотворения, но, как нам кажется, последний вывод не вполне обоснован, потому что она переносит смысл этой метафоры в немецкой литературе на творчество Пастернака, не учитывая специфичность нового контекста. С одной стороны, для самого Новалиса зловещая сторона природы является лишь этапом диалектического мышления, который в дальнейшем немецкий поэт отрицает, доказывая преимущество поэтической мысли перед научной⁶. С другой же, Эванс-Ромейн ограничивается установлением лексических совпадений, не предлагая подробного анализа стихотворения. Однако, как справедливо отмечал М. ГАСПАРОВ

усталости мельниц творчества восходит к очерку Новалиса “Христианство или Европа”: соединительным звеном между немецким поэтом и Пастернаком является в этом случае стихотворение С. Боброва “Лира лир”, где, однако, метафора мельницы творчества обладает положительными коннотациями [1997: 96].

- ⁵ Ср. в особенности: “А природа остается всегда, как далеко бы мы ни заходили, страшной мельницей смерти: повсюду непомерное круговое движение, неразрывная цепь круговорота, царство прожорливости, безумнейшей надменности, какая-то чреватая несчастьем безмерность; немногие светлые точки озарили тем еще более страшную ночь, а разного рода страхи должны были пугать до бесчувствия всякого наблюдателя” [Новалис 1920: 27].
- ⁶ Как объясняет РЕАЛЕ [2001: 42], в “Учениках в Саисе” соображения о природе развиваются в виде спирали, так как каждое новое возражение вбирает в себя и опровергает предыдущее утверждение; в этом поступательном движении представление о природе как о “страшной мельнице смерти” является лишь первым этапом размышления, который превзойдут следующие три этапа. К концу текста, говоря о поэтическом воображении, Новалис выражает мысль, с которой оказываются созвучными эстетические взгляды Пастернака: “. . . если и кажется, что в отдельных частях правит только бессознательный и ничего не значащий механизм, то все же глубже глядящий глаз видит волшебную симпатию к людскому сердцу в совпадении и в связи отдельных случайностей” [Новалис 1920: 37].

[2002: 647–648], при выявлении подтекста необходимо определить его роль в данном конкретном произведении. И это тем более необходимо в случае Пастернака, потому что

... неисчезающая затруднительность подхода [...] к сопоставлению Пастернака с любым отечественным или иноязычным поэтом состоит в том, что [...] Пастернак как бы приводил их к общему знаменателю так, что в мировой культуре возникали новые связи, а поэты объединялись в новый поэтический род, с которым он сам оказывался в естественной близости. Такое отношение к традиции [...] затрудняет наши, казалось бы, безусловные выводы касательно источника его стихов, ибо источник этот может иметь коллективный характер, состоять из мотивов, образов, равно характерных с его точки зрения для самых разных поэтов [Подгаецкая 2009: 405]⁷.

Нам хотелось бы показать, как эта метафора немецкого происхождения — мельница как творчество — обрастает новым смыслом в тексте Пастернака и подытоживает представления писателя о творчестве, которые со временем существенно не меняются. Для начала рассмотрим первые три строфы стихотворения: они предваряют метафору мельниц и содержат важные для понимания текста элементы.

Семантическая структура первого четверостишия очень сложна. Заглавие настраивает читателя на описание пейзажа, поэтому первая строка сначала скорее воспринимается как метонимия, где “тишина” заменяет по пространственной смежности то слово, которое обычно сочетается с прилагательным “свежевзрытый”, то есть “земля”. Итак, “над свежевзрытой тишиной” понимается как “над тихой, свежевзрытой землей”. Однако в дальнейшем появляются термины, связанные с темой смерти (“вечная память”, “за упокой”, “свечи”), и это подсказывает ассоциацию прилагательного “свежевзрытый” не с землей как таковой, а с могилой, тем более что замена тишина/могила поддерживается фразеологизмом “гробовая тишина”⁸. Дойдя до конца строфы, читатель по-новому воспринимает текст: на первоначальный чисто визуальный образ свежевзрытой земли, погруженной в ночную тишину, накладывается представление о каком-то сакральном покое. Таким образом, сравнение между звездами и языками пламени свеч отсылает к кануну (столику для заупокойных свеч в церкви)⁹; тема панихиды

⁷ Сходным образом Горелик [2000: 35], изучив влияние Ницше, Гейне, Гете и Бальмонта на раннюю прозу Пастернака, приходит к выводу о том, что “речь не идет о заимствовании теоретических положений. Пастернак воспринимает не идеи, а образы — преобразуя их, включая в новый контекст, он проверяет идеи предшественников, строит на их основе новые идеи”.

⁸ В качестве скрытой отсылки менее подходящим кажется аналогичное выражение “мертвая тишина”, потому что прилагательное “свежевзрытый” вызывает в памяти образ только что вырытой могильной ямы.

⁹ Ср. в “Докторе Живаго” [IV: 88]: “Это недоступно высокое небо [...] как бы окуналось у них в детской в таз с позолотой и, испулавшись в огне и золоте,

поддерживается выражениями “за упокой” и “вечная память”, последнее является и частью похоронного песнопения¹⁰.

Эта тема развивается и дальше: во второй строфе звезды напоминают верующих, молящихся в церкви (“Как губы шепчут...”), в четвертой выражение “заимствуют свет у света”, возможно, отсылает к определению Христа как “Света от Света” в Никейском Символе веры; дальше появляется тема исповеди (“на лунной исповеди”); наконец, в шестой строфе дробь дождя сравнивается со звяканьем монет, собираемых во время службы¹¹. Таким образом, тема смерти отсылает к вечной памяти, воспринятой как подлинная форма увековечения.

Во второй строфе, которая своим монотонным ритмом предвещает появление мельниц¹², диалог звезд¹³ превращает общую тему смерти в размышление над человеческой судьбой. Образ “губы свеч” сначала понимается как метонимическое преобразование фразеологизма “язычок пламени”, но потом троп реализуется, и губы начинают говорить¹⁴. Их разговор можно по-разному толковать. В. Альфонсов [2001: 41] считает, что немой диалог звезд уподобляется перешептыванию старух

превращалось в заутреню или обедню в маленькой переулочной церквушке, куда няня его водила. Там звезды небесные становились лампадками, божедня — батюшкой и все размещались на должности более или менее по способностям”.

¹⁰ О других образах, связанных с темой панихиды в поэзии Пастернака, см. [Ковтунова 2003: 146].

¹¹ Благодарю Б. А. Успенского за указание на религиозные коннотации текста. Как указывает Эванс-Ромейн [1997: 93], похожий образ появляется в “Балладе” (1916): “Затем, наконец, что — баллада, баллада, / Монетный двор дождя” [I: 363].

¹² Альфонсов [2001: 42] отмечает, что “ритм (с обязательной паузой внутри каждого стиха) — как тяжело-замедленные повороты мельничных крыльев. Это, надо полагать, входило в задачу стихотворения”.

¹³ Образ говорящих звезд часто встречается в поэзии Пастернака, см. стихотворения “Звезды летом” (Рассказали страшное, / Дали точный адрес. / Отпирают, спрашивают, / Двигутся, как в театре), “Определение поэзии” (Этим звездам к лицу б хохотать, / Ан вселенная — место глухое), “Весна” (Где вечер пуст, как прерванный рассказ, / Оставленный звездой без продолженья / К недоуменью тысяч шумных глаз, / Бездонных и лишенных выраженья), “Полярная швея” (Смотри: с тобой объясняется знаками / Полярная швея), с явным намеком на полярную звезду. Ср. также стихотворение М. Лермонтова “Выхожу один я на дорогу. . .” (за указание на этот подтекст благодарю М. С. Гринберга).

¹⁴ Интересно заметить, что у Пастернака именно язычок пламени связан с творчеством: “Я не верю своему искусству, если запроваляю его в солнечный день; легкий жар, с которым это действие всегда так связано, исходит как будто бы все от того же полдня, и ты не чувствуешь себя язычком пламени, зажженным на письменном столе в пасмурный утренник под оползающим, расседающимся небом. Такие дни — дни для лирика” [VII:192; письмо родителям, написанное после 23 июля 1914 г. из Петровского на Оке]. Здесь явно происходит разметафоризация метафоры, так как в словосочетании “язычок пламени” восстанавливается изначальное отношение к языку как части тела человека и средству выражения.

при вязании; в тексте можно видеть также отсылку к мифу о Парках, как в “Учениках в Саисе” Новалиса¹⁵. В любом случае в центре четверостишия стоит тема человеческой судьбы, которая разворачивается на фоне незнания прошлого и будущего, символизированного картиной звездного неба¹⁶.

Именно эта тема подхватывается в следующей строфе, где строка “звездами связанный, хоть палец высвободить” предваряет чувство растерянности при размышлении о непостижимости судьбы, охватывающее весь мир, включая мельницы¹⁷.

Итак, семантический контекст, в который вписывается образ мельниц, — это размышление о смерти, о судьбе и о вечности. Очевидно, что описание пейзажа в первых трех строфах представляет собой не просто визуальный фон, но и поэтическую декларацию Пастернака. Детали подобраны так, чтобы представить не только ландшафт, но и процесс творчества: для поэта искусство является реакцией на смерть, которая видится в перспективе вечной жизни, так что сама смерть становится моментом, необходимым для создания новой формы. Только это второе прочтение позволяет определить семантическое ядро текста и объяснить отдельные образы. Так, стих “окоченели на лунной исповеди”, описывающий равнину, залитую холодным светом луны, передает также чувства художника, который, переживая вдохновение, осознает и свое несовершенство; восхищается вселенной, но понимает, что человек бессилён постичь ее божественную сущность¹⁸.

¹⁵ “Художники уже нанесли ей некий тайный удар, продолжайте так только дальше, овладейте тайными нитями, и сделайте ее, подобно себе похотливой [...] Отдаленные братья с нами соединились для Единой цели, звездное колесо станет прялкою нашей жизни, и тогда мы сможем при помощи наших рабов воздвигнуть себе новый Джиннистан” [Новалис 1920: 28]. Комментарий итальянского издания усматривают в этом отрывке отсылку к мифу о Парках [Реале 2001: 221, сноска 18].

¹⁶ Ср. в наброске “Я спустился к Третьяковскому проезду. . .” (1910) образ ночного неба, изучающего линии площади, как бы читая по руке: “Оттого вечер трепещет площадью как призрачной листвою, а иногда уставится небо на площадь, как на обласканную сумраком ладонь с тысячей складок и линий, и долго изучает небо с ропотом и наговором мостовых, совсем как гадалка, — складки и линии площади, водит по ней тенями. Потом прятки еле проступающих ранних звезд. Это ответ гадалки” [Ш: 431].

¹⁷ Тема “окоченения” природы (“окоченели на лунной исповеди”) также может отсылать к следующему отрывку “Учеников в Саисе” Новалиса [1920: 38]: “Возвышенное действует окаменяюще, и мы потому не смели изумляться возвышенному в природе и его действиям или не знать, где его должно искать. Могла ли природа не обратиться в камень от созерцания Бога? Или от ужаса по поводу пришествия человека?”

¹⁸ Отсутствие окончательного синтеза придает искусству особый драматизм. Оно связано с тем, что искусство не указывает единственно верный путь, а призвано выражать осознание разнообразия и проблематичности действительности. Искусство разрушает обычное восприятие мира, но не хочет застыть, создав

Двойная структура текста, где пейзаж оказывается одновременно реальным и символическим, часто встречается в ранних прозаических опытах Пастернака. В них остраненное восприятие действительности сочетается с символической функцией предметных деталей, так что общий смысл разъясняется только тогда, когда становится понятным их значение. Не имея возможности подробно остановиться на этом аспекте из-за небольшого объема статьи, приведем только один фрагмент 1910 г., в котором сходство с “Мельницами” очевидно:

Реликвимини был на месте уже. Ясная студеная лазурь, разбавленная облаками, по края была налита в ясени и клены, в красные графины листья; между ними необъятными мотыльками порхали белые осины, — проливными пятнами. А когда тут и там в вечер, как на постоялый двор¹⁹, тупо сошлись неразверстанные тучи, через черные елки полетели резные головешки и лиловые ожоги клена. Потом какие-то прощенные (*sic!*) лучи скорбно и бескровно, каким-то гашеным свечением силились вспомнить ту большую незабвенную низину, которая была перед ними обмокнута в глубокою тень. И вокруг белой страдальческой лужайки света была поминальная равнинная тьма [III: 435].

Как видно, здесь тоже дается вечерний пейзаж, тоже появляются летающие насекомые (жуки и осины-мотыльки), головешки (костров) и при описании залитой лунным светом равнины особыми прилагательными (“прощенные”, “поминальный”) вводится тема смерти и воскресения²⁰.

Размышления о связи между искусством, смертью и бессмертием, которые впервые подробно развернуты в “Мельницах”, в дальнейшем станут одним из семантических ядер “Доктора Живаго”. Во время панихиды герой думает о том, как память превращается в искусство:

новое, однозначное представление о мире: “. . . творчество целиком болезненно, потому что оно исповедь о мире — задаче, об объекте лирически ирреальном. [...] Искусство это повышающаяся исповедь, мир бессилия” (письмо 1910 г., [VII: 69]). Восприятие искусства как исповеди появляется и в следующем году в очерке о Клейсте: “Практика того же, что мы называем творчеством, — практика — есть обряд возобновляемых начинаний [. . .] Но этим и исчерпывается то, что дает художник; только это и есть его задача, только в этой вечно осекающей исповеди идеализма и сказывается его драматизм [. . .] Конца нет, это ненаступление синтеза — сплошь положительно — это и есть искусство — драма культуры — отчуждение как таковое, отчуждение без учреждения собственности права” [V: 300].

¹⁹ В другом виде этот образ появляется в стихотворении 1957 г. “Стога”: “Стог принимает на закате / Вид постоялого двора, / где ночь ложится на полаты / В накошенные клевера” [II: 158].

²⁰ Почти неизвестный вариант этой композиционной структуры обнаруживается в “Вахханалии” (1957): тема воскресения, которая пронизывает весь текст, появляется в самом начале стихотворения, где описывается богослужение в церкви св. Бориса и Глеба. Как объясняет А. Яковсон [1992: 135–136 и 333–334, сноска 66], здесь изображается ночное богослужение в субботу перед Пасхой и это особенно подчеркивает идею воскресения, в буквальном и метафорическом смыслах. Свет свечей, как символ воскресения, по мере развертывания текста превращается в свет прожекторов в театре.

А теперь он слушал заупокойную службу как сообщение, непосредственно к нему обращенное и прямо его касающееся [. . .]. В ответ на опустошение, произведенное смертью [. . .], ему с непреодолимостью, с какою вода, крутя воронки, устремляется в глубину, хотелось мечтать и думать, трудиться над формами, производить красоту. Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь [IV: 89–91].

Нам кажется, что этот фрагмент проливает свет и на метафору мельниц, которая в этой перспективе вовсе не отмечена бессилием и боязнью уничтожения, как считает Эванс-Ромейн. Напротив, творчество предстает здесь особой реакцией на человеческую брэнность, превращающей чувство опустошенности перед лицом смерти в нечто вечное: сама смерть оказывается этапом, необходимым для создания новой формы. Природа служит медиатором божественного вдохновения и в качестве таковой не может восприниматься как бессмысленный и ненасытный механизм истребления живого. Показательный сдвиг: в конце стихотворения “царство прожорливости”, как Новалис характеризует мельницу природы, замещается “царствами проглоченными”²¹: природа предстает одновременно источником и материалом творчества, а не разрушительной силой.

Тема творчества и дальше пронизывает описание ночного пространства. В четвертой строфе речь идет, с одной стороны, о пассивности поэта, получающего вдохновение извне, с другой — о божественной природе этого вдохновения. В пятой строфе посредническая роль природы опредмечивается: движение крыльев мельниц как будто вызвано жужжанием крыльев насекомых, их приводят во вращение вихри пыли²², предшествующие буре, и пляшущее пламя костра. У Пастернака начало творческого процесса часто ассоциируется с жужжанием насекомых. Термин “жесткокрылые” своим звуко-семантическим обликом заставляет вспомнить героя ранней прозы Пастернака Шестокрылова, чья фамилия (благодаря пушкинскому “шестикрылому серафиму”) связана с даром вдохновения и пророческим словом. Сопоставление с процитированным выше отрывком ранней прозы позволяет понять образ головешек как метафору колышущейся листвы.

В шестой строфе движение творческой мысли уподобляется вращению крыльев мельниц; в дальнейшем снова развивается тема медиумической пассивности художника: мельницы описываются как “приближенные”, они мелют “пожалованные дали”, “вотчины”.

²¹ ЭВАНС-РОМЕЙН [1997: 97] отмечает это соответствие, но не объясняет его смысла.

²² О пыли у Пастернака см. [РАДИОНОВА 2001].

Ключевые образы “Мельниц” появляются и в стихотворении 1927 г. “Бальзак”²³. Это совпадение не случайно, так как оба произведения описывают роль творчества и место художника. “Бальзак” очень интересен тем, что в нем можно обнаружить целый ряд мотивов, имеющих отношение к теме искусства и его творца, которые пронизывают все раннее творчество Пастернака и в особенности цикл “Поверх барьеров”. Так, в первой и третьей строках темы гнева (“разгневанно цветут”) и мести (“В дождях, как мщенье, долгожданных”) отражают то представление о ярости как этическом порыве художника, встающего на защиту правды, которое уже появилось в “Посвящение”²⁴, “Подражательной”²⁵ и “Балладе”²⁶; в дальнейшем образ поэта как “заложника”, “должника” и “алхимика” повторяет темы и образы стихотворений “Посвящение”²⁷, “Вдохновение”²⁸ и “За обрывками редкого сада. . .”²⁹. Однако

²³ Стихотворение было опубликовано сначала в 1928 г. в журнале “Звезда” (№ 8), а потом в следующем году, без изменений, в сборнике “Поверх барьеров. Стихи разных лет”. Образ Бальзака появляется и в других произведениях Пастернака: ср. “Город” (1916, [I: 238]), “Белые стихи” (1918, [I: 248]), “Еловый бурелом. . .” (1936, [II: 104]) и “Охранная Грамота” [III: 161]. О роли Бальзака в творчестве Пастернака вообще см. [Михайлов 2010, Михайлов и Окутюрье 1995].

²⁴ “Люди! Там ярость сановней моей. / Люди! Там я преклоняю колени. / Люди, там, словно с полярных морей, / Дует всю ночь напролет с Откровенья” (“Поверх барьеров” [I: 345]).

²⁵ “Такой же гнев обуревал / Его, и, чем-то возмущенный, / Он злобу на себе срывал” (“Темы и вариации” [I: 172]). Ср. также стихотворение “Маяковскому” (1922), где Пастернак обращается к адресату с таким пожеланием: “Я думаю о терапевте, / Который вернул бы вам гнев” [II: 231]. Связь гнева с творчеством обозначена также в эссеистике Пастернака: в 1917 г., рецензируя “Оксану” Н. Асеева, Пастернак пишет, что “досада и сожаление” суть “два чувства первозрядного поэта” [V: 17]; этот семантический комплекс выделяется особенно часто в связи с фигурой Маяковского, в котором Пастернак видел воплощение подлинного поэта: кроме вышеуказанных стихов, см. рецензию на “Простое как мычание” (1917), где утверждается, что “[п]оэзию привяжут к поэту две вещи. — Ярость творческой его совести. Чутье не назревшей еще ответственности перед вечностью — его судилищем” [V: 21]. Ср. также в “Охранной грамоте” описание выражения лица Маяковского после смерти: “Это было выражение, с которым начинают жизнь, а не которым ее кончают. Он дулся и негодовал” [III: 236]; или там же: “. . . равнодушие к непосредственной истине, вот что приводит его [т. е. гения] в ярость. Точно это пощечина, данная в его лице человечеству. И в его холсты входит буря, очищающая хаос мастерства определяющими ударами страсти” [III: 206]. Анализ этой главы “Охранной грамоты” дается в [Окутюрье 1979].

²⁶ “Песок горел пощечиной, Не отомщенной в срок, / Несмытой, неоплоченной / Заушиной дорог” (“Поверх барьеров” [I: 362]).

²⁷ “Крепкие тьме полыханьем огней! / Крепкие стуже стрельбою поленьев! / Стужа в их песнях — студеной моей. / Их откровений — темнее затемне! // С улиц взимает зима, как баскак, / Шубы и печи, и комнат убранство, / Знайте же, — зимнего ига очаг / Там, у поэтов, в их нищенском ханстве” (“Поверх барьеров” [I: 345]).

²⁸ “О, теперь и от лип не в секрете: / Город пуст по зарям от того, / Что последний из смертных в карете / Под стихом и при нем часовой” (“Темы и вариации” [I: 164]).

²⁹ “Дети дня, мы сносить не привыкли / Этот запада гибнущий срок, / Мы, надолго отлившие в тигле / Обиходный и легкий восток” (“Близнец в тучах” [I: 340]).

самые многочисленные и органические соответствия связывают стихотворение “Бальзак” с “Мельницами”; их мы находим в шестой и седьмой строфах, где можно выделить мотивы панихиды, ткачества и зрения.

Бальзак

Париж в золотых тельцах, в дельцах,
В дождях, как мщенье, долгожданных.
По улицам летит пыльца.
Разгневанно цветут каштаны.

Его бессонные зенки
Устроены, как веретена.
Он вьет, как нитку из пеньки,
Историю сего притона.

Жара покрыла лошадей
И шелканье бичей глазурью
И, как горох на решете,
Дрожит в оконной амбразуре.

Чтоб выкупиться из ярма
Ужасного заимодавца,
Он должен сгинуть задарма
И дать всей нитке размотаться.

Беспечно мчатся тильбюри.
Своя довлеет злоба дневи.
До завтрашней ли им зари?
Разгневанно цветут деревья.

Зачем же было брать в кредит
Париж с его толпой и биржей,
И поле, и в тени раки
Непринужденность сельских пиршеств?

А их заложник и должник,
Куда он скрылся? Ах, алхимик!
Он, как над книгами, поник
Над переулками глухими.

Он грезит волей, как лакей,
Как пенсией старик бухгалтер,
А весу в этом кулаке,
Что в каменщиковой кувалде.

Почти как тополь, лопоух,
Он смотрит вниз, как в заповедник,
И ткет Парижу, как паук,
Зауспокойную обедню.

Когда, когда ж, утерши пот
И сушь кофейную отвевяв,
Он оградится от забот
Шестой главою от Матфея?

Стихотворение можно разделить на две части. В первых пяти строфах описывается Париж и писатель, наблюдающий город. Париж представляется городом суеты, его жители поглощены материальными, сиюминутными потребностями. Ответом на все это становится гнев природы, который и побуждает писателя к действию. “Злоба дневи” — ключевой элемент первой части: это словосочетание описывает приземленные заботы, владеющие парижанами, и одновременно отсылает к той главе Евангелия, которую Пастернак прямо упоминает в конце стихотворения.

Но вернемся к девятой строфе и посмотрим, как разворачивается образный строй. Бальзак, как паук, тклет зауспокойную обедню Парижу. Такое сравнение не добавляет какую-либо семантическую коннотацию, а лишь облегчает понимание метафоры “основа творчества” (в ткацком смысле этого слова). Упоминание паука подсказывает слово “паутина”, которое своей фонетической близостью к слову “зауспокойная” способствует пониманию панихиды как погребального покрывала, савана. В любом случае в этой метафоре легко распознать содержание и образ, поэтому здесь творчество Бальзака явно открыто сопоставляется с плетением ниток³⁰, а результат этого действия связывается с идеей увековечения. При всей неожиданности этого образа его роль в тексте прозрачна, потому что организация фразы указывает именно на него как на семантический центр всего высказывания. Смысл метафоры выявляется в конце стихотворения, благодаря отсылке к Евангелию от Матфея.

В “Мельницах” образ похоронной церемонии не вырисовывается так ясно, его надо узнать в описании пейзажа. В начальной строфе подлежащее (“семь тысяч звезд”) появляется только в третьем стихе, поэтому читатель может сначала ожидать, что подлежащим будут “мельницы” из заглавия или, ниже, собака, к которой относится форма “лая”³¹. К

³⁰ Ткачество является традиционной метафорой словесного творчества: ср. [Виноградов 1999: 1020–1021 и Матхаузерова 1976].

³¹ В данном контексте форму “лая” можно читать и как родительный падеж слова “лай”, и как деепричастие глагола “лаять”; вообще, стих отсылает к таким

тому же детали погребальной церемонии не связаны с каким-то одним элементом, а отсылают то к тишине, то к лаю, то к звездам. Наконец, все эти детали не ассоциируются прямо с мельницами, то есть с метафорой творческого процесса, а кажутся лишь загадочным пейзажным фоном. Именно поэтому намного труднее читается образ панихиды и не так очевидна его прикрепленность, с одной стороны, к пейзажу, с другой же — к мельницам. Кроме того, идея вечной жизни, которая связана здесь с темой смерти, не эксплицируется далее в тексте.

Это различие в логическом развертывании текста обнаруживается также в образе глаз. В “Бальзаке” слово “зенки” употребляется в прямом смысле по отношению к глазам писателя, смотрящего на переулки Парижа. Сравнение глаз с веретенами опирается на их сходное движение: его основой является глагол “вращать”. Творческое зрение и писание уподобляются ткачеству: переплетение событий, рассмотренных в свете вечности, становится тканью заупокойной службы³². Этот мотив разрешается в последней строке отсылкой к Евангелию, где Христос призывает человека жить духовными, а не материальными интересами, подобно полевым лилиям, которые “ни трудятся, ни прядут” (Мф 6:28).

Здесь тоже проявляется усложненность “Мельниц” в сравнении с “Бальзаком”. Прежде всего, в восьмой строфе термин “саженные глаза” употребляется в переносном значении, и остается неясным, к какому элементу пейзажа он относится³³. Описание глаз строится на оксюмороне “плакучими тучами досуха выжженным”; раньше вращение приписывалось жерновом и мыслям их теней (“... просыпаются мельничные тени / Их мысли ворочаются, как жернова”), и только в последней строфе появляется словосочетание “вращая белками”. Итак, не только метафора глаз остается темной, но и трудно понять, что связывает этот образ с мельницами: читатель воспринимает движение глаз

выражениям, как “выть по покойному”; “собачий вой, на вечный покой”, “ночной собачий вой, к покойнику” [Даль 1903: 790–791].

³² Фарыно [1987: 300–301, сноски 9 и 11] напоминает, что в творчестве Пастернака тема памяти и истории постоянно находит выражение в разного рода “нитях” (бечева, веревка, канат и т. д.); эти семантические ассоциации появляются и в стихотворениях, написанных до “Бальзака”, — таких, как “Матрос в Москве” (1918) и “Тема с вариациями” (1923), — и в таких более поздних текстах, как “Чернее вечера” (1936). Образная связь между историей, индивидуальной и творческой судьбой и тканью проявляется также в концовке стихотворения “Пока мы по Кавказу лазаем...” (1931) в формулировке “Существованья ткань сквозная” [II: 79]. Об образе нити в народной культуре и ее роли как символа творчества у Пастернака см. [Фарыно 1993: 12–13].

³³ К. М. Поливанов, в отличие от нас, считает глаза метафорой звезд, по отношению к которым дождь представляет собой слезы; небо, усыпанное звездами и кое-где покрытое облаками, похоже на заплаканные глаза с черными, как ямы, кругами (личное сообщение).

прежде всего как необычное описание пейзажа, которое, возможно, относится к крыльям мельниц.

Образ нити в этих стихотворениях строится тоже по-разному. В “Бальзаке” нить является метафорой истории и творческого процесса, и последовательно развивает тему заупокойной службы и веретен. В “Мельницах” этот образ более загадочен: это звезды плетут какое-то полотно, которое связано с судьбой и поэтому может сковать пространство трансцендентным страхом.

В общем, в “Бальзаке”, даже если отдельные образы и их сочетание на первый взгляд озадачивают читателя, прямое и переносное значения четко разделены, и это облегчает понимание текста. Пояснению смысла способствует и семантическая организация стихотворения: начиная с шестой строфы образы первой половины текста раскрывают свой подлинный смысл. Так, определение Бальзака как заложника и должника сначала скорее понимается как отсылка к обстоятельствам личной жизни французского писателя. Однако после прочтения всего текста становится ясным, что эти эпитеты описывают не столько финансовые затруднения, мешающие творчеству, сколько положение любого художника, который стоит перед лицом вечности и призван выражать осознание вневременной сущности жизни. Упоминание евангельской цитаты в последнем стихе становится верным ориентиром для понимания всего текста как размышлений о задаче и положении художника: в контексте творчества “злоба дневи” снова приобретает свое евангельское значение, призывающее человека заботиться о вечной жизни, так как на земле “своя довлеет злоба дневи”. Это и должен быть ориентир при творчестве.

Смысловая структура “Бальзака” предваряет поэтику неслыханной простоты³⁴, которая характеризует позднее творчество Пастернака. На самом деле не только последняя строфа раскрывает смысл всего текста, но и в первой половине стихотворения образы обладают высокой степенью связности: все они относятся к одному субъекту — писателю, и основа сравнения очевидна. К тому же сравнения играют вспомогательную роль, потому что не добавляют предмету сравнения новых коннотаций и не обыгрывают многозначность слов. Напротив, в раннем варианте “Мельниц” восстановление связности текста требует значительных усилий: трудно определить и описываемую действительность, и внутреннюю последовательность образов в тексте.

³⁴ Это определение появляется в стихотворении “Волны”: “В родстве со всем, что есть, уверясь / И знаясь с будущим в быту, / Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту” [II: 58]. Эта формула является переделкой выражения, употребленного в тексте 1912 г. “Как бронзовой золой жаровень...”: “И, как в неслыханную веру, / Я в эту ночь перехожу, / Где тополь обветшалосерый / Завесил лунную межу” [I: 63].

Ясно, что композиционно “Бальзак” сильно отличается от текстов конца 20-х гг. Если в 1927 г. дается текст с четкой структурой и с ключом в конце, то в 1916 г. стихотворение как будто нацелено на непосредственную передачу визуальных впечатлений и эмоциональных реакций. Однако анализ текста показывает, что спонтанность и мнимая хаотичность ранней поэтической речи Пастернака являются результатом сознательного замысла, который скрывает от читателя настоящий критерий отбора и сцепления образов. Текст представляет собой не просто прямой пересказ впечатлений от поездки в Красную Поляну 1915 г.: воспоминания отбираются на основе схожего опыта, который уже получил художественное оформление в отрывках прозы и поэзии 1910 г. В процессе писания языковые ассоциации играют не меньшую роль, чем впечатления от реального пейзажа. Такая манера письма отвечает желанию поэта воссоздать перед читателем опыт творческого вдохновения, когда художник осознает осмысленность вселенной. Для этого он и строит текст, где смысл не закрепляется за отдельными словами или символами, а как будто разлит в пейзаже. Нарушения обычной логики, мнимая бессвязность текста, которая затрудняет выявление тематического единства, приводят к тому, что символичность некоторых элементов скрывается за наглядностью эмпирического опыта. Отсюда свежесть и предметность изображенного мира и одновременно ощущение глубокого смысла, который, однако, трудно определить.

Этот принцип построения текста находит четкую формулировку в одном из пастернаковских писем 1914 г.:

Мне кажется, художественное дарование заключается вот в чем: надо роковым, инстинктивным и произвольным образом видеть так, как все прочие думают, и наоборот думать так, как все прочие видят. Это значит вот что: поле зрения не должно быть каким-то неизбежно навязанным сырьем, в котором глаз не повинен и не ответствен за него, — формы должны следовать из особого свойства каждого художнического внимания, как следуют выводы из мыслей остальных людей. И напротив — все ощущения отвлеченных вещей, вроде сознания времени, прошлого, сознание пространственных схем и т. д. — вообще все мысли художника должны лежать в нем в виде необработано диковинной залежи, тяжелой, темной, телесной и осязательной. Если довести это до парадокса, можно сказать, что художник окружен снаружи своею мыслью и тем, что называют вообще душой, и что он носит в себе все то, что называется окружающим миром [VII: 185].

На самом деле описание соответствует не реальному ландшафту, а тому, как поэт его воспринял, то есть веренице ассоциаций, которые этот ландшафт в нем вызвал. Перед нами не просто описание, а осмысленное изображение, размышление. Образно-семантический ряд, возникший при творческом восприятии действительности, сохраняется в памяти в неоформленном виде и способен порождать новые ассоциации.

Писатель может снова обращаться к воспоминанию о своем лирическом опыте, которое скреплено с определенными образами, и пользоваться ими, видоизменяя форму и содержание. В целом можно сказать, что в ранней поэзии Пастернака образы построены так, чтобы читатель не распознавал их символический характер, но диахронический анализ его творчества позволяет выявить их постоянные значения³⁵.

Такая структура ставит вопрос о понятности текста вообще, то есть о возможности для читателя постигнуть смысл, стоящий за определенными образами. Как кажется, наш анализ показывает, что можно дать объяснение даже очень сложным текстам. Поскольку Пастернак стремится передать свое переживание осмысленности всей вселенной, вообще любая деталь может быть выбрана им для того, чтобы раскрыть вечное содержание искусства. Однако он, как и любой писатель, создает на основе личного опыта такое сочетание элементов, которое является индивидуальным и исторически определенным выражением вневременного значения. Поэтика случайности, характеризующая раннее творчество Пастернака, опирается не на семантическое безразличие, а на веру в способность текста сообщить общий смысл через личный опыт. Переход от поэтики случайности к поэтике неслыханной простоты — это не переход от семантически расплывчатого текста к логически упорядоченному: смена возникает не из желания высказаться, а из желания общаться с новой читательской публикой, которая больше не разделяет культурных предпосылок пишущего, не понимает его язык³⁶.

Примечательно, что эволюция творчества Пастернака, которая видна в “Бальзаке”, находит подтверждение и в версии “Мельниц” 1929 г. Пастернак существенно расширяет вступление: в новой версии первое четверостишие заменено пятью строфами, в которых описание пейзажа становится намного реалистичнее. Теперь точно указаны место и время, когда разворачивается сцена, а именно село в Харьковском уезде

³⁵ Ср. описание творческого процесса в стихотворении “Белые стихи” (1918), лирическим героем которого является Бальзак: “. . . В горящий мозг / Вошли слова: любовь, несчастье, счастье, / Судьба, событие, похождение, рок, / Случайность, фарс и фальшь. — Вошли и вышли. / По выходе никто б их не узнал. / Как девушек, остриженных машинкой / И пощажённых тифом. Он решил, / Что этих слов никто не понимает, / Что это не названия картин, / Не сцены, но — разряды матерьялов. / Что в них есть шум и вес сыпучих тел, / И сумрак всех букетов москательной” [I: 249–250]. Замечательно, что слова не называют ситуацию, а дают переживать ее: при творчестве они становятся материалом не только потому, что поэт оперирует ими, но и потому что они хранят память о той конкретной ситуации, которая внушила ему вдохновение, и поэтому могут ее воссоздать.

³⁶ Ср. “Стихи не заражают больше воздуха, каковы бы ни были их достоинства. Разносящей средой звучания была личность. Старая личность разрушилась, новая не сформировалась. Без резонанса лирика немислима” (Ответ на анкету “Ленинградской правды”, 1926, V: 213).

летней ночью: на время года указывают кукурузные поля, описывается освещенный луной ночной пейзаж, где время от времени слышится лай собаки. Метафора звездного неба — кануна устраняется: от прежней драматичности остается только слабый отзвук в “рыдании” пса и в намеке на какую-то другую землю (“на другой земле / рыдает пес”)³⁷. Оксюморонная гробовая тишина, прерванная лаем, превращается в непрерывный шелест колосьев и кукурузных стеблей, предваряющий “кишенье всех естеств” в четвертой строфе. Тема смерти и судьбы заменяется темой неустанной деятельности вселенной, результатом которой является созревание (от первоначального варианта здесь осталось лишь мерцание звезд, как бы причастных к этой деятельности). Эта новая трактовка отражается и на последующих строфах: лексически они мало отличаются от первоначального текста, но приобретают новое значение, поскольку объектом сравнения становятся теперь не звезды-свечи, а постоянное движение природы:

Мельницы (1929)

Как губы, — шепчут; как руки, — вяжут;
Как вздох, — невнятные, как кисти, — дряхлы,
И кто узнает, и кто расскажет,
Чем тут когда-то дело пахло?

И кто отважится и кто осмелится
Из сонной одури хоть палец высвободить,
Когда и ветряные мельницы
Окоченели на лунной исповеди?

Им ветер был роздан, как звездам — свет.
Он выпущен в воздух, а нового нет.
А только, как судна, земле вопреки,
Воздушную ссудой живут ветряки.

Ключицы сутуля, крыла разбросав,
Парят на ходулях степей паруса.
И сохнут на срубках, висят на горбах
Рубахи из луба, порты — короба.

Мельницы (1916)

Как губы шепчут, как руки вяжут,
Как вздох невнятен, как кисти дряхлы,
И кто узнает, и кто расскажет,
Чем, в их минувшем, дело пахло?

И кто отважится, и кто осмелится
Звездами связанный, хоть палец высвободить,
Ведь даже мельницы, *о даже мельницы!*
Окоченели на лунной исповеди.

Им ветер был роздан,
А нового нет.
Они же, как звезды,
Заимствуют свет
У света.

И веянье крыл у надкрыльев
Жуков — и головокруженье голов,
От пыли, головокружительной пыли
И от плясовых головешек костров.

³⁷ Следы первоначальной метафизической темы можно также усмотреть в упоминании крестца. Возможно, выбор этого термина подсудно отсылает и к кресту, которому мельница подходит по форме. В этом образе можно видеть отголосок темы религиозной природы искусства, которое устранено из передделки конца 20-х гг.; творчество, символизируемое мельницей, можно уподоблять Христу, потому что оно имеет божественное происхождение и предполагает принесение себя в жертву. Ср. ранний набросок “Мышь” (1910): “Да, вот теперь наступила зима; сквозняк приводил попеременно две свечи на водопой к карнизам и на потолок, и там пламя лакало углы, а тень Шестокрылова падала вверх распятием ветряной мельницы” [III: 454].

В этом новом контексте шепот и вязание больше не символизируют рок, а скорее варьируют тему роста, непрерывного кишения жизни. Образ нити тоже переосмысливается: он уже не отсылает к судьбе, и способность “окоченеть” объясняется ночной дремотой. Двойная параллель “ветер/мельницы” и “свет/звезды”, наряду с “воздушной ссудой” проясняет синтетический образ 1916 г., в котором мельницы получали и ветер, и свет; одновременно исчезает заимствование “света у света” и с ним отсылка к Символу веры. Загадочное изображение природы как посредника и источника вдохновения заменяется более ясным антропоморфическим описанием мельниц.

Что касается образа глаз, который в первом варианте появлялся только в конце стихотворения и довольно загадочно ассоциировался и с движением крыльев, и с общими могилами, то в версии 1929 г. тема зрения пронизывает все стихотворение, принимая разные формы. Во второй строфе она представлена стеклами окон, освещенными луной (“горит белками хат потухших”); в следующем четверостишии “мигание” вишен, поблескивающих в свете луны, подразумевает сравнение их с глазами, а в предпоследнем, где, “вращая белками, пылят облака”, возвращает нас к той же теме. Очевидно, что во всех этих случаях образ глаз имеет чисто описательную функцию, которую поддерживает и антропоморфическое описание мельниц³⁸.

Мельницы (1929)

Они ж, уставая от далей, пожалованных
Валам несчастной шестерни,
Меловые обвалы пространств обмалывают
И судьбы, и сердца, и дни.

И они перемалывают царства проглоченные,
И, вращая белками, пылят облака,
И, быть может, нигде не найдется вотчины,
Чтобы бездонным мозгам их была велика.

Но они и не жалуются на каторгу.
Наливаясь в грядущем и тлея в былом,
Неизвестные зарева, как элеваторы,
Преисполняют их теплом.

Мельницы (1916)

И, как приближенные их, они приближены
Вплотную, саженные, к саженым глазам,
Плакучими тучами досуха выжженным
Наподобие общих могильных ям.

И мозгами, усталыми от далей пожалованных,
И валам усталых мозгов
Грозовые громады они перемалывают
И ползучие скалы кучевых облаков.

И они перемалывают царства проглоченные,
И, вращая белками, пылят облака —
И в подобные ночи под небом нет вотчины,
Чтоб бездонным мозгам их была велика.

Стихотворение получает новую концовку. В тексте добавляется строфа, где художник описан как заключенный, который добровольно

³⁸ Антропоморфизм усиливается тем, что в не цитированной выше строфе буря тоже получает человеческие черты: “. . . и буря, / Баллоном раздув полотно панталон, / Вбегает и видит, как тополь, зажмурясь, / Нашествием снега слепит небосклон” [I: 104].

принимает свое положение (“не жалуются на каторгу”), что напоминает определение Бальзака как “заложника”³⁹.

В конце концов из первоначальных десяти строф остаются неизменными или претерпевают незначительные изменения строфы 2, 3, 6, 7 и 10; объем текста почти удваивается, достигая восемнадцати строф. Смысловый стержень стихотворения тоже меняется: Пастернак устраняет или меняет до неузнаваемости тематический комплекс “смерть-память-вечность”, который определял значение начального текста. Пейзаж становится намного более реалистичным, и это соответствует склонности к автобиографизму, которая вообще характерна для творчества Пастернака конца 20-х гг.

Внимание переключается от процесса творчества к его результату. Размышление о природе творчества, которое было центром ранней эстетической мысли Пастернака, теперь — пройденный этап, писатель сосредоточивается на связи искусства с индивидом и с историей. В отношении между природой и творчеством теперь подчеркивается изоморфизм биологического и исторического циклов: созреванию растений соответствует способность художника плодотворно усвоить личный и исторический опыт. Поэтому в конце стихотворения поэт как будто зависает между прошлым и будущим: он стремится пользоваться первым, чтобы создать второе.

В этой новой перспективе образы теряют свою изначальную семантику и в большинстве случаев превращаются в конкретные детали пейзажа. Одновременно меняется и внутренняя организация текста. На смену мнимой бессвязности и разнородности элементов приходит ряд варьирующихся образов, которые слагаются в единый семантический и образный рисунок: не только тема глаз пронизывает все стихотворение, но и начальный “серебряный плен” лунного света отражается в “каторге” концовки стихотворения, а шелест зреющей кукурузы становится “кишеньем всех естеств”.

Итак, в “Мельницах” 1929 г. тот образно-семантический ряд, который мы разбирали в начальной версии стихотворения, не перестраивается,

³⁹ Ср. также определение художника как “вечности заложника / у времени в плену” в стихотворении “Ночь” (1956) [II: 168]. В заключительных стихах окончательной версии “Мельниц” появляется тема тепла, которое у Пастернака выражает способность искусства оживить косный мир. Ср., например, в “Диалоге” (1917): “Нас бросает в моральный озноб, когда мы находим температуру человечества ниже той, какую оно приобретает с сообщенья ей нашей. Ежедневно просыпаешься в состоянии горенья; с запасом жара и невозможно не отдать его. Так наступает охлаждение. Тут идешь запастись новым теплом. Все равно куда. Это — биржа жарообмена” [III: 382]. Ср. также стихотворение “Художник” (1935): “Как поселенье на гольфштреме, / Он создан весь земным теплом. / В его залив вкатило время / Все, что ушло за волнолом” [II: 90].

как в “Бальзаке”, а устраняется или превращается в чисто описательный элемент. Таким образом писатель не только упрощает структуру текста и проясняет его смысл, но и придает стихам новое значение, отвечающее предмету его размышлений в конце 20-х гг.

Библиография

АЛЬФОНСОВ 2001

АЛЬФОНСОВ В., *Поэзия Бориса Пастернака*, С.-Петербург, 2001.

ВИНОГРАДОВ 1999

ВИНОГРАДОВ В. В., *История слов*, Москва, 1999.

ГАСПАРОВ 2002

ГАСПАРОВ М. Л., “Интертекстуальный анализ сегодня”, *Труды по знаковым системам*, 30/2, 2002, 645–651.

ГОРЕЛИК 2000

ГОРЕЛИК Л. Л., *Ранняя проза Пастернака: миф о творении*, Смоленск, 2000.

ДАЛЬ 1903

ДАЛЬ В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, изд. 3-е, 1, Москва, 1903.

КОВТУНОВА 2003

КОВТУНОВА И. И., “Сравнения и метафоры в поэзии Бориса Пастернака”, в: Она же, *Очерки по языку русских поэтов*, Москва, 2003, 115–204.

МАТХАУЗЕРОВА 1976

МАТХАУЗЕРОВА С., “«Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII веке)”, в: *Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции)*, Москва, 1976, 195–199.

МИХАЙЛОВ 2010

МИХАЙЛОВ А. Д., “Еще раз о «бальзаковской теме» в творчестве Б. Пастернака”, в: Он же, *От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Страницы французской литературы Нового времени (XVI–XIX века)*, 2, Москва, 2010, 323–330.

МИХАЙЛОВ и ОКУТЮРЬЕ 1995

МІХАЙЛОВ А., AUCOUTURIER M., “Balzac dans l’oeuvre de Pasternak,” *L’Année balzacienne*, 1995, 393–408.

НОВАЛИС 1920

НОВАЛИС, “Ученики в Саисе (в перевода Григория Петникова)”, *Пути творчества. Литературно-художественный ежемесячник*, 1920, 6–7, 19–46.

ОКУТЮРЬЕ 1979

AUCOUTURIER M., “Об одном ключе к «Охранной грамоте»”, dans: *Boris Pasternak 1890–1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11–14 septembre 1975)*, Paris, 1979, 336–348.

——— 2004

ОКУТЮРЬЕ М., “Поэт и философия (Борис Пастернак)”, в: *Литературоведение как литература. Сборник в честь С. Г. Бочарова*, Москва, 1979, 255–273.

ПАСТЕРНАК 2003–2005

ПАСТЕРНАК Б. Л., *Полное собрание сочинений с приложениями*, 1–11, Москва, 2003–2005.

ПОДГАЕЦКАЯ 2009

ПОДГАЕЦКАЯ И. Ю., “Пастернак и Верлен”, в: Она же, *Избранные статьи*, Москва, 2009, 404–423.

РАДИОНОВА 2001

РАДИОНОВА А. В., "Образ пыли в творчестве Б. Пастернака", *Русская филология: ученые записки*, 5, 2001, 253–261.

РЕАЛЕ 2001

REALE A., "<Комментарий>," in: NOVALIS, *I discepoli di Sais*, Milano, 2001.

ФАРЫНО 1987

ФАРЫНО J., "Бульвар, собаки, тополя и бабочки (Разбор одной главы «Охранной грамоты» Пастернака)", *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 33/1, 277–303.

ФАРЫНО 1993

ФАРЫНО J., *Белая медведица, ольха, мотовилиха и хромой из господ. Археопэтика "Детства Люверс"*, Stockholm, 1993.

ФЛЕЙШМАН 2003

ФЛЕЙШМАН Л., *Борис Пастернак в двадцатые годы*, С.-Петербург, 2003.

ЭВАНС-РОМЕЙН 1997

EVANS-ROMAINE K., *Boris Pasternak and the Tradition of German Romanticism*, München, 1997.

ЮНГГРЕН 1984

ЮНГГРЕН А., *Juvenilia B. Пастернака: 6 фрагментов о Реликвимини*, Stockholm, 1984.

ЯКОБСОН 1992

ЯКОБСОН А., *Почва и судьба*, Вильнюс, Москва, 1992.

References

Al'fonsov V., *Poeziia Borisa Pasternaka*, St. Petersburg, 2001.

Aucouturier M., "Ob odnom kliuche k «Okhrannoï gramote»,» dans: *Boris Pasternak 1890–1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11–14 septembre 1975)*, Paris, 1979, 336–348.

Aucouturier M., "Poet i filosofii (Boris Pasternak)," in: *Literaturovedenie kak literatura. Sbornik v chest' S. G. Bocharova*, Moscow, 1979, 255–273.

Evans-Romaine K., *Boris Pasternak and the Tradition of German Romanticism*, München, 1997.

Faryno J., "Bul'var, sobaki, topolia i babochki (Razbor odnoi glavy «Okhrannoï gramoty» Pasternaka)," *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 33/1, 277–303.

Faryno J., *Belaia medveditsa, ol'kha, motovilikha i khromoi iz gospod. Arkheopoetika "Detstva Liuvers"*, Stockholm, 1993.

Fleishman L., *Boris Pasternak in dvadtsatye gody*, St. Petersburg, 2003.

Gasparov M. L., "Intertekstual'nyi analiz segodnia," *Trudy po znakovym sistemam*, 30/2, 2002, 645–651.

Gorelik L. L., *Ranniia proza Pasternaka: mif o tvorenii*, Smolensk, 2000.

Kovtunova I. I., *Ocherki po iazyku russkikh poetov*, Moscow, 2003.

Ljunggren A., *Juvenilia B. Pasternaka: 6 fragmentov o Relikvimini*, Stockholm, 1984.

Matkhauzerova S., "«Slagati» ili «tkati»? (Spor o poezii v XVII veke)," in: *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)*, Moscow, 1976, 195–199.

Mikhailov A. D., *Ot Fransua Viiona do Marselija Prusta. Stranitsy frantsuzskoi literatury Novogo vremeni (XVI–XIX veka)*, 2, Moscow, 2010.

Mikhailov A., Aucouturier M., "Balzac dans l'oeuvre de Pasternak," *L'Année balzacienne*, 1995, 393–408.

Podgaetskaia I. Iu., *Izbrannye stat'i*, Moscow, 2009.

Radionova A. V., "Obraz pyli v tvorchestve B. Pasternaka," *Russkaia filologiya: uchenye zapiski*, 5, 2001, 253–261.

Reale A., "<Scholia>," in: Novalis, *I discepoli di Sais*, Milano, 2001.

Vinogradov V. V., *Istoriia slov*, Moscow, 1999.

Yakobson A., *Pochva i sud'ba*, Vilnius, Moscow, 1992.

Roberta Salvatore, dottore di ricerca in Slavistica

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale,"

Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati, docente a contratto

Via Duomo 219, 80138 Napoli

Italia / Italy

robertasalvatore@mail.ru

Харальд Сигурдссон и русско- византийская война 1043 г.

**Александр Михайлович
Филипчук**

Черновицкий национальный
университет им. Ю. Федыковича

Harald Sigurdsson and the Russo- Byzantine War of 1043

**Oleksandr M.
Fylypchuk**

Yuriy Fedkovych Chernivtsi
National University

Резюме

В статье анализируются слова Кекавмена о службе Харальда Сигурдссона в византийской армии. Автор приходит к выводу, что заключение Харальда под стражу было вызвано русско-византийской войной 1043 г.

Ключевые слова:

Харальд Сигурдссон, Кекавмен, Константин IX, русско-византийская война

Abstract

The present article analyzes Kekaumenos' commentary on the service of Harald Sigurdsson in the Byzantine army. Special attention is given to the composition of *Consilia et Narrationes* and the historiographic perception of this text. It then discusses Kekaumenos' commentary in light of Harald's adventures in the *Haralds saga Sigurdarsonar* and the story about the attacks of Rus' in the Byzantine literature. The author attempts to show that Constantine IX Monomachos tried to leave the large groups of mercenaries in Constantinople. Furthermore, the emperor's attitude to Harald and his warriors was related to the events of Russo-Byzantine war in 1043. Constantine IX Monomachos dispersed these mercenaries into the themes. John Scylitzes wrote that the emperor put a guard over them to prevent them from inciting a rebellion. These arrests could explain Harald's mysterious detention in the

reign of Constantine IX Monomachos. It is possible to conclude that Harald's detention was caused by the Russo-Byzantine war in 1043.

Keywords:

Harald Sigurdsson, Kekaumenos, Constantine IX, Russo-Byzantine war

История Харальда Сигурдссона является бесспорно наиболее известной среди других историй варяжских наемников в Византии. Несмотря на ее неоднократное прочтение в историографии, остается немало вопросов, которые требуют исследования¹. В этой небольшой работе мы остановимся только на одном из них, а именно — неожиданном аресте Харальда Сигурдссона. При этом мы не будем касаться общего отношения византийских императоров к командующим наемными группами, их возвышения и падения, верности и предательства или вхождения лидеров наемников в военную элиту империи². Хотя пример Харальда имеет необычайную важность для исследования отношений императора и наемников, остановимся все же на избранном сюжете. Попробуем посмотреть, почему был задержан Харальд, и какие именно причины заставили византийского императора Константина IX Мономаха принять такое решение.

Кекавмен, автор “Советов и рассказов”, единственный из византийских авторов упоминает Харальда в своем труде. Более того, там приведены слова современника, который, очевидно, хорошо знал Харальда, и, похоже, был неплохо осведомлен об обстоятельствах завершения его службы византийскому императору:

После смерти Михаила и его племянника, бывшего императора, Аральт при Мономахе захотел, отпросясь, уйти в свою страну. Но не получил позволения — выход перед ним оказался запертым. Все же он тайно ушел

¹ О службе Харальда в Византии см. главные работы: [ВАСИЛЬЕВСКИЙ 1908: 235–318; BLÖNDAL 1939: 1–26; 1941: 94–99; STENDER-PETERSEN 1940: 1–19; VASILIEV 1937: 39–70; TURVILLE-PETRE 1968; BLÖNDAL, BENEDIKZ 1978: 54–102; SIGGAAR 1980: 385–401]. О проблеме датировке прибытия Харальда в Константинополь см. [SHERARD 1973: 145–150; Бойцов 2009: 301–302]. О путешествии, мотивации его поступков и византийском влиянии на него см. [HENDY 1970: 87–97; DAMICO 1995: 107–117; SNAFER 2010: 84–131; SIGGAAR 1996: 102–129; SHERARD 2011: 473–482]. О службе Харальда Ярославу Мудрому, возвращении из Византии и браке с Елизаветой см. [BIRNBAUM 1978: 5–25; ДЖАКСОН 2002; 1999: 63–71; Глазырина 1988: 14–16]. Обзор текстов и их перевод см. [ДЖАКСОН 2012: 427–494, комментарий, касающийся пребывания Харальда в Византии, 471–474, 476–480]. Другой перевод фрагментов с комментарием см. [ПРИЦАК 2003: 121–129].

² Об иностранцах в византийской армии см. недавно вышедшую работу [СНЕУНЕТ 2010: 43–64, о Харальде, 53].

и воцарился в своей стране вместо брата Юлава. И Аральт не роптал из-за того, что удостоился [лишь] ранга манглавита или спафарокандидата! Более того, даже будучи королем, он сохранял верность и дружбу к ромам”³.

Отношение Кекавмена к представителям варварского мира, которые старались приобрести высокие титулы и награды из рук императора, не было однозначным [Rouesné 2000: 203–214]. В качестве примера он приводит историю Харальда, который в отличие от других (возможно, Роберта Криспина, франка на византийской службе, который требовал для себя высоких титулов [АТТАЛ.: 97]) удовлетворился скромными титулами и остался другом империи. Образ Харальда в труде Кекавмена в высшей степени позитивен и вообще является скорее исключением: этот вывод можно сделать, опираясь на другие примеры отношения византийского автора к иностранцам. Скорее всего, причина симпатии Кекавмена к Харальду имела личный характер и исходила из их общего участия в походе на болгар весною-летом 1041 г. [Васильевский 1908: 284–285; ЗЛАТАРСКИ 1934: 71–78, 487–489; Гюзелев 2012: 11–19]⁴. Кекавмен ничего не пишет об ухудшении отношений между Харальдом и императором Константином IX Мономахом, представляя только намерение Харальда оставить службу. Слова Кекавмена “при Мономахе (ἐπὶ τοῦ Μονομάχου)” не следует понимать в том смысле, что Харальд захотел вернуться домой сразу же после прихода императора Константина Мономаха к власти, то есть после 12 июня 1042 г. [SCYL.: 423]. Желание Харальда уйти заставляло априори считать негативным отношение к нему Константина Мономаха в первые же дни его правления. Однако другие действия Константина Мономаха, по словам Кекавмена, свидетельствуют об обратном, а именно: он старался как можно дольше задержать Харальда на службе и решил не допустить его бегства. Все же Харальду удалось “тайно уйти (λαθῶν ὑπεχώρησεν)” и покинуть навсегда службу византийскому императору.

³ “Μετὰ δὲ τὴν τελευτὴν τοῦ κῆρ Μιχαὴλ καὶ τοῦ ἀνεψιοῦ αὐτοῦ τοῦ ἀποβασιλέως ἐπὶ τοῦ Μονομάχου αἰτησάμενος ὑποχωρῆσαι εἰς τὴν χώραν αὐτοῦ, καὶ οὐ συνεχώρηθη, ἀλλὰ γέγονεν αὐτῷ στενὴ ἡ ἐξοδος. Ὅμως λαθῶν ὑπεχώρησεν καὶ ἐβασίλευσεν εἰς τὴν χώραν αὐτοῦ ἀντὶ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ Ἰουλάβου. Καὶ οὐκ ἐγγύγυσεν ὑπὲρ ὧν ἐτίμηθη μαγγλαβίτης ἢ спафарокандидάτης, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ βασιλεύων ἐφύλαξε πιστὴν ἀγάπην πρὸς Ῥωμαίους” [КЕКАВМЕН 2003: 298.11–299.7].

⁴ Среди различных контингентов византийской армии Скилица упоминает тагму “великосердых” (τάγμα τῶν μεγάλῶμων), которая ни до, ни после похода на болгар не известна в византийской литературе [SCYL.: 413.18]. В. Г. Васильевский предполагал, что это и были люди Харальда на византийской службе, но, к сожалению, сообщение Скилицы слишком краткое и неоднозначное, чтобы делать какие-либо выводы. Вполне возможно, что под “великосердыми” скрывается еще одно название отряда “бессмертных”, к которым варяжские наемники не имели отношения.

Даже несмотря на риторику Кекавмена, последующая дружба и верность Харальда империи дает основания считать, что между ним и Константином Мономахом сначала не было серьезного конфликта⁵. Почему же тогда Константин Мономах не дал согласия на возвращение Харальда?

* * *

“Сага о Харальде Сигурдссоне” (*Haralds saga Sigurðarsonar*) дошла до нас в разных редакциях, среди которых наибольшее значение имеет “Сага о Магнусе Добром и Гаральде Суровом Правителе”, входящая в рукописный сборник “Гнилая кожа” [MORKINSKINNA 1932]⁶. Кроме нее, значительный текст, посвященный Харальду, содержится в своде королевских саг “Красивая кожа” [FAGRSKINNA 1902–1903]⁷. Отдельная сага о Харальде Сигурдссоне также помещена в труде Снорри Стурлусона [SNORRI STURLUSON 1911: 447–513]⁸. Оставляя в стороне проблемы происхождения саги, взаимоотношения между ее редакциями [ANDERSSON 1985: 197–238; FAGRSKINNA 2004: 17–37], перейдем сразу же к причинам задержания Харальда согласно сообщениям саг. Снорри Стурлусон пишет о намерении Харальда вернуться домой только после того, как он узнал о приходе к власти Магнуса, сына своего брата [SNORRI STURLUSON 1911: 455]. Отказавшись от службы византийскому императору, Харальд вызвал этим гнев императрицы Зои, обвинившей его в захвате имущества византийского императора, которое он захватил во время военных походов, возглавляя войско. Позднее Снорри возвращается к теме огромного богатства Харальда и пишет, что он “трижды ходил в обход палат, когда находился в Миклагарде”. По словам Снорри, “там было в обычае, что всякий раз, когда умирал конунг греков, веринги имели право обходить все палаты конунга, где находились его сокровища, и каждый был волен присвоить себе то, на что сумеет наложить руку” [SNORRI STURLUSON 1911: 457; СНОРРИ СТУРЛУСОН 1980: 411].

Однако история с богатством, согласно саге, не являлась истинной причиной гнева императрицы Зои. Сага рассказывает о любовной интриге

⁵ Здесь также следует учесть весьма суровую оценку Кекавменом правления Константина IX Мономаха. В своем труде он пишет, что император “погубил и разорил царство ромеев” [КЕКАВМЕН 2003: 304.1–2]. Развал армии, сокрушительные поражения, назначение на высшие должности недостойных людей взамен прославленных стратиггов — только малая часть обвинений Кекавмена. Подозрительность императора повлекла за собою последующий конфликт с Харальдом, которым Кекавмен дополняет представленный список ошибок Константина IX Мономаха.

⁶ См. также перевод фрагментов *Morkinskinna* [ДЖАКСОН 2012: 435–444].

⁷ О последнем см. [FAGRSKINNA 2004: 182–192]; перевод фрагментов [ДЖАКСОН 2012: 444–448].

⁸ См. также перевод [KING HARALD'S SAGA 1966; СНОРРИ СТУРЛУСОН 1980; ДЖАКСОН 2012: 449–454].

между Харальдом и племянницей Зои, что вызвало недовольство со стороны императрицы, которая и сама питала любовные чувства к Харальду. По мнению Снорри, это и стало главным в ее конфликте с Харальдом, но перед народом она указала на другую причину. Император Константин Мономах приказал схватить Харальда и отправить его в тюрьму. Благодаря чуду святого Олава, Харальду удается выйти с тюрьмы, где он находился вместе с другими варягами, после чего они пришли туда, “где спал конунг” [SNORRI STURLUSON 1911: 456], схватили императора и выкололи ему глаза. Затем Харальд силой взял Марию, племянницу Зои, с собой и, минуя железную цепь, отправился на Русь, по пути высадив Марию на берег и предоставив ей надежную охрану до Константинополя [SNORRI STURLUSON 1911: 456].

Все редакции саги о Харальде Сигурдссоне содержат сюжет о его задержании в Константинополе, о чудесном освобождении и бегстве, хотя есть здесь и такие легендарные мотивы, как путешествие Харальда в Иерусалим или ослепление византийского императора [FAGRSKINNA 2004: 188]. Возможно, сага передает историю, которая произошла несколькими годами ранее, когда Харальд действительно мог быть причастным к ослеплению императора Михаила, против которого и восстала часть варягов⁹. Эти сообщения имеют исключительно литературный характер, поскольку в них нашлось место и любовному приключению, и страсти и гневу, и теме заключения и освобождения, бегства и мести. Скорее всего, сага испытала влияние жанра рыцарской литературы, где любовная интрига приносит несчастье герою, а его отвага преодолевает все преграды. Со стороны императора Константина Мономаха единственное обвинение Харальду заключалось в захвате императорского имущества. В литературе было сделано немало предположений, о каком имуществе идет речь. Так, В. Г. Васильевский считал, что Мономах старался отобрать у Харальда те сокровища, которые тот изъяс из казны Михаила Калафата после его ослепления, а С. Блёндал предположил, что Харальд собирал некие налоги во время военного похода [ВАСИЛЬЕВСКИЙ 1908: 298; BLÖNDAL 1941: 94–99; BLÖNDAL, BENEDIKZ 1978: 78–84]. С другой стороны, А. Стэндер-Петерсен высказал гипотезу, которую развил Дж. Шепард, что Харальд не обходил палаты императора, а собрал свое имущество во время полюдьи, за которым он три года подряд ходил на Русь [STENDER-PETERSEN 1937: 1–19; SHEPARD 1973: 145–150].

Последнее предположение, хотя и объясняет термин *pólútasvarf* как *полюдьи*, но не вносит ясность в другое: был ли императорский дворец

⁹ Два исландских скальда, Тьодольв Арнорссон и Торарин Скеггьясон, также рассказывали об ослеплении Харальдом византийского императора, см. [SNORRI STURLUSON 1911: 456]. О восстании и роли в нем варягов см. [ВАСИЛЬЕВСКИЙ 1908: 292–299].

разграблен варягами? Возможность именно такого развития событий защищает М. А. Бойцов, который проводит широкий материал в подтверждение обычности разграбления богатств умершего правителя в средневековом мире [Бойцов 2009: 301–302]. Сомнение вызывает вопрос, было ли это в обычае варягов, хотя, конечно, Харальд и мог принять участие в грабежах императорского дворца после ослепления Михаила Калафата. Также сомнительно, что грабеж происходил трижды. Вряд ли можно считать, что Харальда могли преследовать за действия, совершенные им, в том числе за возможное ограбление дворца 21 апреля 1042 г., уже после прихода к власти Константина Мономаха. Обвинение, если следовать саге, состояло в захвате императорского имущества во время некоего похода, в связи с чем гипотеза С. Блэндаля также представляется маловероятной. Сложно допустить возможность того, что Харальд, собирая налоги, захватил большую часть денег, которые предназначались императорской казне. Ничто не указывает на предположительное возложение императором на наемников подобных задач, тем более они не имели соответствующих возможностей для этого. Поэтому слова обвинения Харальду, представленные в тексте саги, не находят объяснения. Очевидно, кроме самого задержания Харальда вместе с другими варягами, причины таких действий со стороны византийского императора остаются малопонятными для позднего составителя саги, они были неизвестны и другим варягам, служившим в Константинополе.

Важно то, что именно арест Харальда связан с именем императора Константина Мономаха, и произошел он во время его правления. Когда же Харальд сумел убежать из Византии? В литературе часто предполагается, что случилось это незадолго до осени 1042 г., то есть несколькими месяцами позднее прихода к власти Константина Мономаха. Г. Г. Литаврин приводил более точную дату — октябрь 1042 г. [Литаврин 1967: 71–84, 84]. В. Г. Васильевский и С. Блэндаль датировали его возвращение из Константинополя 1043 г. [Васильевский 1908: 317–318; Blöndal 1941: 98–99]. После бегства Харальд предположительно провел немало времени на Руси, где он и получил свое имущество (переправленное им на сохранение князю Ярославу Мудрому) и женился на Елизавете, дочери Ярослава Мудрого [Джаксон 1999: 63–71; 2012: 481–492]. Поэтому “Исландские анналы” фиксируют возвращение Харальда Сигурдссона на Север очень поздно, а именно в 1045 г. [ISLANDSKE ANNALER 1888: I, III, IV, VIII, IX]. Впрочем, ничто не мешает принять хронологию анналов. Отмеченные факты заставляют перенести бегство Харальда из Византии на время более позднее, чем осень 1042 г., заключая его в достаточно большой временной промежуток — от весны 1043 г. до лета 1044 г. Однако для возможного уточнения датировки, на наш взгляд, следует присмотреться к событиям русско-византийской войны 1043 г.

* * *

В июне 1043 г. русский флот появился возле Константинополя. Причины нападения руси были малопонятными даже для современников. Михаил Пселл определяет эту войну как “восстание (ἐπανάστασις)” руси, а Михаил Атталиат пишет об этом конфликте как об обычной войне [PSELL-LOS 1926–1928: II, 8; АТТАЛ.: 270.13–19]. Поводом для войны, по словам Иоанна Скилицы, стало убийство знатного русского купца, но, конечно, причины для войны руси с Византией были иными [SCYL.: 430]. Продолжительная дискуссия о мотивах Ярослава Мудрого, побудившего его начать эту войну, завершилась около тридцати лет назад с очень противоречивыми результатами, о чем свидетельствуют [РОРРЕ 1968: 69–130; ЛИТАВРИН 1972; 2000: 228–276; ШЕРПАРД 1978–1979: 147–212].

Тем не менее, каковы бы ни были причины у князя Ярослава Владимировича для похода на Константинополь русского войска во главе с его сыном Владимиром, это предприятие необычайно встревожило императора Константина Мономаха. Его тревогу должно было увеличить присутствие среди вражеского войска большой группы варягов, созданных русскими князьями, возможно, специально для участия в этом походе¹⁰. По словам Скилицы, император прежде всего отправил послов к Владимиру, предлагая прекратить войну и не рушить давнего мира. За это Константин Мономах обещал устранить все несправедливости по отношению к руси, произошедшие незадолго до этого похода. Переговоры между послами императора и Владимиром не объясняют малопонятные обстоятельства похода [SCYL.: 431]. Привезенное послами обещание императора возместить издержки руси на поход свидетельствуют о том, что император Константин Мономах не проводил “антирусского” курса, который ему традиционно приписывают в литературе [ЛИТАВРИН 1967:71–84]. Более того, переговоры между сторонами продолжались и позже, когда русь выдвинула условие уплаты ей по три литры золота на отряд (?), что было неприемлемо для византийцев¹¹. Продолжительные переговоры, возможно, свидетельствуют о предварительных соглашениях, которые оказались в тени событий русско-византийской войны.

После проведения первых неудачных переговоров с русью император, по словам Скилицы, начал готовиться к войне. Его приготовления заключались не только в действиях по отношению к присутствовавшим в Константинополе русским наемникам и купцам:

¹⁰ “. . . καὶ συμμαχικὸν οὐκ ὀλίγον ἀπὸ τῶν κατοικοῦντων ἐν ταῖς προσαρκτηῖσι τοῦ Ὁκεανοῦ νήσοις ἔθνῶν, καὶ πλῆθος ἀθροίσας, ὡς φασί, περὶ τὰς ἑκατὸν χιλιάδας, καὶ πλοῖσις ἐγχωρίοις ταῖς λεγομένοις ἐμβαλὼν μονοξύλοισι κατὰ τῆς πόλεως ἐξορμᾷ” [SCYL.: 430].

¹¹ См. следующие исследования: [РОРРЕ 1968: 110–118; ЛИТАВРИН 2000: 250–252; НАЗАРЕНКО 2001: 190].

Скифских купцов, которые находились в столице, и тех, кто был здесь согласно союзническому соглашению, он разместил по фемам и приказал стеречь их, чтобы предотвратить возможные случаи, которые легко происходят в такой ситуации (καὶ τοὺς μὲν ἐνδημοῦντας τῇ βασιλίδι ἐμπόρους τῶν Σκυθῶν, ἔτι δὲ καὶ τοὺς κατὰ συμμαχίαν παρόντας διασκεδάσας ἐν τοῖς θέμασι καὶ ἀσφαλισάμενος, ἵνα μὴ καὶ ἀπὸ τῶν ἔνδον ἐπιβουλή τις ἀνεγερθῆ) [SCYL.: 430.54–431.1].

Другие византийские авторы, Михаил Пселл и Михаил Атталиат, ничего не сообщают о репрессиях относительно русских наемников и купцов. Их задержание и суровая охрана начались, вероятно, сразу же после известия о приходе русского флота к Константинополю. Страх императора, о котором пишет Скилица, здесь вполне оправдан. Сосредоточение в столице больших групп наемников вполне могло спровоцировать их переход на сторону противника в результате приближения русского войска. Более того, страх императора был оправдан, поскольку ранее он уже имел возможность убедиться в ненадежности наемников во время восстания против императорской власти. После провала переговоров послов императора с русью арест русских наемников вместе с купцами и отправка их в фемы проводились, по всей видимости, довольно быстро, поскольку времени на такую акцию было очень немного.

Их возвращение в Константинополь случилось уже после разгрома руси и окончания русско-византийской войны, но еще до заключения мирного соглашения. В хрисовуле Константина Мономаха упоминаются русские наемники в 1044 г. [KANELLAKIS 1890: 548]¹². Этот документ был выдан Новому монастырю на острове Хиос всего через шесть месяцев после окончания войны с русью. Значащиеся в хрисовуле русские наемники, на наш взгляд, и являлись теми самими, которые были отправлены из Константинополя в фемы в июне 1043 г. В противном случае было бы невероятным предположить, что некая большая группа русских наемников могла прибыть в Константинополь сразу же после разгрома руси; до заключения мирного соглашения маловероятно отправление русских наемников в Византию.

Итак, репрессии к русским наемникам оказались уже ненужными, и они могли вернуться в Константинополь. Зная о задержании наемников в Константинополе в июне 1043 г. и отправке их в фемы, возвратимся к проблеме ареста Харальда Сигурдссона. Сам собой напрашивается вопрос: не был ли Харальд и его воины задержаны во время этих срочных действий в июне 1043 г.? В таком случае его “арест”, упоминаемый в сагах, оказывается только предосторожностью императора относительно

¹² О хрисовуле императора Константина Мономаха см. [ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1996: 234–235].

одного из командующих наемников. Харальд и его воины при подходе руси могли быть задержаны и, возможно, отправлены в фемы, а сам Харальд пребывал под строгой охраной в столице. Напомним, что Кекавмен ничего не сообщает об аресте Харальда. Соответственно, репрессии относительно Харальда и его воинов не воспринимались как арест, как это видно из текста Кекавмена. Перед войной с русью император не мог позволить уйти Харальду и тем более не мог допустить присутствия его отряда в столице. Задержание Харальда на время войны с русью объясняется и тем, что тесные связи Харальда с русскими князьями вряд ли оставались неизвестными императорскому двору, а его тайное бегство стало возможным, скорее всего, уже после разгрома руси. Таким образом, жесткие действия по отношению к Харальду уже потеряли свой смысл, и можно предположить, что это случилось осенью 1043 г., когда он все же сумел выбраться из Константинополя и возвратится на Русь.

Библиография

Бойцов 2009

Бойцов М., *Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*, Москва, 2009.

Васильевский 1908

Васильевский В. Г., “Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе”, в: Он же, *Избранные труды по истории Византии*, 1 (= *Труды*, 1, С.-Петербург, 1908), Москва, 2010, 235–318.

Глазырина 1988

Глазырина Г. В., “Свидетельства древнескандинавских источников о браке Харальда Сурового и Елизаветы Ярославны”, в: *Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*, Москва, 1988, 14–16.

Гюзелев 2012

Гюзелев В., “Volgaga Vrennir: норвежкят конунг Харалд Хардради (1016–1066)”, в: Д. Григорова, съст. и ред., *Русия в отраженията на историята: в памет на проф. Емил Михайлов*, София, 2012, 11–19.

Джаксон 1999

Джаксон Т. Н., “Елизавета Ярославна, королева норвежская”, в: *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто*, Москва, 1999, 63–71.

— 2002

Джаксон Т. Н., *Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в.*, Москва, 2002.

— 2012

Джаксон Т. Н., *Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий*, Москва, 2012, 427–494.

Златарски 1934

Златарски В., *История на българската държава през средните векове*, 2, София, 1934.

КЕКАВМЕН 2003

ЛИТАВРИН Г. Г., пер., КЕКАВМЕН, *Советы и рассказы*, С.-Петербург, 2003.

ЛИТАВРИН 1967

ЛИТАВРИН Г. Г., “Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г.,” *Византийский временник*, 27, 1967, 71–84.

——— 1972

ЛИТАВРИН Г. Г., “Война Руси и Византии в 1043 г.,” в.: *Исследования по истории славянских и балканских народов*, Москва, 1972, 178–222.

——— 2000

ЛИТАВРИН Г. Г., *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)*, С.-Петербург, 2000.

НАЗАРЕНКО 2001

НАЗАРЕНКО А. В., *Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.*, Москва, 2001.

ПРИЦАК 2003

ПРИЦАК О. Й., *Походження Русі, 2: Стародавні скандинавські саги і стара Скандинавія*, Київ, 2003.

СНОРРИ СТУРЛУСОН 1980

ГУРЕВИЧ А. Я., СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М. И., пер., СТУРЛУСОН С., *Круг Земной*, Москва, 1980.

ANDERSSON 1985

ANDERSSON TH., “The Kings’ Sagas (Konungasögur),” in: C. CLOVER, J. LINDOW, eds., *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide*, Ithaca, London, 1985, 197–238.

ATTAL.

ATTALEIATES MICHAELIS, *Historia*, ed. I. BEKKER, Bonnae, 1853.

BIRNBAUM 1978

BIRNBAUM H., “Yaroslav’s Varangian Connection,” *Scando-Slavica*, 24/1, 1978, 5–25.

BLÖNDAL 1939

BLÖNDAL S., “The Last Exploits of Harald Sigurdsson in Greek Service: A Chapter from the History of the Varangians,” *Classica et Mediaevalia*, 2, 1939, 1–26.

——— 1941

BLÖNDAL S., “Quelques notes sur le mot polutasvarf,” *Classica et mediaevalia*, 4, 1941, 94–99.

BLÖNDAL, BENEDIKZ 1978

BLÖNDAL S., BENEDIKZ B., *Varangians of Byzantium*, Cambridge, 1978.

SIGGAAR 1980

SIGGAAR K., “Harald Hardrada: His Expedition against the Pechenegs,” *Balkan Studies*, XXI, 1980, 385–401.

——— 1996

SIGGAAR K., *Western Travellers to Constantinople: The West and Byzantium, 962–1204*, Leiden, New York, 1996.

CHEYNET 2010

CHEYNET J.-CL., “Les officiers étrangers de l’armée byzantine aux IXe–Xe siècles,” in: D. BARTHELÉMY & J.-C. CHEYNET, eds., *Guerre et société au Moyen Âge Byzance-Occident (VIIIe–XIIIe siècle)*, Paris, 2010, 43–64.

DAMICO 1995

DAMICO H., “The Voyage to Byzantium: The Evidence of the Sagas,” *Византийский временник*, 56, 1995, 107–117.

FAGRSKINNA 1902–1903

Fagrskinna, F. JONSSON, ed., København, 1902–1903.

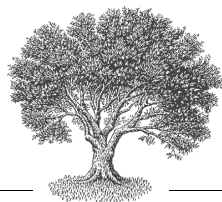
- 2004
Fagrskinna, A Catalogue of the Kings of Norway, A. FINLAY, ed., Leiden, Boston, 2004.
- HENDY 1970
 HENDY M., "Michael IV and Harald Hardrada," *The Numismatic Chronicle*, 10, 1970, 87–97.
- ISLANDSKE ANNALER 1888
 STORM G., ed., *Islandske annaler indtil 1578*, Christiania, 1888.
- KANELLAKIS 1890
 KANELLAKIS K., *Χιαννα Αναλεκτα*, Athens, 1890.
- KING HARALD'S SAGA 1966
 MAGNUSSON M. & PALSSON H., eds., *King Harald's Saga: Harald Hardradi of Norway*, Hammondsworth, 1966.
- MORKINSKINNA 1932
 JONSSON F., ed., *Morkinskinna*, København, 1932.
- OIKONOMIDÈS 1996
 OIKONOMIDÈS N., *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)*, Athens, 1996.
- POPPE 1968
 POPPE A., *Państwo i kościół na Rusi*, Warszawa, 1968.
- PSELLOS 1926–1928
 RENAULD E., ed., PSELLOS M., *Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077)*, 1–2, Paris, 1926–1928.
- ROUECHÉ 2000
 ROUECHÉ CH., "Defining the Foreign in Kekaumenos," in: *Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-Second Spring Symposium of Byzantine Studies*, Aldershot, 2000, 203–214.
- SHAFFER 2010
 SHAFFER J., *Saga-Accounts of Norse Far-Travellers*, Durham (UK), 2010.
- SHEPARD 1973
 SHEPARD J., "A Note on Harold Hardrada: The Date of His Arrival at Byzantium," *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 22, 1973, 145–150.
- 1978–1979
 SHEPARD J., "Why Did the Russians Attack Byzantium in 1043?," *Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher*, 22, 1978–1979, 147–212.
- 2011
 SHEPARD J., "Middle Byzantine Military Culture, Harald Hardrada and Tall Stories," в: *Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон*, Москва, 2011, 473–482.
- SCYL.
 THURN I., ed., SCYLITZAE IOANNIS, *Synopsis Historiarum*, Berlin, New York, 1973.
- SNORRI STURLUSON 1911
 STURLUSON SNORRI, *Heimskringla*, F. JONSSON, ed., København, 1911, 447–513.
- STENDER-PETERSEN 1937
 STENDER-PETERSEN A., "Études varègues. I: Le mot varègue *polutasvarf*," *Classica et Mediaevalia*, 3/1, 1940, 1–19.
- TURVILLE-PETRE 1968
 TURVILLE-PETRE G., *Haraldr the Hard-Ruler and His Poets*, London, 1968.
- VASILIEV 1937
 VASILIEV A., "The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century," *Seminarium Kondakovianum*, 9, 1937, 39–70.

References

- Andersson Th., "The Kings' Sagas (Konungasögur)," in: C. Clover, J. Lindow, eds., *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide*, Ithaca, London, 1985, 197–238.
- Birnbaum H., "Yaroslav's Varangian Connection," *Scando-Slavica*, 24/1, 1978, 5–25.
- Blöndal S., "The Last Exploits of Harald Sigurdsson in Greek Service: A Chapter from the History of the Varangians," *Classica et Mediaevalia*, 2, 1939, 1–26.
- Blöndal S., "Quelques notes sur le mot polutasvarf," *Classica et mediaevalia*, 4, 1941, 94–99.
- Blöndal S., Benedikz B., *The Varangians of Byzantium*, Cambridge, 1978.
- Bojcov M., *Velichie i smirenie. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoi Evrope*, Moscow, 2009.
- Ciggaar K., "Harald Hardrada: His Expedition against the Pechenegs," *Balkan Studies*, XXI, 1980, 385–401.
- Ciggaar K., *Western Travellers to Constantinople: The West and Byzantium, 962–1204*, Leiden, New York, 1996.
- Cheyne J.-Cl., "Les officiers étrangers de l'armée byzantine aux IXe–Xe siècles," in: D. Barthélémy and J.-C. Cheynet, eds., *Guerre et société au Moyen Âge Byzance-Occident (VIIIe – XIIIe siècle)*, Paris, 2010, 43–64.
- Damico H., "The Voyage to Byzantium: The Evidence of the Sagas," *Vizantiiskii vremennik*, 56, 1995, 107–117.
- Finlay A., ed., *Fagskrinna. A Catalogue of the Kings of Norway*, Leiden, Boston, 2004.
- Giuzeev V., "Bolgara Brennir: norvezhskiiat konung Kharald Khardradi (1016–1066)," in: D. Grigorova, ed., *Rusiiia v otrazheniata na istoriata: v pamet na prof. Emil Mikhailov*, Sofia, 2012, 11–19.
- Glazyrina G. V., "Svidetel'stva drevneskandinavskikh istochnikov o brake Kharal'da Surovogo i Elizavety Iaroslavny," in: *Vneshniaia politika Drevnei Rusi: Iubileinye chteniia, posviashchennye 70-letiiu so dnia rozhdeniia chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*, Moscow, 1988, 14–16.
- Gurevich A. Ia., Steblin-Kamenskii M. I., trans., Snorri Sturluson, *Krug Zemnoi*, Moscow, 1980.
- Hendy M., "Michael IV and Harald Hardrada," *The Numismatic Chronicle*, 10, 1970, 87–97.
- Jackson T. N., *Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: iz istorii rusko-norvezhskikh politicheskikh otoshenií poslednei treti X – pervoi poloviny XI*, Moscow, 2002.
- Jackson T. N., "Elizaveta Iaroslavna, koroleva norvezhskaia," in: *Vostochnaia Evropa v istoricheskoi retrospektive: K 80-letiiu V. T. Pashuto*, Moscow, 1999, 63–71.
- Jackson T. N., *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope. Teksty, perevod, kommentarii*, Moscow, 2012.
- Litavrin G. G., trans., *Kekavmen, Sovety i rasskazy*, St. Petersburg, 2003.
- Litavrin G. G., "Psell o prichinakh poslednego pokhoda russkikh na Konstantinopol' v 1043 g.," *Vizantiiskii vremennik*, 27, 1967, 71–84.
- Litavrin G. G., "Voina Rusi i Vizantii v 1043 g.," in: *Issledovaniia po istorii slavianskikh i balkanskikh narodov*, Moscow, 1972, 178–222.
- Litavrin G. G., *Vizantiia, Bolgariia, Drevniaia Rus' (IX – nachalo XII v.)*, St. Petersburg, 2000.
- Magnusson M. & Pálsson H., eds., *King Harald's Saga: Harald Hardradi of Norway*, Hammondsworth, 1966.
- Nazarenko A. V., *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh sviazei IX–XII vv.*, Moscow, 2001.
- Oikonomidès N., *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)*, Athens, 1996.
- Poppe A., *Państwo i kościół na Rusi*, Warszawa, 1968.
- Pricak O. J., *Pokhodzhennia Rusi, 2: Starodavni skandynavs'ki sahy i stara Skandynaviia*, Kiev, 2003.
- Roueché Ch., "Defining the Foreign in Kekaumenos," in: *Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-Second Spring Symposium of Byzantine Studies*, Aldershot, 2000, 203–214.
- Shafer J., *Saga-Accounts of Norse Far-Travellers*, Durham (UK), 2010.
- Shepard J., "A Note on Harold Hardrada: The Date of His Arrival at Byzantium," *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 22, 1973, 145–150.
- Shepard J., "Why Did the Russians Attack Byzantium in 1043?," *Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher*, 22, 1978–1979, 147–212.
- Shepard J., "Middle Byzantine Military Culture, Harald Hardrada and Tall Stories," in: *Visy družby: Sbornik statei v chest' T. N. Jackson*, Moscow, 2011, 473–482.
- Stender-Petersen A., "Études varègues. I: Le mot varègue polutasvarf," *Classica et Mediaevalia*, 3/1, 1940, 1–19.
- Turville-Petre G., *Haraldr the Hard-Ruler and His Poets*, London, 1968.
- Vasiliev A., "The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century," *Seminarium Kondakovianum*, 9, 1937, 39–70.
- Zlatarski V., *Istoriia na bulgarskata dŭrzhava prez srednite vekove*, 2, Sofia, 1934.

Олександр Михайлович Филипчук

кандидат історичних наук,
асистент кафедри історії України,
факультет історії, політології та міжнародних відносин,
Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича
58012 Чернівці, вул. Коцюбинського, 2
Україна / Ukraine

Стольный город в древнерусских и фольклорных источниках

Stol'nyi Gorod 'Capital City' in Old Russian and Folklore Sources

**Антон Михайлович
Введенский**

Петербургский институт иудаики

Anton M. Vvedenskiy

Petersburg Institute for Jewish Studies

Резюме

В статье предпринята попытка определить время появления в былинных текстах одной из самых распространенных эпических формул *стольный Киев-град* (и подобных с атрибутивом *стольный*). В связи с очень редким употреблением прилагательного *стольный* в памятниках древнерусской литературы XI–XVII вв. высказывается предположение о появлении формулы лишь в XVII в., возможно, в литературном произведении “Сказание о богатырях Киевских”. Появление формулы *стольный Киев-град* именно в XVII в. связано с присоединением Левобережной Украины и Киева к Московскому царству. Формула представляет собой апелляцию к политическим реалиям IX–XI вв. — к тому времени, когда Киев являлся главным городом русского государства. Употребление прилагательного *стольный* по отношению к Киеву в XVII в. призвано было подчеркнуть факт наследования Москвой политического лидерства от Киева.

Ключевые слова

фольклористика, былины, Древняя Русь, русский язык, столица, Киев, историческая семантика

Abstract

This article attempts to determine when one of the most popular epic formulas, *stol'nyi Kiev-grad* ‘Kiev the capital city’ and its variants with the attribute *stol'nyi*, emerged in the epic lyrics. The fact that the adjective *stol'nyi* was rarely used in

Old Russian literary monuments of the 11th–17th centuries suggests that the formula might have appeared only in the 17th century, in a literary work—*The Legend of the Kievan Knights*. It is suggested that this formula appeared in the 17th century due to the addition of Left-Bank Ukraine and Kiev to the Tsardom of Muscovy. The formula contains a reference to the political realities of the 9th–11th centuries, when Kiev was the major city of the Russian state. The attribution of the adjective *stol'nyi* to Kiev in the 17th century was intended to emphasize the fact that Moscow inherited its political leadership from Kiev.

Keywords

folkloristics, byliny, Old Rus', Russian, capital, Kiev, historical semantics

Задача нашей статьи состоит в изучении употребления в древнерусской письменности прилагательного *стольный* и сопоставлении его со словосочетаниями *стольный город / стольный град* (и производными от них формами) в русских былинных текстах. В историографии, как представляется, не было попыток оспорить время появления былинных формул с атрибутивом *стольный* (*стольный Киев-град*, князь Владимир *стольно-киевский* и подобных): их появление устойчиво связывается со временем домонгольской, киевской Руси, к примеру [Пропп 1999: 65].

Знаменитая формула *стольный Киев-град* и её вариации, как показало исследование Т. Г. Ивановой¹, в корпусе русских былин из всех формул с топонимами является наиболее частотной: “. . . ключевой формулой в языке былин является формула «стольный Киев / стольный Киев-град / стольный город Киев» [Иванова 2013: 78]. В былинах *стольный* относится к двум понятиям: к городу Киеву² и к князю Владимиру, который именуется в русском эпосе *стольно-киевским*³.

Весьма логично предположить, что такая формула появилась тогда, когда статус Киева ей полностью соответствовал, то есть в IX–XII вв. В 882 г. главным городом восточных славян становится Киев (по свидетельству летописи, князь Олег перенес столицу из Новгорода в Киев именно в этом году) [ПСРЛ, 1: 22–24]. Во второй же четверти XII в. Киев постепенно теряет свое столичное положение в связи с появлением независимых княжеств и возвышением Северо-Восточной Руси. Казалось бы, нет никаких препятствий для того, чтобы датировать появление данной былинной формулы временем между концом IX в. и

¹ Благодарю Т. Г. Иванову за возможность ознакомиться с работой до появления ее в печати.

² Только в двух первых томах “Свода русского фольклора”, в которых опубликована 281 былина, атрибутив *стольный* с Киевом встретился в них более 300 раз [СРФ, 2: 661].

³ В тех же двух первых томах “Свода русского фольклора” Владимир назван *стольно-киевским* 52 раза [СРФ, 2: 637].

первой половиной XII в., когда, по мнению большинства специалистов, и формировался киевский былинный цикл [Майков 1863; Миллер 1892; Пропп 1999]. Как известно, никаких записей былин от той “киевской” эпохи до нас, к сожалению, не дошло, и первые фиксации былинных текстов, записанных от исполнителей, относятся лишь к середине XVIII в. (Сборник Кирши Данилова). Правда, есть еще письменные записи былинных сюжетов XVII – первой половины XVIII в., но как они обрели свою письменную фиксацию – не всегда ясно [Былины 1960: 14].

Следует выяснить, насколько частотным было употребление прилагательного *стольный* с топонимом *Киевъ* или со словом *городъ / градъ*, обозначающим Киев, в аутентичных древнерусских источниках XI–XII вв. Частотность употребления формулы “стольный град Киев” и ей подобных в русских былинах заставляет предполагать, что определение *стольный* для главного города Киевской Руси должно было иметь широкое распространение в древнерусских источниках того же периода, особенно в летописях. Однако атрибутив *стольный* ни в каких летописях за период, когда Киев был главным городом Русской земли, по отношению к нему ни разу не употреблялся. Правда, он не употреблялся и по отношению к другим русским (и нерусским) городам. Также ни разу мы не встречаем в ранних летописных источниках словосочетание *стольный князь*, которое имеет высокую частотность в былинах.

В древнерусской литературе домонгольского периода нам удалось выявить всего три упоминания прилагательного *стольный* (все по отношению к Киеву) и одно свидетельство о *стольном* князе (также киевском). Все эти свидетельства читаются не в летописях, а в агиографических произведениях, написанных во второй половине XI в. и приписываемых Нестору: трижды в Житии Феодосия Печерского и один раз в Чтении о Борисе и Глебе.

1) Градъ есть отстоя отъ **Киева, града стольнааго**, 50 попрыщъ, именовъ Васильевъ. Въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ кръстьянствѣй живуца и всячьскимъ благочѣстиемъ украшена [БЛДР, 1: 354];

2) ... бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако отъ вселукавааго врага въ трѣхъ князьхъ, братии сущемъ по плѣти, якоже двѣма брань сътворити на единого старѣйшааго си брата, христолюбьца, иже поистинѣ боголюбьця Изяслава. То же тако тѣ прогнать **бысть отъ града стольнааго**, и онѣма, пришьдѣша въ градъ тѣ, посылаета же по блаженааго отъца нашего Феодосия... [БЛДР, 1: 420];

3) Отъць же нашъ Феодосий бѣ по вся дѣни и ноши моля Бога о христолюбьци Изиславѣ, и еще же въ ектении веля того поминати, **яко стольному тому князю и старѣйшу вьсѣхъ**, сего же, якоже рече,

чрѣсъ законъ сѣдъшу на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри [БЛДР, 1: 424];

4) Честное же тѣло его въземше, несоша въ градъ, наричаемыи Вышегородъ, еже **есть отъ Києва, града столнаго**, 15 стадии, и ту положиша блаженного Бориса [АБРАМОВИЧ 1916: 11].

До конца XIII в. в оригинальной древнерусской литературе мы не встретили больше ни одного случая употребления прилагательного *стольныи*. Оно образовано от существительного *стол* (в значении ‘престол, трон, место правления князя, царя’), которое в древнерусской литературе, особенно в летописях, встречается довольно часто. К примеру, в Повести временных лет оно фиксируется 20 раз.

Можно говорить о двух близких по значению словоупотреблениях в Повести временных лет. Во-первых, княжеский *стол* может рассматриваться как место правления великого князя в Киеве — главном городе древнерусского государства (16 употреблений). Во-вторых, *столом* может называться и место правления князя в городе, подчиненном Киеву (4 раза). К примеру, под 1100 г. читаем: “Послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «се ти молвять братья, не хочемъ ти дати **стола володимерьскаго**»” [ПСРЛ, 1: 274]; под 1094 г.: “Володимеръ же створи миръ с Олгомъ, и иде из града **на столъ отень Переяславлю**” [там же: 226]. Также в значении подчиненных городов фигурируют Чернигов и Полоцк. Возможно, с хронологически первым случаем употребления лексемы *стол* в значении ‘центр независимого княжеского правления’ (не для Киева) мы имеем дело в летописном фрагменте, описывающем, как Мстислава Владимировича не приняли киевляне, и он ушел править в Чернигов: “. . . и не прияша его кыяне, он же шедъ, сѣде **на столѣ Черниговѣ**” [там же: 147].

Производное от *стола* в значении ‘место правления князя’ прилагательное *стольныи* встречается до конца XIII в., как мы отметили выше, лишь четыре раза, и ни разу в летописи, но все четыре раза — только по отношению к Киеву. Лишь в конце XIII в. в духовной грамоте Владимира Васильковича, которая читается в Галицко-Волынской летописи под 1287 г., встречается обозначение *стольныи*, относящееся к городу Владимиру Волынскому: “Даю землю свою всю и города по своемъ животѣ брату своему Мстиславу и **столныи** свои **городъ Володимиръ**” [ПСРЛ, 2: 215]. Под тем же годом в летописи сообщается о въезде Мстислава во Владимир и о чтении данной грамоты перед всеми людьми: “и повелѣ передо всими чести грамоту братну о даньи землѣ и всѣх городовъ и **столнаго города Володимѣря**” [там же: 216]. Следующий русский город, который назван в оригинальных произведениях *стольным*, — это Псков. Город Псков как *стольный* впервые был

упомянут в новгородском документе 1307 г., в так называемой грамоте с жалобой на Федора Михайловича и Бориса Константиновича: “Князь великий Андрѣи и всь Новгородъ дали Федору Михайловицу **городъ стольный Пльсковъ**” [Грамоты 1949: 18]. Это первое употребление интересующего нас прилагательного в значении не ‘главного города — столицы независимого княжества’, а просто в качестве ‘места, где сидит князь’, так как Псков не являлся независимым городом. В шести предыдущих употреблениях слова *стольный* у Нестора и в Галицко-Волынской летописи города (Киев и Владимир Волынский), безусловно, рассматривались авторами как независимые, столичные. Обозначение Пскова *стольным* как места с княжеским правлением, а не столицей сближает его со вторым значением отмеченного выше употребления существительного *стол*.

Важно отметить, что приведенные выше упоминания прилагательного *стольный* конца XIII – начала XIV вв. появляются в новом виде древнерусской письменности — в жанре грамоты. Грамота Владимира Васильковича считается первой дошедшей до нас княжеской духовной грамотой [Бахрушин 1909: 6], а грамота 1307 г. — одна из первых договорных грамот между Новгородом и великими князьями.

Итак, выявлено всего семь фиксаций интересующего нас прилагательного *стольный* в оригинальных древнерусских текстах до начала XIV в. Редкость употребления этого слова кажется весьма примечательным фактом. Конечно, можно предположить, что по отношению к князьям и княжеским городам (там, где были княжеские столы) не было принято употребление данного прилагательного в письменной форме, а в устной речи такая практика была широко распространена. Однако про устную традицию той эпохи мы практически ничего не знаем, да и в новгородских берестяных грамотах слово *стольный* не встречается ни разу. Такое объяснение в принципе возможно, но оно кажется странным и порождает ряд вопросов. Например, почему во время главенства Киева на Руси (IX–XI вв.) обозначение *стольный* практически не встречается в письменности, а в XII в. и вплоть до конца XIII в. не фиксируется вовсе, хотя оно должно было бы получить распространение в связи с увеличивающейся самостоятельностью древнерусских княжеств?

Высокая частотность употребления эпитета *стольный* с Киевом в былинных текстах соседствует с отсутствием данного эпитета для таких городов, как Владимир, Суздаль, Тверь, которые были столицами независимых княжеств или даже главными городами Руси. Такое положение дел сближает былинные тексты с ситуацией XII–XIII вв. в древнерусских письменных источниках. Некоторые исследователи утверждают, что для Новгорода эпитет *стольный* также не использовался

[Азбелев 1983: 112], хотя это не совсем так. Былина “Гость Терентьище” в сборнике Кирши Данилова начинается строкой “В стольном Новегороде” [Кирша Данилов 1878: 9]. Правда, больше ни одного примера употребления прилагательного *стольный* с Новгородом или с каким-нибудь другим городом в былинных текстах нам найти не удалось. Обращает на себя внимания тот факт, что для былин Киевского цикла эпитет *стольный* употребляется только в значении столицы — главного города, а для других городов не используется вовсе (единственное исключение указано выше).

Интересно посмотреть, каким образом ситуацию с употреблением прилагательного *стольный* отражают переводные памятники домонгольского времени. Возможно, в них мы увидим другую картину. В самых известных переводных хрониках (Георгия Амартола и Иоанна Малалы) слово *стольный* не встречается. А вот в двух исторических произведениях, широко распространенных на Руси (История Иудейской войны и Александрия), мы обнаруживаем его по три раза. Правда, *стольный* встречается лишь в Александрии Сербской редакции (предположительно XIV в.), а в Хронографической Александрии, переведенной на Руси не позже середины XIII в., интересующего нас слова нет. В Истории Иудейской войны обозначение *стольный* относится к трем городам: Сепфору, Иотопату и Гадару:

- 1) И на Галилѣю посла Гала воеводу, плѣку второму на десять. Его же с похвалою прия **градъ стльный** галилѣиский, нарекомый Сепфор [ИИВ 2004: 193–194];
- 2) И Плакида же, иже бысть посланъ на воевание галилѣиско, хотя славу взяти, и устремися на Иотопать, иже есть **стльный град** галилѣиский и твержий [ИИВ 2004: 211];
- 3) И прешедъ на Гадару, иже есть **стольный градъ** об ону страну Иордана [ИИВ 2004: 263].

В двух первых случаях в греческом тексте стоит прилагательное в превосходной степени *καρτερός* — ‘крепкий, великий’. В последнем случае читается *μητρόπολις* — ‘главный город, столица’. Лексема *μητρόπολις* встречается в тексте ИИВ еще десять раз, и на древнерусский язык во всех случаях она переводится как *митрополия*. В древнерусском языке слово *митрополия* имело несколько близких значений, главное из которых — ‘главный город области’, а также дополнительные: ‘сан митрополита’, ‘кафедральный собор’ [Срезневский, 3: 154–155]. В ИИВ в случае перевода калькированным словом речь идет о городах, связанных с церковной властью, чаще всего с Иерусалимом. В случае с Гадаром речь, по всей видимости, идет о светском, нецерковном правлении,

поэтому переводчик и передал греческое *μητρόπολις* славянским словом *стольный*.

Из Повести временных лет хорошо известна фраза Олега, прибывшего в Киев в 882 г.: “и рече Олег: се буди мати градомъ рускими” [ПСРЛ, 1: 23]. “Мать городов” — это калька с греческого *μητρόπολις*. Данное выражение встречается еще несколько раз в древнерусских источниках, причем только по отношению к Киеву [Назаренко 2009: 107], но в связке с лексемами *стольный* и *столичный* ни разу не употребляется.

Также в древнерусском сборнике афоризмов “Пчела” упоминается *стольный город* без отнесенности с каким-либо топонимом: “И тьснетъся кто вьнити въ **стольный град** богатствомъ свѣтятся, и силоу, и саномъ” [Семенов 1893: 404], — и соответствует греч. *εἰς πόλιν βασιλεύουσαν*.

Примечательно, что в переводной и оригинальной литературе такие столичные города, как Константинополь, Рим, Александрия, под именем *стольных* не упоминаются, а, к примеру, Константинополь в древнерусских переводных памятниках обозначается как *царский город*. Также следует отметить, что в переводной письменности прилагательное *стольный* ни разу не встретилось по отношению к князю или к какому-либо правителю, хотя все они связаны с тем или иным городом. Следовательно, до начала XIV в. в оригинальной и переводной литературе слово *стольный* как атрибутив к обозначению верховного правителя территории встречается всего лишь один раз — в “Чтении Бориса и Глеба” монаха Нестора.

Атрибутив *стольный* встречается еще два раза в литературных памятниках, которые можно было бы отнести к домонгольскому времени. В Слове Даниила Заточника — произведении начала XIII в. — читаем: “Аз же государь мой великий, *стольный*, мудрый Владимирь и милостивый и славный князь” [СлРЯ XI–XVII вв., 28: 89]. Но интересующее нас прилагательное встречается лишь в одном списке первой переделки второй редакции “Слова”. Список датируется XVII в., и серьезных оснований постулировать раннее происхождение прилагательного в тексте нет. В Тверской летописи под 1237 г. в воспоминании об итве на Калке встречаем: “и вси просто гради столнии смерти тоа вкусивше, вьскорѣ осиротѣша” [ПСРЛ, 15: 365]. Составление Тверской летописи исследователи относят к середине XVI в. [Лурье 1989: 61]. В источниках же данной летописи в сюжете о битве на реке Калке слово *стольный* не фигурирует.

Анализ употребления слова *стольный* как в переводной, так и в оригинальной литературе свидетельствует о том, что до начала XIV в. оно использовалось очень редко. Серьезных оснований считать, что в устном творчестве домонгольской поры слово *стольный* имело более

широкое распространение, нет. Можно предположить, что формула *стольный Киев-град* и ей подобные появились в былинах в более позднее время — но когда именно?

Рассмотрим, насколько частотен атрибутив *стольный* в оригинальных древнерусских памятниках второй половины XIV – XVI в. Частотность употребления прилагательного *стольный* в оригинальных памятниках древнерусской литературы этого времени несколько выше, нежели в предыдущий рассмотренный нами период. *Стольными* названы как русские, так и иностранные города.

В памятнике середины XV в. “Хождение на Флорентийский собор” как *стольный* обозначен венгерский город Будин [БЛДР, 6: 484]. Во 2-м Архивском списке Псковской третьей летописи под 1570 г. рассказывается о немцах, которые “собравшеса из Заморья, **из стольных городов**” [Псковские, 2: 262]. В третьем послании Курбского Ивану Грозному современный латвийский город Цесис (у Курбского — Кесь) обозначен *стольным* [БЛДР, 11: 86].

Относительно русских городов ситуация в памятниках XV–XVI вв. весьма примечательна. Великий Новгород назван *стольным* лишь однажды в грамоте 1572 г., которая цитируется в Московском летописце середины XVII в. [ПСРЛ, 34: 228]. Сами же новгородские летописцы свой город *стольным* ни разу не называют.

Город Владимир впервые как *стольный* упоминается в одинаковых по содержанию статьях 1410 г. сразу четырех летописей XV в: Новгородской первой летописи младшего извода, Софийской первой летописи, Новгородской Карамзинской и Новгородской четвертой летописи: “Того же лѣта кн(я)зь Данилѣи Борисович Нижняго Новагорода отчиць старьи, взя **стольныи градъ Володимиръ**, попленивъ и пожъже” [НПЛ 1950: 402]. Данное свидетельство также читается и в более поздней Вологодско-Пермской летописи. В XVI в. Владимир назван *стольным* сразу в нескольких памятниках эпохи Ивана Грозного: единожды в Лицевом летописном своде, в Казанской истории и в Летописце начала царств по три раза. Город Владимир мог бы считаться *стольным* с конца XII – начала XIII в., так как именно в это время владимирский князь Всеволод Большое Гнездо закрепляет за собой и своими потомками титул великого князя Владимирского [Филюшкин 2006: 37], что говорит о претензии на статус главного города — столицы Руси. Но мы видим, что титулование какого-либо владимирского князя *великим* никак не связано с обозначением *стольным* самого этого князя и города, в котором он правит. После закрепления при Дмитрии Донском в конце XIV в. за московским княжеским домом великокняжеского ярлыка, выдаваемого ордынскими ханами, оборот *великий князь московский*

начинает совмещаться с титулом *великий князь владимирский*. И хотя главным городом на Руси с этого времени становится Москва, а не Владимир, впервые наименование *стольный* для Владимира мы находим только в XV в. Перед нами своего рода историческое запаздывание термина, обозначающего главный город, относительно его реального статуса. Причем если в тексте Казанской истории все три упоминания города Владимира с прилагательным *стольный* относятся к свидетельству о Батыевом нашествии (конец 1230-х гг.), то в Летописце начала царств они все связаны с эпохой Ивана Грозного.

Стольную Москву удастся обнаружить четырежды. Первый раз — в Новгородской первой летописи младшего извода (1440-е гг.), в окончании статьи 1380 г: после победы в Куликовской битве Дмитрий Донской “приихаль богомъ храним **въ столныи и великыи град Москву**” (НПЛ 1950: 377). Второй и третий раз — в Казанской истории (произведение середины XVI в.): “И возсия нынѣ **стольный и преславный град Москва**, яко вторый Киевъ, не усрамлю же ся и не буду виновень нареши того, — и третий новый великий Римъ, провозсиявший в послѣдняя лѣта, яко великое солнце в нашей Руской земли” [БЛДР, 10: 262]. Далее, в описании похода Ивана Грозного на Казань, читаем: “Выѣзжает же царь князь великий из великого своего **града столнаго славныя Москвы**, лѣта 7060-го месяца в 19 день в первую неделю Петрова поста” [БЛДР, 10: 406]. Четвертое упоминание стольного города Москвы содержится в договоре с Литвой 1570 г. в форме превосходной степени: “Писанъ в государя нашего государства **стольнѣишемъ градѣ Москвѣ** лѣта 7078, июля в 12 день” [Памятники, 3: 748].

В Казанской истории чаще всего из всех древнерусских памятников встречается прилагательное *стольный*. Кроме трех употреблений прилагательного *стольный* по отношению к Владимиру и двух к Москве, по одному разу оно относится к Смоленску, Радину (“югорскаго короля Владислава у столнаго града его у Радина”) и Сараю, а также шесть раз (!) — к Казани. Таким образом, количество словоупотреблений прилагательного *стольный* в тексте Казанской истории превышает все его предыдущие фиксации в оригинальных памятниках древнерусской литературы.

Как можно видеть, пик употребления прилагательного *стольный* приходится на эпоху Ивана Грозного, где *стольными городами* названы как сама Москва, так и другие города Руси. Но Москва, несмотря на ее столичный статус, в письменных источниках как *стольный* город фигурирует очень редко. В русских былинах Москва с эпитетом *стольный* вообще ни разу не упоминается. Следовательно, мы имеем весьма редкое употребление лексемы *стольный* по отношению к Москве в русской

литературе второй половины XIV – конца XVI в. и его полное отсутствие в текстах былин “московского” периода.

В русских памятниках XVII в. употребление прилагательного *стольный* в сочетании с названиями русских городов встречается редко, а вот с зарубежными городами фиксируется в картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. больше десяти раз⁴. С русскими городами ситуация иная; судя по данным картотеки, прилагательное *стольный* в отношении русских городов встретилося лишь трижды:

1) по отношению к Тобольску в сочинении Николая Спафария “Путешествие в Сибирь” (1675);

2) *стольный Бряхимов* встречается в “Скифской истории” (1692) Андрея Лызлова (попал сюда из Казанской истории);

3) Киев в отписке к царям гетмана Ивана Самойловича 1684 г.: “Докладываем здѣ явственно, что къ цѣлости прародителской вашей монаршеской державѣ Малой Росии и къ соблюдению войска Запорожскаго належить Киевъ, изъ старовѣчности, подлинно изъ своего начала есть столной Малороссийской городъ, есть гнездо христьянское Грекороссийскаго благочестия, изконно достойной жребии вашего царскаго пресвѣтлаго величества прародителнаго обладания, для старовѣчности своей и для премногихъ преподобныхъ отецъ Печерскихъ чудотворныхъ мощей” [Дополнения к Актам, 11: 16]. Отметим, что здесь Киев впервые в источниках после сочинений Нестора XI в. назван *стольным*.

В начале XVII в. также впервые в текстах фиксируется новый термин *столица* и дериват *столичный*. По данным картотеки словаря XI–XVII вв., в источниках существительное *столица* встретилося пять раз, и один раз – производное *столичный* в свидетельстве о принятии на “посолскомъ дворе” Николая Спафария в китайском “столичномъ городе Нежинѣ”.

Как уже упоминалось выше, от XVII–XVIII вв. до нас дошли тексты былин в письменной форме (подавляющее большинство этих текстов было издано в серии “Памятники русского фольклора” [Былины 1960]). В этом издании опубликовано 45 рукописных текстов о русских богатырях. Все рукописи датированы XVII–XVIII вв. Правда, рукописи XVII в. представлены лишь семью записями: это “Повесть о Сухане”, три записи “Сказания о богатырях Киевских”, “Сказание о трех богатырях” (Илья Муромец, Алеша Попович и Михайло Потык), былина о Ставре Годиновиче и былина об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче.

“Сказание о трех богатырях”, где главная роль отводится Михаилу Потыку, в рукописных памятниках XVII–XVIII вв. встретилося семь раз (только один раз в рукописи XVII в.). В текстах Сказания прилагательное *стольный* по отношению к Киеву фиксируется лишь однажды в списке

⁴ Выражаю благодарность Александру Грищенко за помощь в работе с картотекой.

второй половины XVIII в: “В stolном граде Кieve, у великаго князя Владимира Киевского” [Былины 1960: 165]. В пяти списках читается зачин “В славном граде Кieve . . .” [Былины 1960: 170, 175, 184, 188, 194], и еще в одном — “Бысть во граде Кieve . . .” [Былины 1960: 180].

В пяти записях “Сказания о богатырях Киевских” (три из которых находятся в рукописях XVII в.) во всех списках (кроме одного, в котором начало утрачено) читается зачин с прилагательным *stольный* [Былины 1960: 148, 152, 157, 160].

В записях о Ставре Годиновиче в обеих рукописях XVII–XVIII вв. отсутствует начало, так что неясно, находился ли там интересующий нас эпитет. В сохранившемся рукописном тексте (всего одном) об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, к сожалению, тоже отсутствуют начальные строки.

“Повесть о Сухане” имеет только письменную традицию. Некоторые исследователи считают, что повесть восходит к не дошедшей до нас былине (что доказать весьма сложно). Для нас важно, что Киев как *stольный* в ней не фигурирует.

Итак, существует лишь три текста, о которых мы знаем, что они существовали уже в XVII в. в таком виде, с упоминанием прилагательного *stольный*.

“Сказание о трех богатырях”, имеющее соответствие в распространенной былине о Михайле Потыке, только в записи второй половины XVIII в. обнаруживает известный былинный зачин. Былина о Михайло Потыке встречается в сборнике Кирши Данилова и имеет начало “Во stolном городе, во Кieve” [Кирша Данилов 1878: 147]. Можно предположить, что и Сказание, и былина приобрели зачин с атрибутивом *stольный* лишь в XVIII в.

Что же касается “Сказания о богатырях Киевских”, то оно, как и “Повесть о Сухане”, не имеет устной традиции: “Сказание о семи богатырях представляет, по-видимому, сюжет, лишь похожий на былинку, но не живший в устной традиции, сюжет, сложенный каким-то автором, который использовал отдельные былинные эпизоды и мотивы, отчасти былинную фразеологию и ритм” [Былины 1960: 60–61].

Интересно, что прилагательное *stольный* встречается во всех списках “Сказания о богатырях Киевских”, имеющего только письменную фиксацию, а в “Сказании о трех богатырях”, сюжет которого имел устное хождение, интересующее нас прилагательное появляется лишь однажды, да и то в поздней записи.

В связи с такой особенностью употребления слова *stольный* в письменных сказаниях о русских богатырях, а именно с редким употреблением данного прилагательного на всем протяжении существования

древнерусской письменности, а также фактически единственным (наряду с отпиской гетмана 1684 г.) упоминанием *стольного Киева* с XII по XVII вв., которое обнаруживается в “Сказании о богатырях Киевских”, выскажем следующее предположение.

Возникновение устойчивой формулы *стольный Киев* в былинах “киевского” цикла — позднее явление, появившееся только в XVII в. Довольно сложно сказать, где изначально (в устной или письменной традиции) стала употребляться данная формула. Появление формулы *стольный Киев* следует связывать со временем близким к присоединению Киева к Московскому царству в результате заключения Андрусовского перемирия 1667 г. и Вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой.

Как показывает исследование А. М. Ранчина, с конца XIV в. Киевская Русь начинает осознаваться московскими книжниками как “золотая эпоха” Руси [Ранчин 2007: 225]. К середине XVII в. интерес к Киеву как к древней столице русского государства не угасает. Это прослеживается в русских повестях XVII в., в текстах которых возникает идея параллели-противопоставления “Византия (Царьград) — Русь (Москва, Киев)” и даже тройной параллелизм (в “Казанской истории”) “Рим — Константинополь — Москва (= третий Рим)” и “Рим — Киев — Москва”. В это время и появляется литературное произведение “Сказание о богатырях Киевских”, в котором мотив преемства Руси от Константинополя реализуется в виде истории об успешной борьбе киевских богатырей с константинопольскими [Ранчин 2007: 231]. Вполне возможно, что именно в этом произведении и была впервые употреблена исследуемая нами формула, апеллирующая к древнерусским политическим реалиям, хотя мы сознаем, что убедительно доказать примат литературного текста в использовании формулы весьма затруднительно.

Следует отметить, что в употреблении прилагательного *стольный* в “Сказании о богатырях Киевских” можно наблюдать тот же эффект запаздывания термина *стольный*, отмеченный нами выше в литературных произведениях по отношению к городу Владимиру.

Как можно видеть, использование прилагательного *стольный* в отношении Киева после его присоединения в официальных документах появляется перед самым заключением Вечного мира в письме гетмана, который указывает на изначальный статус Киева, как столицы русского государства, что сближает употребления слова *стольный* в письме гетмана с его употреблением в “Сказании о богатырях Киевских”. К сожалению, нам удалось найти лишь одно упоминание *стольного Киева* в официальных документах XVII в.

Можно вполне допустить, что исследуемая нами формула была взята составителем “Сказания о богатырях Киевских” из устного

произведения — былины, но, как мы пытались показать, никаких оснований считать, что слово *стольный* широко употреблялось в устном и/или письменном дискурсе до XVII в., у нас нет. Если и предполагать, что формула *стольный город* появилась первоначально в фольклорном произведении, то ее появление следует относить к XVII в., но никак не раньше. При своем появлении в былинных текстах атрибутив *стольный* частично заменил другие эпитеты Киева, частично употреблялся вместе с ними, а основным среди них был атрибутив *славный*. Это хорошо видно при анализе зачина рукописных текстов “Сказания о трех богатырях”, в которых эпитет *славный* решительно преобладает над *стольный*. Впоследствии эпитет *стольный* стал наиболее употребим в былинах, о чем свидетельствуют записи XVIII в. и более позднего времени.

Библиография

АБРАМОВИЧ 1916

АБРАМОВИЧ Д. И., *Жития святых мучеников Бориса и Глеба*, Петроград, 1916.

АЗБЕЛЕВ 1983

АЗБЕЛЕВ С. Н., “Народный эпос и история”, *Русская литература*, 4, 1983, 104–117.

БАХРУШИН 1909

БАХРУШИНА Б. С., ред., *Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных*, Москва, 1909.

БЛДР, 1

Библиотека литературы Древней Руси, 1, С.-Петербург, 1997.

БЛДР, 6

Библиотека литературы Древней Руси, 6, С.-Петербург, 1999.

БЛДР, 10

Библиотека литературы Древней Руси, 10, С.-Петербург, 2000.

БЛДР, 11

Библиотека литературы Древней Руси, 11, С.-Петербург, 2001.

Былины 1960

АСТАХОВА А. М., МИТРОФАНОВА В. В., СКРИПИЛЬ М. О., подгот., *Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков*, Москва, Ленинград, 1960.

Грамоты 1949

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Москва, 1949.

Дополнения к Актам, 11

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией, 11, С.-Петербург, 1869.

ИВАНОВА 2013

ИВАНОВА Т. А., “Киев и Москва в севернорусских былинах (на материале записей в Архангельском крае)”, в: Д. Айдачич, упор., *Київ і слов'янські літератури: Збірник*, Київ, Београд, 2013, 79–91.

ИИВ 2004

МОЛДОВАН А. М., отв. ред., ПИЧХАДЗЕ А. А., МАКЕЕВА И. И., БАРАНКОВА Г. С., УТКИН А. А., подгот., “История иудейской войны” Иосифа Флавия: *Древнерусский перевод*, 1–2, Москва, 2004.

КИРША Данилов 1878

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, Москва, 1878.

ЛУРЬЕ 1989

ЛУРЬЕ Я. С., “Летопись Тверская”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, Ленинград, 1989, 61–63.

МАЙКОВ 1863

МАЙКОВ Л. Н., *О былинах владимирского цикла*, С.-Петербург, 1863.

МИЛЛЕР 1892

МИЛЛЕР В. Ф., *Экскурсы в область русского народного эпоса*, Москва, 1892.

НАЗАРЕНКО 2009

НАЗАРЕНКО А. В., “Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения”, в: *Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год)*, Москва, 2009, 103–113.

НПЛ 1950

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, Москва, Ленинград, 1950.

ПАМЯТНИКИ, 3

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 3: 1560–1571 (= Сборник Императорского Русского исторического общества, 71), С.-Петербург, 1892.

ПСКОВСКИЕ, 2

Псковские летописи, 2, Москва, 1955.

ПРОПП 1999

ПРОПП В. Я., *Русский героический эпос*, Москва, 1999.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Москва, 2001.

ПСРЛ, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1845.

ПСРЛ, 15

Полное собрание русских летописей, 15, С.-Петербург, 2000.

ПСРЛ, 34

Полное собрание русских летописей, 34, Москва, 1974.

РАНЧИН 2007

РАНЧИН А. М., “Киевская Русь в русской историософии XIV–XVII вв.”, в: Он же, *Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях*, Москва, 2007, 221–232.

СЕМЕНОВ 1893

СЕМЕНОВ В., “Древняя русская «Пчела» по пергаменному списку”, в: *Сборник Отделения русского языка и словесности*, 54, С.-Петербург, 1893.

СЛРЯ XI–XVII вв., 28

Словарь русского языка XI–XVII вв., 28, Москва, 2008.

СРЕЗНЕВСКИЙ, 3

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 3, С.-Петербург, 1913.

СРФ, 2

Свод русского фольклора, 2: Былины Печоры, С.-Петербург, Москва, 2001.

ФИЛЮШКИН 2006

ФИЛЮШКИН И. И., *Титулы русских царей*, С.-Петербург, 2006.

References

Abramovich D. I., *Zhitia sviatykh muchenikov Borisa i Gleba*, Petrograd, 1916.

Azbelev S. N., "Narodnyi epos i istoriia," *Russkaia literatura*, 4, 1983, 104–117.

Astakhova A. M., Mitrofanova V. V., Skripil' M. O., eds., *Byliny v zapisiakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov*, Moscow, Leningrad, 1960.

Ivanova T. A., "Kiev i Moskva v severnorusskikh bylinakh (na materiale zapisei v Arkhangel'skom krae)," in: D. Aidachich, ed., *Kyiv i slov'ians'ki literatury: Zbirnyk*, Kiev, Belgrade, 2013, 79–91.

Filiushkin I. I., *Tituly russkikh tsarei*, St. Petersburg, 2006.

Lur'e Ia. S., "Letopis' Tverskaia," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1989, 61–63.

Moldovan A. M., Pichkhadze A. A., Makeeva I. I., Barankova G. S., Utkin A. A., eds., "Istoriia iudeiskoi voiny" *Iosifa Flavii: Drevnerusskii perevod*, 1–2, Moscow, 2004.

Nazarenko A. V., "Byla li stolitsa v Drevnei Rusi? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie i terminologicheskie nabliudeniia," in: *Drevniaia Rus' i slaviane (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2007 god)*, Moscow, 2009, 103–113.

Propp V. Ia., *Russkii geroicheskii epos*, Moscow, 1999.

Ranchin A. M., *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiakh, razborakh i kommentariiakh*, Moscow, 2007, 221–232.

Антон Михайлович Введенский

магистр культурной антропологии,

старший преподаватель исторического факультета

Петербургского института иудаики

190013, Санкт-Петербург, ул. Рузовская, д. 2

Russia/Россия

3103104@mail.ru

**Международная
лингвистическая
конференция “Русское
языкознание: история
и современность”**

**The International
Conference
*Russian Linguistics:
A History and the Present***

**Мария Артемьевна Антипова,
Яна Артемовна Матвеева**

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

**Mariya A. Antipova,
Yana A. Matveeva**

Lomonosov Moscow State University

28 февраля 2009 г. в крупнейшем университете Венгерской Республики — Университете им. Лоранда Этвёша, Будапешт (Eötvös Loránd Tudományegyetem) по инициативе Фонда “Русский мир” открылся Будапештский Центр русского языка и культуры. Главной целью фонда является ознакомление возможно большего числа людей с русским языком и русской культурой.

Международная лингвистическая конференция “Русское языкознание: история и современность”, прошедшая 28 февраля – 1 марта 2014 г. в Университете им. Лоранда Этвёша, завершила череду мероприятий, посвящённых пятилетию Русского центра в Будапеште.

В конференции приняли участие аспиранты, докторанты и молодые учёные из разных стран Европы и Казахстана.

С приветственным словом к участникам форума обратились заместитель декана историко-филологического факультета по стратегическим делам Коломан Бреннер (KOLOMAN BRENNER), представитель кафедры русского языка и литературы Ласло Ясаи (LÁSZLÓ JÁSZAY) и руководитель Центра русистики Дюла Свак (GYULA SZVÁK). Они отметили значение преподавания русского языка в Университете им. Лоранда Этвёша и высокий спрос, которым этот курс пользуется среди студентов.

В ходе конференции работали различные секции по историческим и современным аспектам русского языка, а также многоязычию и диалогу культур. В секции “История русского литературного языка” прозвучали доклады, посвящённые различным темам и эпохам. Доклад АЛЕКСАНДРА ФИЛЕЯ (ALEKSANDR FILEJ, Вентспилсская Высшая школа, Латвия) был посвящён анализу композиции и тематических блоков малоисследованного памятника — нижненемецко-русского словаря-разговорника “Ein Rusch Voeck”. Учёный представил подробный анализ разделов разговорника, который содержит не только торговую лексику, но и примеры фраз, служивших для бытового общения с русским населением. МАРИЯ АНТИПОВА (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия) проанализировала бытование морских терминов во время их становления в русском языке, в первой четверти XVIII в., обратившись к публицистическому дискурсу XVIII в. (проповедям и газетным статьям). МИЛЯУША МАМАТОВА (Институт лингвистических исследований РАН, Россия) подробно исследовала варианты терминов именных категорий в “Новой французской грамматике” В. Е. Теплова (1752) и провела сопоставление с другими работами в рамках русской терминологической традиции. В своем докладе ЯНА МАТВЕЕВА (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия) проанализировала труды учёных с XV по XVIII в. и сформулировала периодизацию знаков препинания за этот период. Завершая секцию, ЕКАТЕРИНА КИСЛОВА (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия) рассказала об особенностях бытования русского языка в семинариях и церковных учреждениях XVIII столетия.

Открывая работу секции “Культура русской речи и диалог культур”, АЛЁНА КОЛЯСЕВА (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия) в своём докладе рассмотрела особенности употребления профессиональной медицинской терминологии в повседневной речи. ЗАРИНА РАХИМБАЕВА (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан) рассказала о диалоге языков и культур в сфере образования, сфокусировав внимание на обучении лингвистов. Работа АЛМАЗА АМЗЕЕВА (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан) была посвящена языковой политике в Казахстане, бытованию в преподавании русского, английского и казахского языков. Председатель секции, МАРИЯ ОВСЕЙЦЕВА (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия), сделала доклад о результатах своего исследования детской речи. Она рассказала об особенностях диалогического общения “взрослый–ребёнок” и о понимании шуток и метафор детьми 2–3 лет.

Отдельная секция, проведенная на второй день конференции, была посвящена вопросам русской семантики. КАТАЛИН ЭВА ВАРГА (VARGA ÉVA KATALIN, Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия) в своем докладе представила исследование словообразовательной семантики русской анатомической терминологии и рассмотрела различные варианты возникновения анатомических терминов. Председатель секции, ИЛЬДИКО ПАЛОШИ (ILDIKÓ PÁLÓSI), руководитель Русского центра при университете им. Лоранда Этвёша, выступила на тему общности и различия семантических структур глаголов с формантом *до-...-ся*, проанализировав специфические особенности этого типа глаголов.

В заключительной секции конференции были представлены выступления, посвящённые вопросам лексикологии русского языка. К взаимодействию русского языка с другими обратились в своих докладах АЛИЯ АЙТПАЕВА (Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, Казахстан) и

Радослав Гайда (RADOSŁAW GAJDA, Педагогический университет в Кракове, Польша). Алия Айтпаева в своем выступлении рассказала участникам конференции о специфике функционирования казахских антропонимов в русскоязычной среде Казахстана, а Радослав Гайда обратился в актуальному в настоящее время вопросу о языке IT в переводе с английского на русский.

Еще один представитель Университета им. Лоранда Этвёша, Каталин Тульц (KATALIN TULCZ), обзорно рассмотрела в своем докладе круг широкий вопросов, связанный с лексикой современной рекламы. КАТАРИНА ГРЧКОВА (KATARÍNA HRČKOVÁ, Университет имени Коменского, Братислава) выступила с исследованием отдельных советизмов и их употребления в современных русских газетах. Доклад был интересен тем, что исследование сделано с точки зрения иностранца, для которого русский язык не является родным.

В заключении секции ее председатель, САБОЛЬЧ ЯНУРИК (SZABOLCS JANURIK, Университет им. Лоранда Этвёша), рассказал участникам конференции о семантике и употреблении терминов, возникающих в русском языке в связи с техническими инновациями, особенно остановившись на терминах *гаджет* и *девайс*, сферах их бытования и разнице в употреблении.

Все доклады вели к полезным для молодых авторов обсуждениям и вызвали оживленную дискуссию, в которой принимали участие и старшие коллеги — профессора и преподаватели Университета имени Лоранда Этвёша.

С заключительной речью в финале конференции выступил профессор кафедры русского языка и литературы Ласло Ясаи, а Ильдико Палоши подвела итоги конференции, особенно отметив разнообразие представленных докладов, плодотворность обсуждения и перспективы затронутых тем. Задачами конференции было всестороннее рассмотрение круга вопросов русского языкознания как в синхронии, так и в диахронии, обмен опытом. И все эти задачи были с успехом выполнены.

Нельзя не отметить великолепную организацию конференции и гостеприимство Русского центра при Университете им. Лоранда Этвёша, в особенности его руководителя, Ильдико Палоши.

По материалам Конференции будет издан электронный сборник научных трудов “Русское языкознание: история и современность”. Издание ожидается осенью текущего года.

Хочется надеяться, что подобные встречи молодых исследователей в Университете Будапешта станут регулярными.

Мария Артемьевна Антипова, студентка МГУ им. М. В. Ломоносова
mari.antipova@gmail.com

Яна Артемовна Матвеева, студентка МГУ им. М. В. Ломоносова
yanamatveeva92@gmail.com

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, 1-й корпус гуманитарных факультетов,
филологический факультет
Россия / Russia

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 3. № 1
Институт славяноведения РАН, 2014

Подписано в печать 27 • VII • 2014 г. Формат 70 x 100 1/16.
Объём 14 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленин-
ский просп., д. 32-А. Отпечатано в типографии "Белый
ветер". Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru/>